ALBANSKAIA SIRERIA: ROMAN V
FREKH CHASTIAKH

LUX
LIBERTAS

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

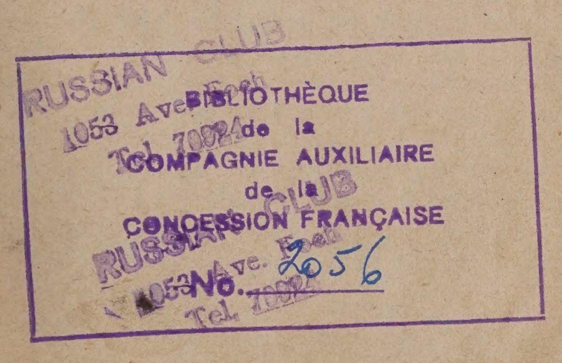

АЛБАНСКАЯ СИРЕНА

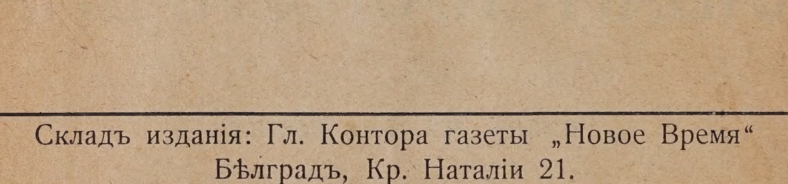
Albanskaia Sirena

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Roman v trekh chastiakh

ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ
„НОВОЕ ВРЕМЯ“
БѢЛГРАДЪ
1927 г.

Складъ изданія: Гл. Контора газеты „Новое Время“
Бѣлградъ, Кр. Наталіи 21.

Типографія „ОРАО“
Бѣлградъ: Топличинъ Венацъ 4, Телефонъ 42-79.

ЧАСТЬ I.

1. Что обѣщаетъ потайная дверь въ старомъ палаццо?

Маркизъ Альбици былъ послѣднимъ въ родѣ.

Онъ былъ какъ-то совсѣмъ не по итальянски широкъ въ кутежахъ и совсѣмъ не по итальянски храбръ.

Во дни великой войны этотъ длинный, немного развинченный офицеръ предпочелъ сражаться въ Карпатахъ вмѣстѣ съ „Дикой дивизіей“, а не на Изонцо вмѣстѣ со своими берсальерами и альпійскими стрѣлками.

Правда, онъ почти совсѣмъ не говорилъ по русски, но зачѣмъ ему было говорить по русски, когда всѣ его однодивизники и принцъ Мюратъ, и князь Радзивиллъ, и ханъ Эриванскій, и сто восемьдесятъ грузинскихъ и горскихъ князей говорили на всѣхъ языкахъ, а всадники-туземцы говорили только на своемъ нарѣчіи.

Корнетъ Перацкій Гродненскаго гусарскаго полка, стоявшаго рядомъ съ Дикой дивизіей на Днѣстрѣ, обмолвился однажды про Альбици:

„Маркизъ всегда немного шалый,
Ты опрокидывалъ врага,
Какъ опрокидывалъ бокалы...

Сложилъ свою голову итальянскій маркизъ на югѣ Россіи въ борьбѣ съ большевиками, гдѣ-то подъ Великокняжеской станицей. И похоронили его въ степи и надъ могилою его выросъ небольшой, застѣнчивый холмикъ, всѣми теперь позабытый.

А въ Римѣ на via Систина, этой улицѣ художниковъ и русскихъ вельможъ, остался послѣ шалаго маркиза палацо, построенный еще знаменитымъ Брунелески.

Перешелъ этотъ дворецъ, холодный и мрачный какъ музей, къ тремъ кузинамъ владѣльца, тремъ весьма застарѣ-

лымъ дѣвамъ. Втроемъ онѣ и катались, въ часы, когда „весь Римъ“, катается на Монте-Пинчіо. Кататись въ старомъ экипажѣ, влекомомъ двумя жалкими клячами.

Кузины мучительно хотѣли сдать въ наемъ обременительный дворецъ какому-нибудь „знатному чужестранцу“. Но знатный чужестранецъ долго, очень долго не наклевывался.

Наконецъ, Господь Богъ услышалъ молитвы трехъ дѣвственницъ, коимъ въ общей сложности было лѣтъ двѣсти, пожалуй. На ихъ счастье знатный иностранецъ нашелся.

Этотъ знатный иностранецъ оказался сэромъ Джемсомъ Мурей. Правда, въ его внѣшности было очень мало англійскаго, но вѣдь можно быть сэромъ и не быть англичаниномъ. Скажемъ больше: можно быть лордомъ и не быть англичаниномъ по крови. Къ слову сказать, сэръ Джемсъ, былъ преисполненъ самыхъ реальныхъ надеждъ въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться лордомъ.

Съ чопорными кузинами переговоры велъ Армфельдъ, личный секретарь сэра Джемса. Секретарь съ военной выправкой. Подъ штатскимъ платьемъ угадывался германскій ротмистръ, а можетъ быть, и маіоръ.

Изголодавшіяся дѣвы заломили основательную цѣну, чтобы можно было торговаться. Но торговаться не пришлось.

Господинъ Армфельдъ и бровью не повелъ. Кстати, брови у него были свѣтлыя, очень свѣтлыя. Онъ сказалъ на вполнѣ добропорядочномъ французскомъ языкѣ:

— Я ничего не имѣю противъ. Мой патронъ въ этомъ отношеніи далъ мнѣ carte blanche...

И сэръ Джемсъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и со своими сундуками, и чемоданами,—и тѣхъ и другихъ было очень много,—переѣхалъ въ четырехсотлѣтнее фамильное гнѣздо того, кто спалъ вѣчнымъ сномъ въ далекой степной могилкѣ.

Сестры катались по Монте-Пинчіо уже въ новой коляскѣ, запряженной молодыми откормленными лошадьми, а на сэра Джемса смотрѣли со стѣнъ изъ потускнѣвшихъ рамъ посланники, архіепископы, генералы и флотоводцы, свѣтскимъ государемъ которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ былъ Святѣйшій Отецъ.

Эти важные старики въ кардинальскихъ шапкахъ и мантіяхъ, въ отороченныхъ мѣхомъ одеждахъ и съ цѣпью

на груди надменно глядѣли на незваннаго пришельца. Но незванный пришедецъ, нимало не смущаясь, расположился какъ у себя дома, въ этомъ музейномъ дворцѣ съ мраморными бюстами маркизовъ Альбици и римскихъ императоровъ.

Онъ только сказалъ своему секретарю:

— Удивляюсь этимъ итальянцамъ! Они изъ поколѣнія въ поколѣніе жили въ этихъ нетопленныхъ комнатахъ,.. Заказывая свои портреты Тиціанамъ и Рафаэлямъ, они мерзли, экономя на топливѣ...

А, такъ какъ, сэръ Джэмсъ на топливѣ не экономилъ, то повсюду запылали камины, создавая тепличную атмосферу. Сэръ Джемсъ и его секретарь совсѣмъ не ощущали въ этомъ палаццо глубокой римской осени, холодной. вѣтрянной и дождливой.

Надо было выбрать кабинетъ. Но какъ его выбрать, когда здѣсь все такое музейное? Столы—больше мозаичные, малахитовые, но — ни одного письменнаго. Надоумила пустая случайность, хотя для сэра Джемса она вовсе не была „пустой“.

Въ одной изъ залъ, сбоку одного изъ большихъ кардинальскихъ портретовъ господинъ Армфельдъ углядѣлъ чуть примѣтную кнопку. А, такъ какъ, у господина Армфельда умъ былъ пытливый, то онъ кнопку поднажалъ. И тотчасъ же безшумно и плавно распахнулась потайная дверь вмѣстѣ съ маскировавшимъ ее портретомъ...

И здѣсь не повелъ очень свѣтлой бровью своей господинъ Армфельдъ. Во-первыхъ, онъ зналъ, что въ старыхъ замкахъ потайныя двери и потайные ходы совсѣмъ не диковинка, а дѣло скорѣе обычное, а во-вторыхъ, господина Армфельда, хорошо знавшаго, что такое развѣдка и контръ-развѣдка германскаго штаба, такимъ пустякомъ удивить было трудно.

Сдѣлавъ тщательное изслѣдованіе, Армфельдъ убѣдился, что узенькій, темный корридоръ, упирающійся въ потайную дверь, послѣ нѣскольихъ извилинъ и уступовъ вверхъ и внизъ, другимъ концомъ своимъ упирается въ тоже замаскированную калитку въ высокой стѣнѣ, калитку, выходящую въ глухой переулокъ.

Открытіемъ своимъ Армфельдъ подѣлился съ патрономъ...

— Отлично, — обрадовался сэръ Джемсъ, поскольку онъ, вообще, могъ внѣшне радоваться, непроницае-

мый, или очень мало проницаемый, съ неподвижной маскою блѣднаго лица, — отлично! Это чрезвычайно кстати! Если-бъ этого не было, надо было бы изобрѣсти что-нибудь въ такомъ же родѣ. Согласитесь, Армфельдъ, если мы всѣхъ нашихъ посѣтителей стали бы пускать съ параднаго хода, мы въ нѣсколько дней стали бы, пожалуй, баснею всего Рима. Не такъ ли, Армфельдъ?

— Я съ вами вполнѣ согласенъ. сэръ. Представляю себѣ всѣхъ этихъ македонскихъ воеводъ, всѣхъ этихъ албанскихъ князьковъ дикихъ, экзотическихъ, увѣшанныхъ оружіемъ, входящихъ къ намъ съ Via-Систина?

— Да не только воеводъ и князьковъ... — молвилъ сэръ Джемсъ, а и... нѣтъ, хорошо, очень хорошо!.. Обойдемся безъ конспиративной квартиры.

— Конспиративныя квартиры требуютъ исключительной осторожности.., Исключительной! — подчеркнулъ Армфельдъ. И уже другимъ, болѣе „домашнимъ“ тономъ: — я думаю, самое лучшее, сэръ, устроить вашъ кабинетъ именно здѣсь, въ этой комнатѣ.

— Да, да, конечно... Именно здѣсь!.. Но какъ же быть съ письменнымъ столомъ?

— Сэръ, смѣю васъ увѣрить. банальный письменный столъ внесетъ диссонансъ въ эту обстановку. Зачѣмъ, когда къ вашимъ услугамъ этотъ малахитовый съ бронзовыми грифами столъ. Какое величіе! Его съ мѣста не сдвинутъ шесть померанскихъ гренадеръ. Въ своей жизни я имѣлъ счастье не разъ видѣть моего Императора, подписывавшаго бумаги, и, смѣю васъ увѣрить, столъ, за которымъ сидѣлъ Его Величество, былъ малахитовый.

Послѣдній аргументъ окоччательно убѣдилъ сэра Джемса.

Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Какъ же намъ быть относительно прислуги? Старому Джованни, — мы его получили въ видѣ безплатнаго приложенія отъ этихъ весталокъ, — надо будетъ сплавить, швырнувъ ему подачку въ нѣсколько тысячъ лиръ. Во первыхъ, онъ вѣчно спитъ, а во-вторыхъ, — чужой человѣкъ.

— Я уже объ этомъ подумалъ, сэръ. Конечно, должны быть только свои люди. Двухъ лакеевъ вполнѣ достаточно. Я ихъ нашелъ. И тотъ, и другой — безъ дѣла въ данный моментъ. Одинъ,—бывшій кирасиръ моего эскадрона, вто-

рой же—безработный детекгивъ нашей развѣдки. За обоихъ могу поручиться.

— Маіоръ, вы настоящій кладъ!

Когда сэръ Джемсъ называлъ своего секретаря не „просто“ Армфельдомъ, а „маіоромъ“, это являлось въ устахъ сэра Джемса признакомъ благоволенія.

Бритое, каменное лицо Армфельда оставалось каменнымъ.

Пропустивъ комплиментъ мимо ушей, маленькихъ, твердыхъ ушей, какъ-то хищнически прижатыхъ къ черепу, онъ замѣтилъ:

— Странно, ея до сихъ поръ еще нѣтъ въ Римѣ...

— По моимъ свѣдѣніямъ, она должна быть со дня на день.

— Сэръ, видѣлъ ее когда-нибудь?

— Нѣтъ. А вы?

— И я не видѣлъ. Самые ловкіе сыщики не могутъ ее сфотографировать. Какъ бы другая кто-нибудь не явилась, вмѣсто нея?

— Это исключено! — выжалъ на своемъ лицѣ сэръ Джемсъ подобіе улыбки.

Не спѣша, вынулъ изъ кармана бумажникъ, не спѣша, извлекъ оттуда оторванную половину маленькой визитной карточки.

— Видите?

— Вижу.

— Вторая половина имѣется только у настоящей Ирры Паэнъ. Если обѣ половины совпадутъ, — значитъ никакихъ сомнѣній...

2. Человѣкъ, оставляющій кровавые слѣды.

Сэръ Джемсъ Мурей не былъ человѣкомъ англійскихъ кровей. Какихъ-же? Не все-ли равно—какихъ? Главное въ другомъ: именно въ принадлежности сэра Джемса къ той загадочной и мощной организаціи, — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ она была мощной,—которая уже сама по себѣ отрицаетъ всякую національность, являясь тѣмъ таинственнымъ, пожалуй, аристократическимъ интернаціоналомъ, совсѣмъ не похожимъ на интернаціоналъ явный, плебейскій, хотя и тотъ и другой связаны между собою несомнѣнными нитями.

Керженцовъ, посолъ совѣтскій въ Римѣ, первый по-

бѣжалъ къ сэру Джемсу на поклонъ, узнавъ, что тотъ пріѣхалъ и остановился въ гостинницѣ „Квириналъ", — это было за нѣсколько дней до того, какъ сэръ Джемсъ перекочевалъ въ четырехсотлѣтнее фамильное гнѣздо маркизовъ Альбици.

Да что Керженцовъ? Мелочь! Бывшій репортеръ Харьковскаго „Южнаго Края" такъ и оставшійся репортеромъ, хотя и вручавшій вѣрительныя грамоты свои Королю Виктору-Эммануилу и подолгу „конферировавшій" „съ самимъ" Бенито Муссолини.

Въ сэрѣ Джемсѣ заискивали и даже весьма первостатейные бубновые тузы каторжной шпаны, засѣвшей въ Кремлѣ.

Во внѣшности человѣка всегда есть что-нибудь примѣчательное, выдѣляющее его среди, всѣхъ остальныхъ двуногихъ. Правда, попадаются лица, подобныя стертой монетѣ,—вы ихъ забываете тотчасъ-же самымъ основательнымъ образомъ.

Но сэра Джемса нельзя забыть.

У большинства верхняя часть уха оканчивается завиткомъ и она же по формѣ почти всегда овальна. У сэра Джемса, завитковъ совсѣмъ не было, а вмѣсто овальной формы получалась заостренность. Не уши, а два тонкихъ лезвія, чуть-чуть оттопыренныхъ. Согласитесь, что такія уши попадаются очень рѣдко?...

Кожа блѣдная. Бываетъ безцвѣтная блѣдность, бываетъ землистая, восковая, бываетъ матовая. Бываетъ наконецъ больничная и тюремная блѣдность. У сэра Джемса блѣдность тускло-синеватая. Такой цвѣтъ лица бываетъ у вынутыхъ изъ воды послѣ долгаго въ ней пребыванія.

Глаза тусклые, безъ блеска. Кажется, что онъ никого не видитъ, ничего не замѣчаетъ. Но это лишь кажется. На самомъ дѣлѣ сэръ Джемсъ все видитъ и все замѣчаетъ.

Портретъ готовъ. Остальное — уже такъ себѣ. Его ростъ? Невысокій и не малый, но и не средній. Ростъ, какъ ростъ. Его не замѣчаешь. А что сэръ Джемсъ скорѣе худъ, чѣмъ полонъ это вытекаетъ изъ предыдущаго. У кого такое лицо, тотъ очень рѣдко бываетъ полнымъ.

Сэръ Джемсъ никогда нигдѣ не появляется спроста. Онъ слишкомъ занятъ и слишкомъ цѣнитъ свое время, чтобы путешествовать одного удовольствія ради. Пусть эту роскошь позволяютъ другіе. Сэръ Джемсъ не изъ ихъ числа.

Мы въ этомъ убѣдимся, набросавъ маршрутъ сэра Джемса всего за нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ.

Да, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ онъ посѣтилъ Мексику. И тотчасъ-же въ этой классической странѣ военныхъ бунтовъ и революцій начались гоненія на католиковъ, гоненія, залившія кровью всю территорію Мексики, на которую легко умѣстилось бы, по крайней мѣрѣ, пять Францій.

Послѣ этого сэръ Джемсъ вернулся въ Европу на очень короткое время, побывалъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ и уже на океанскомъ пароходѣ „Мальборо", вновь держалъ путь къ берегамъ Америки, но уже не Сѣверной, а Южной.

Въ Хуэльвѣ, столицѣ республики Кордуэлы,то же могущей вмѣстить пять Францій, сэръ Джемсъ не засидѣлся. Да и не зачѣмъ было засиживаться.Уже черезъ недѣлю генералиссимусъ Вергара пришелъ къ власти по нѣсколькимъ тысячамъ труповъ и свергъ президента Порфиріо Сантоса, маленькаго человѣка съ профессорской внѣшностью и съ малиновымъ носомъ. Его надлежало свергнуть, такъ какъ онъ былъ правый, а генералиссимусъ Вергара— былъ лѣвый.

Двадцать часовъ въ комфортабельной каютѣ и сэръ Джемсъ вступилъ на твердую почву республики Никарагуа, увы, не могущей вмѣстить въ себѣ даже и одной Франціи. И тамъ какой-то лѣвый генералъ свергъ какого-то праваго президента.

Послѣ этого опять Парижъ, опять Лондонъ. Въ Лондонѣ одинъ изъ друзей, тоже массонъ, сказалъ сэру Джемсу:

— Вы растрачиваете вашу энергію на пустяки! Зачѣмъ стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ? Ну, что такое микроскопическая Никарагуа?

Никарагуа сама по себѣ,—да! согласился сэръ Джемсъ, —но Никарагуа плюсъ Мексика, плюсъ Кордуэла—это уже нѣчто, мой другъ! Это единый фронтъ, выдвинутый аванпостъ, угрожающій спокойствію Соединенныхъ Штатовъ и звѣздному флагу ихъ. Посмотрите, какъ зашевелились уже въ тихомъ Вашингтонѣ!

А на слѣдующій день сэра Джемса и слѣдъ простылъ. Изъ Лондона онъ прилетѣлъ въ Парижъ на аэропланѣ. Изъ Парижа вмѣстѣ съ чемоданами, сундуками и съ Армфельдомъ укатилъ въ Римъ. Зачѣмъ,—это мы увидимъ. Во всякомъ случаѣ, не затѣмъ, чтобы поклониться въ Панте-

онѣ гробницѣ Рафаэля, побродить по Колизею при лунномъ свѣтѣ и совершить прогулку по Віа-Аппіа. Все это было не для сэра Джемса. На такіе пустяки никогда не тратилъ онъ своего времени.

Поле его римской дѣятельности въ случаѣ успѣха обѣщало затмить и Кордуэлу, и Мексику, и Никарагуа, да и пожалуй, все сэромъ Джемсомъ достигнутое до сихъ поръ.

Итакъ, онъ обосновался въ старомъ палаццо съ мифологическими башнями плафоновъ, съ бюстами цезарей, глядящихъ въ пространство слѣпыми очами и съ портретами флотоводцевъ и кардиналовъ. Спалъ сэръ Джемсъ въ широкой, очень широкой постели подъ пышнымъ балдахиномъ. Рѣзные амуры поддерживали это королевское ложе. Затеряннымъ казался сэръ Джемсъ на немъ. Раздѣтый, онъ выглядѣлъ меньше и худѣе, чѣмъ въ платьѣ.

Армфельдъ нанялъ двухъ лакеевъ. На этихъ, рѣшительнаго вида, молодцовъ, кирасира Ганса и детектива Карла, можно было положиться. Гансъ во фракѣ чувствовалъ себя, какъ въ латахъ, а усы его щетинились, какъ у кайзера.

Сэръ Джемсъ было потребовалъ, чтобы Гансъ усы сбрилъ согласно хорошему лакейскому тону хорошихъ домовъ. Но разстаться со своимъ горделивымъ украшеніемъ Гансъ не могъ.

Детективъ не былъ показнымъ „фрачнымъ" лакеемъ. Онъ довольствовался пиджакомъ и внутренними комнатами, показываясь на парадной половинѣ, когда было нужно его присутствіе.

Въ обязанность Карла входило такъ-же впускать и выпускать гостей, которымъ, уже по извѣстнымъ соображеніямъ, болѣе приличествовалъ потайной ходъ черезъ калитку, упиравшуюся въ глухой переулокъ, нежели массивныя двери съ колоннами и подъ треугольнымъ портикомъ на віа-Систина.

Судьбѣ угодно было, чтобы та, кого сэръ Джемсъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, первой явилась въ палаццо не съ віа-Систина, а съ переулка.

Еще днемъ Армфельдъ, вернувшійся изъ германскаго посольства, доложилъ:

— Она пріѣхала. Вечеромъ будетъ у васъ.

— Вы ее видѣли?

— Да. Мелькомъ. Она остановилась въ „Квириналѣ". Но это на день, два. Она не любитъ жить въ гостинницѣ, гдѣ много постороннихъ глазъ и ушей. Она переѣдетъ въ особ-

някъ на улицѣ Четырехъ фонтановъ. Была такая баронесса Кумбо. Съ двумя дочерьми. Она теперь княгиня Долгорукова. У этой Долгоруковой-Кумбо, — сама она въ Ниццѣ—и сняла особнякъ наша очаровательная Ирра Паэнъ.

— Въ самомъ дѣлѣ очаровательная?—спокойно полюбопытствовалъ сэръ Джемсъ.

— Дѣло вкуса! Увидите сами...

Безъ пяти восемь сэръ Джемсъ уже сидѣлъ за малахитовымъ столомъ, замѣнявшимъ ему письменный. А ровно въ восемь дверь съ кардинальскимъ портретомъ медленно и беззвучно пріоткрылась, такъ беззвучно, — сэръ Джемсъ ничего не услышалъ, а только увидѣлъ. И хотя онъ всегда искусственно тренировался въ „британской" безстрастности, однако не могъ подавить въ себѣ нѣкотораго волненія. Въ самомъ дѣлѣ, зрительное ощущеніе не могло не подѣйствовать. Не успѣла распахнуться потайная дверь, на смѣну кардинальскому портрету словно въ этой же самой рамѣ тотчасъ-же обрисовался живой, трепещущій портретъ молодой женщины въ котиковомъ манто съ букетомъ искусственныхъ фіалокъ на груди.

Сэръ Джемсъ, поднявшись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу.

Она такъ улыбнулась ему, какъ если-бы они вчера только видѣлись.

И такъ-же обыкновенно, и просто сказала:

— За мной слѣдятъ еще изъ Парижа...

— Какъ и сейчасъ? — непріятно удивился сэръ Джемсъ.

— Сейчасъ нѣтъ. Но, вообще, надо быть очень осторожной. Вы сэръ Джемсъ Мурей?

— Да.

— Я въ этомъ еще не убѣдилась. Вы можете предъявить половину визитной карточки?

— Могу. Вотъ она, — сухо почти съ раздраженіемъ отвѣтилъ сэръ Джемсъ.

Онъ былъ недоволенъ. На себя недоволенъ. Иниціатива должна исходить отъ него, а, межъ тѣмъ, эта женщина въ котиковомъ манто, какъ бы не довѣряетъ ему. Ему, сэру Джемсу.

3. Они рѣшили начать съ Миссолини.

Они смотрѣли другъ на друга.

Такимъ, или почти такимъ представлялся ей этотъ масонъ высокаго посвященія. Только острыя уши безъ

малѣйшаго даже намека на завитки не были предусмотрѣны ею.

Но для сэра Джемса эта сказочная Ирра Паэнъ въ дѣйствительности явилась иною. Да, онъ совсѣмъ, совсѣмъ иначе ее себѣ рисовалъ.

Фатальной брюнеткой, мало женственной, крупной и сильной, волею судьбы только не родившейся мужчиною.

Ирра Паэнъ опровергла этотъ создавшійся образъ. Уже подъ распахнувшимся манто угадывалось стройное и гибкое тѣло. Нѣжное тѣло блондинки. Она была скорѣе бѣлокура, эта по модѣ остриженная гостья съ некрупными, но и не мелкими чертами, болѣе привлекательными, нежели классически-правильными.

Гдѣ онъ видѣлъ это лицо? Ирра Паэнъ ему напомнила знаменитую кино-артистку. И не столько фотографическимъ сходствомъ, сколько манерою вскидывать рѣсницы и играть, именно играть линіей губъ. Въ этомъ вскидываніи рѣсницъ и въ этой игрѣ линіей рта была наивность какая-то. Пусть обманчивая, но все же наивность.

Развѣдчица, исполнявшая порученія громадной политической важности, неуловимая. съ большимъ характеромъ и большою волею и — эта наивность кинематографической ingenue изъ Холивуда.

Вскорѣ, однако, сэръ Джемсъ убѣдился, что синеватымъ глазамъ этимъ совсѣмъ не чуждъ упругій, стальной блескъ, отъ котораго вѣетъ жутью.

Помогая снять манто, сэръ Джемсъ увидѣлъ въ ея рукѣ небольшой револьверъ.

Ирра Паэнъ пояснила съ очаровательной улыбкой:

— Моя профессія научила меня всегда быть на сторожѣ. Всегда быть готовой къ ловушкѣ, предательству. Тѣмъ болѣе, повторяю, за мною слѣдятъ. Игрушку эту я, на всякій случай, держу не въ сумочкѣ, а наготовѣ, въ рукавѣ. Это очень удобно.

— Вы находите? А, по моему, эта игрушка обладаетъ непріятнымъ свойствомъ производить шумъ....

Ирра Паэнъ отрицательно покачала своей бѣлокурой головкой.

— Только не эта! Не моя! Одинъ знакомый химикъ поставляетъ мнѣ патроны съ его собственнаго изобрѣтенія порохомъ. Звукъ? Ну, еслибъ у васъ подъ ногой хрустнула вѣточка... Не болѣе... Вотъ!..

Ирра Паэнъ выстрѣлила, почти не цѣлясь. И вправду —слабый звукъ треснувшей вѣточки. Куда съ болѣе силь-

нымъ шумомъ отвалился кусочекъ лѣпного, золоченаго орнамента, обрамлявшаго мифологическій плафонъ.

— Сэръ Джемсъ, вы не сердитесь на меня за этотъ маленькій вандализмъ? Но, право же, иногда на меня „находитъ"... Я большой сорванецъ по натурѣ...

Сэръ Джемсъ былъ ошеломленъ. Передъ такимъ „сорванцомъ" увянетъ „самая роковая" брюнетка.

Коснувшись своею рукою его руки, она продолжала:

— Я только хотѣла доказать, что я не мистифицирую васъ безшумнымъ порохомъ моего обязательнаго химика. Неправда-ли очень удобно? Напримѣръ, я могла бы застрѣлить васъ и преспокойно уйти. Ха-ха... Я шучу... Вы поблѣднѣли...

Да онъ былъ блѣденъ. Его синеватое лицо утопленника побѣлѣло. Онъ не желалъ бы имѣть врагомъ эту Ирру Паэнъ.

— А теперь я къ вашимъ услугамъ, сэръ Джемсъ. Вы убѣдитесь, что я умѣю быть серьезной и буду точной исполнительницею всѣхъ вашихъ предначертаній. Я сяду у камина. Онъ такъ соблазнительно горитъ, а я люблю такъ тепло...

Въ томъ, какъ она подсѣла къ камину, въ темномъ, короткомъ, модномъ платьѣ и вытянула свои, открывшіяся до колѣнъ, стройныя, маленькія ножки въ шелковыхъ, черныхъ чулкахъ и лакированныхъ туфляхъ, туго застегнутыхъ узенькимъ ремешкомъ на крутомъ подъемѣ и не было и тѣни кокетства, желанія флиртовать. Поудобнѣе устроившись и вопросительно, искоса глядя на сэра Джемса, она была готова къ дѣловой бесѣдѣ. И только. Именно эта дѣловитость женщины съ такими гибкими, нѣжными линіями шеи и съ такими плавными линіями тѣла, подѣйствовало бы раздражающе на всякаго другого мужчину. На всякаго другого, но не на сэра Джемса. Не потому, однако, чтобы онъ былъ вполнѣ равнодушенъ къ женскимъ чарамъ, а потому, что онъ разъ навсегда поставилъ себѣ за правило: удовольствіе — удовольствіемъ, дѣло — дѣломъ. Если смѣшивать одно съ другимъ,—ничего хорошаго не получится.

Вотъ почему, сидя рядомъ съ Иррой Паэнъ и, глядя передъ собою — она тоже глядѣла на рдѣющія огнемъ глыбы антрацита въ каминѣ съ двумя мраморными фавнами, — сэръ Джемсъ голосомъ человѣка, привыкшаго, чтобы его внимательно слущали, запоминая каждое слово, началъ:

— Муссолини — нашъ злѣйшій врагъ... Врагъ очень сильный. Устранить его съ нашего пути не удалось. Четыре попытки его убить создали ему безумную популярность въ странѣ. Эти экспансивные, суевѣрные итальянцы клянутся, что ихъ обожаемый Дуче неуязвимъ и его не беретъ ни кинжалъ, ни пуля. Согласитесь, пятое покушеніе, допустимъ, такое же, неудачное, какъ и тѣ, превратило бы его въ сошедшее на землю божество?

— Да. Это еще болѣе подогрѣло бы его популярность, — согласилась Ирра Паэнъ, короткимъ движеніемъ головы, не отрываясь отъ огня, а только слегка отодвинувшись вмѣстѣ съ кресломъ отъ пылающаго камина.

— А, слѣдовательно, — продолжалъ сэръ Джемсъ,— надо его вовлечь въ такую авантюру, откуда онъ не вышелъ бы живымъ. Если не прямо, физически, то въ политическомъ значеніи слова. Хотя какой-то поэтъ и сказалъ: „Кумиръ поверженный, все же богъ", но по отношенію къ государственнымъ людямъ это, по моему, не по адресу. Чѣмъ выше былъ пьедесталъ, тѣмъ фатальнѣе паденіе и отъ вчерашняго кумира останутся одни осколки... Вы ухватили мою мысль?

— Не только ухватила, но если позволите, то и разовью ее?

Это не понравилось человѣку съ острыми ушами. Онъ привыкъ самъ вѣщать, привыкъ самъ быть оракуломъ. Но—ничего не подѣлаешь!

За эти нѣсколько минутъ она уже въ третій разъ выхватываетъ у него изъ рукъ иниціативу, онъ такъ и подумалъ: „выхватываетъ иниціативу". Сэръ Джемсъ съ недовольной гримасою, сдѣлавшей его лицо отвратительнымъ—въ горячихъ, красноватыхъ отблескахъ огня, сухо молвилъ:

— Пожалуйста... Я весьма цѣню, когда мои... — онъ хотѣлъ сказать агенты и поправился — мои сотрудники понимаютъ меня съ полуслова...

— Право же, вы начинаете меня баловать — такъ отвѣтила она, трудно было сказать, иронія это, или всерьезъ — спѣшу воспользоваться вашимъ любезнымъ разрѣшеніемъ. Вы держитесь того, вполнѣ вѣрнаго взгляда, что фашистская Италія съ Муссолини во главѣ, будетъ до тѣхъ поръ устойчивой, пока завороженная былой мощью Великой Римской Имперіи не ринется, очертя голову, въ какую-нибудь завоевательную авантюру. А тогда — малѣйшій неуспѣхъ, малѣйшее пораженіе,—зная боеспособность италь-

янцевъ — можно легко ожидать и того, и другого — кумиръ окажется поверженнымъ во прахъ, а вмѣстѣ съ нимъ и фашизмъ. Это вы имѣли въ виду, сэръ Джемсъ?

— Это, именно это, госпожа Ирра Паэнъ, — въ тонъ ей отвѣтилъ сэръ Джемсъ и тотчасъ же поспѣшилъ, чтобы не дать ей говорить, а говорить самому. — Вы угадали. Мой планъ построенъ на вовлеченіи Италіи въ войну, которая будетъ для нея катастрофой. Но одной Италіи мало. Желательно, вообще, создать новый пожаръ хотя и не въ такомъ стихійномъ масштабѣ, какъ вспыхнувшій около тринадцати лѣтъ назадъ. Тринадцать!.. Вы вѣрите въ числа? Насъ для начала удовлетворило бы итало-сербское столкновеніе, а дальше... дальше видно будетъ. Довольно первой искры, попавшей въ бочку съ порохомъ. А таковой бочкою съ порохомъ были и останутся Балканы, этотъ азіатскій полуостровъ на европейскомъ материкѣ.

Ирра Паэнъ лаконически отозвалась:

— Албанія?

— Да. Съ этой точки Балканъ и слѣдуетъ начать. Тамъ будетъ завязанъ узелъ. Кстати, я немного отвлекусь, но вы увидите, что это въ порядкѣ нашей бесѣды. Замѣтили вы — Муссолини въ грандіозныхъ, имперіалистическихъ замыслахъ своихъ, — сознательно, или безсознательно, — да это и неважно, — копируетъ Вильгельма. Помните, Вильгельмъ сказалъ: „Германскому народу такъ тѣсно, что онъ вынужденъ сѣять на крышахъ картофель“. Муссолини обмолвился, приблизительно, тѣмъ же въ одной изъ своихъ рѣчей.

Вильгельмъ пустилъ гулять по свѣту знаменитое свое: „Будущее Германіи на моряхъ“. Муссолини перефразировалъ это нѣсколько иначе, пожелавъ сдѣлать итальянскими озерами не только Адріатическое море, но и Средиземное. А это: уже безъ всякой перефразировки... Вильгельмъ: „Германія должна имѣть свое мѣсто подъ Солнцемъ“. Муссолини: „Италія должна имѣть свое мѣсто подъ Солнцемъ“. Необходимо, однако, чтобы Муссолини отъ словъ перешелъ къ дѣйствію... Нуженъ толчекъ извнѣ... Необходимъ!.. Я еще не совсѣмъ ясно вижу, какъ подойти къ этому...

— А я вижу, — безо всякаго вызова съ игривой небрежностью, какъ бы шутя, уронила собесѣдница сэра Джемса...

4. Что задумала Ирра Паэнъ.

Сэръ Джемсъ, рѣдко чему удивлявшійся, на этотъ разъ удивился:

— И откуда все это у васъ?

— Сэръ Джемсъ, вы забываете, — а не знать этого вы не можете, — впервые за все время бесѣды взглянула на него Ирра Паэнъ, — я продѣлала почти всю войну, работая въ Парижѣ и въ Испаніи. Моей ученицею была знаменитая восточная плясунья Мата-Гари. Увы, она не всегда слѣдовала моимъ совѣтамъ. Французы разстрѣляли ее. Жаль эту женщину съ такимъ дивнымъ тѣломъ. Оно совсѣмъ не для того было создано, чтобы его изуродовали двѣнадцатью пулями на разсвѣтѣ возлѣ Венсенскихъ фортификацій...

Взгляды Ирры Паэнъ и сэра Джемса встрѣтились.

— Вы подумали, сейчасъ, не ожидаетъ ли и меня судьба этой несчастной Мата-Гари? Она была слишкомъ темпераментна и это ее погубило...

— А вы?

— Но вы не подумайте, что Великая война была моимъ дебютомъ. За нѣсколько лѣтъ еще я работала вмѣстѣ съ турецкимъ генеральнымъ штабомъ. Я хорошо знаю Балканы, вообще, и Албанію въ частности. Ее, во всякомъ случаѣ, знаю не хуже, если не лучше Армфельда. Вы, вѣдь, взяли его въ качествѣ спеціалиста по Албаніи? Дальше береговой полосы...

...Но мы отвлеклись. Неправда ли, сэръ Джемсъ? Каминъ располагаетъ къ болтовнѣ и создаетъ менѣе всего дѣловое настроеніе?

На чемъ же мы остановились? На толчкѣ извнѣ. Я сказала, что я его вижу. Вамъ извѣстно, что за послѣднее время Дуче сталъ интересоваться оккультизмомъ?..

— Мнѣ это неизвѣстно, — вынужденъ былъ сознаться сэръ Джемсъ.

— Психологически это вполнѣ понятно. Земные боги, или мнящіе себя земными богами, сгорающіе такъ, что вся ихъ жизнь одинъ сплошной костеръ, эти „боги“, съ издерганными нервами, изнемогающіе подъ бременемъ титаническихъ замысловъ и вожделѣній, ищутъ отвѣтовъ на многое уже не у обыкновенныхъ смертныхъ, а въ потустороннемъ мірѣ. Я знаю одного маленькаго Муссолини, помѣшавшагося на ясновидѣніи. Большой, настоящій Муссолини, жаждетъ откровеній отъ безтѣлесныхъ духовъ...

На этомъ уже играютъ. Отчего бы и намъ не сыграть?

— Вы пришли съ готовымъ планомъ?

— Да. Онъ чрезвычайно простъ. Но, сэръ Джемсъ, я суевѣрна подобно морякамъ, авіаторамъ, и людямъ такой профессіи, какъ моя. Я убѣждалась не разъ: откроешь всѣ свои карты — въ самый послѣдній моментъ дѣло сорвется. А я хочу поднести его вамъ въ готовомъ видѣ. Вы ничего не имѣете противъ?

— Ничего. Я не любопытенъ — это разъ и вѣрю вамъ, — это два. Меня не интересуютъ детали а интересуетъ главное. Мнѣ надоѣлъ этотъ водопадъ театральнаго краснорѣчія по системѣ Вильгельма. Вмѣсто безконечныхъ словъ, желательно дѣйствіе. Только дѣйствіе сдвинетъ ихъ съ мертвой точки фашистской самовлюбленности. Итакъ, этотъ вечеръ является началомъ нашего тѣснаго сотрудничества. Госпожа Ирра Паэнъ ваши условія?

— Мои условія?—и рѣсницы синеватыхъ глазъ встрепенулись двумя крылышками двухъ мотыльковъ и съ такой очаровательной наивностью, — мои условія? Въ тотъ день, когда будетъ подписанъ договоръ, отдающій Албанію въ вассальную зависимость Италіи, другими словами, когда первая искра будетъ брошена въ пороховую бочку, именуемую Балканами, я получаю первые сто тысячъ долларовъ.

— Однако! — не могъ удержаться сэръ Джемсъ.

— Но я ничего не беру у васъ на предварительные расходы, а они велики! Ради нашего дѣла я не могу жить въ гостинницѣ. Я должна буду снять особнякъ. Работать на гроши я и не хочу, да и не умѣю! Нуженъ размахъ! Онъ всегда обезпечиваетъ успѣхъ. Затѣмъ: слѣдующіе сто тысячъ долларовъ я получаю въ тотъ день, когда нѣсколько группъ итальянскихъ офицеровъ высадятся въ Албаніи подъ видомъ техниковъ, инженеровъ и — мало ли еще какой они выдумаютъ маскарадъ?..

— Это все? — обрадовался сэръ Джемсъ.

— Нѣтъ, не все, — поспѣшила охладить его Ирра Паэнъ — дальнѣйшіе взносы будутъ прямо пропорціональны важности событій. А событіями буду, до нѣкоторой степени, руководить я!..

— Мы сговорились и договорились, — вставая молвилъ сэръ Джемсъ. — Вы не обманули моихъ ожиданій и ваша репутація...

— О, сэръ Джемсъ, не хвалите меня преждевременно.

Почемъ знать, можетъ я окажусь не на высотѣ? Вѣдь, это игра, такая рискованная, такая азартная... Однако же, эту игру надобно производить съ холоднымъ умомъ и расчетомъ.

— Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ! Однако, уже девять. Часъ, когда весь Римъ садится ужинать. Почему бы намъ быть исключеніемъ? Надѣюсь, госпожа Ирра Паэнъ, вы доставите своимъ обществомъ удовольствіе, какъ мнѣ, такъ и Армфельду. Онъ купилъ какой-то необыкновенный коньякъ. Совѣтская миссія прислала мнѣ соленыя закуски, а горячій ужинъ привезли изъ „Квиринала". Тамъ недурная кухня...

Ужинали, затерянные въ большой, мрачной столовой. И здѣсь пылалъ гигантскій каминъ, напоминавшій, если не цѣлое самостоятельное сооруженіе, то, во всякомъ случаѣ, подобіе органа испанскихъ монастырей, въ изобиліи настроенныхъ Карломъ V.

Служилъ за столомъ Гансъ, чувствуя себя во фракѣ, точно въ кирасѣ.

Дѣйствительно, коньякъ оказался ароматичнымъ и вкуснымъ, а полпредъ Керженцовъ поклонился сэру Джемсу такой зернистой икрой, такими балыкомъ и семгой, даже сэръ Джемсъ, равнодушный къ ѣдѣ, приналегъ на эту благодать. Пилъ онъ мало, вѣрнѣе совсѣмъ не пилъ. Только, только пригубилъ шампанское. Зато много пилъ Армфельдъ, а Ирра Паэнъ, если и отставала,—развѣ самую малость. Но ни Армфельдъ, ни она не пьянѣли.

— Да, — вспомнилъ сэръ Джемсъ, — вы сказали, что за вами слѣдятъ, и это началось едва ли еще не съ Парижа?

— Съ Парижа, — согласилась Ирра Паэнъ. — Я думаю, это не безъ участія тамошней сербской миссіи. Вообще, отдать справедливость, глава этой миссіи Спалайковичъ информированъ обо всемъ, гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы...

— Спалайковичъ нашъ врагъ, — замѣтилъ сэръ Джемсъ, — врагъ убѣжденный и страстный. Еслибъ не онъ, Югославія давно уже признала бы совѣтскую Россію и сама затянула бы на своей шеѣ петлю. Спалайковичъ примчался въ Бѣлградъ и со свойственной ему горячностью смѣшалъ всѣ карты. Жаль! Бенешъ уже все такъ дискусно подготовилъ!.. Но кто же слѣдилъ за вами?

— Брюнетъ, могущій сойти и за итальянца и за алматинскаго серба.

— Не ошиблись ли вы?

— Въ чемъ? Что онъ слѣдитъ за мной? Не думаю! Въ этомъ отношеніи у меня особенное чутье. Вообще, инстинктъ рѣдко меня обманываетъ. Этотъ брюнетъ съ выразительнымъ, подвижнымъ, немного актерскимъ лицомъ, ѣхалъ въ одномъ экспрессѣ со мною... но за всю дорогу я его ни разу не видѣла и только увидѣла уже здѣсь... Мелькомъ.

— Если онъ и дальше будетъ проявлять свою чрезмѣрную любознательность, онъ будетъ имѣть дѣло со мною, — пообѣщалъ Армфельдъ и какъ-то хищно шевельнулись его маленькіе, прижатые къ черепу, уши.

— Благодарю васъ, но я и сама сумѣю постоять за себя, — съ наивной улыбкой и съ такимъ же наивнымъ трепетомъ своихъ рѣсницъ-мотыльковъ, отвѣтила Ирра Паэнъ.

И черезъ минуту, не дожидаясь кофе, рѣшительно встала.

— Я должна васъ покинуть!

Армфельдъ и сэръ Джемсъ уговаривали ее посидѣть еще.

— У меня масса дѣла. Я еще буду работать до глубокой ночи.

Условились такъ:

Ирра Паэнъ изъ глухого переулка выйдетъ на віа-Систина, убѣдившись, что за ней не слѣдятъ, она спустится на Испанскую площадь, гдѣ возлѣ фонтана будетъ поджидать ее автомобиль сэра Джемса.

Сплошь и рядомъ бываетъ такъ: когда кого-нибудь, или что-нибудь пытливо ищешь, высматриваешь, это самое „кто-нибудь, или что-нибудь“ выростаетъ вдругъ, какъ изъ-подъ земли...

Ни души кругомъ въ дымкѣ холодной ночи съ мигавшими кое-гдѣ фонарями. Бодро вспугивая этотъ мракъ высокими каблучками лакированныхъ туфель своихъ, Ирра Паэнъ подошла къ лѣстницѣ, широчайшей, изумительной лѣстницѣ, чтобы такъ же бодро, отбивъ каблучками 96 ступеней, спуститься внизъ, гдѣ у фонтана чернѣлъ автомобиль.

Лицомъ къ лицу она увидѣла мужчину въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ шляпѣ-котелкѣ. Вспыхивалъ уголекъ сигары...

Это онъ, тотъ самый брюнетъ...

Въ рукавѣ котиковой шубы револьверъ былъ уже наготовѣ...

5. „Майскій жукъ“ Его Величества.

Маіору Отто фонъ-Армфельду было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но никто не далъ бы ему и сорока, такъ онъ сохранился и лицомъ и фигурой, сухой, вытренированной. Его волосы, расчесанные весьма гладко и съ наиаккуратнѣйшимъ проборомъ, его рѣсницы и брови были свѣтлые, почти льняного цвѣта съ едва-едва золотистымъ отливомъ. Это мѣшало казаться ему красивымъ.

Вниманіе поглощалось чрезмѣрной бѣлобрысостью и уже для четкихъ, правильныхъ чертъ не оставалось вниманія.

Службу свою Отто фонъ-Армфельдъ началъ въ Берлинѣ въ томъ гвардейскомъ кирасирскомъ полку, про который императоръ Вильгельмъ любовно говорилъ:

— Мои майскіе жуки...

Этотъ полкъ носилъ не плоскія кирасирскія латы, подобно французскимъ и нашимъ, а чешуйчатыя, какъ у древнихъ рыцарей, только, разумѣется, легкія. И въ силу этой легкости своей, въ движеніи, особенно же на галопѣ, когда мчалась цѣлая лавина всадниковъ, латы издавали шуршаніе, какъ если бы это была стая исполинскихъ майскихъ жуковъ.

Фонъ-Армфельдъ уже былъ кандидатомъ въ эскадронные командиры, но внезапно ему пришлось покинуть блестящіе ряды „майскихъ жуковъ“ и промѣнять шуршащія кирасирскія латы на скромную армейскую форму колоніальнаго офицера.

Изъ-за него отравилась одна полковая дама. Судъ чести не нашелъ ничего позорящаго гвардейскій мундиръ въ поведеніи Армфельда, но дальнѣйшее его пребываніе въ полку нашелъ невозможнымъ.

Армфельдъ уѣхалъ въ Африканскія колоніи и три года провелъ въ лѣсахъ и пустыняхъ Конго, „германизируя“ чернокожихъ туземцевъ, т. е. просто, по малѣйшему поводу, а то и вовсе безо всякаго повода, разстрѣливая ихъ.

Въ бѣлой „парусинѣ“, въ бѣломъ тропическомъ шлемѣ подъ знойнымъ африканскимъ солнцемъ, онъ такъ загорѣлъ, что его брови и волосы были гораздо свѣтлѣе кожи лица.

Приближалась первая балканская война. Высшее германское командованіе, желавшее туркамъ побѣды, а болгарамъ и сербамъ пораженія, кликнуло кличъ, вызывая офицеровъ добровольцевъ для поступленія въ турецкую

армію. Этотъ кличъ достигъ и далекихъ колоній. Армфельдъ отозвался однимъ изъ первыхъ.

Его авантюристическая душа жаждала новыхъ впечатлѣній. Наскучило разстрѣливать туземцевъ, безропотно и безсловесно умиравшихъ, какъ быдло. Наскучили чернокожія туземки, эти въ 12 лѣтъ женщины, а въ 20—старухи.

И вотъ черезъ мѣсяцъ онъ уже въ Константинополѣ, а еще черезъ нѣсколько дней уже на фронтѣ въ желто-песочномъ мундирѣ и въ фескѣ.

Но и германскіе инструктора не спасли турокъ отъ разгрома, а самъ Армфельдъ едва-едва спасся отъ плѣна, когда подъ натискомъ сербовъ послѣ Куманова бѣжала армія Джавида-паши.

Сербы въ шесть недѣль выгнали турокъ изъ Македоніи и Старой Сербіи и Отто фонъ-Армфельдъ съ турецкимъ золотомъ пріѣхалъ въ Берлинъ уже не въ песочномъ мундирѣ и не въ фескѣ, а въ штатскомъ.

Усиленіе и расширеніе Сербіи внушало тревогу австро-германцамъ. И въ дипломатическихъ тайникахъ явилась мысль лишить сербовъ моря, поставивъ на пути, въ видѣ барьера, „свободную" Албанію.

Нашли князя, который былъ бы часовымъ Вѣны и Берлина у омывающей Албанію Адріатики. Этотъ часовой ротмистръ князь Видъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся создавать и свой дворъ и свой генералитетъ.

Армфельда онъ пригласилъ на постъ генерала-инспектора кавалеріи.

Прибывши въ Дураццо на крейсерѣ „Бреслау", Отто фонъ-Армфельдъ очутился въ трагикомическомъ положеніи: генерала-инспектора кавалеріи безъ кавалеріи.

Албанцы народъ, вообще, менѣе всего конный, да и лошадей у нихъ почти нѣтъ, — больше ослы.

Пожалуй, во всемъ Дураццо только и было, что верховая лошадь самого князя, да пара небольшихъ пони для малолѣтнихъ принцессы и принца. Армфельдъ отъ бездѣлья училъ ѣздить дѣтей своего монарха. Но это безмятежное занятіе генерала-инспектора албанской кончицы было прервано объявленіемъ Великой войны...

Все и вся кинулось вразсыпную.

Армфельдъ немедленно погрузился съ чемоданами своими на бортъ „Бреслау" и черезъ тридцать шесть часовъ „Бреслау", едва не настигнутый англійской эскадрой, чудомъ прорвался въ Дарданеллы и бросилъ якорь въ „голубомъ" Босфорѣ.

Сначала африканскія колоніи, затѣмъ Балканы, все это уже навсегда положило на него печать свою. Печать полу-авантюриста, полу-кондотьера. А сейчасъ онъ былъ одухотворенъ еще и патріотизмомъ, особеннымъ, нѣмецко-дворянскимъ патріотизмомъ.

Отто фонъ-Армфельдъ дрался на нѣсколькихъ фронтахъ и получилъ нѣсколько раненій. Едва-едва успѣвъ отлежаться въ госпиталѣ, онъ спѣшилъ на позиціи, но, такъ какъ, на позиціи до полнаго выздоровленія его не пускали, онъ работалъ въ ближайшемъ тылу, сосредоточивая въ своихъ рукахъ нити военно-полевого шпіонажа.

Онъ успѣлъ создать себѣ имя развѣдчика, не только въ штабѣ корпуса, не только въ штабѣ арміи, а и въ штабѣ фронта.

Послѣ тріумфа побѣдъ и упоенія величіемъ и мощью арміи, ему пришлось испить горькую чашу униженія и разгрома этой арміи, разложенной тѣмъ самымъ большевизмомъ, которымъ нѣмцы отравили душу русскаго солдата.

Законъ возмездія сказался въ данномъ случаѣ въ полной мѣрѣ.

Армфельдъ видѣлъ, какъ на улицахъ Варшавы мальчики отнимали оружіе у распоясанныхъ и взлохмаченныхъ германскихъ солдатъ. А мѣсяцемъ позже видѣлъ, какъ вчерашніе императорскіе матросы глумились на военныхъ корабляхъ надъ своими офицерами, срывая съ нихъ знаки отличія.

И ожесточалось, твердѣло, и безъ того не особенно мягкое сердце Армфельда. Обиду и гнѣвъ за все это унизительное паденіе послѣ такой головокружительной высоты, онъ перенесъ на всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ Германія воевала, и кѣмъ, въ концѣ концовъ, была сломлена.

Онъ говорилъ:

— У меня почти больше ничего не осталось, кромѣ ненависти и жажды мщенія. Если бы не это, да еще не вѣра, что Германія снова будетъ великой, скоро, очень скоро, мы всѣ дождемся этого — я не хотѣлъ бы жить!..

Какъ нѣмецъ, Армфельдъ почти одинаково ненавидѣлъ всѣхъ враговъ своего фатерланда.

Но, какъ солдатъ, онъ презиралъ однихъ меньше, другихъ больше, въ зависимости отъ боевыхъ качествъ.

Объ итальянцахъ онъ говорилъ съ пренебреженіемъ:

— Мандалинистенъ банденъ!..

Вотъ почему Армфельдъ охотно пошелъ въ личные секретари къ сэру Джемсу.

И по мѣрѣ силъ и возможности, онъ, Отто фонъ-Армфельдъ, будетъ мстить вѣроломнымъ итальянцамъ, нарушившимъ тройственный союзъ.

Будетъ мстить самовлюбленному диктатору Муссолини, бряцавшему оружіемъ по адресу Германіи и придавившему пятою своей „цезарской“ котурны тирольскихъ нѣмцевъ.

Попутно будетъ неминуемо сведеніе счетовъ и съ сербами, которыхъ онъ, хотя и не презиралъ. какъ бойцовъ — самъ кайзеръ считалъ ихъ равноцѣнными русскимъ солдатамъ — но которыхъ ненавидѣлъ за десятки тысячъ сложившихъ свои головы за Дунаемъ отборныхъ нѣмецкихъ солдатъ!

Не забылъ Армфельдъ и главнаго врага своего.

Передъ тѣмъ, какъ наняться къ сэру Джемсу, онъ цѣлыхъ два года воевалъ въ Марокко вмѣстѣ съ Абдъ-Эль-Кримомъ противъ французовъ. Съ плѣнными Армфельдъ былъ безпощаденъ, жестокостью своею изумляя даже полудикихъ свирѣпыхъ воиновъ Риффскаго племени.

Онъ завелъ обычай скальпировать французскихъ солдатъ. Объ этомъ скальпированіи говорилось даже съ парламентской трибуны.

Вотъ по какому поводу:

Коммунисты и, вообще, лѣвые внесли негодующій запросъ въ Палату о безчеловѣчности французскаго командованія, употребляющаго на марокканскомъ фронтѣ удушливые газы.

Тогда кто-то изъ правыхъ депутатовъ съ возмущеніемъ воскликнулъ:

— Негодяи! Предатели! Васъ возмущаютъ удушливые газы, но не возмущаетъ нисколько, что съ вашихъ сыновей и братьевъ марокканцы снимаютъ скальпы...

6. Ночная прогулка съ его „двойникомъ“.

Сначала Ирра Паэнъ хотѣла пройти мимо, не обративъ никакого вниманія. Такъ слѣдовало поступить и такъ поступилъ бы на ея мѣстѣ всякій, занимавшійся тѣмъ, чѣмъ занималась она.

Но упрекая ученицу свою Мата-Гари въ избыткѣ темпераментности, погубившей ее, Ирра Паэнъ сама была человѣкомъ минуты.

Ее охватило раздраженіе на этого „брюнета“. Ее взбѣсила и его сигара, и его улыбка и то, что отъ самаго

Парижа онъ преслѣдовалъ ее. По крайней мѣрѣ, ей казалось, что преслѣдовалъ...

И она такъ остановилась противъ него, и такъ посмотрѣла, что онъ, вынувъ изо рта сигару, учтиво приподнялъ шляпу.

Съ упругимъ синимъ блескомъ въ глазахъ, блескомъ и на далеко не робкаго десятка мужчинъ дѣйствовавшимъ, она бросила ему:

— Мы съ вами незнакомы, сударь! Какъ вы смѣли мнѣ поклониться?

— Мадамъ, у васъ былъ такой говорящій взглядъ, я не сомнѣвался, что вамъ угодно спросить меня о чемъ-нибудь? — отвѣтилъ онъ по французски и правильно и бойко, но съ акцентомъ.

Послѣ этого уже не къ чему было придраться, но въ силу своеобразной женской логики, Ирра Паэнъ именно рѣшила придраться.

— Я вовсе не желала ни о чемъ спрашивать васъ... И, наконецъ, зачѣмъ вы сюда попали?..

— Мадамъ, съ одинаковымъ успѣхомъ я могъ бы и вамъ задать этотъ вопросъ, но я не любопытенъ. Ваше же любопытство охотно готовъ удовлетворить. Я каждый вечеръ прихожу сюда, чтобы, гуляя мимо виллы Медичи, смотрѣть отсюда внизъ, туда за Тибръ, на этотъ Римъ, залитый огнями, Римъ, съ уснувшей громадою Св. Петра...

Онъ хотѣлъ продолжать, но она перебила его:

— Вы говорите, каждый вечеръ?

— Совершенно вѣрно, каждый вечеръ.

— И давно?

— Пожалуй, съ мѣсяцъ...

— Мосье, вы сказали неправду! И двухъ дней не прошло, какъ вы въ Римѣ. Вы ѣхали изъ Парижа въ одномъ поѣздѣ со мною...

— Вы меня мистифицируете?..

— Нѣтъ, вы меня мистифицируете! — и, выпрямляясь, она разгнѣванно топнула ногою. — Попробуйте утверждать, что это были не вы?

— Я не вижу необходимости убѣждать васъ, но вы ошиблись, мадамъ. Ошиблись, принявъ кого-то другого за меня... Бываютъ разительныя сходства... — ни въ его голосѣ, ни въ его лицѣ не было и тѣни фальши.

Даже подозрительная, скептическая Ирра Паэнъ и та поколебалась.

Тотъ двойникъ былъ иначе одѣтъ... Онъ былъ въ

клѣтчатой дорожной каскеткѣ и въ широкомъ англійскомъ пальто...

Но колебаніе смѣнилось увѣренностью. Въ чемъ, въ чемъ, а въ отсутствіи зрительной памяти нельзя упрекнуть было Ирру Паэнъ. Нельзя допустить существованіе другого такого же близнеца. А что онъ не выдалъ себя ничѣмъ, — это уже слѣдуетъ отнести за счетъ его актерскихъ способностей. А развѣ сама она плохая актриса?

Однако создавалось какое-то нелѣпое положеніе, натянутое, неестественное. Необходимо его такъ же рѣзко оборвать, какъ и началось оно. И досаднѣе всего, — Ирра Паэнъ замѣтно нервничала, а его темные глаза на бритомъ, смугломъ лицѣ спокойно, выжидающе улыбались при свѣтѣ фонаря...

Если онъ противникъ, то противникъ далеко незаурядный. Съ такимъ лучше всего покончить разъ навсегда. Незамѣтно сдѣлать шагъ впередъ и, подойдя вплотную, выстрѣлить изъ рукава, выстрѣлить прямо въ сердце. Кругомъ пустынно, безлюдно... Тамъ, за рулемъ чернѣющаго автомобиля, — свой человѣкъ. Черезъ пять минутъ она будетъ у себя на улицѣ Четырехъ фонтановъ.

А онъ куритъ, зажавъ бѣлыми, крѣпкими зубами сигару, безконечно далекій отъ мысли, что смерть такъ близко, такъ нестерпимо близко, и уже дышетъ въ лицо и уже готова обвѣять своими холодными крыльями...

Въ послѣдній моментъ ею вновь овладѣло сомнѣніе. А что, если это „не онъ“? Если это и вправду любитель ночныхъ прогулокъ, наслаждающійся величественной панорамою спящаго, Вѣчнаго Города?

Уйти! Уйти, даже не кивнувъ въ отвѣтъ на поклонъ, какъ это сдѣлала бы свѣтская дама, эксцентричности ради заговорившая съ незнакомымъ мужчиною.

Но что-то удерживало... Нельзя такъ уйти! Нельзя, чтобы онъ ускользнулъ изъ поля ея зрѣнія... Быть можетъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ, она расшифруетъ его и тогда — горе вамъ, молодой, интересный брюнетъ!

И это уже была другая Ирра Паэнъ. Точно подмѣнили ее. Дѣтски-капризной стала излучина губъ и такъ же дѣтски-капризно встрепенулись рѣсницы...

А голова работала мучительно, какъ быть? Какъ выйти изъ всего этого? Пусть шофферъ сэра Джемса хоть до утра ее ждетъ...

Она сказала:

— Мнѣ самой себя стыдно. Вотъ что значитъ въ ко-

нынѣ princesse Dolgoroukoff, на улицѣ Четырехъ фонтановъ.

Ирра Паэнъ привезла съ собой горничную, испанку Марію. Уже по одной своей внѣшности она была весьма примѣчательнымъ существомъ. Костлявая, худая, плоская, съ крупными, мужественными чертами лица, Марія имѣла весьма зловѣщій видъ. А къ глазамъ ея сама Ирра Паэнъ долго не могла привыкнуть...

Годъ тому назадъ Марія служила у знаменитой танцовщицы Медеи Фанаретъ. Но послѣ того, какъ покровитель Медеи банкиръ Адольфъ Мекси, сдѣлавшій революцію въ Дистріи изъ ненависти къ наслѣдному принцу Язону, погибъ загадочной смертью—мы при случаѣ вспомнимъ какой именно, — Медея рѣшила отпустить Марію, снабдивъ ее лестными рекомендаціями. Въ этихъ рекомендаціяхъ Медея подчеркивала самую беззавѣтную преданность Маріи. Дѣйствительно, хотя горничная иногда и покрикивала на свою госпожу, и бывала груба съ нею, но въ преданности Маріи, въ слѣпой, собачьей преданности, Фанаретъ имѣла возможность убѣдиться не разъ.

Ирра Паэнъ получила Марію по наслѣдству отъ Медеи, съ которой была знакома съ той поры, когда еще Фанаретъ была пріятельницею Мата-Гари.

Иррѣ Паэнъ нужна была именно такая горничная. Умѣетъ языкъ держать за зубами — клещами не выдерешь, — и ей можно довѣрять все, начиная съ брилліантовъ и кончая секретными документами.

На звонокъ своей госпожи, Марія впустила ее и незнакомца. Гладко причесанная и вся въ самомъ строгомъ черномъ, какъ горничная хорошаго дома, и какъ избѣгающая всего свѣтлаго испанка, Марія подарила спутника Ирры Паэнъ такимъ пронизывающимъ взглядомъ, что ему стало не по себѣ, хотя онъ былъ совсѣмъ не робкимъ и видавшимъ всякіе виды мужчиною.

Марія сказала своей госпожѣ очень тихо нѣсколько словъ по испански. И это, произнесенное чуть слышно, все же походило на воронье карканье. Госпожа отвѣтила ей глазами, и Марія поджала свои тонкія, сухія губы...

Во второмъ этажѣ, въ гостинной, безъ верхняго платья и при яркомъ электричествѣ, Ирра Паэнъ и ея ночной гость могли, какъ слѣдуетъ, разсмотрѣть другъ друга.

И вотъ совпаденіе: Сэръ Джемсъ, увидя Ирру Паэнъ, припомнилъ какую-то кино-звѣзду, схожую съ нею. А ей, Иррѣ

клѣтчатой дорожной каскеткѣ и въ широкомъ англійскомъ пальто...

Но колебаніе смѣнилось увѣренностью. Въ чемъ, въ чемъ, а въ отсутствіи зрительной памяти нельзя упрекнуть было Ирру Паэнъ. Нельзя допустить существованіе другого такого же близнеца. А что онъ не выдалъ себя ничѣмъ, — это уже слѣдуетъ отнести за счетъ его актерскихъ способностей. А развѣ сама она плохая актриса?

Однако создавалось какое-то нелѣпое положеніе, натянутое, неестественное. Необходимо его такъ же рѣзко оборвать, какъ и началось оно. И досаднѣе всего, — Ирра Паэнъ замѣтно нервничала, а его темные глаза на бритомъ, смугломъ лицѣ спокойно, выжидающе улыбались при свѣтѣ фонаря...

Если онъ противникъ, то противникъ далеко незаурядный. Съ такимъ лучше всего покончить разъ навсегда. Незамѣтно сдѣлать шагъ впередъ и, подойдя вплотную, выстрѣлить изъ рукава, выстрѣлить прямо въ сердце. Кругомъ пустынно, безлюдно... Тамъ, за рулемъ чернѣющаго автомобиля, — свой человѣкъ. Черезъ пять минутъ она будетъ у себя на улицѣ Четырехъ фонтановъ.

А онъ куритъ, зажавъ бѣлыми, крѣпкими зубами сигару, безконечно далекій отъ мысли, что смерть такъ близко, такъ нестерпимо близко, и уже дышетъ въ лицо и уже готова обвѣять своими холодными крыльями...

Въ послѣдній моментъ ею вновь овладѣло сомнѣніе. А что, если это „не онъ“? Если это и вправду любитель ночныхъ прогулокъ, наслаждающійся величественной панорамою спящаго, Вѣчнаго Города?

Уйти! Уйти, даже не кивнувъ въ отвѣтъ на поклонъ, какъ это сдѣлала бы свѣтская дама, эксцентричности ради заговорившая съ незнакомымъ мужчиною.

Но что-то удерживало... Нельзя такъ уйти! Нельзя, чтобы онъ ускользнулъ изъ поля ея зрѣнія... Быть можетъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ, она расшифруетъ его и тогда — горе вамъ, молодой, интересный брюнетъ!

И это уже была другая Ирра Паэнъ. Точно подмѣнили ее. Дѣтски-капризной стала излучина губъ и такъ же дѣтски-капризно встрепенулись рѣсницы...

А голова работала мучительно, какъ быть? Какъ выйти изъ всего этого? Пусть шофферъ сэра Джемса хоть до утра ее ждетъ...

Она сказала:

— Мнѣ самой себя стыдно. Вотъ что значитъ въ ко-

нынѣ princesse Dolgoroukoff, на улицѣ Четырехъ фонтановъ.

Ирра Паэнъ привезла съ собой горничную, испанку Марію. Уже по одной своей внѣшности она была весьма примѣчательнымъ существомъ. Костлявая, худая, плоская, съ крупными, мужественными чертами лица, Марія имѣла весьма зловѣщій видъ. А къ глазамъ ея сама Ирра Паэнъ долго не могла привыкнуть...

Годъ тому назадъ Марія служила у знаменитой танцовщицы Медеи Фанаретъ. Но послѣ того, какъ покровитель Медеи банкиръ Адольфъ Мекси, сдѣлавшій революцію въ Дистріи изъ ненависти къ наслѣдному принцу Язону, погибъ загадочной смертью—мы при случаѣ вспомнимъ какой именно, — Медея рѣшила отпустить Марію, снабдивъ ее лестными рекомендаціями. Въ этихъ рекомендаціяхъ Медея подчеркивала самую беззавѣтную преданность Маріи. Дѣйствительно, хотя горничная иногда и покрикивала на свою госпожу, и бывала груба съ нею, но въ преданности Маріи, въ слѣпой, собачьей преданности, Фанаретъ имѣла возможность убѣдиться не разъ.

Ирра Паэнъ получила Марію по наслѣдству отъ Медеи, съ которой была знакома съ той поры, когда еще Фанаретъ была пріятельницею Мата-Гари.

Иррѣ Паэнъ нужна была именно такая горничная. Умѣетъ языкъ держать за зубами — клещами не выдерешь, — и ей можно довѣрять все, начиная съ брилліантовъ и кончая секретными документами.

На звонокъ своей госпожи, Марія впустила ее и незнакомца. Гладко причесанная и вся въ самомъ строгомъ черномъ, какъ горничная хорошаго дома, и какъ избѣгающая всего свѣтлаго испанка, Марія подарила спутника Ирры Паэнъ такимъ пронизывающимъ взглядомъ, что ему стало не по себѣ, хотя онъ былъ совсѣмъ не робкимъ и видавшимъ всякіе виды мужчиною.

Марія сказала своей госпожѣ очень тихо нѣсколько словъ по испански. И это, произнесенное чуть слышно, все же походило на воронье карканье. Госпожа отвѣтила ей глазами, и Марія поджала свои тонкія, сухія губы...

Во второмъ этажѣ, въ гостинной, безъ верхняго платья и при яркомъ электричествѣ, Ирра Паэнъ и ея ночной гость могли, какъ слѣдуетъ, разсмотрѣть другъ друга.

И вотъ совпаденіе: Сэръ Джемсъ, увидя Ирру Паэнъ, припомнилъ какую-то кино-звѣзду, схожую съ нею. А ей, Иррѣ

Паэнъ, этотъ знакомый незнакомецъ напомнилъ Рикардо Кортеса, божка всѣхъ посѣтительницъ кино. Только Кортесъ былъ моложе и красивѣе, чѣмъ этотъ неизвѣстный. Хотя и неизвѣстный былъ и молодъ и красивъ съ такимъ же выразительнымъ и южнымъ лицомъ. Его густые волосы, которымъ парикмахерскія ножницы не давали разростись въ буйную шапку, слегка вились. Одѣтый съ изящной скромностью, онъ былъ хорошо сложенъ. Голова какъ-то увѣренно сидѣла на довольно широкихъ плечахъ. И такъ же увѣренно держался онъ. Эта увѣренность, однако, не отдавала нисколько ни развязностью, ни дурнымъ тономъ. Подобныя манеры даются либо тщательнымъ воспитаніемъ, либо вырабатываются позже общеніемъ съ людьми свѣта.

Все это оцѣнила Ирра Паэнъ, и отмѣтила съ перваго взгляда.

— Я васъ оставлю, — сказала она, — а тѣмъ временемъ намъ приготовятъ чай. Вы не голодны? Если да, могу вамъ предложить холодный ужинъ?..

— О, въ такихъ случаяхъ я всегда откровененъ. Съ удовольствіемъ съѣмъ что-нибудь... Эта прогулка... и онъ вдругъ осѣкся, и на мгновеніе черты его, черты мужчины, говорящаго въ гостинной съ интересной дамой, измѣнились. Ахъ, еслибъ эти слова можно было вернуть! Теперь отказываться, — уже неловко.

Это было секундою, можетъ быть, двумя. Онъ овладѣлъ своимъ лицомъ и оно было уже опять „салоннымъ".

Отъ Ирры Паэнъ не ускользнула эта игра его лицевыхъ мускуловъ. Она чуть-чуть улыбнулась, бросивъ уже изъ-за портьеры:

— Минутъ черезъ пять...

Оставшись одинъ, гость снялъ маску. Охватила не тревога, нѣтъ, охватило смутное какое-то безпокойство. Онъ потрогалъ задній карманъ, гдѣ у него всегда находился револьверъ.

Неужели, неужели ловушка? Эта горничная? Лицо гладко причесанной старѣющей вѣдьмы. Глаза отравительницы. Такая способна вонзить стилетъ между лопатокъ мужчинѣ, забывшему все въ объятіяхъ госпожи. Такихъ, навѣрное, имѣли при себѣ и Лукреція Борджіо и Катерина Медичи.

Во всякомъ случаѣ, онъ такъ себя легко не... Взглянувъ въ надкаминное зеркало въ массивной золоченой рамѣ, онъ увидѣлъ глазъ, наблюдавшій его въ отверстіе между

— Ровно черезъ двѣ минуты вы откроете дверь и впустите. Не раньше!..

Затѣмъ обратилась къ своему гостю:

— Извините меня! Крайне досадно, что наше чаепитіе нарушено такъ... такъ совсѣмъ некстати. Черезъ двѣ минуты сюда къ намъ войдетъ господинъ. Это не мой мужъ, и не мой любовникъ. Я возмущена его позднимъ вторженіемъ. Впущу для того только, чтобы разъ навсегда поставить на свое мѣсто. Хотите избѣжать встрѣчи? Есть время уйти черной лѣстницей. Марія принесетъ снизу ваше пальто...

— Madame, это ваше желаніе, или совѣтъ?

— Совѣтъ. Добрый совѣтъ... Хочу, чтобы въ моемъ домѣ... Я не хочу подвергать непріятностямъ...

— Кого? Себя, или меня?..

— Васъ!..

— Въ такомъ случаѣ, я и шагу не сдѣлаю изъ этой комнаты... Пока я здѣсь, никто не посмѣетъ...

Новый звонокъ, еще болѣе нетерпѣливый и властный. Его настойчивое дребезжаніе наполнило весь домъ. Казалось, дрожитъ стеклянная дверца шкафа, дрожатъ за нею фарфоровыя бездѣлушки.

— Откройте!

Горничная удалилась съ такимъ же костистымъ, пергаментнымъ лицомъ, съ какимъ ожидала, пока пройдутъ необходимыя двѣ минуты.

И вотъ здѣсь то, незнакомецъ, ничего до сихъ поръ не понимающій, дивился самообладанію Ирры Паэнъ. Она сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ, ничуть не дрожащей рукою наливая себѣ чай.

Марія. Вслѣдъ за нею Отто фонъ-Армфельдъ, въ разстегнутой шубѣ и въ съѣхавшей на затылокъ шляпѣ. И эта шляпа, и лицо, и весь его видъ говорили: если онъ не пьянъ, то, во всякомъ случаѣ, сильно возбужденъ. Да, онъ былъ такъ возбужденъ въ первый моментъ, даже не замѣтилъ гостя Ирры Паэнъ.

— Такъ вотъ какъ вы работаете до поздней ночи? За коньякомъ! А когда я телефонирую, dass wir zollen ein Glass Konjak susammen trinken, тогда вы придумываете какія-то глупыя отговорки. Вы знаете, что я могу васъ контролировать въ любое время дня и ночи? Когда пожелаю! Вы это знаете? — повторялъ бывшій „майскій жукъ“, надвигаясь на Ирру Паэнъ—ихъ раздѣлялъ чайный столикъ—и угрожающе то поднимая, то опуская руку.

Паэнъ, этотъ знакомый незнакомецъ напомнилъ Рикардо Кортеса, божка всѣхъ посѣтительницъ кино. Только Кортесъ былъ моложе и красивѣе, чѣмъ этотъ неизвѣстный. Хотя и неизвѣстный былъ и молодъ и красивъ съ такимъ же выразительнымъ и южнымъ лицомъ. Его густые волосы, которымъ парикмахерскія ножницы не давали разростись въ буйную шапку, слегка вились. Одѣтый съ изящной скромностью, онъ былъ хорошо сложенъ. Голова какъ-то увѣренно сидѣла на довольно широкихъ плечахъ. И такъ же увѣренно держался онъ. Эта увѣренность, однако, не отдавала нисколько ни развязностью, ни дурнымъ тономъ. Подобныя манеры даются либо тщательнымъ воспитаніемъ, либо вырабатываются позже общеніемъ съ людьми свѣта.

Все это оцѣнила Ирра Паэнъ, и отмѣтила съ перваго взгляда.

— Я васъ оставлю, — сказала она, — а тѣмъ временемъ намъ приготовятъ чай. Вы не голодны? Если да, могу вамъ предложить холодный ужинъ?..

— О, въ такихъ случаяхъ я всегда откровененъ. Съ удовольствіемъ съѣмъ что-нибудь... Эта прогулка... и онъ вдругъ осѣкся, и на мгновеніе черты его, черты мужчины, говорящаго въ гостинной съ интересной дамой, измѣнились. Ахъ, еслибъ эти слова можно было вернуть! Теперь отказываться, — уже неловко.

Это было секундою, можетъ быть, двумя. Онъ овладѣлъ своимъ лицомъ и оно было уже опять „салоннымъ“.

Отъ Ирры Паэнъ не ускользнула эта игра его лицевыхъ мускуловъ. Она чуть-чуть улыбнулась, бросивъ уже изъ-за портьеры:

— Минутъ черезъ пять...

Оставшись одинъ, гость снялъ маску. Охватила не тревога, нѣтъ, охватило смутное какое-то безпокойство. Онъ потрогалъ задній карманъ, гдѣ у него всегда находился револьверъ.

Неужели, неужели ловушка? Эта горничная? Лицо гладко причесанной старѣющей вѣдьмы. Глаза отравительницы. Такая способна вонзить стилетъ между лопатокъ мужчинѣ, забывшему все въ объятіяхъ госпожи. Такихъ, навѣрное, имѣли при себѣ и Лукреція Борджіо и Катерина Медичи.

Во всякомъ случаѣ, онъ такъ себя легко не... Взглянувъ въ надкаминное зеркало въ массивной золоченой рамѣ, онъ увидѣлъ глазъ, наблюдавшій его въ отверстіе между

— Ровно черезъ двѣ минуты вы откроете дверь и впустите. Не раньше!..

Затѣмъ обратилась къ своему гостю:

— Извините меня! Крайне досадно, что наше чаепитіе нарушено такъ... такъ совсѣмъ некстати. Черезъ двѣ минуты сюда къ намъ войдетъ господинъ. Это не мой мужъ, и не мой любовникъ. Я возмущена его позднимъ вторженіемъ. Впущу для того только, чтобы разъ навсегда поставить на свое мѣсто. Хотите избѣжать встрѣчи? Есть время уйти черной лѣстницей. Марія принесетъ снизу ваше пальто...

— Madame, это ваше желаніе, или совѣтъ?

— Совѣтъ. Добрый совѣтъ... Хочу, чтобы въ моемъ домѣ... Я не хочу подвергать непріятностямъ...

— Кого? Себя, или меня?..

— Васъ!..

— Въ такомъ случаѣ, я и шагу не сдѣлаю изъ этой комнаты... Пока я здѣсь, никто не посмѣетъ...

Новый звонокъ, еще болѣе нетерпѣливый и властный. Его настойчивое дребезжаніе наполнило весь домъ. Казалось, дрожитъ стеклянная дверца шкафа, дрожатъ за нею фарфоровыя бездѣлушки.

— Откройте!

Горничная удалилась съ такимъ же костистымъ, пергаментнымъ лицомъ, съ какимъ ожидала, пока пройдутъ необходимыя двѣ минуты.

И вотъ здѣсь то, незнакомецъ, ничего до сихъ поръ не понимающій, дивился самообладанію Ирры Паэнъ. Она сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ, ничуть не дрожащей рукою наливая себѣ чай.

Марія. Вслѣдъ за нею Отто фонъ-Армфельдъ, въ разстегнутой шубѣ и въ съѣхавшей на затылокъ шляпѣ. И эта шляпа, и лицо, и весь его видъ говорили: если онъ не пьянъ, то, во всякомъ случаѣ, сильно возбужденъ. Да, онъ былъ такъ возбужденъ въ первый моментъ, даже не замѣтилъ гостя Ирры Паэнъ.

— Такъ вотъ какъ вы работаете до поздней ночи? За коньякомъ! А когда я телефонирую, dass wir zollen ein Glass Konjak susammen trinken, тогда вы придумываете какія-то глупыя отговорки. Вы знаете, что я могу васъ контролировать въ любое время дня и ночи? Когда пожелаю! Вы это знаете? — повторялъ бывшій „майскій жукъ“, надвигаясь на Ирру Паэнъ—ихъ раздѣлялъ чайный столикъ—и угрожающе то поднимая, то опуская руку.

Не успѣлъ онъ кончить послѣднюю фразу, — Ирра Паэнъ стояла передъ нимъ гнѣвная и—это показалось незнакомцу—выше ростомъ, чѣмъ всегда.

— Какъ вы смѣли врываться ко мнѣ въ шляпѣ? Никто, слышите, никто не вправѣ меня контролировать, а тѣмъ болѣе вы! Потрудитесь сейчасъ же выйти!

— Я не уйду! У меня есть порученіе und ich muss...

Глаза его встрѣтились съ глазами вплотную подошедшаго брюнета. Свѣтлый, свѣтлый блондинъ и брюнетъ.

Во всякое другое время можно было бы залюбоваться этимъ великолѣпнымъ контрастомъ...

Ирра Паэнъ ожидала, что прошенный и непрошенный гости начнутъ со взаимныхъ оскорбленій — что можетъ быть естественнѣй и логичнѣй? — но оба они замерли, всматриваясь другъ въ друга, особенно всматриваясь, какъ бы вѣря и не вѣря своимъ собственнымъ глазамъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неувѣренность переходила въ увѣренность, внутри каждаго накапливалась злоба. У Армфельда медленнѣе, у брюнета — въ болѣе быстромъ темпѣ.

Теперь уже никакихъ сомнѣній.

— Графъ Маташичъ, какъ вы попали въ этотъ домъ? Was machen Sie hier?

— Это уже мое дѣло, господинъ фонъ-Армфельдъ. Но, прежде всего, долой шляпу, въ присутствіи женщины, и, вообще, вы держите себя съ дамой не какъ дворянинъ и офицеръ, а какъ монмартрскій апашъ! — Съ этими словами, тотъ, кого Армфельдъ назвалъ графомъ Маташичемъ, сбилъ съ его головы шляпу.

Это оскорбленіе мигомъ отрезвило „майскаго жука“, удвоивъ его бѣшенство. Но Армфельдъ не успѣлъ выхватить револьверъ свой, вѣрнѣе едва только успѣлъ это сдѣлать, Маташичъ, бросившись къ нему, жестокимъ, ломающимъ кости, пріемомъ джіу-джицу такъ вывернулъ ему кисть руки, что оружіе выпало на коверъ. Маташичъ ударомъ ноги откинулъ его прочь...

Если бы не онѣмѣвшая отъ боли рука, „майскій жукъ“ схватился бы съ Маташичемъ въ свирѣпой схваткѣ двухъ самцовъ. Но и при его большой физической силѣ, одна лѣвая рука не обѣщала ничего, кромѣ пораженія, а избитымъ онъ вовсе не желалъ быть.

Кромѣ того, между ними стояла уже Ирра Паэнъ.

— Господа, я не допущу въ моемъ домѣ... Это бе-

зобразно, дико... А вы, Армфельдъ, уходите сію же минуту!

— А онъ? — вызывающе спросилъ Армфельдъ.

— Тотъ, кого вы называете „онъ“, — останется!

— Хорошо же! Я уйду, но ваше поведеніе... Sie werden Morgeu Antwort geben! А съ вами, графъ Маташичъ, мы еще встрѣтимся, и, во всякомъ случаѣ, это буду не я, кому отъ этой встрѣчи не поздоровится!..

Армфельдъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, напоминалъ хищника, и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, двигались его маленькія, прижатыя къ черепу, уши. Лѣвой рукою—пальцы правой не повиновались еще, — поднялъ шляпу, отыскалъ револьверъ, закатившійся подъ кресло, и въ сопровожденіи горничной, какъ траурной тѣни своей, удалился.

— Что все это значитъ? — спросила блѣдная Ирра Паэнъ.

— Мнѣ кажется, madame, я съ большимъ успѣхомъ вправѣ задать вамъ именно этотъ вопросъ? — молвилъ Маташичъ, хотя и подчеркнуто-любезнымъ тономъ, однако, выраженіе его лица никакъ нельзя было назвать любезнымъ...

— Я вамъ ничего не скажу, не дамъ никакихъ объясненій.

— Это ваше право, — холодно отвѣтилъ онъ, уже готовый откланяться.

Но Ирра Паэнъ остановила его.

— Куда вы? Нечего сказать, мило съ вашей стороны, послѣ этой отвратительной сцены, вы спѣшите меня покинуть, не давъ даже поблагодарить васъ... Ну, словомъ, графъ, вы остаетесь, и мы будемъ продолжать наше чаепитіе и нашу болтовню, такъ глупо, и такъ грубо прерванныя.

— Madame мнѣ позволитъ уйти?—упрямствовалъ онъ.

— Нѣтъ, не позволю! Чѣмъ, какими силами удержать васъ? — и она подошла къ нему и коснулась его плеча своими нѣжными, выхоленными руками. И все это было такъ близко, что онъ увидѣлъ зрачки ея синихъ глазъ, почувствовалъ ея дыханіе, услышалъ запахъ ея тѣла, смѣшанный съ ароматомъ духовъ.

— Останьтесь! Я не хочу, не хочу быть одна!..

Маташичу было только тридцать пять лѣтъ, а въ его жилахъ текла горячая, южная кровь. Онъ едва поборолъ себя, чтобы не схватить въ объятія это гибкое тѣло и не прильнуть губами къ ея полуоткрытымъ губамъ. Про-

ведя по лицу рукою, словно отгоняя этимъ движеніемъ соблазнъ, Маташичъ отвѣтилъ:

— Я посижу еще съ вами.

— Вотъ! Какой же вы хорошій! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, до чего все это, въ концѣ концовъ, не банально...

— Благодарю васъ! — иронически отозвался Маташичъ, — такъ не банально — не подоспѣй я во время,— Армфельдъ всадилъ бы въ меня пулю...

— Это было бы ужасно! — вырвалось у нея. — Но гдѣ вы научились этимъ японскимъ пріемамъ?

— На мѣстѣ. Въ Японіи.

— А съ Армфельдомъ вы тоже встрѣчались въ Японіи? — на этотъ разъ уже она спросила съ ироніей.

— Нѣтъ.

— А гдѣ же?

— Это васъ очень интересуетъ? О себѣ вы молчите, но ваша любознательность по отношенію къ другимъ...

— Я женщина!

Маташичъ, ничего не отвѣтивъ, попросилъ разрѣшеніе курить, и получивъ таковое, зажегъ сигару.

Нѣсколько минутъ сидѣли молча. Это была реакція послѣ случившагося. И онъ, и она думали, каждый о чемъ — то своемъ. И было тихо, и ясно хрипѣло синее пламя спиртовки, охватывая круглое брюшко серебряннаго чайника.

Ворвался телефонный звонокъ.

— Эта ночь, прямо безумная какая-то! — вздрогнула Ирра Паэнъ.

На этотъ разъ она не притворила за собою дверь...

— Allo!

— У телефона Джемсъ Мурей!

— Такъ поздно? Что вамъ угодно?

— Простите меня... Только что вернулся Армфельдъ... Онъ мнѣ наговорилъ такихъ страшныхъ вещей... Я рѣшилъ немедленно узнать, въ чемъ же дѣло?

— Pardon, одинъ моментъ!

Отойдя отъ телефона, закрывъ дверь и вернувшись, она сказала:

— Армфельдъ держалъ себя съ отвратительной наглостью. Если вы дорожите моимъ сотрудничествомъ, — одно изъ двухъ: или держите его въ смирительной рубашкѣ, или... Сэръ Джемсъ, я совсѣмъ сплю,.. Доброй ночи!..

9. „Магъ и чародѣй“.

Прежде чѣмъ Аронъ Церъ сдѣлался Ансельмо Церини, чѣмъ и кѣмъ онъ только не былъ, и какихъ только не вкусилъ профессій? Однако, останавливаться на его біографіи, хотя весьма пестрой и поучительной, не будемъ.

Началъ онъ задолго еще до войны ярмарочнымъ шуллеромъ. Онъ разъѣзжалъ по всѣмъ мѣстечкамъ юго-западнаго края, куда въ ярмарочные дни стекались помѣщики и ремонтеры. Конечно, не обходилось безъ такъ называемаго „дзябелка“,—по мѣстному, или „ландскнехта“. Именно такъ называется въ Европѣ эта азартная игра.

За „ландскнехтомъ“ и получилъ будущій Ансельмо Церини первое свое „боевое крещеніе“. Его крестнымъ папашей былъ здоровенный, усатый штабсъ-ротмистръ одного изъ полковъ одинадцатой кавалерійской дивизіи. Одни говорили, что это „имѣло мѣсто“ въ Ямполѣ, другіе называли Меджибожъ, третьи — Ярмолинцы, но не все ли равно, гдѣ произошелъ этотъ печальный фактъ? Важно, что это былъ фактъ несомнѣнный.

У Цера навсегда остался шрамъ на лѣвой щекѣ, — слѣдъ тяжелаго подсвѣчника.

Дальше, дальше — значительный пробѣлъ въ біографіи Цера, и мы видимъ его уже личнымъ секретаремъ Адольфа Мекси, уже упоммянутаго нами *).

Послѣ столь же трагической, сколь и загадочной смерти банкира, его личный секретарь недолго оставался на распутьи. Но еслибъ даже и долго, то Ансельмо Церини выдержалъ бы какую угодно „безработицу“. На черный день припасъ кое-что. Нѣсколько лѣтъ быть личнымъ секретаремъ такого финансоваго мага, какъ Адольфъ Мекси, — называли же его „дистрійскимъ волшебникомъ“ — и не сдѣлать сотню другую тысячъ долларовъ,—было бы уже совсѣмъ глупо. А Церини, хотя смѣшнымъ и бывалъ, но дуракомъ—никогда не былъ.

Онъ, этотъ полуграмотный, невѣжественный человѣкъ, говорившій на трехъ-четырехъ языкахъ и на всѣхъ одинаково убійственно, учелъ настроеніе общества послѣвоенной Европы, учелъ тяготѣніе мятущихся, разочарованныхъ душъ ко всему оккультному, всему потустороннему.

И онъ рѣшилъ сдѣлаться этакимъ маленькимъ Каліостро. А почему бы и нѣтъ? Развѣ тотъ, настоящій Ка-

---

*) См. мой романъ „Принцъ и танцовщица“.

ліостро не былъ проходимцемъ и шарлатаномъ, и развѣ его научный и умственный багажъ превышалъ таковой же господина Ансельмо Церини?..

Только надо разъ навсегда облечься въ мрачную внѣшность. У Ансельмо Церини слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Не безъ сожалѣнія разстался онъ со свѣтлыми костюмами, особенно съ нѣжно-сиреневой визиткой, къ которой у него была большая слабость и которой не выносила Медея Фанаретъ подруга Адольфа Мекси.

Каліостро долженъ быть во всемъ черномъ. И Ансельмо Церини началъ облекаться во все черное, до цилиндра и перчатокъ, включительно. Это было въ стилѣ черныхъ бороды и усовъ. И даже въ стилѣ пересѣкавшаго щеку шрама. Этотъ шрамъ таилъ какую-то недоговоренность. Почемъ знать, быть можетъ, какая-нибудь любовная драма, съ ударомъ кинжала, вмѣсто эпилога?.. Такъ думали многіе...

Выдерживая стиль, Ансельмо Церини поступился даже крупнымъ брилліантомъ на плебейскомъ короткомъ мизинцѣ, Брилліантъ былъ замѣненъ какимъ-то символическимъ перстнемъ, по словамъ Церини, не то египетскаго, не то халдейскаго происхожденія.

На слѣдующее утро, послѣ безпокойной, едва не завершившейся трагически ночи, Ансельмо Церини позвонилъ у подъѣзда особняка на улицѣ Четырехъ Фонтановъ.

Открыла Марія. Для него было сюрпризомъ увидѣть здѣсь бывшую камеристку Медеи Фанаретъ и, хотя онъ терпѣть не могъ Маріи, отвѣчавшей ему полной взаимностью, однако поспѣшилъ обнажить въ улыбкѣ пять, шесть золотыхъ зубовъ.

— А, донья Марія! Кель сюрпризъ! Коме ва? — путалъ онъ вмѣстѣ испанскій, французскій и итальянскій.

Марія не удостоила его отвѣтомъ.

Принятъ онъ былъ въ той самой гостинной, гдѣ вчера, вѣрнѣе сегодня, почти на зарѣ, „майскій жукъ" едва не застрѣлилъ Маташича.

Ансельмо Церини, въ черной визиткѣ и съ чернымъ цилиндромъ на колѣняхъ, сидѣлъ передъ Иррой Паэнъ.

— Ну, какъ ваши дѣла, Церини? Что выгоднѣе, — состоять при Мекси, или дурачить легковѣрную публику?..

— О, мадамъ! Какъ вамъ сказать? Это зависитъ... са депанъ... Конечно, покойный Мекси былъ моимъ благодѣтелемъ, и память объ этомъ величайшемъ изъ банки-

ровъ никогда не изгладится въ моемъ сердцѣ! Жамэ! Но, я не могу пожаловаться и на мои спиритическіе сеансы. Особенно теперь, когда у меня есть замѣчательный медіумъ.

— Женщина, конечно?

— О, вуй, мадамъ, вуй! Юнъ фамъ шармантъ, рависантъ, юнъ веритабль прэнсессъ рюсъ! Но вы, ради Бога, не подумайте... Между нами ничего нѣтъ... Ріенъ! Абсолюманъ ріенъ!..

— Церини, успокойтесь! Менѣе всего интересуетъ меня, есть ли у васъ что-нибудь съ настоящей русской княгиней?.. Я васъ не за этимъ позвала.

— Да, да, я понимаю! Же компранъ біенъ! А пропо, мадамъ, у васъ нѣтъ никакихъ извѣстій о Медеѣ?

— Никакихъ, Церини, извѣстій, никакихъ! Вы все такой же неисправимый болтунъ?..

— Фанаретъ—злая особа. Мы не ладили! Юнъ тре, тре мешантъ фамъ! Сколько она стоила моему бѣдному патрону?.. Сколько она ему стоила...

— Церини! — воспослѣдовалъ энергичный призывъ къ порядку.

— Я ничего, ничего! — встрепенулся маленькій Каліостро, — же ву зекутъ, мадамъ, же ву зекутъ!..

— Сколько вамъ платятъ за сеансъ?

— Сколько мнѣ платятъ? Сколько я получаю? — тянулъ Ансельмо, боясь продешевить, — о, это зависитъ, мадамъ...

— Но все же? Приблизительно?..

— Приблизительно?.. Онъ пэй біенъ. Тре біенъ... — пытался онъ выиграть время.

— Ансельмо, если вы сейчасъ же по-человѣчески не отвѣтите мнѣ коротко и точно, Марія подастъ вамъ пальто и вмѣсто васъ я возьму кого-нибудь другого!

— Ну, хорошо, хорошо! Я не буду больше! Честное слово, не буду! Ма пароль донеръ! Я уже говорю! Я уже сказалъ! Въ среднемъ, въ среднемъ я получаю сто долларовъ.

— Вы получите сто пятьдесятъ! Въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ, вы точно узнаете—когда, вы устроите у меня спиритическій сеансъ.

— Отчего же нѣтъ? Авекъ гранъ плезиръ! Вы увидите, что это за медіумъ! Увидите, какая она субтильная..,

— Да, замолчите же, наконецъ!

— Уже! Уже молчу!

— Ансельмо, одно условіе: то, во что вы будете сейчасъ посвящены, должно остаться глубокой тайной! Поняли?

— Еще какъ понялъ! Я буду нѣмъ, какъ рыба... Нѣтъ! Какъ могила! Ма пароль донеръ!..

Ирра Паэнъ презрительно улыбнулась.

— Честное слово? Да еще ваше? Для меня это звукъ пустой! Знайте же, если вы проболтаетесь, васъ вышлютъ съ двумя карабинерами, а газеты разоблачатъ васъ, какъ шарлатана!..

— Ой, я не хочу быть высланнымъ! Не хочу!—взмолился перепуганный Ансельмо, — да еще съ карабинерами?.. Довольно съ меня испанскихъ карабинеровъ!.. Знаете, когда мы жили съ моимъ другомъ Мекси въ Санъ-Себастіанѣ...

— То вы не смѣли даже и слова пикнуть въ его присутствіи? Это я знаю! Церини, на эту вашу русскую княгиню можно положиться?

— Са депанъ? Въ какомъ смыслѣ?

— Въ такомъ, что она не возьметъ и не перепутаетъ всего... Это было бы ужасно! То, что будетъ говорить духъ, и тѣ вопросы, которые она будетъ ему задавать, — все это должно быть строго мною проредактировано. Вы получите уже готовый діалогъ. Вы ручаетесь за нее? Говорите прямо, безъ увертокъ! — и въ синихъ глазахъ столько было властно приказывающаго, Ансельмо, при всемъ желаніи, не смѣлъ увильнуть.

— Скажу прямо, что нѣтъ! Ель э трэ нервезъ! Она, дѣйствительно, впадаетъ въ трансъ, входитъ въ контактъ съ духомъ... Понимаете, это можетъ скомпроментировать...

Ирра Паэнъ подумала немного и тотчасъ же рѣшеніе было принято.

— Я сама замѣню вашу княгиню!

— Вы сами?!..

— Надѣюсь, это не такъ будетъ трудно? Темная комната... Мы садимся вокругъ стола, беремся за руки, а остальное, остальное уже предоставьте мнѣ...

— Пусть будетъ такъ! — вздохнулъ Церини,—но только съ вашимъ участіемъ, мадамъ Ирра Паэнъ, са кутера плю шеръ.

— Запомните разъ навсегда! Здѣсь нѣтъ Ирры Паэнъ, здѣсь я — венгерская княгиня Карачіони. Слышите?

— Вуй, мадамъ ла контессъ, вуй!..

— Сколько же вы хотите прибавки?

— Ну, по крайней мѣрѣ, еще пятьдесятъ долларовъ!

— Это много! Будетъ съ васъ и двадцати пяти! Потрудитесь явиться во фракѣ. У васъ есть какіе-нибудь ордена?

— У меня есть шейный дистрійскій орденъ „Чернаго Медвѣдя“ и къ нему звѣзда.

— Еще?

— Еще? Лежіонъ донэръ...

— Настоящій, или самозванный?

— Честное слово, настоящій! Мнѣ устроилъ покойный Мекси. Его личный секретарь долженъ былъ имѣть Почетный Легіонъ... но если вы хотите, если шеръ контесъ прикажетъ, я могу нацѣпить еще нѣсколько орденовъ. Чего ихъ жалѣть?

— Не надо. Я не хочу, чтобъ у васъ былъ видъ ярмарочнаго фокусника. Ну, вотъ, и все! — молвила Ирра Паэнъ, вставая.

— Ухожу, ухожу, но, только, графиня, могу я задать одинъ вопросъ? Одинъ совсѣмъ маленькій вопросъ?

— Говорите.

— Будетъ присутствовать какая-нибудь особа?

— Можетъ быть... въ сосѣдней комнатѣ...

— Она меня увидитъ?

— Пожалуй, да... Но такъ, что вы ее не увидите.

— А кто это, смѣю спросить? Назовите первую букву!.. Первую букву только!..

— Ничего не скажу. Догадаетесь сами во время сеанса. Помните же, или вы, дѣйствительно будете молчать, или — карабинеры!

— Я не хочу карабинеровъ! Довольно съ меня!—замахалъ обѣими руками человѣкъ со шрамомъ на лѣвой щекѣ. — Послѣдній вопросъ, уже совсѣмъ послѣдній! А сколько я долженъ привести съ собою оккультистовъ? Комбіенъ?..

— Ни одного! Будутъ все мои люди. До свиданія! Кстати, я слышала, вы уже начинаете входить въ славу?

— Еше въ какую! — самодовольно просіялъ Ансельмо, — позавчера былъ сеансъ въ Палаццо Боргезе, вчера—у маркиза Паллавичини, сегодня я буду работать у англійскаго посланника... Завтра же...

— Довольно! Ждите моего телефона.

— О ревуаръ, контесъ, мэ комплиманъ! — все еще расшаркивался Ансельмо, хотя въ гостинной уже не было

Ирры Паэнъ, а вмѣсто нея появилась мрачная зловѣще-траурная испанка.

Церини мгновенно сократился.

10. Зауръ-бекъ собирается показать фокусъ.

Дождливый, туманный вечеръ. Такіе — не рѣдкость въ Бѣлградѣ. Безсильно какъ-то, не давая сіянія лучей, горятъ фонари.

Это даже не горѣніе. а такъ, миганіе какое-то, обведенное чѣмъ-то оранжевымъ пополамъ съ янтаремъ.

Берегъ Дуная шевелился густою мглою, застилавшей Земунъ. Мостъ черезъ Саву казался мостомъ въ безконечность.

Но въ туманѣ есть еще хоть поэзія. Это—фонъ для какой угодно фантастики. Но и въ косомъ, назойливомъ дождѣ, и въ липкой грязи ужасныхъ мостовыхъ, очень мало поэзіи и очень много чего-то нуднаго, угнетающаго.

Именно въ такой поздній вечеръ, — его съ успѣхомъ можно было бы назвать ночью, — съ туманомъ, съ оранжево-янтарнымъ миганіемъ фонарей въ бѣлесовато-молочной дымкѣ, съ косымъ дождемъ и грязью, облѣпляющей обувь, отъ площади Славія поднимался вверхъ по Делиградской улицѣ силуэтъ. Да, силуэтъ. Фигурой нельзя назвать. Фигура, — нѣчто тѣлесное изъ трехъ измѣреній, силуэтъ же безтѣлесенъ, какъ призракъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ вечеръ все чудилось призрачнымъ.

Силуэтъ скользнулъ — силуэты не ходятъ, а скользятъ, — во дворикъ, типичный бѣлградскій дворикъ, съ каменнымъ домомъ и маленькими, словно игрушечными флигелями.

Въ одномъ изъ такихъ флигелей свѣтилось окно и свѣтилась дверь, на половину стеклянная.

Силуэтъ постучалъ, вошелъ, и очутившись среди людей, озаренныхъ электрической грушей, самъ превратился въ существо реальное и тѣлесное.

Было накурено, и было выпито. Сизое облако застилало комнату. Двѣ, три уже пустыхъ бутылки клековача и сливовицы. Нѣсколько возбужденныхъ и раскраснѣвшихся физіономій.

— А, Зауръ-Бекъ!..

Это относилось къ вошедшему.

Даже въ Бѣлградѣ, — вотъ, гдѣ ужъ совсѣмъ не въ диковинку и русскіе офицерскіе погоны и русская офи-

церская форма, онъ былъ единственный. Онъ даже сохранилъ на серебрянныхъ погонахъ букву Ч, обозначавшую Чеченскій полкъ Дикой дивизіи. Строгая, темная черкеска, сшитая и скроенная съ особенно-горскимъ вкусомъ, говорила о своемъ, несомнѣнно кавказскомъ, происхожденіи. Нигдѣ, кромѣ Сѣвернаго Кавказа, не сошьютъ съ такимъ искусствомъ, съ такимъ свободнымъ обхватомъ таліи и съ такимъ ловкимъ переходомъ въ нижнія, „юбчатыя" складки. Узенькій, шириною въ мизинецъ, поясной ремень и на немъ мягкій револьверный чехольчикъ, не кобура, а именно чехольчикъ.

Отъ промокшей черкески шелъ паръ.

Какимъ чудомъ держалась папаха на самомъ затылкѣ, — это былъ секретъ носившаго ее. Дабы этотъ секретъ постичь, надо родиться горцемъ. А, въ общемъ, этотъ, далеко немолодой ротмистръ съ буквою „Ч" на погонахъ и со слѣдами бурь и буйно-сожженныхъ лѣтъ на скуластомъ, широкомъ и усатомъ лицѣ, былъ бы великолѣпнымъ янычаромъ, если бы родился эдакъ три-четыре столѣтія назадъ.

— Зауръ-Бекъ, родненькій! Ингушетія ты моя! И съ полу-пьяной любвеобильностью полѣзъ цѣловать мокрые отъ дождя, лихо-подкрученные усы вошедшаго, румяный, бритый и съ бритой головою, казачій полковникъ Абрикосовъ, котораго всѣ называли Абрикосомъ. Маленькіе глазки весело бѣгали, какъ два мышенка, а расплывчатымъ, пухлымъ лицомъ онъ весьма напоминалъ тѣхъ розовыхъ младенцевъ, что рисуютъ на мыльныхъ и парфюмерныхъ плакатахъ.

Сидѣли на кровати, сидѣли на стульяхъ, сидѣли на всемъ, на чемъ только можно было сидѣть.

— Чеченцу мѣсто, чеченцу! — суетился Абрикосовъ, и въ трезвомъ видѣ непосѣда ужасный, а во хмѣлю, — и того хуже.

Усилія его увѣнчались успѣхомъ. Онъ усадилъ Зауръ-Бека на что-то среднее между ящикомъ и табуретомъ.

— Сливовицы! Лютой сливовицы! — настаивалъ Абрикосовъ, и спохватившись, что сливовица уже выпита вся, вызвался: — я принесу! Мигомъ слетаю!..

— Сиди, Абрикосовъ! Поздно! Все закрыто!

— Для кого закрыто, а для кого и нѣтъ!

— Сиди! Сиди, Абрикосовъ! — съ гортаннымъ, горскимъ акцентомъ молвилъ Зауръ-Бекъ, — я и поужиналъ и выпилъ. Не за этимъ пришелъ. Дѣло есть!..

— Какое тамъ еще дѣло? — поблескивалъ проворными мышатами своими Абрикосовъ,—а я тутъ, братъ, понимаешь, скулю! Тоска зеленая! Подраться охота, понимаешь! Хоть бы войнишка, ну, хоть какая-нибудь, самая паршивая!

Зауръ-Бекъ молчалъ какъ-то загадочно, обводя всѣхъ присутствующихъ большими, темными глазами своими.

А плакатный младенецъ не унимался:

— Войнишку бы, братецъ! Ну, что мы такое, въ концѣ концовъ, послѣ шести лѣтъ войны? Махнемъ въ Бразилію, въ Мексику, или еще тамъ куда? Предложимъ свои шпаги... Тамъ, вѣдь, вѣчная революція! Лопецъ свергаетъ Гомеца, Гомецъ свергаетъ Лопеца... Наймемся къ Лопецу, или къ Гомецу... Чортъ бы ихъ дралъ, не все ли равно? Братцы, ей Богу! И какъ-то по дѣтски умоляюще смотрѣлъ Абрикосовъ на всѣхъ по-очередно, взывая о сочувствіи.

Но ему и такъ сочувствовали въ полной мѣрѣ. И эти, что собрались въ ненастный вечеръ въ игрушечномъ флигелѣ, и тѣ, что въ такихъ же игрушечныхъ флигеляхъ ютились по всему Бѣлграду и еще и еще далекіе, затерявшіеся въ Македоніи и въ Старой Сербіи, за Дунаемъ, всѣ мечтали объ одномъ и томъ же:

— Хоть бы самая паршивая войнишка!...

Если еще не подоспѣлъ часъ освобожденія Родины — ужасъ въ томъ, что „союзники“ не даютъ ей освободиться, — то въ ожиданіи, хоть бы съ кѣмъ-нибудь подраться.

— Мы—кондотьеры, — сказалъ Абрикосовъ. — Да, кондотьеры. Не жадные, безкорыстные, но ремесленники военнаго дѣла, — несомнѣнно! И хотя сербы, съ поистинѣ-славянскимъ радушіемъ распахнули передъ нами двери своихъ министерствъ, канцелярій, но, какое же утѣшеніе въ нудной канцелярской работѣ для тѣхъ, кто по обледѣнѣлымъ кручамъ Карпатъ съ боями рвался въ Будапештъ, этому сердцу Венгріи, кто въ конномъ строю бралъ укрѣпленные подступы къ Царицыну, кто семь лѣтъ не разставался съ винтовкой и саблей, ежеминутно рискуя разстаться съ жизнью?

Это все равно, если-бъ Валленштейновскихъ ландскнехтовъ съ изрубленными лицами, посѣдѣвшихъ въ бояхъ, безъ счета лившихъ кровь и чужую и свою собственную, посадили вдругъ писцами въ какое-нибудь „бюргерское“ учрежденіе.

То-же самое, или почти то-же самое читалъ Зауръ-

Бекъ огненными глазами своими сулеймановскаго янычара в въ глазахъ Абрикосова, и въ глазахъ маленькаго Александрійскаго гусара - первопоходника, и въ умныхъ печальныхъ глазахъ хозяина квартиры, полковника Константинона, и въ глазахъ всѣхъ остальныхъ.

Подъ черными едва, едва посеребренными усами чеченца играла коварная усмѣшка. Было такое впечатлѣніе— онъ умышленно вытягиваетъ паузу, чтобы тотъ мудренный фокусъ, который онъ сейчасъ покажетъ, вышелъ бы потрясающе эффектно! Такимъ же эффектнымъ, какъ если-бъ изъ широкихъ и длинныхъ рукавовъ его черкески выпорхнула стая голубей съ громкимъ шуршащимъ шелестомъ...

11. Соблазнительныя перспективы.

— Есть такое дѣло! — медленно съ оттяжкою, выпустилъ Зауръ-Бекъ изъ-подъ усовъ.

И, хотя никто ничего не понялъ, но всѣ поняли одно: этотъ лукавый ингушъ, ингушъ по крови, и чеченецъ, по своей буквѣ Ч на погонахъ, явился не спроста. Онъ еще ничего не сказалъ, но его глаза и его улыбка на пожившемъ морщинистомъ лицѣ — краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

И въ ожиданіи, всѣ какъ-то притихли. Даже Абрикосовъ, даже онъ прикусилъ языкъ, и только его глазки-мышата нащупающе бѣгали...

— Есть такое дѣло, — повторилъ Зауръ-Бекъ, — будетъ войнишка! Нужны люди; триста человѣкъ нужно. Давайте!..

— Только и всего!—разочаровался Абрикосъ.

— Хватитъ, — презрительно усмѣхнулся Зауръ - Бекъ.

— Братцы! Ну, вотъ! Чуяло мое сердце!

— Врешь, Абрикосъ, ничего не чуяло,—оборвалъ полковникъ Константиновъ, не мѣняя печальнаго выраженія глазъ.

Другой полковникъ Цѣшковскій высокій и длинный, даже когда сидѣлъ, одѣтый полуспортсмэномъ въ длинныхъ шерстяныхъ чулкахъ до колѣнъ, однодивизникъ Зауръ-Бека, служившій въ Черкескомъ полку, меланхолически усумнился.

— Что вы еще выдумали! Какая тамъ войнишка? Гдѣ? Что? Кто насъ пропуститъ? Или туда, по рецепту Абрикоса, свергать Лопеца и сажать Гомеца?

— Цѣшковскій, ты ничего не знаешь, такъ и молчи!— разсердился ингушъ, сдѣлавъ свирѣпое лицо. — Мальчишка, я тебѣ, что-ли? Буду ходить съ глупостями по такой погодѣ, чувяки свои рвать объ эти проклятые камни? Дѣло говорю! Все уже готово. Наполеонъ въ сутки! Золотомъ!.. И—контрактъ на годъ.

— Наполеонъ? Отцы родные!—привскочилъ всплеснувъ руками Абрикосовъ.—Да вѣдь это сколько же? Сколько братцы?..

— Двѣсти семнадцать динаръ,—внушительно пояснилъ Зауеръ.

— Около семи тысячъ въ мѣсяцъ!

Все кругомъ насыщенно нетерпѣніемъ, а онъ, откинувъ длинный рукавъ черкески, добылъ портсигаръ, закурилъ папиросу и медленно выпустивъ клубъ дыма, продолжалъ: — вы знаете, и видѣли Ахмеда-Зогу. Онъ всѣмъ намозолилъ глаза, гдѣ онъ только не обѣдалъ, гдѣ онъ только не ужиналъ, и въ „Паласѣ“, и въ „Сербскомъ Кралѣ“ и по кафанамъ шатался. Я помню его еще по Константинополю. Когда онъ былъ щенкомъ, я уже командовалъ жандармскимъ дивизіономъ при султанѣ Абулъ-Гамидѣ. Здѣсь мы вспомнили съ нимъ старину и нѣсколько разъ вмѣстѣ пьянствовали. Въ сущности, я его научилъ пить. Исторія его вамъ извѣстна, хотя, въ концѣ-концовъ, самъ чортъ не разберетъ, этихъ албанскихъ князьковъ. Сначала, кажется, онъ былъ у власти, потомъ его выгналъ меридитскій попъ Фанъ-Нолли, а теперь Ахмедъ-Зогу, въ свою очередь, желаетъ выгнать попа Фанъ-Нолли. Спрашивалъ меня, какъ это сдѣлать? Я ему говорю словечкомъ тундутовскихъ калмыковъ: „не баисъ“. Не баисъ, дружище, и сдѣлаемъ, и въ два счета выгонимъ этого президента въ поповской сутанѣ. Намъ это пара пустяковъ! Разъ плюнуть! А вотъ есть ли у тебя, дружище реалы? „Есть, сколько хочешь“,—отвѣчаетъ... Золотомъ буду платить! Наполеонами!“—Наполеонами?

— Это совсѣмъ хорошо...

— Ай, да лукавый ингушъ!—дѣтски-довѣрчиво улыбаясь, вышелъ изъ своей меланхоліи длинный Цѣшковскій.

— Онъ спрашиваетъ: „А найдутся ли у тебя люди“?. —Найдутся! „Сколько?“—Столько, сколько надо! „Съ тремя сотнями всю твою Албанію пройдемъ и твоего пріятеля Фанъ-Нолли вмѣстѣ со всѣмъ его войскомъ въ море сбросимъ. „Покачалъ головою, не вѣритъ... Дуракъ,—говорю,—не знаешъ, что такое русскій офицеръ? Каждый—сот-

нію твоихъ албанцевъ стоитъ. Тебѣ же выгоднѣе. Меньше платить... Какъ услышалъ это—повѣрилъ.

— А есть ли у него деньги?—усумнился Константиновъ съ неизмѣнной печалью во взглядѣ.

— Есть! Самъ видѣлъ мѣшочки золота! Будетъ платить! Я поставилъ условіемъ: здѣсь на мѣстѣ, каждый получаетъ авансомъ десять наполеоновъ, а у самой границы —за пятьдесятъ дней впередъ. Скажи пожалуйста, какого вамъ еще дьявола?

— Отцы родные! Сказка! Сонъ! Мы, точно духа вызывали, и вотъ онъ явился, духъ! Ингушетія родная моя, дай же я тебѣ влѣплю безешку!

Раскрывъ объятія, Абрикосовъ аттаковалъ Зауръ-Бека, но во время схваченный, кѣмъ-то, волей-неволе, вынужденъ былъ сѣсть на мѣсто.

А Зауръ-Бекъ, недовольствуясь уже произведеннымъ впечатлѣніемъ, развивалъ дальнѣйшія перспективы:

— Намъ бы только дорваться, а тамъ будемъ уже хозяева положенія. Мы! Побѣдители!..

— Преторьянцы!—какъ бы подумалъ вслухъ Константиновъ.

— Конечно, преторьянцы!—накинулся на него Зауръ-Бекъ.—А ты что думалъ? Кто сажаетъ на тронъ, или на какое-то тамъ президентское кресло? Кто свергаетъ? Думаете Ахметъ-Зогу не чувствуетъ, чѣмъ онъ долженъ быть въ нашихъ рукахъ! Чувствуетъ! Коварный азіатъ уже теперь думаетъ, какъ бы насъ посократить, когда перестанетъ нуждаться въ нашихъ сабляхъ? Но Зауръ-Бека не перехитришь! Я, вѣдь, азіатъ, и въ турецкой жандармеріи, можешь себѣ представить, какую академію прошелъ?..

— Такъ что, не боисъ, Ингушетія ты моя, или—кто кого перехитритъ?

— Не боисъ, Абрикосъ,—обнадежилъ Зауръ-Бекъ,— понятно, если кѣмъ онъ и будетъ держаться, такъ это нами! Свои же и продадутъ и предадутъ!.. Ну и поживемъ въ сласть! Мы будемъ тамъ высшей кастой, намъ будетъ все дозволено. Для насъ не будетъ слова „нѣтъ“. Знатнѣйшихъ беговъ будемъ лупить стэкомъ по мордѣ, чуть что не понравится... А ты, что думалъ? — свирѣпо нахмурился Зауръ-Бекъ на александрійскаго гусара, прочитавъ на его худомъ, блѣдномъ лицѣ изумленіе. — Этого мало еще! Будемъ ласкать женъ и дочерей, этихъ самыхъ беговъ въ Тиранѣ и въ Дураццо. Устроимъ шантанъ. Изъ Италіи на моторныхъ яхтахъ шансонетокъ будемъ привозить! Какой

столъ какія вина! Какую форму закатимъ! А въ карманахъ будутъ звенѣть пригоршни наполеоновъ!...

Эти соблазнительныя перспективы произвели надлежащій эффектъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ невзрачныхъ бѣженскихъ комнатъ, съ бѣженскими буднями, бѣженскимъ примусомъ и сливовицей, которая является чуть ли не роскошью, отсюда прямо въ какую-то полудикую романтику съ обиліемъ всего и съ такой безграничной властью, какую имѣли развѣ испанскіе конквистадоры надъ племенами Юкатана и Перу.

Даже печальные глаза Константинова заблестѣли впервые за весь вечеръ. Даже удлиненное, тонкое, немного Донъ-Кихотское лицо черкеса Цѣшковскаго оживилось, утративъ меланхолическій видъ. Абрикосовъ, тотъ буквально изнемогалъ подъ сладостнымъ бременемъ нарисованныхъ Зауръ-бекомъ картинъ, и только облизывалъ пересохшія губы...

Турецкій жандармъ — человѣкъ съ нюхомъ.

Аллаху угодно было вычертить самый хитросплетенный узоръ на фонѣ біографіи Зауръ-Бека Охушкова. Родился онъ близъ Владикавказа въ Ингушетіи, въ аулѣ Базоркино.

Семнадцатилѣтнимъ юношею поступаетъ онъ вольноопредѣляющимся въ Ахтырскій полкъ — тогда только что переименованный изъ гусарскаго въ драгунскій. Потомъ — Елисаветградское училище, а черезъ два года вновь въ тотъ-же полкъ, куда Зауръ-Бекъ выпущенъ былъ эстандартъ-юнкеромъ. И вотъ, за нѣсколько дней до производства въ корнеты, случилось, не оставившее камня на камнѣ отъ безмятежной карьеры кавалерійскаго офицера.

Подполковникъ Андреевъ, желчный и нервный, вспыльчивый, встрѣтивъ Зауръ-Бека съ барышней, сдѣлалъ ему рѣзкое замѣчаніе. Зауръ-Бекъ отвѣтилъ пощечиной.

Въ ту же ночь, надѣвъ штатское, онъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ нашелъ временное убѣжище, Изъ Австріи уѣхалъ въ Турцію и, какъ горецъ и мусульманинъ, былъ принятъ въ личный конвой султана Абдулъ-Гамида. Черезъ нѣсколько лѣтъ, уже въ чинѣ маіора, командовалъ въ Смирнѣ жандармскимъ дивизіономъ.

Турецкій жандармъ, Зауръ-бекъ, умудрялся посылать корреспонденціи въ русскія газеты. За эти корреспонден-

ціи, вскрывающія тайники турецкой политики, онъ едва не поплатился головою.

Въ самомъ началѣ Великой войны Охушковъ, уже отставной офицеръ жандармеріи, пріѣхалъ въ Сербію, какъ корреспондентъ. Въ Нишѣ русскій военный агентъ, полковникъ Артамоновъ, съ согласія сербскаго военнаго командованія, арестовалъ его, русскаго дезертира, и отправилъ въ Петербургъ. Испросивъ себѣ Высочайшее помилованіе, Зауръ-Бекъ поступилъ всадникомъ въ Чеченскій полкъ Дикой дивизіи.

Отличившись въ цѣломъ рядѣ конныхъ атакъ и получивъ всѣ четыре солдатскихъ Георгія, онъ былъ произведенъ сначала въ прапорщики, потомъ въ корнеты. Свои корнетскіе погоны онъ получилъ въ Могилевѣ, въ Ставкѣ, изъ рукъ Государя Императора. Это было знакомъ полнаго прощенія и забвенія всѣхъ грѣховъ его молодости, грѣховъ, которымъ минула уже двадцатилѣтняя давность...

Революція застала Зауръ-Бека ротмистромъ и командиромъ сотни Чеченскаго полка.

Въ дни корниловскаго наступленія Зауръ-Бекъ двигается вмѣстѣ съ Дикой дивизіей на Петербургъ, съ удовольствіемъ предвкушая, какъ онъ развѣситъ на фонаряхъ и на трамвайныхъ столбахъ весь совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, за компанію прихвативъ и Керенскаго. Но, къ сожалѣнію, этой мечтѣ не суждено было осуществиться. Неминуемый захватъ столицы не удался, благодаря предательству однихъ и трусости другихъ.

Керенскій, боясь „контръ-революціонности“ кавказскаго коннаго корпуса, — это была уже не дивизія, а былъ корпусъ, сохранившій дисциплину и повиновеніе офицерамъ, — поспѣшилъ сплавить его на Кавказъ. Самъ же бросается въ объятія забрызганныхъ кровью матросовъ съ большевизированной „Авроры“.

Въ Владикавказѣ уже Добровольческая армія, Зауръ-Бекъ всплываетъ адъютантомъ правителя Ингушетіи, доблестнѣйшаго генерала Бекъ-Бузарова.

Въ своемъ романѣ „Поединокъ“ знаменитый Купринъ вывелъ Бекъ-Бузарова подъ фамиліей Бека-Агамалова. Они вмѣстѣ служили въ Днѣпровскомъ пѣхотномъ полку.

Дрогнулъ Деникинскій фронтъ. Разложилась армія.

Цѣлые казачьи корпуса уходятъ съ позицій.

Какъ затравленный звѣрь заметался Зауръ-Бекъ въ Владикавказѣ, почти уже схваченный большевиками. Но его не такъ легко было схватить.

Съ горстью такихъ же, какъ онъ самъ, отчаянныхъ ингушей прорвался онъ въ Грузію.

Черезъ мѣсяцъ парижская толпа, въ сущности весьма провинціальная, съ удивленіемъ озиралась на его черкеску и на папаху, съ чисто-горскимъ молодечествомъ державшуюся на затылкѣ.

Еще черезъ мѣсяцъ онъ джигитовалъ въ циркѣ Медрано, получая триста франковъ за выходъ.

Но, то-ли циркъ прогорѣлъ, то-ли Зауръ-Беку наскучило на пятомъ десяткѣ носиться по аренѣ, гикая, стрѣляя и джигитуя...

У него былъ политическій нюхъ. Какой-то особенный, жандармско-восточный нюхъ. Узнавъ о переворотѣ въ Албаніи и, что бѣжавшаго Ахмеда-Зогу пріютила Сербія, Зауръ-бекъ поспѣшилъ въ Бѣлградъ, въ чаяніи какой-нибудь авантюры въ балканскомъ стилѣ, которая дала бы ему новыя интересныя впечатлѣнія...

Чутье не обмануло Абдулъ-Гамидовскаго жандарма, искушеннаго въ азіатской политикѣ и въ азіатскихъ интригахъ.

И то, и другое сблизило его съ Ахмедомъ-Зогу. Они поняли другъ друга. У нихъ нашелся общій языкъ и въ прямомъ и въ переносномъ значеніи слова.

Они проводили вмѣстѣ все свободное время, а, такъ какъ, и Ахмедъ-Зогу и Зауръ-Бекъ были свободны въ сутки всѣ двадцать четыре часа, то они почти не разставались. Всюду, и въ ресторанахъ, и въ кофейняхъ, и въ иныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ платилъ Бегъ-Зогу и платилъ щедро.

Не ограничиваясь этимъ, Зауръ-Бекъ еще и перехватывалъ у Зогу. „Претендентъ" охотно раскрывалъ ему свой бумажникъ, надѣясь, что ингушъ будетъ полезенъ ему.

Ахмедъ-Зогу не ошибся.

Онъ вѣрилъ, что звѣзда его вновь засверкаетъ. Онъ уже совѣтывался со своимъ другомъ:

— Какъ ты думаешь, какую бы изобрѣсти форму для меня и для моей свиты? Помнишь?.. Нѣтъ, не помнишь, — у князя Вида была форма? Только не нравилась она мнѣ! Сѣрый цвѣтъ, длинные до колѣнъ мундиры. Я бы хотѣлъ что-нибудь поэффектнѣй! А, главное, чтобы я рѣзко отличался отъ всѣхъ моихъ придворныхъ.

И Ахмедъ-Зогу типичный, съ крупными чертами, албанецъ выжидающе смотрѣлъ на собутыльника и компаньона по самымъ разнообразнымъ удовольствіямъ...

Покручивая свои густые, янычарскіе усы, Зауръ-Бекъ соображалъ, или притворялся соображающимъ.

— Да, чортъ возьми... Форма играетъ, вообще, далеко не послѣднюю роль, а въ твоей Албаніи — въ особенности! Ихъ надо бить по воображенію, албанцевъ! Ихъ вождь долженъ быть земнымъ богомъ, солнцемъ, и чтобы отъ него, какъ отъ солнца, исходили лучи...

Это сравненіе имѣло успѣхъ.

— Вотъ, вотъ! И чтобы, какъ отъ солнца, исходили лучи! — обрадовался Зогу. — Нѣтъ, Зауръ, ты прямо золотой человѣкъ! Увидишь, какъ я отблагодарю тебя! Я тебя сдѣлаю... кѣмъ бы тебя сдѣлать? Хочешь генералъ-инспекторомъ кавалеріи? Хочешь — фельдмаршаломъ всей албанской арміи? Это — еще лучше! Въ Римѣ, или въ Вѣнѣ я закажу тебѣ фельдмаршалскій жезлъ.

— Усыпанный бриллiантами?—подмигнулъ Зауръ-бекъ.

Зогу сначала недовѣрчиво взглянулъ на своего друга, а потомъ чисто по-албански причмокнулъ языкомъ, — неопредѣленный звукъ, выражающій самыя разнообразныя чувства.

— Хмъ... усыпанный бриллiантами? А это необходимо?

— Разумѣется! Какой же это фельдмаршалскій жезлъ безъ бриллiантовъ?

— Мы еще подумаемъ, — уклонился Зогу. — А, вотъ какъ же относительно формы?

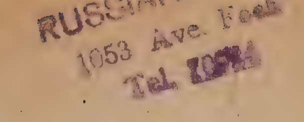
— Относительно формы? Видишь, здѣсь не обойтись безъ художника. Я познакомился съ однимъ... Талантъ! Я возьму его ужинать, — кстати дай мнѣ парочку наполеоновъ, — и вмѣстѣ что-нибудь выдумаемъ. Художникъ нарисуетъ эскизы и поднесетъ тебѣ на утвержденіе.

— Хорошо! Только помни: моя форма должна... выдѣляться...

— Помню! Останешься доволенъ!

Зауръ-Бекъ имѣлъ въ виду въ самомъ дѣлѣ талантливаго художника Вершинина. Это былъ стройный мужчина съ бородкою и съ лицомъ облагороженнаго фавна.

— Маэстро, — сказалъ ему Зауръ, — есть дѣло! Заказъ! По вашимъ рисункамъ будетъ одѣваться весь албанскій генералитетъ, во главѣ со своимъ — княземъ, хотѣлъ сказать Зауръ-бекъ, но поправился, — королемъ... Я постараюсь, чтобы король сдѣлалъ васъ своимъ придворнымъ художникомъ и архитекторомъ. Вы чувствуете, чѣмъ это пахнетъ? Грудами золота! Моя идея, вашъ ужинъ!

Идеи всегда должны оплачиваться, иначе какія же это идеи?

Вершининъ согласился безъ особенной, впрочемъ, охоты. Онъ не любилъ угощать, а любилъ, чтобы его угощали. Но въ данномъ случаѣ онъ былъ подкупленъ и соблазненъ „грудами золота" и званіемъ придворнаго художника и архитектора короля Албаніи.

13. Передъ авантюрой.

Въ „Сербскомъ Кралѣ" за ужиномъ, вѣрнѣе послѣ ужина, когда все, что можно съѣсть, было съѣдено, и все, что можно выпить, было выпито, уже за кофе Зауръ-Бекъ Охушковъ, къ ужасу художника, потребовалъ настоящій французскій бенедиктинъ и настоящую гаванскую сигару.

Вершининъ блѣднѣлъ, но его лицо облагороженнаго фавна улыбалось, хотя и вымученно, однако же улыбалось.

— Ну, а теперь, милѣйшій маэстро, давайте обсудимъ.

— Что-жъ, я думаю исходить изъ принципа гусарской формы? — сказалъ художникъ. — Я ничего не знаю красивѣе, легче, ничего не знаю болѣе ласкающаго глазъ, въ смыслѣ красокъ. Можно со вкусомъ сдѣлать сочетаніе цвѣтовъ и доломана, и чакчировъ, и бранденбурговъ. Я уже думалъ объ этомъ! А что касается головного убора... да вотъ сами увидите, — и, вынувъ маленькій альбомъ, художникъ нарисовалъ нѣсколько фигурокъ, ожививъ ихъ цвѣтными карандашами.

Дѣйствительно, онѣ ожили. Зауръ-Бекъ, дымя сигарой, одобрительно покачалъ своей гладко-выбритой головою.

— Это будетъ очень эффектно! Вы сдѣлаете эскизы побольше величиною, чтобы побольше можно было бы съ него содрать! Но, имѣйте въ виду, маэстро, онъ, Зогу, долженъ выдѣляться! Вотъ что, катните его во всемъ бѣломъ! Бѣлая шапка! Бѣлый доломанъ, бѣлые чакчиры, бѣлые сапоги.

— Но бѣлые сапоги? — не выдержалъ маэстро.

— А почему бы и нѣтъ! Если ему нравится... Нѣтъ развѣ замшевыхъ сапогъ и лайковыхъ? Обыкновенно кафешантанные плясуны танцуютъ въ лайковыхъ сапогахъ...

Ахмедъ-Зогу пришелъ въ восхищеніе отъ эскизовъ и уже самъ себѣ мерещился какимъ-то земнымъ богомъ, одѣтымъ съ головы до ногъ во все бѣлоснѣжное...

Желаніе поскорѣе облечься въ свою ослѣпительную форму, увидѣть себя окруженнымъ блестящей свитою, зажигало „претендента“ желаніемъ поскорѣе завоевать „свою“ Албанію съ помощью Зауръ-Бека и тѣхъ трехсотъ, которыхъ ингушъ обѣщалъ навербовать въ нѣсколько дней.

Мы уже знаемъ, какъ этотъ ингушъ приступилъ къ вербовкѣ. Уговаривать, убѣждать не приходилось никого, всѣ охотно записывались: и гусары, и уланы, и драгуны, и казаки, — донскіе, кубанскіе, терскіе, и преображенцы, и егеря, измайловцы, и цвѣтные войска: корниловцы, марковцы, дроздовцы, всѣ, кому надоѣла до чортиковъ канцелярская работа чиновничьей службы...

Единственное развѣ „но“ встрѣчалъ Зауръ-Бекъ. Это „но“ ингушъ тотчасъ-же опровергалъ и сводилъ на нѣтъ со свойственнымъ ему апломбомъ.

Ему говорили:

— Мы всей душою готовы... Тѣмъ болѣе, это, главнымъ образомъ, походъ не противъ какихъ-то албанцевъ, а противъ красной нечисти, и туда забравшейся! Фанъ-Нолли ихъ же другъ и наймитъ! А съ большевиками не только прямо, косвенно готовы встать, какъ одинъ, въ любой моментъ! А только вотъ какъ сербы посмотрятъ? Удобно ли это будетъ по отношенію къ сербамъ? Мы имъ такъ многимъ обязаны! Они насъ братски такъ пригрѣли...

— Да, и обязаны, и пригрѣли! Я, какъ мусульманинъ и горецъ, чту всякое гостепріимство болѣе, чѣмъ свято! Если мы пойдемъ сажать Ахмедъ-Зогу на престолъ, или какъ тамъ у нихъ, мы будемъ имѣть вліяніе, и это вліяніе обратимъ въ пользу Сербіи и противъ Италіи. Да и самъ Ахмедъ-Зогу не забудетъ, не смѣетъ забыть, что Сербія пріютила его. Видите, такимъ образомъ, и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы. Да и, наконецъ, сербы ничего не должны знать объ этой авантюрѣ. А затѣмъ, господа, если кто сомнѣвается, колеблется, намъ такихъ не надо. Намъ рѣшительныя нужны головы, а не какіе-то... не знаю, какъ и назвать, сантиментальные политиканы... Къ чорту всякіе сантименты! Будьте солдатами, — конниками, пѣхотинцами, пулеметчиками. Думайте объ успѣхѣ, это самое главное! Вы должны показать, чего мы стоимъ! Должна быть военная прогулка безъ потерь, или почти безъ потерь. А что касается сербовъ, они, повторяю, ничего не должны знать, мы поднесемъ имъ сюрпризъ. Ахмедъ-Зогу будетъ сербскимъ часовымъ въ Албаніи, а если бы не пожелалъ, мы его заставимъ! Лучше пусть онъ сидитъ въ Тиранѣ, чѣмъ

этотъ попъ Нолли, агентъ Москвы и Рима. Албанскіе попы и миссіонеры всегда были агентами Австріи и Италіи, — это ихъ профессія!.. А миссіонеръ — это уже настоящій эмиссаръ. Даже длинная, широкая сутана не могла скрыть ихъ военной выправки. Да вотъ увидите сами! Увидите ихъ монастыри, гдѣ, если поискать хорошенько, можно будетъ наткнуться на цѣлые арсеналы оружія. Это были австрійскіе склады, теперь они — итальянскіе.

Хотя Зауръ-Бекъ и часто встрѣчался съ Зогу, и нѣсколько лѣтъ прослужилъ въ турецкой жандармеріи, — а она считалась одной изъ лучшихъ жандармерій, вообще, — однако, претендентъ искусно скрывалъ отъ него свою двойную игру.

Съ помощью трехсотъ русскихъ офицеровъ Ахмедъ-Зогу жаждалъ добыть утраченную власть, и въ то же время былъ вовлеченъ въ авантюру, весьма враждебную государству, его пріютившему.

Жилъ онъ въ Палласъ — отелѣ. Рядомъ съ нимъ остановилась рыжая, декоративная дама — всѣ рыжія весьма декоративны и отличаются нѣжнымъ молочно-розоватымъ тѣломъ. Госпожа Чинганелли не являла исключенія изъ этого правила. Эффектны были такъ-же ея головные уборы изъ какой-то драгоцѣнной парчи. Если это и не была парча, въ строгомъ значеніи слова, то все же золотого и серебряннаго шитья было много! И, отдать справедливость, это шло къ типу и стилю госпожи Чинганелли...

Ее видѣли въ русской церкви, гдѣ она горячо молилась, или, по крайней мѣрѣ, дѣлала видъ, что молится. Она была русская. Во всякомъ случаѣ говорила, что русская. По словамъ этой рыжей, „почти“ красавицы, ея мужъ капитанъ альпійскихъ стрѣлковъ, Помпео Чинганелли, палъ смертью храбрыхъ, не то на Изонцо, не то на Азіаго. А, можетъ быть, доблестнаго капитана Помпео Чинганелли и совсѣмъ не существовало въ природѣ.

Именно такого мнѣнія былъ Петръ Петровичъ Вараксевичъ, довольно тучный господинъ, какъ-то по медвѣжьи медлительный, и съ маленькими медвѣжьими пытливыми глазками. Отъ этихъ маленькихъ, пытливыхъ глазокъ — они казались еще пытливѣе сквозь стекла очковъ — не ускользало ничто, мало-мальски хотя бы достойное вниманія.

У Вараксевича давно была на подозрѣніи эта рыжая дама съ модернистической фигурой и полубезумными глазами кокаинистки...

Вдова альпійскаго стрѣлка первое время, правда очень недолгое, если и не бѣдствовала, то нуждалась. А потомъ, потомъ появились и туалеты, и головные уборы изъ цѣнной парчи. Но и то и другое было еще до знакомства съ Ахмедомъ-Зогу. И это обстоятельство не ускользнуло отъ Вараксевича, кому слѣдуетъ и куда слѣдуетъ сообщавшаго свои наблюденія.

Но какъ ни былъ Вараксевичъ опытенъ и полезенъ своей работою, онъ все же не былъ вездѣсущимъ безплотнымъ духомъ, — этотъ человѣкъ весьма внушительнаго объема и вѣса. Инстинктомъ своимъ, развѣдчика, онъ могъ догадываться, о чемъ говорятъ съ глаза на глазъ Ахмедъ-Зогу и, быть можетъ, прельстившая его чарами своими европейской женщины, синьора Чинганелли. Догадки, хотя и многое, но далеко не все, по сравненію съ фактами. Эта женщина шептала „претенденту" своими точно кровью намазанными губами, губами вампира:

— Ты увидишь, какая тебѣ будетъ оказана поддержка! У тебя будетъ много, очень много денегъ!.. Сколько захочешь! Ты будешь осыпанъ такими почестями! Ты сразу получишь орденъ Аннунціаты. Знаешь какой орденъ, — Аннунціаты? Онъ дастъ тебѣ право именоваться кузеномъ короля! Кромѣ того, получишь титулъ владѣтельнаго герцога. Какъ это заманчиво!

— Заманчиво, словъ нѣтъ, но я хочу быть королемъ!

— Ты и будешь! Объ этомъ уже былъ разговоръ. Ну, представь, что ты вдругъ лишился трона, что тебя низложили, выгнали? Это случается и не съ такими королями, какъ албанскій. И, все же, при тебѣ останется до самой смерти громкій титулъ герцога. Гдѣ бы ты ни былъ, вездѣ будутъ тебя величать „вашей свѣтлостью"... Но, ты понимаешь, всѣ эти блага не даются ради однихъ прекрасныхъ глазъ...

14. Сэръ Джемсъ за работой.

Сэръ Джемсъ едва не разстался съ господиномъ Отто фонъ Армфельдомъ изъ за Ирры Паэнъ.

Послѣ того, какъ повѣсивъ трубку, она не пожелала съ нимъ разговаривать, задѣтый сэръ Джемсъ, — никто не смѣлъ его такъ третировать, — накинулся на своего личнаго секретаря.

— Вы — невозможный человѣкъ! Если-бъ я это зналъ

еще въ Парижѣ.,. Вы врываетесь къ дамѣ глубокой ночью не въ трезвомъ видѣ и устраиваете скандалъ...

— Моя частная жизнь, сэръ, принадлежитъ мнѣ, — холодно возразилъ Армфельдъ, злой, блѣдный и трезвый.

— Частная, — да! Но это уже не частная... Если бы Ирра Паэнъ была, ну, мало ли кто? Дѣлайте, что хотите, но, разъ эта особа нашъ агентъ...

— Вотъ именно, именно, — подхватилъ Армфельдъ, — а, разъ нашъ агентъ, необходимъ контроль, и я правъ, тысячу разъ правъ, когда, согласно вашему опредѣленію, „ворвался къ ней". Если-бъ не это, я могъ бы не знать, что у нея бываетъ Маташичъ. Вы не имѣете понятія, что такое Маташичъ? А я имѣю! Можетъ быть она ведетъ игру на два фронта, можетъ быть басня о мужчинѣ съ актерскимъ лицомъ — комедія? Можетъ быть...

— Полно, Армфельдъ, вы слишкомъ умны, чтобы вѣрить въ сказанное вами, и не вѣрить въ эту Ирру Паэнъ! Ея профессіональная честность — внѣ всякихъ сомнѣній. И вы это знаете не хуже меня. Нѣтъ, сознайтесь лучше „elle vous a donné sur la peau", какъ говорятъ французы. Послѣ нашего совмѣстнаго ужина, маіоръ фонъ Армфельдъ выпилъ еще нѣсколько рюмокъ, вспомнилъ эти прелестныя ножки, еще кое-что, и рѣшилъ воспользоваться... Вы опять скажете — ваша частная жизнь? Нѣтъ, не частная! Мой секретарь не можетъ быть въ связи съ моимъ агентомъ. Неудобно! Ха-ха... — И не успѣлъ сэръ Джемсъ разсмѣяться голосомъ, почти безъ участія лица, какъ это лицо, холодное и мертвое, стало еще холоднѣе и мертвѣе... — Я очень вами дорожу, Армфельдъ, но, если вы будете такъ ревниво охранять вашу частную жизнь отъ моихъ... посягательствъ... Если кто и долженъ кого контролировать, такъ это не вы Ирру Паэнъ, а я васъ! Ну, забудемъ... — И опять сэръ Джемсъ разсмѣялся голосомъ безъ участія лица. — Надѣюсь, мы не вернемся больше къ этому... у насъ столько дѣла...

И, вправду, жизнь въ старомъ палаццо била, если и не ключемъ, то все же повышеннымъ темпомъ.

Къ величественному фасаду на Via-Sistina подъѣзжали автомобили, сверкающіе, „собственные", и Гансъ, затянутый въ свой фракъ, точно въ кирасирскіе латы, впускалъ солидную, хорошо одѣтую и чисто выбритую публику.

Другую публику, странно одѣтую, совсѣмъ не бритую, и не всегда чистоплотную, впускалъ детективъ Гансъ черезъ потайную дверь въ кабинетъ.

Архіепископы въ пышномъ пурпурѣ своихъ облаченій, сенаторы, посланники и флотоводцы, кого-кого только не насмотрѣлись они и въ чьемъ только обществѣ не поперебывали?

Да что они? Титулованные князья церкви и знатные римляне минувшихъ вѣковъ, когда знать была дѣйствительно знатью? Самъ, куда болѣе демократическій, сэръ Джемсъ въ ужасъ приходилъ отъ этихъ типовъ, которымъ тутъ же при немъ Армфельдъ выплачивалъ деньги, а переводчикъ дѣлалъ указанія.

Приходили македонскіе комитаджи въ куцыхъ, грубаго сукна, курткахъ и такихъ же суконныхъ шароварахъ. Хотя римская полиція и жандармерія строго слѣдила, чтобы, кромѣ фашистовъ и военныхъ, никто не смѣлъ носить оружія, но, видимо, это правило ничуть не касалось македонскихъ комитаджи. — Вмѣсто пояса патронныя ленты съ громаднымъ маузеромъ сбоку, въ деревянномъ футлярѣ. Въ такомъ видѣ являлись они къ сэру Джемсу, страшные, дикіе средь этой музейной мебели, музейныхъ портретовъ и мраморныхъ бюстовъ. Переводчики — такіе же, какъ и они, македонцы, только одѣтые не по балкански, а въ неуклюже-сидящихъ пиджакахъ и сюртукахъ. Эти успѣли пошататься кое-гдѣ по Европѣ, кой-чего успѣли нахвататься.

Послѣ ухода комитаджи и переводчика оставался „крѣпкій духъ“. Сэръ Джемсъ подносилъ къ носу тонкій надушеный платокъ, а Гансъ дулъ въ пульверизаторъ, освѣжая кабинетъ мелкими брызгами жидкой ароматной пыли.

Македонцы не засиживались въ Римѣ. Ихъ везли въ Бари, или въ Бриндизи, откуда переправляли — однихъ въ Албанію, другихъ — въ греческій Эпиръ, третьихъ — въ Салоники. Но и первые, и вторые и третьи имѣли одно и то же заданіе — дѣйствовать противъ сербовъ и всячески вредить имъ.

Не имѣя въ сущности никакихъ основаній быть снобомъ, вѣрнѣе, именно поэтому, сэръ Джемсъ далеко былъ не прочь иногда порисоваться своимъ снобизмомъ.

Съ гримасой на своемъ блѣдномъ лицѣ, лицѣ утопленника, жаловался Армфельду:

— Ахъ, эти македонскіе... какъ ихъ тамъ?... — постоянно забывалъ сэръ Джемсъ, и Армфельдъ подсказывалъ:

— Воеводы, сэръ...

— Воеводы... трудное слово... Такъ вотъ, если бы отъ

ныхъ не такъ воняло... Не моются канальи, и потомъ этотъ чесночный запахъ... Я слышалъ, что они всѣ герои, но развѣ герои должны питать отвращенiе къ мылу, и страдать водобоязнью?... Кстати, въ чемъ же ихъ героизмъ?

— Есть воеводы, сэръ, убившiе на своемъ вѣку сотни человѣкъ...

— А-а... — только и нашелся сэръ Джемсъ.

За океаномъ, въ экзотическихъ республикахъ ему не приходилось имѣть дѣло съ такими „героями". Тамъ они, во-первыхъ, называются не воеводами, а „гверильеро", а затѣмъ сносился онъ исключительно съ генералами, профессiональными дѣлателями революцiи. Правда, большинство „генераловъ" этихъ вышло изъ гверильеро, но все же они далеко не въ такой степени питали отвращенiе къ водѣ и мылу, какъ ихъ македонскiе коллеги по дѣланiю революцiй.

И, наконецъ, тамъ былъ хоть внѣшнiй блескъ: треугольныя шляпы съ бѣлыми плюмажами, „жирные" эполеты, золотое шитье мундировъ, на которые выливались духи чуть ли не флаконами, какъ бы въ страстномъ желанiи заглушить, убить плебейскiй запахъ вчерашнихъ гверильеро, то-есть попросту ковбоевъ, чистильщиковъ сапогъ, желѣзнодорожныхъ и степныхъ бандитовъ...

Въ своей работѣ сэръ Джемсъ не ограничивалъ себя одними только Балканами. Масштабъ его дѣятельности всегда былъ широкъ. Онъ субсидировалъ газету болѣе фашистскую, чѣмъ сами фашисты.

Сэръ Джемсъ требовалъ въ этой газетѣ, черезъ подставныхъ лицъ, присоединенiя къ Италiи чуть-ли не всей южной полосы Францiи, не говоря уже о Савойѣ и Ниццѣ.

Это понравилось и было подхвачено уже настоящей фашистской печатью.

Сэръ Джемсъ потиралъ отъ удовольствiя свои бѣлыя, вѣчно-холодныя, костлявыя руки.

— Погодите, погодите! — предупреждалъ онъ Армфельда, — еще немного и въ Парижѣ начнутъ нервничать!..

И дѣйствительно въ Парижѣ начали „нервничать". Это выразилось въ переброскѣ на итальянскую границу нѣсколькихъ дивизiй подъ предлогомъ якобы какихъ-то горныхъ маневровъ.

Италiя отвѣтила мобилизацiей двухъ корпусовъ, тоже передвинутыхъ вплотную къ границѣ.

„L'appetit vient en mangeant".

Весьма довольный собою, сэръ Джемсъ теперь уже

требовалъ въ „своей“ газетѣ возстановленія Италіи въ границахъ Римской имперіи. До Пиринеевъ на Западъ и до Крымскаго побережья на Востокъ.

Это еще больше понравилось въ Римѣ, и еще больше стали нервничать въ Парижѣ.

Словомъ... Но не будемъ забѣгать впередъ...

15. Чего потребовалъ духъ Цезаря?

Ансельмо Церини, этотъ „маленькій Каліостро“, хотя и любилъ прихвастнуть, но не уклонялся отъ истины, говоря о своихъ сеансахъ въ нѣсколькихъ палаццо римской и международной знати. Однако, въ ожиданіи телефоннаго звонка съ улицы Четырехъ Фонтановъ, замѣтно волновался. А когда, наконецъ, этотъ звонокъ воспослѣдовалъ, волненіе возросло. Интриговала таинственная „особа“, которая будетъ незримо наблюдать сеансъ. Церини, по природѣ своей, отличался любопытствомъ.

Удивительно скрытое существо Ирра Паэнъ!

Въ самомъ дѣлѣ, ну, что ей стоитъ прямо назвать имя? Развѣ онъ, Ансельмо, не пообѣщалъ хранить секретъ и быть нѣмымъ, какъ могила?

Собираясь на сеансы и въ палаццо Боргезе и въ палаццо Паллавичини, и въ другія палаццо, Ансельмо никогда не одѣвался съ такой тщательностью, какъ на этотъ разъ.

Парикмахеръ завилъ его густые, и безъ того вьющіеся волосы, подбрилъ щеки, подравнялъ бороду и слегка подгримировалъ „фатальный“ шрамъ.

Мѣняя передъ зеркаломъ сорочку, и, выпятивъ волосатую грудь, онъ рѣшилъ, что сложенъ хоть куда, и фигурѣ его можетъ позавидовать любой папскій гвардеецъ.

Взявъ флаконъ англійскихъ духовъ,—это былъ Chypre Atkinson'a, позаимствованный въ свое время у Савинкова,— Церини покапалъ себѣ на уже сѣдѣющую шерсть на груди и растеръ. То же самое продѣлалъ и съ волосатыми подмышками.

Все, какъ слѣдуетъ. Подъ фракомъ—лента дистрійскаго Чернаго Медвѣдя, а на фракѣ звѣзда и миніатюрный Почетный Легіонъ. Хорошо бы еще что-нибудь прибавить. Ну, хотя бы турецкое, или персидское. Но не посмѣлъ, вспомнивъ Ирру Паэнъ.

— У васъ будетъ видъ ярмарочнаго фокусника...

Почему непремѣнно фокусника?..

Ему приказано было явиться къ девяти, а онъ явился

безъ двадцати девять, сжигаемый нетерпѣніемъ. Но Церини съ мѣста былъ охлажденъ Иррой Паэнъ.

— Что за провинціальная манера? Вы бы еще часомъ раньше пожаловали!..

— Экскюзе муа, мадамъ ля контесъ, экскюзе! Я... я хотѣлъ быть точнымъ...

Она приняла его въ другой гостинной, этажемъ выше, а не въ той, гдѣ два-три дня назадъ припугнула его карабинерами.

— Когда же начинать? — спросилъ Церини, — особа уже здѣсь?

— А вамъ какое дѣло? Вы любопытнѣй базарной торговки.

— Ну, хорошо, хорошо, я уже молчу! Но посмотрите же на меня! Регарде муа! Видъ у меня внушительный, мадамъ ля контесъ?

— Вашъ видъ? — усмѣхнулась она, — вы потрясающе великолѣпны! Этотъ фракъ, эти звѣзда и лента. Вы похожи на какого-то экзотическаго дипломата...

— Временъ? О, какъ я счастливъ! Такъ что меня можно принять за посланника?

— Вполнѣ! Теперь вотъ что, Церини, давайте условимся: и передъ сеансомъ, и во время сеанса вы не будете ничего говорить. Буду говорить я! Буду весьма почтительно называть васъ „профессоромъ".

— Ну, а я? Неужели такъ таки и ни слова? — огорчился профессоръ.

— Нѣтъ, отчего же, иногда вы можете сказать въ отвѣтъ: О, madame la comtesse!

— О, мадамъ ля контесъ! И больше ничего?

— И больше ничего! Если вы начнете говорить, вы зарѣжете и себя и меня. Оставайтесь здѣсь. Когда будетъ надо, васъ позовутъ. — И съ этими словами Ирра Паэнъ, оставивъ Церини въ маленькой гостинной, спустилась внизъ, въ большую гостинную, гдѣ собралось пять-шесть весьма безцвѣтныхъ дамъ и старыхъ дѣвъ, одѣтыхъ не по модѣ, но прилично, и съ клеймомъ какой-то полубѣдности на всемъ обликѣ. Ирра Паэнъ съумѣла навербовать себѣ статистокъ. Онѣ получатъ каждая по пяти долларовъ и будутъ счастливы, убѣжденныя, что принимали участіе въ „самомъ настоящемъ" спиритическомъ сеансѣ.

Оставшись одинъ, Ансельмо, раздвинувъ фалдочки фрака, сѣлъ въ кресло. Но ему не сидѣлось. Тянуло къ окну, и онъ смотрѣлъ внизъ, гдѣ темными силуэтами сно-

вали пѣшеходы, и проносились, завывая сиренами, сверкая фонарями, автомобили.

Ансельмо Церини питалъ надежду увидѣть, хотя бы мелькомъ, таинственную „особу“. Тѣмъ болѣе, съоріентировавшись, онъ убѣдился, что подъѣздъ находится въ полѣ его зрѣнія. Оставалось терпѣливо держаться занятой у окна позиціи.

Но опять эта, проклятая, зловѣщая испанка, отравившая ему столько крови, когда Фанаретъ жила съ Мекси.

Ни спроста... Хотя для вида зажгла еще одну лампочку. Можетъ за тѣмъ, чтобы еще ярче освѣтить великолѣпную фигуру „профессора“.

Взгляды ихъ встрѣтились, и кавалеръ дистрійскаго Чернаго Медвѣдя и Почетнаго Легіона угадалъ требованіе глазъ Маріи и ея тонкихъ поджатыхъ губъ. Онъ опять опустился въ кресло, и уже больше не рѣшался встать, хотя Маріи и слѣдъ простылъ.

А, между тѣмъ, занимай онъ прежнюю позицію, онъ увидѣлъ бы кое-что. Увидѣлъ бы выросшихъ на углу двухъ карабинеровъ, хотя уголъ этотъ никогда не былъ карабинернымъ постомъ. Увидѣлъ бы нѣсколькихъ мужчинъ въ котелкахъ и шляпахъ. Съ беззаботнымъ видомъ фланировали они, слоняясь взадъ и впередъ по обѣимъ сторонамъ улицы. И этихъ карабинеровъ, и этихъ штатскихъ было вполнѣ довольно для Церини: ожидается особа исключительной важности. Обыкновенныхъ министровъ здѣсь не охраняютъ съ подобной тщательностью.

Церини вздрогнулъ. Подкатила мощная машина. Любопытство побѣдило страхъ передъ Маріей.

Вскочивъ, профессоръ кинулся къ окну. Увы! Ничего не увидѣлъ, или, вѣрнѣе, увидѣнное ничего ему не сказало. Изъ автомобиля вышло трое штатскихъ, одинаково одѣтыхъ. Они скрылись въ подъѣздѣ. Онъ успѣлъ замѣтить лишь черныя пальто ихъ и черные котелки. Рядомъ съ шофферомъ сидѣлъ еще кто-то. И больше ничего.

Минутъ черезъ десять, показавшихся ему десятью часами, Ансельмо Церини былъ приглашенъ внизъ. Тамъ Церини увидѣлъ пять женщинъ — отъ одного вида ихъ ему сразу стало скучно. Ирра Паэнъ тотчасъ-же начала его рекламировать.

— Дорогой профессоръ, позвольте вамъ представить вашихъ пламенныхъ почитательницъ...

— О, мадамъ ля контесъ! — расшаркивался Церини, въ то же время нащупывая глазами дверь, ведущую въ

глубину квартиры. И хотя эта дверь была немного пріоткрыта, но, наглухо спущенная портьера — неодолимая преграда. Ахъ, если-бы знать, кто затаился въ сосѣдней комнатѣ? При всей своей жадности, Ансельмо не взялъ бы за этотъ сеансъ ни одного цента. Еще самъ доплатилъ бы... немного...

— Mesdames, вы сейчасъ убѣдитесь, какой изумительной, потусторонней силой обладаетъ нашъ знаменитый профессоръ! Вы помните всѣ наши предыдущіе сеансы? Право же, не всѣ они были удачны и не всякій разъ удостаивались мы пророческихъ откровеній духа...

— О, мадамъ ля контесъ!

— Полноте, профессоръ, вы слишкомъ скромны и всегда умаляете себя, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ... Сколько было запротоколено самыхъ поразительныхъ, самыхъ непостижимыхъ явленій? Въ Парижѣ, mesdames... За нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы въ Екатеринбургѣ, — это ужасное убійство Царской Семьи, — духъ описалъ намъ ее въ такихъ леденящихъ подробностяхъ, — при одномъ воспоминаніи даже теперь бросаетъ въ дрожь!.. И все это — профессоръ!.. Все онъ!..

— О, мадамъ ля контесъ, ву ме фетъ ле тромпетъ, — вышелъ Церини изъ повиновенія. Уже чесался, физически чесался, языкъ.

Все еще улыбаясь, Ирра Паэнъ метнула въ него убійственный взглядъ.

— Но не будемъ терять ни одной драгоцѣнной минуты... Профессоръ позволитъ начать сеансъ?..

— Авекъ плезиръ, мадамъ ля контесъ...

Когда усѣлись вокругъ стола и погасили свѣтъ, Церини убѣдился, что въ сосѣдней комнатѣ, за портьерой, тоже мракъ. Иначе можно было бы поймать, хотя бы узенькую полоску свѣта. Изощряя свой слухъ въ напряженной тишинѣ, Церини улавливалъ, а можетъ ему казалось, что улавливаетъ, — доносившіеся оттуда шорохъ и дыханіе, порывистое дыханіе, когда человѣкъ сдерживаетъ его, не желая выдать своего присутствія.

Церини бѣсился. Зачѣмъ же онъ такъ тщательно занялся своимъ туалетомъ? Подбрилъ щеки, завилъ волосы, надушилъ грудь и украсилъ себя звѣздою Чернаго Медвѣдя? „Особа“ такъ и не увидѣла его. А можетъ и увидѣла? — утѣшался профессоръ. Можетъ быть увидѣла украдкою, когда въ гостинной былъ еще свѣтъ?...

Итакъ, всѣ держались за руки. Цѣпь замкнулась.

Въ лѣвой рукѣ Ансельмо съ удовольствіемъ чувствовалъ выхоленную руку графини Карачіони, въ право, уже совсѣмъ безъ удовольствія, — влажную руку одной изъ панятыхъ оккультистокъ.

Вопреки волѣ и желанію, руки у всѣхъ начинали дрожать. У всѣхъ, за исключеніемъ патентованнаго шарлатана, каковымъ былъ Церини. Даже Иррѣ Паэнъ, затѣявшей всю эту комедію, стало не по-себѣ, — такъ поддалась настроенію и такъ вліяли на нее и густой мракъ, и живая человѣческая цѣпь, цѣпь, звеномъ которой она не могла не почувствовать себя.

Въ первый моментъ даже охватилъ страхъ. А что если все „это“ овладѣетъ настолько ею, что она сама выскользнетъ изъ повиновенія себѣ, своему „я“? Тогда все пропало!...

Но въ этой борьбѣ съ чувствомъ побѣдилъ мозгъ. Ирра Паэнъ старалась думать о чемъ нибудь смѣшномъ, вульгарно-прозаическомъ, безконечно далекомъ, и отъ комнаты, погруженной въ тьму, и отъ переплетенія дрожащихъ пальцевъ. И вульгарное побѣдило потустороннее. „Мадамъ ля контесъ“ была уже вновь холодной, овладѣвшей собою, актрисою.

Ансельмо Церини, оттертый на задній планъ на положеніе статиста, думалъ со злорадствомъ: ну, ну, посмотримъ, какъ ты вывернешься, и какъ ты разыграешь эту „особу“?

И, словно отвѣтомъ ему, былъ голосъ Ирры Паэнъ, ставшій тягучимъ, замогильнымъ какимъ-то:

— Духъ, мы ждемъ тебя! Духъ, приди! Мы жаждемъ твоихъ откровеній... — И съ какимъ-то истерическимъ надрывомъ она умоляла духа...

Шельма, вотъ шельма! — противъ всякаго желанія восхищался Церини.

Такъ нѣсколько минутъ прошло въ мольбахъ и въ томительныхъ паузахъ.

Убѣдившись, что настроеніе создано, Ирра Паэнъ перешла къ дѣйствію:

— Я его слышу, слышу, чувствую!.. Повѣяло чѣмъ-то. О, какъ холодно стало вдругъ... цѣпенѣютъ мои руки... Я вся цѣпенѣю.., Надвинулось облако, застилаетъ глаза... Духъ, это ты? Духъ, отзовись? Что? Громче, яснѣе!.. Это даже не шепотъ, а шелестъ. Духъ, яснѣе, молю тебя! Что? Ты желаешь говорить только со мною? И чтобы я повторяла твои слова? Говори, говори же, о, духъ! Кто ты?

Скажи. Ты — духъ Цезаря? Въ кого же вселился ты? Ты не хочешь назвать? Не называй... не надо... я чувствую... О, какое великолѣпное, о, какое чудесное воплощеніе!.. Чего ты желаешь? Чтобы тотъ, кто будетъ носителемъ тебя на землѣ, возсоздалъ... Громче, духъ! Возсоздалъ Великую Римскую Имперію? Какъ? Повтори, не слышу! Отъ Геркулесовыхъ столбовъ до Трояновыхъ. Духъ, скажи, гдѣ они Трояновы столбы? Что? Въ Крыму? Еще? Тамъ, гдѣ Аргонавты искали золотое руно... Кавказъ? Да? Кавказъ? Еще чего требуешь? Возвращенія всѣхъ тѣхъ земель, гдѣ стояли и до сихъ поръ стоятъ венеціанскія твердыни съ печатью крылатыхъ львовъ Святого Марка? Албанія, Далмація, еще? Ты молчишь, духъ, молчишь?.. Облако таетъ... О, какъ мнѣ холодно, какъ темнѣетъ въ глазахъ. Я не могу больше... изнемогаю... Жизнь покидаетъ меня...

Голосъ Ирры Паэнъ умолкъ. Послышалось паденіе тѣла...

Цѣпь разомкнулась. Всѣ вскочили, зажгли свѣтъ. Ирра Паэнъ лежала безъ чувствъ на коврѣ...

16. Техника и духъ.

Сэръ Джемсъ интересовался военнымъ дѣломъ, какъ иногда интересуются глубоко-штатскіе люди. Какъ человѣкъ, вообще, любознательный, а главное, какъ политическій дѣлецъ, у котораго сплошь да рядомъ политика переплетается со стратегіей.

У него былъ всегда подъ рукою живой справочникъ, — любящій свое дѣло солдатъ и ландскнехтъ съ головы до ногъ, Отто фонъ Армфельдъ.

Когда вышедшій изъ рукъ своего парикмахера, Церини, себя мнилъ неотразимымъ красавцемъ, и тщетно ломалъ большую, волосатую голову свою надъ вопросомъ, кого ожидаетъ Ирра Паэнъ къ себѣ на сеансъ,— въ этотъ самый вечеръ сэръ Джемсъ не волновался, нѣтъ, а испытывалъ легкое нетерпѣніе въ ожиданіи телефона съ улицы Четырехъ Фонтановъ. Прошелъ ли благополучно сеансъ? Не сдѣлала ли она какой-нибудь „гаффы"?...

Рѣдко ужинавшій основательно, какъ слѣдуетъ, сэръ Джемсъ часто ограничивался легкой холодной закуской и чаемъ. То и другое Гансъ подавалъ ему въ кабинетъ къ пылающему камину.

И на этотъ разъ, — чай, закуски и пылающій каминъ,

согрѣвавшій сэра Джемса сухимъ, горячимъ дыханіемъ.

Армфельдъ весьма предпочелъ бы основательный ужинъ съ такимъ же основательнымъ возліяніемъ. Но, разъ патронъ изъ какихъ-то желудочно гигіеническихъ соображеній ограничиваетъ себя тонко-нарѣзанной холодной телятиной, личному секретарю нельзя въ одиночку отъѣдаться въ сосѣдней комнатѣ. Дурной тонъ. И, волей-неволей, удовлетворяясь холодной телятиной, Армфельдъ вознаграждалъ себя коньякомъ. Предусмотрительный Гансъ подалъ графинчикъ съ золотистой влагою. Уровень этой золотистой влаги быстро опустился, обнажилось дно. Армфельдъ съ удовольствіемъ повторилъ бы графинчикъ, но, опять таки, — неудобно, разъ самъ сэръ Джемсъ и не пригубилъ даже.

Каминъ и сигара подѣйствовали на сэра Джемса разнѣживающе. Не хотѣлось говорить, хотѣлось слушать, и, наконецъ, хотѣлось убить время, пока Ирра Паэнъ позвонитъ.

— Ну, вотъ, милѣйшій маіоръ... Допустимъ дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія... По вашему, кто побѣдилъ бы? Итальянцы, или сербы? — И, не давъ отвѣтить, сэръ Джемсъ продолжалъ: — Хотя въ военномъ дѣлѣ я и не спеціалистъ, но, по моему... Посудите же сами, населеніе Италіи — почти сорокъ милліоновъ, Сербіи же двѣнадцать. Италія богата, Сербія бѣдна. О техническомъ же превосходствѣ и говорить нечего! А ея флотъ? По моему, — выводъ ясенъ...

Армфельдъ отрицательно покачалъ головою.

— Сэръ, я съ вами не согласенъ. Дѣло не въ численности брошенныхъ на позиціи вооруженныхъ людей, а въ боеспособности ихъ... Итальянская армія никогда не отличалась особеннымъ избыткомъ боеспособности...

— Однако? Примѣры? — усумнился патронъ.

— Извольте! Во время Великой войны, знаете, что было у насъ на итальянскомъ фронтѣ? Трехсоттысячная армія изъ сербо-хорватовъ. Она имѣла противъ себя милліонъ чудесно снабженныхъ и экипированныхъ итальянцевъ. Но если-бы французы не влили въ эту массу два корпуса, спѣшно снятыхъ съ западнаго фронта, получилась бы катастрофа.

— Значитъ французы, по вашему, много лучше?

— Какое же сравненіе? Затѣмъ былъ моментъ почти разгрома. Наша армія могла бы смѣло гнать итальянцевъ до Рима, до Неаполя, куда угодно, если бы не наступле-

ніе русскихъ, знаменитое Брусиловское наступленіе. Вотъ чему обязана Италія своимъ спасеніемъ.

— Хорошо, но это могло имѣть мѣсто при одинаковыхъ техническихъ условіяхъ. А если одна сторона значительно превосходитъ другую въ смыслѣ техники? У итальянцевъ очень много артиллеріи, большой воздушный и морской флотъ, много танковъ... У сербовъ же...

— И, все-таки, побѣждаетъ качество бойца и духъ, а не техника, хотя, словъ нѣтъ, и ея роль весьма значительна. Вы сомнѣваетесь? Я по глазамъ вижу... Вамъ, какъ штатскому, не совсѣмъ понятно. Я буду иллюстрировать фактами. Вы слышали о катастрофическихъ неудачахъ итальянцевъ въ Абиссиніи?.. Это было лѣтъ тридцать назадъ?.. Абиссинцы, имѣя только холодное оружіе, и, въ видѣ исключенія огнестрѣльное, — уничтожили при Адуѣ весь корпусъ генерала Баратьери.

— Но, позвольте? У однихъ пушки и ружья, а у другихъ...

— Вотъ вамъ наглядное доказательство преимущества духа бойцовъ надъ техникой. Абиссинцы привели своего врага въ такое состояніе паники, когда оставалось одно — рубить и гнать, гнать и рубить! Значительно раньше, въ семидесятыхъ годахъ, то же самое и тоже въ Африкѣ произошло въ войнѣ англичанъ съ зулусами. У англичанъ были уже митральезы Максима, а у зулусовъ однѣ копья. И въ результатѣ, — побѣда зулусовъ... Король ихъ Сатевайо былъ обласканъ и приглашенъ въ Лондонъ, какъ гость королевы Викторіи... Гость-побѣдитель...

— Странно, очень странно... Я не слышалъ объ этомъ.

— Но, это было именно такъ! Сообщу вамъ даже одну смѣшную подробность. Сатевайо, всю свою жизнь ходившій нагишемъ, по этикету долженъ былъ представиться ея величеству во фракѣ. Съ громадными усиліями во фракъ его удалось втиснуть, но втиснуть его громадныя ноги въ ботинки, — ноги, никогда не знавшія обуви, — оказалось вещью невозможной... Онъ такъ и поѣхалъ во дворецъ во фракѣ и... босикомъ...

— Шаржъ! — улыбнулся сэръ Джемсъ.

— Историческій фактъ! — вѣско возразилъ Армфельдъ. — Но, вернемся къ итальянцамъ. Что такое ихъ война въ Триполли? Я самъ не былъ тамъ, къ сожалѣнію, но были мои друзья, помогавшіе Энверу организовать сопротивленіе туземцевъ. Вотъ вамъ параллель. Экспедиціонная армія итальянцевъ достигала стадесяти тысячъ. Мощ-

ный флотъ, нѣсколько воздушныхъ эскадрилій, чудесная артиллерія съ тракторными колесами для передвиженія по пустынѣ... Арабовъ же и двадцати тысячъ не было. Винтовки стараго образца и двѣ какихъ-то жалкихъ батареи.

— И что же? — поинтересовался сэръ Джемсъ.

— А то, сэръ, что итальянцы такъ и не могли продвинуться вглубь страны дальше, чѣмъ на двѣнадцать-пятнадцать километровъ отъ берега.

— Почему же не могли?

— Не рѣшались, чувствуя себя въ большей безопасности подъ защитою дальнобойной артиллеріи своихъ броненосцевъ. Мой пріятель, сподвижникъ Энвера, кирасиръ его величества, баронъ Гумбергъ, очень много разсказывалъ любопытнаго... Арабскіе всадники, напримѣръ, подлетали до самыхъ окоповъ итальянской пѣхоты и, соскочивъ съ коней, вырѣзывали всѣхъ, не встрѣчая никакого сопротивленія... Въ нѣсколько минутъ все кончено, арабы на коней, и назадъ къ себѣ въ пустыню...

— Это показатель чего? — какъ внимательный ученикъ, допытывался сэръ Джемсъ.

— Весьма плачевный показатель для тѣхъ, кто сидѣлъ въ окопахъ, — со снисходительной улыбкой пояснилъ Армфельдъ. — Не говорю,— доблестная, самая средняя пѣхота, открывъ огонь, уничтожила бы непріятельскую конницу, не подпустивъ ее даже и на триста метровъ, А, разъ этого не было, значитъ была паника. Учитывая паническое настроеніе завоевателей, арабы, конечно, могли продѣлывать подобные трюки... Да, я упустилъ еще одну подробность: они успѣвали даже перерѣзать проволочныя загражденія. А это показатель того, — сдѣлалъ Армфельдъ удареніе на словѣ „показатель", — что бравые итальянцы, ничего не видя и не слыша, лежали распростершись на днѣ окоповъ своихъ. Вотъ вамъ и торжество техники ..

— Да... это... въ самомъ дѣлѣ... теперь мнѣ... — началъ сэръ Джемсъ, и не кончилъ, прерванный звонкомъ телефона.

— Подойти? — спросилъ „майскій жукъ".

— Нѣтъ, я самъ! — и, вставъ, подойдя, сэръ Джемсъ снялъ трубку: — Allo? Это вы графиня?

— Да, я!

— Ну, что? Какъ?

— Все хорошо, удачно... Впечатлѣніе громадное... Уже черезъ полчаса я была информирована. Дѣйствительно, это превзошло всѣ ожиданія...

— Браво, браво... Но, хоть какія-нибудь подробности?

— Подробности — лично... Завтра вечеромъ буду у васъ, но при условіи: Армфельда я не желаю видѣть... Обѣщаете?

— Обѣщаю, — отвѣтилъ сэръ Джемсъ, невольно бросивъ взглядъ въ сторону своего секретаря.

Повѣсивъ трубку, онъ молвилъ:

— Ахъ, эта Ирра... Наслажденіе работать съ нею!...

Армфельдъ молчалъ. Онъ имѣлъ большой зубъ противъ Ирры Паэнъ. Только черезъ минуту спросилъ тономъ полнѣйшаго безучастія:

— Слѣдовательно, вся эта комедія имѣла успѣхъ, и „величайшаго“ удалось мистифицировать?

Сэръ Джемсъ не успѣлъ отвѣтить, вновь задребезжалъ телефонъ.

На этотъ разъ сэръ Джемсъ не подавалъ никакихъ репликъ... Съ измѣнившимся лицомъ онъ внимательно слушалъ, въ тактъ качая головою, и односложно повторяя:

— Да, да... да! Такъ... такъ... да...

Другой, „тотъ“ говорилъ минутъ десять.

Муррей все еще оставался подъ впечатлѣніемъ услышаннаго.

— Все можетъ полетѣть къ чорту! — сказалъ сэръ Джемсъ почти спокойно. Въ этомъ спокойствіи, однако, Армфельдъ, изучившій своего патрона, угадывалъ дежрсиваемое бѣшенство.

ЧАСТЪ II.

17. Походъ трехсотъ и “воля народа“.

Сергѣй Михайловичъ Кельничъ, директоръ варшавскаго „Русспресса“, мужчина среднихъ лѣтъ, съ подвижнымъ, пріятнымъ лицомъ — одни находили, что это лицо напоминаетъ Гоголя, другіе — Наполеона, — сидѣлъ у себя въ кабинетѣ на Литовской улицѣ, просматривая газеты при свѣтѣ яркой, настольной лампочки. А на колѣняхъ у него сидѣла прелестная Ируся, шестилѣтняя дочурка густо-румяная и съ васильковыми глазами.

И, какъ у сэра Джемса въ Римѣ на музейномъ, малахитовомъ столѣ, такъ и въ Варшавѣ у Кельнича, на обыкновенномъ письменномъ, задребезжалъ телефонъ.

Обнимая одной рукою дочь другой рукою онъ поднесъ, такъ называемую въ Польшѣ, „слухавку“.

— Что? Что такое? Да не можетъ быть!...

И такъ это было захватывающе интересно, что Кельничъ ссадивъ дочь съ колѣнъ и, сказавъ: — „Ируся, погуляй, дѣтка!“, — тотчасъ же приникъ весь къ „слухавкѣ“.

На слѣдующій день, утромъ, уже въ своемъ дѣловомъ кабинетѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, Кельничъ говорилъ помощнику своему Войцѣховскому, тонкому, изящному, съ нѣжно-матовой кожею лица и въ очкахъ, обведенныхъ тончайшей золотой проволокою.

— Ну, дорогой Сергѣй Львовичъ, крошечка вы моя!.. Вотъ сенсація для „Русспресса“! Мы — первые! Вотъ, что значитъ имѣть всюду своихъ корреспондентовъ, особенно, если эти корреспонденты еще наши славные русскіе офицеры!.. Подумайте, корреспондентъ — самъ участникъ Албанскаго похода трехсотъ! Да любая европейская газета бросила бы сумасшедшія деньги за право имѣть своего корреспондента въ числѣ этихъ „трехсотъ“. Крошечка моя, вотъ вамъ телеграмма, продиктуйте ее на машинкѣ Морозу, кое что округливъ и „облитературивъ“. Только живенько, мой дорогой, живенько! Сейчасъ же разошлемъ!

„Вотъ сущность сенсаціонной телеграммы:

Гдѣ и какъ перешли мы сербскую границу, я это, въ силу нѣкоторыхъ соображеній, опускаю. Мы втянулись въ дикія, мало проходимыя, почти безлюдныя горы. Жуть охватываетъ при одной мысли, что этой же самой дорогою отступала къ Адріатикѣ восьмидесятитысячная сербская армія, надломленная, но не побѣжденная, сильная духомъ и любовью къ Родинѣ. Отступала безъ ропота по этой, сплошь изъ голыхъ кручъ, пустынѣ. Однажды, въ теченіи сорока восьми часовъ, шедшіе рядомъ король Петръ и Пашичъ не имѣли и крошки хитба во рту...

Мы очутились въ значительно лучшихъ условіяхъ, уже благодаря своей малочисленности. Но и намъ кислые албанскіе хлѣбцы, которые здѣсь называются „пройя“, давались не легко, иногда цѣною перестрѣлки...

Цѣль нашего похода — выгнать албанскаго президента Фанъ-Нолли, купленнаго большевиками, и, вмѣсто него, посадить Ахмеда-Зогу, обѣщавшаго проводить политику, дружественную сербамъ. Въ нашихъ рядахъ былъ и самъ Ахмедъ-Зогу. Командовалъ отрядомъ Кіевскій гусаръ полковникъ Берестовскій, прекрасный боевой офицеръ, лихой конникъ. Вообще, большая половина отряда состояла изъ конниковъ. Съ непривычки къ пѣшему строю, да еще въ условіяхъ этихъ козьихъ тропинокъ надъ зіяющими безднами, походъ былъ очень тяжелъ и труденъ. Мы явили со-

бою, въ миніатюрѣ, чуть ли не всю русскую армію. Среди насъ были представители, по крайней мѣрѣ, пятидесяти полковъ: были гусары — кіевскіе, павлоградскіе, гродненскіе, ахтырскіе, маріупольскіе, изюмскіе. Были сѣверскіе драгуны. Были преображенцы, измайловцы, егеря, стрѣлки Императорской Фамиліи. Были оранжевые корниловцы, траурные марковцы, малиновые дроздовцы, синіе алексѣевцы. Туземная дивизія была представлена черкесами, ингушами, чеченцами, кабардинцами и дагестанцами. Это была эффектная мозаика цвѣтныхъ фуражекъ, горскихъ папахъ, золотыхъ и серебрянныхъ погонъ, синихъ и красныхъ кавалерійскихъ галиффэ, защитныхъ кителей, довоенныхъ мундировъ, гусарскихъ доломановъ, черныхъ, коричневыхъ и бѣлыхъ черкесокъ. Этотъ исключительный отрядъ представлялъ исключительное зрѣлище...

Весь походъ около двухъ недѣль длился. Были и ночные и дневные бои. Дѣйствовать приходилось въ духѣ партизанской гверильи. Засѣвшіе въ горахъ албанцы иногда пытались преградить намъ путь, обстрѣливали, но мы ихъ шутя опрокидывали, особенно же, когда начинали строчить наши пулеметы.

Уже на подступахъ къ Тиранѣ бросилъ противъ насъ Фанъ-Нолли все имѣвшееся въ его распоряженіи. Нѣсколько тысячъ албанцевъ въ бѣлыхъ, войлочныхъ шапочкахъ громадной толпою двинулись, думая раздавить насъ, открывъ огонь болѣе оглушительный, нежели дѣйствительный. Когда наши пулеметы принялись косить воинство албанскаго епископа, воинство кинулось вразсыпную, и мы овладѣли Тираной безъ потерь. Нельзя же считать двухъ легко раненыхъ.

Стройной колонной вошли мы съ пѣснями въ Тирану, а весьма предусмотрительный епископъ-вождь былъ уже далеко. Съ нѣсколькими изъ своихъ приспѣшниковъ и съ государственной казною, выгнанный президентъ умчался изъ Дураццо на моторной яхтѣ въ неизвѣстномъ направленіи...

Корреспондентъ симпатичнаго „Русспресса“ кое-что пріукрасилъ, кое-что забылъ подчеркнуть, но въ общемъ далъ правильную картину похода „трехсотъ“-

Относительно доломановъ — немного увлекся. Доломаны появились позже: Корреспондентъ забылъ упомянуть преобладаніе въ отрядѣ кіевскихъ гусаръ и сѣверскихъ драгунъ. Кромѣ того, полковникъ Берестовскій не едино-

лично командовалъ отрядомъ. Власть раздѣлялъ съ нимъ полковникъ, лихой черкесъ Кучукъ-Улагай.

Ахмедъ-Зогу имѣлъ все же своихъ сторонниковъ. Вѣрныя ему племена присоединились къ русскому отряду. Но пользы отъ этихъ „сражателей“ было немного. Въ бою подъ Тираной, когда войска Фанъ-Нолли бросились на дерзкихъ „завоевателей“, албанцы Ахмеда-Зогу кинулись бѣжать, а русскіе встрѣтили защитниковъ Тираны пулеметнымъ огнемъ, и тѣ, въ свою очередь, въ паникѣ разбѣжались...

Тирана пала.

Но, Ахмедъ-Зогу не спѣшилъ войти въ свою столицу, а ждалъ, пока ему приведутъ „бѣлаго“ коня. Коня, дѣйствительно, привели, хотя не бѣлаго, и новый правитель въѣхалъ въ живописный городокъ весь въ зелени, съ черепичными крышами и острыми иглами минаретовъ.

Нельзя сказать, чтобы этотъ всадникъ, еще не успѣвшій обзавестись феерической бѣлоснѣжной формой, былъ особенно эффектенъ въ штатскомъ, съ панталонами безъ штрипокъ, упрямо лѣзущими вверхъ.

Но, у албанцевъ своя „эстетика“. На такую мелочь никто не обратилъ вниманія.

Ахмедъ-Зогу встрѣченъ былъ торжественною депутаціей изъ именитыхъ и знатныхъ беговъ, еще недавно клявшихся въ вѣрности бѣжавшему Фанъ-Нолли.

Во главѣ депутаціи находился братъ Ахмеда-Зогу, похожій на него, только менѣе красивый и менѣе „свѣтскій“. Братъ не зналъ другихъ языковъ, кромѣ албанскаго и турецкаго, и весьма былъ счастливъ разговориться по-турецки съ Зауръ-Бекомъ и Улагаемъ.

— Ну, что-жъ, все кончено? — сказали ему Зауръ-Бекъ и Кучукъ-Улагай.

— Нѣтъ, далеко не все! — возразилъ братъ Ахмеда-Зогу, отрицательно покачавъ головою, то есть не слѣва направо, какъ у европейцевъ, а сверху внизъ, по восточному. У европейцевъ же это — знакъ утвержденія.

Полковникъ и ротмистръ едва не обидѣлись.

— Какъ это такъ, не все? Мы посадили вашего брата! Теперь уже онъ будетъ править!..

— Будетъ, но при одномъ условіи: если народъ пожелаетъ избрать его своимъ вождемъ. Вы думаете мы дикари? О, ничуть! У насъ парламентъ! Видите? — и братъ своего брата показалъ одноэтажное зданіе съ фасадомъ изъ мавританскихъ подковъ на тоненькихъ коллонкахъ.

— Тьфу, и здѣсь парламентъ! — не выдержавъ, сплюнулъ Зауръ-Бекъ.

— А вы думали? Нельзя же безъ парламента! Ну, такъ давайте же, уговоримся. Черезъ полчаса великое народное собраніе свободно выскажется, быть или не быть моему брату у власти? Мы сдѣлаемъ такъ: вы поставьте своихъ людей у парламента, и одну пушку. У насъ есть одна маленькая пушка еще со временъ князя Вида. А я буду тамъ, внутри. Если я выбѣгу и начну махать платкомъ, жарьте изъ пушки прямо въ дверь! А если я выбѣгу съ крикомъ „Да здравствуетъ Ахмедъ-Зогу, правитель Албаніи!“, — пусть ваши люди тоже кричатъ и стрѣляютъ вверхъ изъ винтовокъ...

Мусульмане Кучукъ-Улагай и Зауръ-Бекъ, — одинъ черкесъ, другой ингушъ, — не удивились нисколько. Да и чему въ сущности удивляться? Развѣ не трагикомическій фарсъ, вообще, весь парламентаризмъ съ его „народной волею“, и развѣ въ просвѣщенной Европѣ не продѣлывалось то же самое, что хотѣлъ сейчасъ продѣлать братъ Ахмедъ-Зогу? Только тамъ, на Западѣ, пріемы болѣе культурные, мягкіе.

Парламентъ гудѣлъ, какъ пчелиный улей. И, несмотря на прохладный декабрьскій день, депутаты потѣли отъ напряженія и, вообще, отъ сильныхъ эмоцій. Политиканство взяло верхъ надъ страхомъ. Въ партійномъ пылу избранники албанскаго народа забыли, что Ахмедъ-Зогу обладаетъ реальной силою, и если-бъ не эта сила, Ахмедъ-Зогу не былъ бы въ Тиранѣ.

Не успѣлъ начаться обмѣнъ мнѣній, грозившійся тянуться безъ конца краю, вбѣгаетъ въ парламентъ находчивый братъ Ахмеда-Зогу.

— Вниманіе, благородные беги! Вниманіе!

Пчелиный улей затихъ. „Братъ“ сдѣлался центромъ вниманія ста двадцати депутатовъ.

— Цвѣтъ и краса албанскаго народа! Его глаза, уши, его мозгъ и сердце! Если въ теченіи пяти минутъ мой братъ не будетъ единогласно избранъ, горе не ему, а вамъ! Посмотрите въ окно! Видите этихъ людей? Видите эту пушку?

Лица депутатовъ блѣднѣли, становясь какими-то чужими. Глаза округлялись, дѣлаясь какими-то стеклянными. То молча переглядывались между собою, то молча смотрѣли на „этихъ людей“ и на „эту пушку“...

Не прошло и двухъ минутъ, братъ выбѣжалъ изъ парламента съ крикомъ:

— Да здравствуетъ Ахмедъ-Бекъ-Зогу! Да здравствуетъ, волею Аллаха и волею свободнаго народа, законный правитель Албаніи!..

Пушка молчала. Но заговорили винтовки. Поднялась такая пальба, — эхо повторяло ее, гдѣ-то далеко въ горахъ, обступившихъ лежащую въ лощинѣ Тирану съ ея мечетями и красной черепицей домиковъ.

18. Графъ Маташичъ, австрійскій аэропланъ и берсальеры.

Переворотъ, да еще сдѣланный русскими, — а человѣкъ съ острыми ушами терпѣть не могъ русскихъ, — совсѣмъ не входилъ въ планы сэра Джемса.

Налажено было все. Рѣшительно все! Уже Фанъ-Нолли, типичный албанскій авантюристъ, въ темно-желтой, подпоясанной бѣлымъ шнуромъ, сутанѣ, былъ готовъ заключить договоръ съ Италіей, вѣрнѣе отдать ей Албанію въ полную колоніальную зависимость, и вдругъ самъ Фанъ-Нолли уже безпріютный бѣглецъ, а подпись его не стоитъ и пяти чинтезимэ...

Сэръ Джемсъ поспѣшилъ увидѣться кой съ кѣмъ изъ членовъ правящаго кабинета. Ихъ несомнѣнное смущеніе не граничило, однако же, съ паникой.

Они пробовали улыбаться, хотя улыбка и выходила немного кривая.

— Мы готовы ко всякимъ сюрпризамъ, — говорили они, — сербы выкинули одинъ изъ очередныхъ своихъ трюковъ. Досадно, что дѣлать! Но... вмѣсто Фанъ-Нолли договоръ подпишетъ Ахмедъ-Зогу. Какая разница? Мы его купимъ, уже купили! Мы богаче сербовъ. А на Балканахъ тотъ выигрываетъ, у кого больше денегъ. Но только на этотъ разъ мы будемъ дѣйствовать энергичнѣе. Дабы застраховать себя отъ новыхъ сюрпризовъ, мы, какъ только войдемъ въ соприкосновеніе съ Бекъ-Зогу, тотчасъ же приступимъ къ оккупаціи всей страны.

Ирра Паэнъ была того же мнѣнія.

— Все будетъ хорошо, только надо взяться, какъ слѣдуетъ, за этого Ахмеда-Зогу. Я сама поѣду въ Албанію!...

— Вы?!

— А почему бы и нѣтъ? Зима тамъ теплая, мягкая,

совсѣмъ другая, чѣмъ здѣсь въ Римѣ. Это будетъ partie de plaisir.

— Вы думаете? — усумнился сэръ Джемсъ.

Албанія рисовалась ему чѣмъ-то дикимъ, суровымъ и далеко не безопаснымъ. Въ его представленіи каждый албанецъ — самый отчаянный головорѣзъ.

— Но ваше появленіе могутъ найти страннымъ.

— Ничуть! Оно будетъ естественно вполнѣ. Я соберу маленькую труппу, и мы поѣдемъ сниматься для кино... Чѣмъ не предлогъ? Я буду держать въ моемъ полѣ зрѣнія и самого Ахмеда-Зогу, и тѣхъ, кто его окружаетъ. Въ концѣ концовъ, всѣ нити будутъ въ моихъ рукахъ...

— Пожалуй, это идея, — уступилъ сэръ Джемсъ. — Но кого же вы съ собою возьмете?

— Въ точности, сама не знаю еще. Во всякомъ случаѣ, возьму Церини.

— Ахъ, вы и тамъ будете насаждать потустороннее?..

— Весьма возможно, — улыбнулась Ирра. — На мѣстѣ это будетъ виднѣе?

— А еще?

— Что еще?

— Кого вы еще возьмете съ собою?

— Пожалуй... пожалуй... Маташича.

— Маташича?! — пожалъ плечами сэръ Джемсъ. — Но, вѣдь, этотъ господинъ противъ насъ... И еще какъ!..

— Если бы даже и такъ? Пусть онъ нашъ врагъ? Повѣрьте, сэръ Джемсъ, выгоднѣе его имѣть подъ рукою, слѣдить за каждымъ его шагомъ, чѣмъ... Вы меня понимаете? Если у васъ есть какія-нибудь „но“, — скажите! Вы — мой шефъ, я — ваша подчиненная... Могу не ѣхать?

— Поѣзжайте! Поѣзжайте! Я вѣрю вашей находчивости, вѣрю вашему инстинкту.

— Благодарю, — отвѣтила Ирра Паэнъ полунасмѣшливымъ движеніемъ своей бѣлокурой головки.

И, уже не впервые сэръ Джемсъ почувствовалъ себя уязвленнымъ. Положительно, эта Ирра Паэнъ не принимаетъ его всерьезъ. Его, съ которымъ весьма считались и считаются государственные люди великихъ державъ.

А она, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Милый сэръ Джемсъ, пришлите мнѣ Армфельда!

— Армфельда? Вы же ему указали на дверь?..

— И еще разъ укажу, если онъ посмѣетъ забыться... Надо его поразспросить кое-о-чемъ.

— Армфельдъ злопамятенъ. Можетъ не захотѣть...

— Захочетъ!..

Армфельдъ пріѣхалъ сухой, застегнутый на всѣ пуговицы и тѣломъ и душою.

— Вамъ угодно было меня видѣть?

— Вы не ошиблись...

— Чѣмъ могу служить?

— Что вы знаете о Маташичѣ?

— Васъ это интересуетъ?

— Безъ сомнѣнія, разъ я спрашиваю!

Покорный и укрощенный Армфельдъ началъ свой разсказъ:

— Это было на русскомъ фронтѣ, когда въ австрійскую армію, наполовину деморализованную, мы вливали наши корпуса подъ общимъ командованіемъ генерала Макензена. Русскіе, не имѣвшіе снаряженія, отходили, но отходили въ порядкѣ, огрызаясь, нанося намъ чувствительные удары и уводя плѣнныхъ. Я былъ начальникомъ развѣдки всего фронта. Ко мнѣ стекались всѣ донесенія... Въ моихъ рукахъ очутились данныя, что капитанъ графъ Маташичъ, командиръ батальона боснійцевъ, намѣренъ со своей частью перейти къ русскимъ. Эти славянскія свиньи весьма сплошь и рядомъ измѣняли своей присягѣ и своему императору! Особенно же сербы и чехи. Я добился приказа объ арестѣ Маташича, и допросилъ его... Убѣдившись, что въ моихъ рукахъ имѣются убійственныя улики, Маташичъ не запирался. Больше,—онъ крайне вызывающе держалъ себя...

— А именно? — спросила Ирра Паэнъ съ какой-то неопредѣленной игрою въ синихъ глазахъ своихъ.

— Онъ такое говорилъ, меня подмывало застрѣлить его тутъ же на мѣстѣ... Не могу простить себѣ, что не сдѣлалъ этого!.. Онъ говорилъ, что пошелъ на войну не доброй волею, а по принужденію. Что монархомъ своимъ считаетъ не Франца-Іосифа, а Петра Сербскаго. Этого было довольно. Я приказалъ увести его и запереть въ блиндажъ. На утро военно-полевой судъ приговорилъ бы его къ повѣшенію... Ночью онъ убѣжалъ. Преданные ему боснійцы освободили его, задушивъ двухъ часовыхъ-баварцевъ. За это весь боснійскій батальонъ пошелъ подъ судъ, и черезъ десятаго былъ разстрѣлянъ. А Маташичъ попалъ въ штабъ къ генералу Брусилову и далъ ему много цѣнныхъ информацій относительно всей нашей группы. Это была наша первая встрѣча.

— А затѣмъ... вы встрѣтились у меня?

— Нѣтъ, мы встрѣтились еще раньше. И это васъ интересуетъ?

— Очень!.. Пролоджайте. Да, перебью васъ. чтобы потомъ не забыть. Вы говорите, онъ сербъ и графъ?..

— Сербъ и графъ...

— Но я не встрѣчала титулованныхъ сербовъ...

— Маташичъ — далматинскій сербъ, а среди нихъ есть графскія семьи, получившія титулъ и отъ австрійскихъ императоровъ, и, еще кажется, отъ Наполеона, когда имъ было оккупировано Далматинское побережье...

— Я этого не знала. Итакъ, вы встрѣтились...

— Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ онъ ускользнулъ отъ заслуженной веревки... Надо вамъ сказать, высшее командованіе очень цѣнило меня, какъ развѣдчика.

— Знаю, — воспослѣдовалъ короткій, полуироническій наклонъ головы.

Армфельдъ, взглянувъ на Ирру Паэнъ какъ-то поволчьи изъ-подлобья, продолжалъ:

— Вамъ угодно въ сжатой дѣловой формѣ, — самая суть дѣла, или со всѣми подробностями?

— Съ подробностями! Вы, какъ всѣ неглупые бывалые люди, интересно разсказываете... Вы много знаете... Слушая васъ, — учишься...

Это было сказано безъ всякой ироніи, и взглядъ польщеннаго Армфельда уже не былъ такой волчій.

— Сейчасъ опишу вамъ сцену... Необходимо разсказать ее сэру Джемсу... Онъ такъ интересуется боеспособностью итальянской арміи... Но — по порядку... Я получилъ заданіе выяснить, что будетъ изъ себя представлять сербская армія послѣ своего отступленія черезъ Албанію? Сохранитъ ли она живую силу свою, и въ какихъ размѣрахъ? Съ паспортомъ швейцарскаго гражданина Юліуса Обера, — какое совпаденіе! Настоящій Оберъ стоитъ во главѣ антибольшевистской лиги, — я втерся въ американскій отрядъ Краснаго Креста, командированный въ Санъ-Джованни ди Медуа, для оказанія медицинской и питательной помощи сербамъ, частями подходившимъ къ берегу... Надо вамъ сказать, я чуждъ всякихъ сентиментальностей, сербовъ и славянъ, вообще, какъ нѣмецъ-пруссакъ, ненавижу, но и я утратилъ немного свое душевное равновѣсіе, увидя первые два полка, достигшіе Санъ-Джованни. Это не были живыя существа, это были тѣни, тонкія, прозрачныя, до того исхудавшія — лохмотья мундировъ свободно болтались на нихъ,

какъ на жердочкахъ. Нѣкоторые, опустившись на землю, засыпали, чтобы уже больше не проснуться. Это не была смерть, это было угасаніе. Когда я овладѣлъ собою, и первыя впечатлѣнія притупились, я съ удовольствіемъ подумалъ: Конченные люди?.. Васъ ждетъ могила, а не поле боя... Увы! Я ошибся. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти самыя „тѣни“ великолѣпно дрались, и штыковымъ ударомъ взяли Монастырь... Здѣсь же, въ Санъ-Джованни ди Медуа, я увидѣлъ... Маташича. Онъ прибылъ изъ Салоникъ съ двумя транспортами муки для сербовъ. Эти два парохода стояли на рейдѣ. Былъ третій, но гдѣ-то около Санти-Кваранта итальянская подводная лодка пустила его ко дну, оправдываясь, что пароходъ якобы австрійскій, хотя на кормѣ развѣвался большой русскій флагъ.

— Почему русскій?

— Хлѣбъ посланъ былъ сербамъ по повелѣнію Императора Николая... Мы встрѣтились съ Маташичемъ лицомъ къ лицу. Узналъ ли онъ меня? Врядъ ли. Я былъ не въ формѣ, а въ штатскомъ, сбрилъ усы. Все это, конечно, мѣняло мой гримъ. Кромѣ того, я былъ забронированъ и моимъ швейцарскимъ паспортомъ, и моей принадлежностью къ американскому Красному Кресту.

— У васъ явилось тогда желаніе отомстить Маташичу за побѣгъ?

Громадное! Къ сожалѣнію, въ тѣхъ условіяхъ, это было немыслимо. Но я льщу себя надеждой расправиться съ этимъ господиномъ при первомъ же удобномъ случаѣ... А теперь я вамъ набросаю картинку... Обязательно приберегу ее для сэра Джемса! Итальянцы, они уже давно спятъ и видятъ Албанію, высадили тогда въ Санъ-Джованни два полка берсальеровъ, одѣтыхъ и снаряженныхъ съ иголочки... Чудесно оборудованный лагерь, чудесныя палатки. Обиліе консервовъ, дымящіяся походныя кухни. Берсальеры самодовольно, съ презрѣніемъ смотрѣли на голодныхъ, тутъ же на ихъ глазахъ умиравшихъ „союзниковъ“ своихъ — сербовъ. Съ минуты на минуту готовились приняться за обѣдъ. Повара уже хлопотали у походныхъ, аппетитно щекотавшихъ обоняніе, кухонъ... Вдругъ, высоко въ воздухѣ загудѣлъ австрійскій аэропланъ и, одну за другою, началъ сбрасывать бомбы... Надо было видѣть, какъ въ одно мгновенье берсальеры кинулись вразсыпную!.. Черезъ минуту же отъ двухъ полковъ не осталось ни одного человѣка. Солдаты соперничали въ быстротѣ ногъ съ офицерами...

— Какой стыдъ, какой позоръ! — воскликнула Ирра Паэнъ.

— Но, слушайте дальше! Самое интересное — впереди... Сербы, — откуда энергія и сила взялись, — аттаковали покинутый лагерь, съѣли весь обѣдъ, расхватали консервы, бисквиты, запасы вина, кофе и учинили такое пиршество, какое имъ никогда и не снилось... Австрійскій аэропланъ давнымъ давно улетѣлъ во свояси, и только часа черезъ два группами начали стекаться доблестные берсальеры въ надеждѣ пообѣдать, хотя и съ опозданіемъ, но уже безъ всякой помѣхи... Но, вмѣсто обѣда, полнѣйшій разгромъ всего лагеря. Командующій бригадою генералъ, тотчасъ же отправилъ въ штабъ сербской дивизіи оффиціальную бумагу, требуя объясненій по поводу всего случившагося...

— И что же отвѣтили сербы? — весело, смѣясь, спросила Ирра Паэнъ.

— Отвѣтили приблизительно слѣдующее: Жалуйтесь на насъ высшему командованію, но при этомъ вы должны объяснить, гдѣ находились ваши два полка съ офицерами въ тотъ моментъ, когда непріятельскій аэропланъ сбросилъ нѣсколько бомбъ, никому не причинившихъ вреда?.. Послѣ этого храброе воинство съ пѣтушиными перьями больше уже не возбуждало вопроса ни о своихъ кухняхъ, ни о своихъ консервахъ...

19. Какъ онъ „развлекался“ въ Константинополѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ столица Албаніи перешла изъ приморскаго Дураццо въ глубину края, въ Тирану, этотъ живописный, разметавшійся въ долинѣ, городокъ зацвѣлъ, разбогатѣлъ и, не мѣняя своего восточнаго облика, началъ объевропеиваться. Это осязательнѣе всего выразилось въ нѣсколькихъ гостинницахъ, чистыхъ, довольно культурныхъ, не похожихъ на тѣ азіатскіе клоповники, кромѣ которыхъ ничего не было на всѣхъ южныхъ Балканахъ, за исключеніемъ, развѣ Салоникъ и Аѳинъ.

Въ гостинницахъ, выросшихъ съ необыкновенною быстротою, жили члены дипломатическаго корпуса, инженеры, искатели албанской нефти, и просто искатели приключеній. За послѣднее время, еще до паденія Фанъ-Нолли, широкой волною хлынули сюда итальянскіе офицеры. Правда, они ходили не въ формѣ, а въ штатскомъ и спортивномъ, не

драпировались съ изумительнымъ непревзойденнымъ искусствомъ въ свои широкіе, сѣро-стальные плащи, но офицеръ легко угадывался въ этихъ и молодыхъ и пожилыхъ людяхъ, одинаково сухощавыхъ и стройныхъ, съ упругой походкой и тонкими, иногда хищными лицами.

Въ этомъ смѣшеніи націй, людей, профессій, аппетитовъ, вожделѣній и соревнованій угадывался нервный центръ едва ли ни всей балканской политики.

Что такое Тирана — сама по себѣ? Маленькій, затерянный въ горной, дикой глуши, городокъ. Но этотъ городокъ — чувствительная кнопка. И, если ее умѣло нажать...

Самой лучшей гостинницей былъ „Континенталь-отель". Здѣсь жили многіе изъ только что перечисленныхъ, здѣсь жили кафэ-шантанныя звѣздочки. Въ Бѣлградѣ Зауръ-Бекъ мечталъ привозить ихъ на моторныхъ лодкахъ. Но это оказалось совершенно излишнимъ. Онѣ сами понаѣхали въ Тирану въ чаяніи всякихъ благъ...

Эти пѣвицы, „дизезъ" и танцовщицы были внѣ политики. Единственная ихъ политика — деньги. А, такъ какъ, деньги интернаціональны, то пѣвицы, „дизезъ" и танцовщицы спокойно остались въ Тиранѣ, предоставляя Фанъ-Ноллй бѣжать съ подобранною сутаною...

Переворотъ? Какое имъ дѣло? Не все ли равно. Оказалось, что переворотъ былъ имъ даже на пользу. У этихъ побѣдителей, у этихъ русскихъ офицеровъ звенѣло въ карманахъ золото, а русскіе развѣ не славятся на весь свѣтъ своей щедростью?...

„Здѣздочки" убѣдились въ этомъ въ первый же день, какъ только перевернулась новая страница Албанской исторіи...

Здѣсь же, въ „Континенталѣ", нѣсколько номеровъ отведено было по реквизиціи наиболѣе виднымъ офицерамъ изъ отряда славныхъ трехсотъ.

Въ „Континенталѣ" размѣстились полковники: Берестовскій и Кучукъ-Улагай, ротмистръ Зауръ-Бекъ, и еще нѣкоторые. Молодые офицеры и офицеры, бывшіе на положеніи солдатъ, вмѣстѣ съ солдатами изъ нижнихъ чиновъ жили въ казармахъ.

Прошло около двухъ недѣль послѣ того, какъ милостью Аллаха и „волею народа" Ахмедъ-Бенъ-Зогу сѣлъ, или почти сѣлъ, на древній тронъ Скандеръ-Бега. Этого еще нѣтъ, но будетъ! Ахмедъ-Зогу вѣрилъ въ свою звѣзду, но еще больше вѣрилъ въ отрядъ трехсотъ, могущихъ держать въ страхѣ всю Албанію, и въ рыжую модернисти-

ческую синьору Чинганелли съ полубезумнымъ взглядомъ и съ губами вампира, шептавшую ему и о королевской мантіи и о герцогскомъ титулѣ.

Ресторанный залъ „Континенталя“ всегда оживленъ, и днемъ, и вечеромъ и ночью. Здѣсь довольно сносная европейская кухня и эстрада съ фальшивящимъ оркестромъ и такими же фальшивящими пѣвичками и дизезъ. О танцовщицахъ и говорить нечего. Онѣ дрыгали ногами и вертѣлись волчкомъ, чтобы показать возможно выше ноги въ чулкахъ, не всегда туго натянутыхъ.

Все это было третьесортное, поношенное, пожившее, безстыдное, размалеванное. Свѣжее тѣло и свѣжее личико было рѣдкостью, еще и какой, среди этихъ старыхъ кафэшантанныхъ акулъ. Но, ничего, сходило. Всякій понималъ,— нельзя же требовать здѣсь „этуалей“ берлинскаго „Винтергартена“, или парижскихъ „Фоли-бержеръ“ и „Олимпіи“.

Зауръ-Беку нравилось ходить сюда по вечерамъ пить вино въ теплой компаніи и вспоминать свою молодость.

Вотъ и сейчасъ онъ сидѣлъ съ Абрикосовымъ, Константиновымъ, Цѣшковскимъ и другимъ, по-моложе, черкесомъ, — смуглымъ Іорданскимъ.

Вокругъ, — полнымъ полно. Да и куда же дѣваться вечеромъ? За столами сидятъ итальянскіе офицеры, выдающіе себя за инженеровъ. За другими столами — инженеры заправскіе, главнымъ образомъ англичане. Покою не даетъ имъ албанская нефть, еще болѣе не дающая покоя итальянцамъ. У всѣхъ этихъ „искателей“ былъ невыносимо колоніальный видъ. Всѣмъ хотѣлось походить на какихъ-то охотниковъ за черепами, но не Майнъ-Ридовскихъ, а современныхъ, съ браунингами и маузерами у пояса. Желтыя кожанныя гетры до колѣнъ, суконныя обмотки, бинтующія ногу такъ сильно, что она затекаетъ. А надъ всѣмъ этимъ подмостки, гдѣ въ измятыхъ, не первой свѣжести, туалетахъ визжатъ и притоптываютъ увядшія женщины, маскирующія дряблость своихъ лицъ густымъ слоемъ грима.

Раскраснѣвшійся Абрикосовъ, еще болѣе напоминающій младенца, сбѣжавшаго съ парфюмерныхъ плакатовъ, доволенъ. Весело бѣгаютъ его проворные „мышата“. Здѣсь онъ болтунъ и балаганщикъ, но въ бою молодецъ-молодцомъ, и въ гражданской войнѣ командовалъ прямо блестяще Донскимъ казачьимъ полкомъ. Онъ приговариваетъ:

— Сѣки по одной! Сѣки по одной!

И неизвѣстно, къ чему и къ кому относится это? Къ женщинамъ ли, поющимъ и дрыгающимъ ногами, къ тѣмъ

ли стаканамъ бѣлаго вина, что онъ уже влилъ въ себя въ несмѣтномъ количествѣ и собирается вливать еще и еще?..

— Сѣки по одной! Сѣки по одной! — и при этомъ барабанитъ пальцами по столу.

Француженка-diseuse, кончивъ свой номеръ, взвизгнула и, повернувшись къ публикѣ худой, полуобнаженной спиною, короткимъ жестомъ высоко взметнула вверхъ юбки. Это имѣло успѣхъ. Одни заржали, другіе зааплодировали.

— А, вѣдь я эту стервозу тому лѣтъ двадцать назадъ видѣлъ въ Константинополѣ! — вспомнилъ Зауръ-Бекъ, — и тогда она была такой же дранной кошкою. Да, да, видѣлъ! Кажется, въ „Паризіанѣ“. Хорошее было время! Потому-ли, что я былъ молодъ, потому-ли, что дѣйствительно было хорошее!..

— Ты былъ тогда красавцемъ? Скажи, былъ? Ну, скажи,. Ингушетія ты моя разлюбезная? — приставалъ Абрикосовсъ

Зауръ-Бекъ съ самодовольной улыбкою закрутилъ янычарскій усъ...

— Да, рѣдкая женщина, чортъ возьми, могла устоять... Отъ прежняго только одни глаза остались... Да, не въ этомъ дѣло... Наливай, Абрикосъ!

— Наливаю!.. Сѣки по одной!..

— Не въ этомъ дѣло... Номера ставили! Помню, жидокъ былъ одинъ... Все около насъ вертѣлся... Прохвостъ на всѣ руки! Чѣмъ только не занимался? Ну, конечно, главная профессія — сводничество. Гдѣ бы мы ни пьянствовали, — у „Токатліана“, въ „Паризіанѣ, — онъ тутъ, какъ тутъ! Сидитъ какой-нибудь левантинецъ, или грекосъ съ женщиной. Я моему жидку: „Поцѣлуй ее, заработаешь три лиры!“

— Ну, и что же? — спросилъ Константиновъ съ неизмѣнно грустнымъ взглядомъ.

— Подойдетъ и поцѣлуетъ... Правда, всякій разъ его за это нещадно били, но свои три лиры онъ получалъ весьма исправно. А то иногда для разнообразія такъ: намѣчу себѣ какого-нибудь грекоса и говорю моему жидку: „Поди, дай ему въ морду!..“

Хохотъ кругомъ.

— Ну, и пистолетъ же этотъ Зауръ-Бекъ!..

— Что-жъ бы вы думали, — подходитъ и бацъ грекоса по рожѣ. Послѣ этого, натурально его самого берутъ въ передѣлку и лупятъ смертнымъ боемъ...

— Тоже за три лиры? — съ мягкой, доброй улыбкою на продолговатомъ лицѣ своемъ полюбопытствовалъ Цѣшковскій.

— Нѣтъ, за мордобой онъ получалъ одну лиру. Уже такса такая у насъ была.

— Почему же поцѣлуй стоилъ дороже?

— Не знаю. Не углублялся... Хотя, можетъ быть, потому, что поцѣлуй вещь болѣе психологически сложная... Все-таки надо было преодолѣть нѣкоторую стыдливость...

— Да, номера... Это дѣйствительно, — похвалилъ. Абрикосовъ и тотчасъ же самымъ добродушнымъ образомъ усумнился:

— Да ты не врешь-ли? Сознайся? Краснаго словца ради? А? Не сердись, голубокъ, а только ваша горская братія любитъ приврать! Хлѣбомъ васъ не корми!

Метнувъ свирѣпый взглядъ въ „плакатнаго младенца“, Зауръ-Бекъ схватился за кинжалъ, весь напружинившись, какъ тигръ, готовый броситься на добычу.

— Какъ онъ смѣетъ не вѣрить мнѣ? Мнѣ? Офицеру!

Константиновъ, съ одной стороны, Цѣшковскій, съ другой, вплотную подсѣли къ Зауръ-Беку, готовые въ любой моментъ схватить его за руки.

— Брось! „Абрикосъ пошутилъ! Не видишь развѣ? Оставь! Свой со своими скандалить будешь на глазахъ этихъ итальяшекъ и англичанъ?..

Абрикосовъ полѣзъ цѣловаться...

— Ну, не надо, родненькій, не надо, не сердись.

— Нѣтъ, какъ ты смѣлъ? — не унимался Зауръ-Бекъ, уже успѣвшій, однако, остыть. — Да я тебѣ живыхъ свидѣтелей представлю!

— Тю, тю... Двадцать лѣтъ назадъ? Ищи вѣтра въ полѣ, — перешелъ Абрикосовъ съ миролюбиваго тона въ задорный.

— Нѣтъ, не ищи... Господа, уймите его, а то я за себя не ручаюсь!

— Но въ этотъ моментъ, какъ собственное вниманіе Зауръ-Бека, такъ и другихъ отвлеклось группою вошедшихъ дамъ и кавалеровъ. Видимо, они совсѣмъ недавно прибыли изъ Дураццо, иначе успѣли бы уже примелькаться въ небольшой Тиранѣ, гдѣ все, какъ на ладони, и гдѣ „европейцы“ знаютъ другъ друга, хотя бы по внѣшнему виду.

Метръ д'отель, высокій грекъ-эпиротъ, съ доходящей

до отчаянія готовностью ринулся усаживать кліентовъ, по его мнѣнію выгодныхъ.

Столъ этихъ „кліентовъ“ пришелся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Зауръ-Бека съ его компаніей. Покручивая усы, пріосанившись и, положивъ лѣвую руку на рукоятку кинжала, Зауръ-Бекъ огненными еще до сихъ поръ глазами расцѣнивалъ двухъ сосѣднихъ дамъ, — блондинку, въ скромномъ, но стильномъ, дорожномъ туалетѣ, и рыжую, одѣтую не скромно и не по дорожному. Затѣмъ остановился на одномъ изъ мужчинъ. Этотъ мужчина и своимъ лицомъ, и своимъ „колоніальнымъ“ костюмомъ рѣзко выдѣлялся на фонѣ трехъ-четырехъ молодыхъ людей, бритыхъ, шаблонно актерскаго типа.

Зауръ-Бекъ одной рукой схватилъ за локоть Цѣшковскаго, другой — Іорданскаго.

— Онъ! Клянусь Богомъ!

— Это еще что за „онъ“?

— Мой константинопольскій жидокъ...

20. Они уже въ столицѣ Албаніи.

— Который?

— Да этотъ! Шутомъ гороховымъ одѣтый!..

— Не можетъ быть! Зауръ-Бекъ, ты ошибся? Смотри, у него Почетный Легіонъ!..

— Это ничего не значитъ! Почетный — не почетный, говорю тебѣ — онъ! По шраму узналъ... Вотъ онъ теперь въ какомъ обществѣ!.. Звали его... звали... Да, вспомнилъ! Церъ! Вотъ крикну сейчасъ: „Церъ, поди сюда!“, увидите, какъ подбѣжитъ, завиляетъ хвостомъ.

— Зауръ-Бекъ, ты съ ума сошелъ! Можетъ быть это вполнѣ приличныя дамы?..

— И... и не сошелъ... И даже не капельку... а совсѣмъ наоборотъ, — мямлилъ уже густо пунцовый Абрикосовъ, — и даже вполнѣ резонно... и, если Зауръ-Бекъ желаетъ себя въ моихъ глазахъ, какъ это... ре... ре..., вотъ проклятое слово..., то пусть онъ сейчасъ же, при мнѣ... Да, да, при мнѣ... сейчасъ, прикажетъ этому, этому самому полупочтенному, поцѣловать даму и... и... свистнуть по мордѣ какого-нибудь грекоса... Здѣсь нѣтъ грекоса? Да вотъ онъ „метеръ дотель“ этотъ самый... А... а пока не сдѣлаешь, не финти, братъ, не... повѣрю...

Зауръ-Бекъ рванулся, едва сдерживаемый благоразумными сосѣдями.

— Пустите! Увидите, черезъ двадцать лѣтъ сейчасъ поставлю тотъ же самый номеръ!...

— Зауръ-Бекъ, слушай!.. Это безумiе! А ты, Абрикосовъ, не подуськивай! Напился пьянъ, сиди и молчи... Зауръ-Бекъ, не слушай его... Насвистался и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ...

Но Зауръ-Бекъ не сдавалъ своихъ позицiй. Голосъ давнихъ воспоминанiй былъ сильнѣе голосовъ Iорданскаго, Константинова и Цѣшковскаго. Да и кромѣ того, онъ, Зауръ-Бекъ покажетъ сейчасъ, что онъ не хвастунишка какой-нибудь, и у него слово никогда не расходится съ дѣломъ.

Двадцатилѣтняя давность не обманула его, и, хотя Церъ былъ тогда молодъ, грязенъ и волосатъ, а теперь, далеко не молодъ, чистъ, надушенъ, подстриженъ и подбритъ, но, несмотря на все это, несмотря на клѣчатыя галиффэ и на орденъ Почетнаго Легiона, все же узналъ Зауръ-Бекъ своего стараго знакомца.

Какъ же онъ очутился въ Тиранѣ, этотъ профессоръ Ансельмо Церини?

Изъ бесѣды Ирры Паэнъ съ сэромъ Джемсомъ, намъ извѣстно, что она рѣшила сама поѣхать въ Албанiю подъ видомъ кино-артистки. Такъ естественно, чтобы въ комъ-нибудь возбудить подозрѣнiе, мало-ли кинематографическихъ труппъ шатается по бѣлу свѣту, съ особеннымъ удовольствiемъ снимаясь въ живописныхъ, мало-знакомыхъ большой публикѣ мѣстахъ?

Ей очень хотѣлось пригласить и Маташича для этого, по ея словамъ, partie de plaisir. Маташичъ всѣмъ своимъ обликомъ, всей своей загадочностью — не загадочно развѣ, какъ его появленiе, такъ и исчезновенiе? — возбуждалъ ея любопытство, особенное острое любопытство женщины ея типа и жанра.

Если онъ нейтраленъ,—пусть! Если онъ врагъ, еще лучше. Болѣе захватывающей будетъ игра. А послѣ услышаннаго отъ Армфельда, онъ, Маташичъ, заинтересовалъ ее еще больше. Теперь уже никакихъ сомнѣнiй — противникъ,—тягаться съ нимъ любо!

— Кто кого? — или, какъ говорятъ французы: а nous deux?

Ирра Паэнъ не могла забыть — женщина этого никогда не забываетъ, — съ какимъ трудомъ Маташичъ ов-

ладѣлъ съ собою, когда, приблизясь къ нему вплотную, она такъ близко обвѣяла его и чарами своего тѣла и своимъ дыханьемъ. Другой не устоялъ бы, а этотъ...

У него даже хватило воли покинуть ее, не спросивъ, увидитъ-ли онъ ее еще? Должны, должны увидѣться!..

Знай Ирра Паэнъ, гдѣ живетъ Маташичъ, она позвала бы его къ себѣ. Но даже, эта исключительная развѣдчица съ ея связями и въ мѣстномъ генеральномъ штабѣ, и въ мѣстной политической полиціи, не могла найти никакихъ слѣдовъ Маташича. Или онъ основательно законспирированъ, или живетъ не подъ своимъ именемъ. Исчезъ, и нѣтъ его. Порою, казалось, что и встрѣча на верхней площадкѣ Испанской лѣстницы, и ночная прогулка по Монте-Пинчіо, и все дальнѣйшее, на улицѣ Четырехъ Фонтановъ, все это не реальность, а сонъ.

Ирра Паэнъ даже медлила съ отъѣздомъ своимъ въ надеждѣ встрѣтить Маташича.

Но, уже торопилъ ее самъ сэръ Джемсъ, вначалѣ скептически отнесшійся къ ея поѣздкѣ.

— Надо спѣшить! Я увѣренъ, никакая дипломатія не сдѣлаетъ того, что сдѣлаете вы! Съ первой же встрѣчи вы будете вить веревки изъ этого Ахмеда-Зогу. Кто онъ такой? Въ Бѣлградѣ къ нему приставлена была нѣкая Чинганелли... Эта особа уже здѣсь и собирается ѣхать въ Тирану... Особенно полагаться на нее нельзя. Кокаинистка! Къ самостоятельной работѣ нельзя близко подпускать. Въ Бѣлградѣ, каждый ея шагъ былъ подъ контролемъ, — вы догадываетесь чьимъ? И слѣпо выполняя директивы, она была полезна общему дѣлу.

— Въ Бѣлградѣ — да. Но ей незачемъ ѣхать въ Албанію.

— А вы попробуйте убѣдить ее, что незачѣмъ? Вы незнаете женщинъ? Такія, какъ вы, — исключеніе. У нея же, у Чинганелли этой, крѣпко засѣло — не знаю, можетъ быть онъ самъ пообѣщалъ въ особенно нѣжную минуту, — что онъ сдѣлаетъ ее албанской королевой...

— Фантазерка, или душевно больная?

— Я думаю и то, и другое вмѣстѣ. Я же сказалъ вамъ, — кокаинистка. Она поѣдетъ, — уже рѣшено. Развязаться съ ней тотчасъ же было бы неудобно. Какъ-никакъ въ Бѣлградѣ ей удалось оказать намъ значительныя услуги. Кому, какъ не ей, мы обязаны тѣмъ, что Ахмедъ-Зогу измѣнилъ свою оріентацію? Она поѣдетъ, но я васъ

очень прошу, больше, ставлю въ обязанность быть ея, ну, гувернанткой, что-ли. Обѣщаете?

— Обѣщаю, шефъ, обѣщаю! Хотя роль гувернантки, что можетъ быть скучнѣе?..

— Приходится иногда и поскучать, жизнь далеко не вѣчно веселый праздникъ, — философски замѣтилъ сэръ Джемсъ, и тотчасъ, съ другимъ лицомъ и другимъ тономъ, поспѣшилъ прибавить: — Могу надѣяться, что спустя нѣсколько дней этотъ смѣшной, — онъ мнѣ почему-то кажется смѣшнымъ, — Ахмедъ-Зогу подпишетъ договоръ?

— Надѣюсь, — отвѣтила Ирра Паэнъ и, въ свою очередь, мѣняя выраженіе лица и голоса, прибавила: — а я, сэръ Джемсъ, могу надѣяться, что вы приготовите первые сто тысячъ долларовъ?

— Они уже готовы! Дайте только намъ его „автографъ“! Важно, чтобы онъ безъ оговорокъ подписалъ „нашъ“ текстъ. Нашъ! — подчеркнулъ сэръ Джемсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, получилась какая-то иллюзія небольшой кино-труппы. Вошла въ нее и эффектная Чинганелли со своими сіяющими золотомъ и серебромъ головными уборами изъ цѣнной парчи. Вошли какіе-то полуголодные, но приличнаго вида и прилично одѣтые, актеры. Эти даже не спросили, куда ихъ везутъ? Не все-ли равно, только-бъ ни о чемъ не заботиться, да еще получать пятьдесятъ лиръ суточныхъ.

Несмотря на всю „иллюзорность“ труппы, директрисса наняла оператора. Не пригодятся актеры, но ужъ операторъ несомнѣнно пригодится. Можно будетъ „накрутить“ добрую тысячу интереснѣйшихъ метровъ. А посему оператору велѣно было основательно запастись пленками.

Ирру Паэнъ манила эта поѣздка, и манила бы еще больше, если бы вмѣстѣ съ нею ѣхалъ Маташичъ. Но Маташичъ, какъ въ воду канулъ...

Ѣхали до Бриндизи не по желѣзной дорогѣ, а на двухъ машинахъ, любезно предоставленныхъ генеральнымъ штабомъ. А морской путь Бриндизи-Дураццо сдѣланъ былъ въ три часа на изящной, какъ игрушка, новенькой сверкающей моторной яхтѣ. Отъ Дураццо шестьдесятъ километровъ до Тираны мчались какихъ-нибудь сорокъ минутъ на быстроходныхъ „Фіатъ“.

Пріѣхали днемъ, остановились въ „Континенталѣ“, а вечеромъ сошли внизъ поужинать, посмотрѣть мѣстное общество и послушать „разнохарактерный дивертисментъ“.

Отъ клѣтчатыхъ галиффэ господина Церини въ ужасъ пришла Ирра Паэнъ.

— Это еще что такое? На кого вы похожи? васъ взяла въ качествѣ профессора черной и бѣлой магіи, вы же вырядились какимъ-то „зонтагсъ райтеромъ“.

— О, мадамъ ля контесъ! Мнѣ такъ надоѣло ходить во всемъ черномъ. Это же, наконецъ, не Римъ, это же Албанія! А затѣмъ, на визитку я не могу нацѣпить свой „лежіонъ донеръ“, а на френчъ — могу! Прошу васъ, позвольте мнѣ такъ остаться! Шеръ контесъ, же ву занпри!

— Оставайтесь, ничего съ вами не подѣлаешь, но, когда я васъ возьму во „дворецъ“, вы должны будете одѣться съ подобающей солидностью.

— Натюрельманъ, контесъ, натюрельманъ, я буду во фракѣ со звѣздою и въ лентѣ. Контесъ, же вудре біэнъ... Я хотѣлъ бы получить отъ него звѣзду Скандеръ-Бега, Есть надежда? Какъ вы думаете?

21. „Преступленіе и наказаніе“.

Не хотѣли вѣрить...

Неужели тотъ грязный, волосатый еврей, поставлявшій морякамъ женщинъ, бившій грекосовъ за лиру, и цѣловавшій дамъ за три лиры, неужели онъ, и этотъ выхоленный, съ Почетнымъ Легіономъ на груди, съ брилліантомъ на мизинцѣ, смѣшной франтъ въ, какъ шахматная доска, галиффэ, — одно и то же лицо?

Это — во первыхъ.

А, во вторыхъ, слишкомъ невѣроятно чудеснымъ казалось совпаденіе. Только что говорилось о бывшемъ двадцать лѣтъ назадъ, и, неугодно-ли, герой этого разсказа, мановеніемъ магическаго жезла, — тутъ какъ тутъ...

Зауръ-Бекъ учелъ психологію и пьянаго Абрикосова, и трезвыхъ Іорданскаго, Константинова и Цѣшковскаго. Но разница была лишь въ томъ: Абрикосовъ горѣлъ желаніемъ скандала, провоцировалъ его всѣмъ своимъ существомъ, Іорданскій, Константиновъ и Цѣшковскій не хотѣли скандала, но и у нихъ было желаніе, какъ и у Абрикосова „провѣрить“ Зауръ-Бека.

Хотя номера должны были смѣнять другъ друга непрерывно, однако, наступила заминка. Старый, спившійся клоунъ, весь юморъ котораго сводился къ тому, что рыжіе волосы его парика становились дыбомъ, и одновременно

съ этимъ налѣпленный носъ вспыхивалъ электрической лампочкой — лежалъ мертвецки пьяный въ уборной. Въ спѣшномъ порядкѣ дирекція мобилизовала для вторичнаго выступленія француженку, съ дряблой худой спиною и лихо взметавшую вверхъ свои юбки. Ей пришлось одѣваться заново, и это повлекло непредвидѣнный антрактъ въ какихъ-нибудь четыре минуты. Но француженка такъ и не выступила, да и никто не выступилъ. „Дивертисментъ“, разыгравшійся въ публикѣ, затмилъ и оставилъ далеко за собою открытую сцену.

Зауръ-Бекъ рѣшилъ, — иного выхода нѣтъ для него, какъ идти на проломъ. Сначала необходимо разоблачить Цера, а дальше, дальше видно будетъ... Какъ подскажетъ вдохновеніе.

Моментъ подходящій. На эстрадѣ никого нѣтъ, молчитъ оркестръ. Лицо Зауръ-Бека стало жестокимъ И съ этимъ лицомъ, не вставая, но подавшись впередъ всѣмъ своимъ цѣпкимъ тѣломъ въ свѣтло-сѣрой черкескѣ, онъ громко, раздѣльно, чеканя каждый звукъ, выпустилъ изъ подъ своихъ янычарскихъ усовъ:

— Эй ты, Церъ! Поди сюда!

Тотъ, къ кому относилось это, услышалъ. Услышалъ и вздрогнулъ, какъ обожженный ударомъ бича по спинѣ. Боясь оглянуться на сосѣдній столъ, откуда исходилъ повелѣвающій возгласъ, думая, что въ этомъ спасеніе, Ансельмо Церини, наклонившись къ госпожѣ Чинганелли, обдалъ ее какимъ-то жалкимъ, безсмысленнымъ наборомъ словъ... И при этомъ согнулся, голова ушла въ плечи, и такое мучительное было желаніе превратиться въ комочекъ, незамѣтный, невидимый. И, глядишь, гроза пронесется мимо. О, какія безконечныя секунды! Какъ трудно заполнить ихъ болтовней, даже безсвязной... Уже не хватаетъ звуковъ, деревенѣетъ языкъ... Чинганелли отодвигается отъ него, думая, что онъ успѣлъ уже или незамѣтно напиться, или такъ же незамѣтно сошелъ вдругъ съ ума...

Не слышно приближающихся такъ легко шаговъ. Зауръ-Бекъ скользитъ въ мягкихъ чувякахъ. Ноги, какъ въ перчаткахъ. Церини съежился. Вотъ когда обратиться бы въ незамѣтный комочекъ, или еще лучше, — провалиться сквозь землю. Сильная рука съ размаху легла на его плечо.

— Церъ! Встать сію же минуту! — приказалъ Зауръ-Бекъ по русски, тотчасъ же обратившись къ Иррѣ Паэнъ и Чинганелли по французски:

— Je vous demande excuse, medames...

Этотъ вооруженный шашкою и револьверомъ черкесъ, подошедшій къ чужому столу... Вызывающій ударъ по плечу кавалера этихъ обѣихъ дамъ... Всѣ насторожились кругомъ.

Струею сквозного вѣтра изъ конца въ конецъ пронеслось дуновеніе скандала.

Столъ Ирры Паэнъ приковалъ всѣ взоры. Англичане смотрѣли съ холоднымъ любопытствомъ, итальянцы — враждебно. Они, вообще, непріязненно относились къ русскимъ офицерамъ, выгнавшихъ Фанъ-Нолли и посадившихъ Ахмеда-Зогу. Въ этомъ недобромъ чувствѣ не малую роль играла и зависть. Сознаніе, что нѣсколько итальянскихъ дивизій не сдѣлало бы того, что сдѣлано было тремя стами русскихъ офицеровъ.

— Церъ, встать!

Церини, совсѣмъ обмякшій, уже не могъ владѣть своими ногами. Зауръ-Бекъ однимъ рѣзкимъ движеніемъ схватилъ его за плечи, другимъ — приподнялъ, третьимъ же — повернулъ къ себѣ лицомъ.

Синьора Чинганелли впала въ истерику. Накокаиненные нервы ея не выдержали. Гнѣвно вскочившая Ирра Паэнъ обратилась къ десяткамъ близко-сидѣвшихъ мужчинъ:

— Господа, неужели никто изъ васъ не вступится? Неужели вы будете безучастными свидѣтелями этого безобразія?..

Мужчины переглядывались, но ни одинъ не всталъ и не бросился на Зауръ-Бека. Еще бы! Этотъ усачъ рѣшительнаго вида навѣрное одинаково безподобно владѣетъ и своимъ револьверомъ и своимъ кинжаломъ. Съ нимъ лучше имѣть дѣло на разстояніи... Одинъ изъ „инженеровъ“, схвативъ бутылку, метнулъ ею въ Зауръ-Бека. Но бутылка угодила не въ ингуша, а въ его жертву, ударивъ профессора Церини въ бокъ и разбившись. Сигналъ былъ данъ. Замелькали новыя бутылки, описывая въ воздухѣ параболы.

Видя это, Цѣшковскій, Іорданскій Константиновъ и Абрикосовъ, съ свою очередь, проявили активность. И въ ихъ рукахъ бутылки превратились въ метательные снаряды. Неудовлетворяясь этимъ, войдя въ азартъ и во вкусъ, озвѣрѣвшій Абрикосовъ одинъ-одинешенекъ ринулся штурмовать длинный столъ съ, по крайней мѣрѣ, двадцатью итальянцами. И, хотя Абрикосовъ, донецъ, былъ прирожденный конникъ, онъ чудесно использовалъ называемый матросами „двойной королевскій ударъ“. Перваго же итальянца онъ хватилъ бутылкою по головѣ и, когда бутылка

разлетѣлась вдребезги, Абрикосовъ уцѣлѣвшей въ его рукѣ „шейкою“, ткнулъ итальянца въ физіономію, приговаривая:

— Сѣки по одной! Сѣки по одной! Макаронщики! Такъ васъ и этакъ!..

Послѣ этого, „инженеры“ кинулись вразсыпную, оставивъ на полѣ брани товарища, закрывшаго обѣими руками свое окровавленное лицо.

Двое англичанъ, сбросивъ пиджаки, атаковали Абрикосова. Лично противъ „плакатнаго младенца“ эти бритты ровно ничего не имѣли. Ни только — ничего, онъ даже былъ имъ симпатиченъ этотъ расходившійся „Абрикосъ“. Но разъ представляется случай побоксировать, было бы грѣшно его не использовать. На выручку „плакатному младенцу“ спѣшилъ Іорданскій. На его пути выросъ высокій, черномазый метръ д'отель, и довольно угрожающе выросъ. Іорданскій, кое-что смыслившій во французскомъ боксѣ, боднулъ метръ д'отеля головою въ животъ и тотчасъ же выпрямился. Одинъ моментъ длинный метръ д'отель висѣлъ въ воздухѣ, на подобіе перочиннаго ножика. Въ этотъ моментъ Іорданскій и метръ д'отель вмѣстѣ являли собою какую-то живую, замысловатую букву. Но вотъ метръ д'отель глухо шлепнулся на полъ, а Іорданскій уже рядомъ съ Абрикосовымъ.

Зауръ-Бекъ, позабывшій о несчастномъ Церини, окончательно озвѣрѣвшій, выхватилъ шашку, готовый рубить направо и налѣво. Но, въ ресторанъ вошелъ Кучукъ-Улагай съ патрулемъ изъ двѣнадцати офицеровъ съ винтовками и прекратилъ побоище...

Итальянскіе инженеры, захвативъ съ собою пострадавшаго коллегу съ забинтованнымъ лицомъ, отправились во дворецъ съ жалобой къ Ахмеду-Зогу.

Ахмедъ-Зогу потребовалъ къ себѣ главнаго зачинщика Зауръ-Бека.

— Что ты надѣлалъ? Безумецъ! Ты хочешь меня перессорить съ итальянцами? Хочешь?

— Итальянцы сами искали ссоры, не я въ нихъ, а они въ меня бросали бутылками...

— А зачѣмъ ты полѣзъ къ чужому столу? И началъ оскорблять господина... господина Церини?

— Какой онъ тамъ Церини? Жидокъ Церъ! Я его знаю по Константинополю.

— Ошибаешься. Это профессоръ, знаменитый гипнотизеръ. Кавалеръ многихъ орденовъ. Зауръ-Бекъ, ты его оскорбилъ дѣйствіемъ. За это я долженъ тебя выслать, но

ты мнѣ другъ, и я посажу тебя на три дня подъ арестъ... Иначе нельзя.

— Я не сяду!

— Зауръ-Бекъ, сдѣлай это для меня. Это необходимо во имя престижа моего и къ тому же будутъ удовлетворены и дамы, и самъ профессоръ, и всѣ итальянцы. Тебѣ не будетъ скучно, ты получишь для компаніи Абрикосова. Его на десять сутокъ. Онъ изранилъ бутылкою лицо одному инженеру. Это будетъ мнѣ стоить десять наполеоновъ. Абрикосовъ отсидитъ за каждый наполеонъ. Безобразіе! Будутъ говорить и писать, что Албанія страна варваровъ, а какіе же это албанцы? Скандалъ учинили вы...

22. Нѣтъ розъ безъ шиповъ.

Ахмедъ-Зогу проявилъ мягкость и милость по отношенію къ Абрикосову и Зауръ-Беку. Но эти мягкость и милость были вынужденныя.

За полчаса до этого совсѣмъ въ другомъ духѣ и тонѣ разговаривалъ съ Кучукъ-Улагаемъ.

— Я не потерплю въ моей столицѣ такихъ безобразій! Не потерплю! На меня Европа смотритъ. Понимаешь? Мнѣ передъ нею, передъ Европою стыдно! У меня грандіозные планы относительно Запада... А послѣ такихъ штучекъ, хотѣлъ бы я знать, кто поѣдетъ къ намъ съ Запада? Вотъ я ихъ проучу хорошенько, и Зауръ-Бека и всѣхъ... Какъ ихъ тамъ? Я велю надѣть на нихъ кандалы, продержу мѣсяцъ въ тюрьмѣ, а потомъ вышлю за предѣлы моего государства... Вышлю! — повторилъ Ахмедъ-Зогу, но уже далеко не такъ самоувѣренно, какъ началъ. Глядя на молчавшаго Улагая, онъ терялъ увѣренность и почву, такъ дѣйствовалъ на него и краснорѣчивымъ молчаніемъ своимъ, и всѣмъ видомъ своимъ этотъ высокій красивый черкесъ, этотъ прирожденный, съ головы до ногъ, конникъ и воинъ.

Теряясь, кое-какъ уронилъ послѣднія слова Ахмедъ-Зогу, и тогда заговорилъ Улагай:

— Какъ осмѣлился ты даже подумать, что русскаго офицера можешь заковать въ кандалы? Офицеровъ, благодаря которымъ очутился здѣсь? Запомни разъ навсегда: мы тебя посадили, но мы тебя можемъ и ссадить... Ну, погуляли ребята, набили нѣсколько мордъ, подумаешь какая бѣда! Я самъ сдѣлаю имъ внушеніе. Этого больше не

будетъ, но твои угрозы нелѣпы и опасны не для нихъ, а для тебя самого...

— Ты правъ, Кучукъ! Правъ. Конечно, я погорячился... Конечно, я понимаю, если бы не вы... но, пойми же и ты меня въ свою очередь... Вѣрно, англичане обратили это въ веселый фарсъ, но итальянцы требуютъ удовлетворенія. А съ ними я вынужденъ играть въ дипломатію. Я полагаю, что какой-нибудь выходъ...

— Выходъ есть: трехдневный арестъ Зауръ-Бека и Абрикосова... Ты имъ пошлешь вина, и все будетъ кончено! Итальянцы твои будутъ удовлетворены...

— Вотъ и великолѣпно! Я очень радъ, что ты такъ умно разсудилъ. Надѣюсь, ты мною доволенъ? Доволенъ? — заискивающе выпытывалъ правитель.

— Доволенъ, — сухо отвѣтилъ Кучукъ-Улагай, угадывая, что подъ маскою подхалимства правитель затаилъ злобу. Онъ смирился передъ силою, которую успѣлъ возненавидѣть именно за то, что она — сила.

Вообще, съ первыхъ же дней убѣдился Ахмедъ-Зогу, что его тріумфальный путь къ власти усѣянъ не только однѣми розами.

Не успѣлъ онъ умилостивить Кучукъ-Улагая,— новый „сюрпризъ“ въ лицѣ синьоры Чинганелли.

Правда, тамъ въ Бѣлградѣ, въ Паласъ-отелѣ, въ антрактахъ между бѣшенными ласками, — а на нихъ госпожа Чинганелли была мастерица, — наобѣщалъ онъ ей турусы на колесахъ. И одно изъ главныхъ обѣщаній — жениться на этой рыжей, почти красавицѣ, съ молочно-розовымъ, нѣжнымъ тѣломъ. Но, не все обѣщанное въ Бѣлградѣ выполнимо здѣсь въ Тиранѣ. Тамъ онъ былъ „въ бѣгахъ“, здѣсь онъ „безъ пяти минутъ“ король. Дабы съ надлежащимъ достоинствомъ укрѣпить эту свою корону, ему надобно жениться на какой-нибудь принцессѣ изъ владѣтельнаго дома. И это совсѣмъ не такъ трудно. Мало развѣ „безработныхъ“ владѣтельныхъ домовъ съ такими же „безработными“ принцессами? Любая пойдетъ съ великой радостью, чтобы имѣть свой дворъ, и называться „Королевскимъ Величествомъ“.

Одинъ изъ итальянскихъ инженеровъ на самомъ дѣлѣ, титулованный съ большими связями полковникъ, прозрачно ему намекалъ, что подобный бракъ весьма и весьма возможенъ.

И, послѣ всѣхъ этихъ манящихъ перспективъ, неугодно-ли? Онъ даже толкомъ не знаетъ, откуда она, кто

и что? Мало-ли съ какими женщинами развлекаются принцы въ изгнанiи, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы потомъ сажать ихъ вмѣстѣ съ собою на тронъ, всѣхъ этихъ женщинъ?

Синьора Чинганелли была совсѣмъ другого мнѣнiя. Со свойственнымъ ей темпераментомъ истерички она ворвалась, буквально ворвалась къ нему.

Такая же, какъ и тамъ, была: полубезумный взглядъ расширенныхъ глазъ. Губы вампира.

— Наконецъ-то! Милый, дорогой! Я такъ рвалась къ тебѣ! Наконецъ-то! О, теперь мы не разстанемся, правда? Теперь ты можешь назвать меня своею!

— Развѣ ты не моя? — спросилъ онъ, въ душѣ посылая ее ко всѣмъ чертямъ.

— Миленькiй, не притворяйся дурачкомъ! Я хочу быть твоею не только въ спальнѣ, а и въ тронномъ залѣ... Что ты на меня такъ смотришь? Я изъ хорошей семьи, владѣю языками, чего же еще? Чѣмъ я тебѣ не пара?

— Но, но, я объ этомъ не думалъ еще...

— А ты подумай! Если бы не я... Вспомни, какъ многимъ ты мнѣ обязанъ? Съ кѣмъ ты хотѣлъ идти? Съ сербами! Далеко ты ушелъ бы съ ними? Я указала тебѣ другой путь. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и тебя онѣ приведутъ къ славѣ и блеску.

— Да, да... Все это я очень цѣню и никогда не забуду...

— На словахъ! На дѣлѣ покажи, что цѣнишь и помнишь...

— Гдѣ ты остановилась? — мѣняя тему, спросилъ онъ.

— Въ Континенталѣ... Какая вдругъ любознательность! Отвѣчай прямо, сдержишь ты свое обѣщанiе, данное въ Бѣлградѣ, или ты обманешь свою Чинга?.. Помнишь, — ты меня называлъ Чинга? Или ты уже совсѣмъ разлюбилъ ее, охладѣлъ къ ея поцѣлуямъ и ласкамъ?..

Синьора Чинганелли осмотрѣлась, удобно-ли здѣсь напоминать ему о томъ, что было, съ тѣмъ, дабы повторить это „бывшее“?

Кабинетъ правителя, неустроенный еще, временный, былъ какимъ-то хаотическимъ нагроможденiемъ мебели изъ кабинета князя Вида въ Дураццо, и еще изъ другихъ „дворцовыхъ“ комнатъ. Кресла, обитыя плюшемъ и рыночными „гобленами“, чередовались съ кожаными. Попало зачѣмъ-то пiанино. Край большого письменнаго стола занималъ грамофонъ. Отоманка, обитая плюшемъ, самаго что

ни на есть шаблонно-европейскаго типа, замѣчена была госпожею Чинганелли.

Высокая, гибкая, съ покатыми, узкими плечами, она молча подошла къ нему и, привычно охвативъ его своими руками длинными, тонкими, привычнымъ, полнымъ истомы, движеніемъ приблизила къ его лицу свои полураскрытыя, вампирьи губы. И въ этотъ моментъ глаза необыкновенно расшились и стали безумными...

Король... король „безъ пяти минутъ“ не могъ устоять...

Когда она ушла, пропитавъ кабинетъ своими духами, онъ потребовалъ личнаго секретаря.

Секретаря звали — Тиртцска. Ему было уже подъ сорокъ, но онъ былъ очень моложавъ и очень вертлявъ, этотъ бритый Тиртцска, маленькій, ходившій въ фескѣ, такой же неотъемлемой, какъ и родимое пятно, величиною и формою съ миндалину, усѣвшееся на щекѣ.

Нашатался по бѣлу свѣту Тиртцска. Живалъ и въ Константинополѣ, и въ Парижѣ. Успѣлъ, какъ тонкимъ слоемъ лака, отполироваться поверхностно внѣшней культурою.

Войдя, отвѣсилъ своему патрону глубокій „селямъ“.

— Тиртцска, ты видѣлъ эту женщину? Я тебѣ говорилъ о ней...

— Видѣлъ, съ такою можно получить удовольствіе. Я такихъ встрѣчалъ въ Парижѣ. Онѣ лошадиными порціями нюхаютъ кокаинъ, а ихъ необузданный темпераментъ сжигаетъ человѣка.

— Я тебя позвалъ, мой другъ, не за этимъ, чтобы ты мнѣ разсказывалъ о Парижѣ.

— А зачѣмъ?

— Избавь меня отъ этой женщины...

Какъ?

— А, это уже твое дѣло! Слишкомъ безпокойная, требовательная... Не знаешь, что она выкинетъ черезъ пять минутъ... И, потомъ, у нея здѣсь не все въ порядкѣ, — пояснилъ правитель, постучавъ указательнымъ пальцемъ по лбу своего секретаря, — вообрази, требуетъ, чтобы я женился на ней?!

Тиртцска весело разсмѣялся. Маленькое, бритое лицо пошло морщинами, только теперь выдавая истинный возрастъ.

— Смѣшно, правда? Она не считается совсѣмъ, кто я? Да за меня любая принцесса Бурбонская пойдетъ! Я могу

жениться на дочери какого-нибудь австрійскаго эрцъ-герцога.

— Это неудобно. Послѣднее! — замѣтилъ Тиртска. — Австрія кончена, да и Муссолини ее не особенно жалуетъ.

— Такъ ты сдѣлаешь?

— Положись на меня!..

— Только будь тактиченъ, остороженъ, чтобъ не влетѣть въ исторію. Она, вѣдь, пріѣхала сюда съ этой графиней Карачіони... А ты знаешь, что такое графиня Карачіони? Съ нею надо весьма считаться! Кстати, говорятъ, вотъ женщина! Эта же Чинга слишкомъ худа и длинна... Помни же, все это надо обдѣлать тонко, дипломатично. Обѣщаешь?

— Хочешь, поклянусь на Коранѣ?

— Не надо, я тебѣ вѣрю. Ты желаешь что-то сказать?

— Да. Я получилъ телеграмму изъ Будапешта, завтра пріѣзжаетъ военный портной Чапари съ нѣсколькими мастерами и цѣлымъ багажемъ матеріаловъ.

— А, наконецъ-то! — оживился правитель, — хорошій портной?

— Еще бы! Одѣвалъ всю венгерскую аристократію, служившую въ гусарахъ... А ты знаешь, какая щегольская у нихъ была форма? Особенно парадная, съ леопардовыми шкурами.

— У насъ не будетъ леопардовыхъ шкуръ, — вздохнулъ правитель.

23. „Сливки“ албанской аристократіи.

Ахмеду-Зогу нельзя было отказать ни въ нѣкоторомъ образованіи — изъ европейскихъ онъ зналъ языки нѣмецкій и французскій, — ни въ умѣньи держать себя, когда это было нужно, съ достоинствомъ и тактомъ. А если онъ порою бывалъ немного смѣшенъ, это не дѣлало его юмористической фигурою. Онъ даже умѣлъ объяснить неравнодушіе свое къ своей блестящей формѣ.

— Это не такъ нужно мнѣ самому, — хотя и самъ я люблю все красивое, декоративное, — какъ моему народу! Его надо поражать и ослѣплять до поры, до времени, — дѣлалъ оговорку Бенъ-Зогу, — но, когда я покрою всю страну густой сѣть школъ, воспитаю народъ, выведу его изъ первобытнаго состоянія, и подниму его научную и мо-

ральную высоту, пожалуй, тогда и не будетъ особой надобности выходить мнѣ къ албанцамъ въ блестящемъ мундирѣ съ золотыми эполетами, и съ яркимъ шитьемъ... Но, это будетъ не скоро. Я до этого не доживу. Развѣ, внуки мои доживутъ...

Во время похода, на бивуакахъ, звѣздными ночами, Ахмедъ-Зогу любилъ пофантазировать вслухъ, особенно, передъ русскими офицерами.

Онъ мечтательно говорилъ:

— Я хотѣлъ бы, очень хотѣлъ быть албанскимъ Петромъ Великимъ. Кажется мнѣ, я созданъ для роли преобразователя. Именно преобразователя. Для этого надо быть смѣлымъ. Дерзать, дерзать и дерзать! Наложить властную желѣзную руку н ѣн старыя традицiи и обычаи, которыя ѣками держатъ асй внародъь во тьмѣ и въ костности... Одна изъ первыхъ реформъ, — это раскрѣпостить албанскую, женщину, вывести ее изъ гарема, и снять съ ея лица чаршафъ.

Этимъ „раскрѣпощенiемъ" Ахмедъ-Зогу сознательно, или безсознательно хотѣлъ подражать турецкому самодержцу Кемалю-пашѣ. Опять таки, сознательно, или безсознательно упуская изъ вида, что албанская женщина, по крайней мѣрѣ, высшихъ круговъ уже раскрѣпощена и, лѣтъ двадцат назадъ, покинувъ гаремное затворничество свое, открыла лицо, снявъ и забросивъ навсегда чаршафъ.

Стремленiе женъ и дочерей знатныхъ албанскихъ беговъ къ европейской свѣтскости получило, какъ это всегда бываетъ на первыхъ порахъ, нѣсколько уродливыя, карикатурныя формы.

Особенно сказалось это въ недолгiе мѣсяцы княженiя на албанскомъ тронѣ германскаго принца Вида.

Княгиня Видъ прiѣхала въ Дураццо уже съ готовымъ штатомъ придворныхъ дамъ, такихъ же, какъ и она сама, нѣмокъ.

Это не понравилось бегамъ, и не такъ самимъ бегамъ, какъ ихъ женамъ.

Онѣ возмущались:

— Черезчуръ высокаго о себѣ мнѣнiя эта чужая принцесса, надѣвшая на себя албанскую корону,.. Могла бы кого-нибудь изъ насъ сдѣлать своею придворною дамой...

Аристократки изъ Тираны, Дураццо, Эльбасана и Валоны считали себя нисколько не хуже этихъ графинь и баронессъ, окружавшихъ княгиню Видъ.

Однѣ бѣгло, другiя кое-какъ болтали по французски

и по итальянски. Искусству держаться въ обществѣ и свѣтскимъ манерамъ обучали ихъ, главнымъ образомъ, итальянскія шансонетныя пѣвицы, пріѣзжавшія изъ Милана и Рима, когда не было ангажемента, культивировать албанскихъ дамъ и дѣвицъ.

Вчерашнія женщины гаремовъ съ наивной жадностью бросились перенимать все то, что вкладывали въ нихъ эти заѣзжія гувернантки и dames de compagnies.

Беги, науськиваемые женами, довели до свѣдѣнія гофмаршала княжескаго двора, что не мѣшало бы княгинѣ быть по внимательнѣе по отношенію къ ихъ женамъ и дочерямъ.

Гофмаршалъ, лысый, потасканный господинъ, съ довольно темнымъ прошлымъ, доложилъ своему монарху:

— Ваше Величество, я не совѣтовалъ бы раздражать беговъ. Они здѣсь — сила! Каждый изъ нихъ маленькій феодалъ, и за каждымъ изъ нихъ стоитъ его племя.

— Что же дѣлать? — спросилъ длинный, съ лошадинымъ лицомъ князь Видъ, не отличавшійся ни чрезмѣрнымъ умомъ, ни чрезмѣрной сообразительностью.

— Я позволилъ бы предложить слѣдующее: Ея Величество могла бы устроить вечерній пріемъ, и пригласить на него сливки албанской знати. Приглядѣвшись къ этимъ дамамъ и барышнямъ и, выбравъ двухъ-трехъ наиболѣе умѣющихъ держать себя, зачислить ихъ фрейлинами и гофмейстеринами... Этимъ жестомъ Ея Величество снискала бы несомнѣнную популярность...

На семейномъ совѣщаніи князя и княгини было рѣшено сдѣлать такъ, какъ посовѣтовалъ пройдоха-гофмаршалъ.

Но, увы! — первая попытка оказалась въ то же время и послѣдней.

Албанскія аристократки блестяще провалились на экзаменѣ. Школа итальянскихъ пѣвичекъ пришлась не ко двору при Дворѣ.

На высочайшій вечеръ дамы явились оголенныя до самыхъ рискованныхъ предѣловъ. Намазаны онѣ были всѣ до неприличія. Соперничая другъ передъ другомъ въ свѣтскости и въ свѣтской непринужденности, съ громкимъ хохотомъ разваливались въ кресла, закидывая ногу на ногу. Курили папиросу за папиросой, и свои золотые портсигары совали княгинѣ:

— Fumez, fumez, madame la princesse! Comment, vous ne fumez pas?

Сервированъ былъ холодный ужинъ. Княгиня хотѣла посмотрѣть, „какъ онѣ ѣдятъ“.

О, ужасъ! Въ обращенiи съ вилкой онѣ оставили далеко за собою своихъ учительницъ хорошаго тона. Не всѣ, правда, но нѣкоторыя хватали мясо руками, и руками же запихивали себѣ въ ротъ.

Послѣ этого вечера княгиня заболѣла.

Такъ плачевно завершилась попытка объединенiя Двора съ мѣстнымъ beau-monde'омъ.

А беги насѣдали на гофмаршала, каждый хотѣлъ видѣть свою жену гофмейстериной, свою дочь — фрейлиной.

Гофмаршалъ, ужъ на-что бывалый мужчина, готовъ былъ сквозь землю провалиться.

Что могъ сказать онъ этимъ мужьямъ и отцамъ? При каждомъ изъ нихъ револьверъ, легко воспламеняющiйся по самому ничтожному поводу...

Но, какъ разъ во время подоспѣла Великая война и правившiй, подъ защитою австрiйскихъ и германскихъ броненосцевъ, албанскiй князь удралъ со своей семьей на одномъ изъ этихъ броненосцевъ...

24. Глава, гдѣ всего по немногу.

Въ мозгахъ и въ душахъ албанцевъ мужчинъ,— хотя и попадались среди нихъ европейски-воспитанные люди,— цивилизацiя преломлялась иногда такъ же каррикатурно и нелѣпо, какъ въ вогнутомъ, или выгнутомъ зеркалѣ.

Особенно сказывалось это у богатыхъ, — денегъ некуда дѣвать, — беговъ.

Албанiя — страна исключительнаго бездорожья. Совсѣмъ недавно проложено шоссе, единственное, длинною въ шестьдесятъ километровъ, отъ Дураццо до Тираны. Все же остальное, — въ худшемъ случаѣ, козьи тропинки, въ лучшемъ, — дорожки для вьючныхъ ословъ и муловъ.

А уже лѣтъ двѣнадцать назадъ, когда шоссе Тирана—Дураццо не было и въ поминѣ, одинъ изъ беговъ вернулся изъ поѣздки въ Европу съ новенькимъ, сверкающимъ автомобилемъ. Эта мощная машина заранѣе обречена была на полную неподвижность. Но не за тѣмъ купилъ ее бегъ, чтобы ѣздить, а чтобы ему завидовали такiе же, какъ и онъ самъ, беги...

Автомобиль торжественно водворенъ въ гостиной, для чего пришлось сначала разобрать цѣлую стѣну, а потомъ задѣлать.

При гостяхъ хозяинъ подходилъ къ автомобилю и нѣжно, любовно гладилъ металлическія части, причмокивая языкомъ. И гости начинали причмокивать.

Наиболѣе почетнымъ хозяинъ предлагалъ „посидѣть", и самъ открывалъ дверцу. Любезность простиралась до того, — гостямъ подавались въ автомобиль маленькія чашечки ароматного кофе.

Хозяинъ сжималъ гутаперчевую грушу, и салонъ наполнялся оглушительно-раздирающимъ воемъ сирены.

Вѣсть о роскошномъ автомобилѣ пронеслась по всей Албаніи. У остальныхъ беговъ являлось желаніе перещеголять счастливца, и они тащили изъ Европы, кто во что гораздъ, включительно до исполинскихъ, концертныхъ роялей, обреченныхъ на вѣчное безмолвіе, такъ какъ ни въ семьѣ, ни среди знакомыхъ никого не было, кто-бъ могъ играть на бѣломъ, золоченномъ роялѣ.

Нѣкій бегъ послѣ дальнихъ странствованій восхищался въ семейномъ и пріятельскомъ кругу особеннымъ какимъ-то напиткомъ, весьма пріятнымъ на вкусъ и слегка туманящемъ голову.

— Что же это такое? — интересовались друзья, — вродѣ мастики и дузико, или сербской сливовицы?

Побывавшій на западѣ бегъ отрицательно, по нашему утвердительно, качалъ головою.

— Дузико, мастика, сливовица? Невидаль какая, подумаешь! Нѣтъ, друзья мои, это штука болѣе тонкая и сложная... Приготовляется она... дайте вспомнить... я даже записалъ рецептъ, но... потерялъ. Берете стеклянный кувшинъ, вливаете немного бѣлаго, немного краснаго вина... да, да, краснаго и бѣлаго... Потомъ, что же потомъ?... Кладется нѣсколько кусочковъ лимона... Кладутся разныя тамъ фрукты, сыплется сахаръ... и... кажется все? Да, все! Ничего подобнаго не пилъ никогда въ жизни!..

Друзья изнемогаютъ отъ любопытства. Просвѣщенный бегъ рѣшаетъ ихъ осчастливить.

— Чего тутъ еще! Давайте сейчасъ приготовимъ всѣ вмѣстѣ...

— Бѣлое вино есть, краснаго нѣтъ. Какъ же быть?

— Прибавимъ сливовицы, не все ли равно?

— А вотъ лимона нѣтъ и не достать нигдѣ!

— Такъ что-жъ такое лимонъ? Кислота!.. Уксусъ — тоже кислый... Подольемъ уксусъ...

Вмѣсто фруктовъ кладутъ огурцы, и въ результатѣ, вмѣсто крюшона, получается такое пойло, — у всѣхъ лѣ-

зутъ на лобъ глаза, голова покрывается горячей испариной, а лица становятся перекошенными...

Хозяинъ чувствуетъ себя немного сконфуженнымъ.

— Странно... Въ Парижѣ это казалось куда болѣе вкуснымъ. А, вѣдь, я по рецепту!.. Я отъ себя ничего не прибавилъ...

Вотъ кого хотѣлъ перевоспитать Ахмедъ-Зогу, и пріобщить къ самой подлинной европейской культурѣ.

Овладѣвъ столицей, Ахмедъ-Зогу тотчасъ же приступилъ къ организаціи власти.

Въ шефы кабинета попалъ нѣкій Базиліо Калучи, левантинецъ, маленькій, рыжій, плюгавый, весь въ огненныхъ веснушкахъ.

Этотъ Базиліо Калучи смѣста занялся набиваніемъ собственныхъ кармановъ.

Приглядѣвшись къ шефу кабинета и раскусивъ, что это за птица, русскіе офицеры окрестили его между собою: „Васька Каторжный“.

Другимъ лицомъ, весьма близкимъ къ правителю, былъ Гиліарди, эксъ-полковникъ австрійской службы, хорватъ по происхожденію.

Гиліарди создавалъ албанскую армію еще въ то время, когда Ахмедъ-Зогу правилъ страною до своего сверженія. Гиліарди ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ изгнаніе и вмѣстѣ съ нимъ жилъ въ Бѣлградѣ, пользуясь гостепріимствомъ сербовъ, которыхъ ненавидѣлъ. Ненавидѣлъ, какъ хорватъ, преданный Габсбургамъ... Смуглый, чернобородый Гиліарди напоминалъ бандита. Вообще, это былъ типичный авантюристъ, неглупый и способный организаторъ, но, какъ боевой офицеръ, — никуда не годный.

Во время похода „трехсотъ“ онъ пытался вмѣшиваться въ оперативную часть, находившуюся всецѣло въ рукахъ русскихъ. А русскихъ Гиліарди терпѣть не могъ, какъ и сербовъ. И здѣсь давала себя знать габсбургская школа.

Въ бою подъ Пѣшкопеей — ключъ къ овладѣнію Тираной, — между Гиліарди и ротмистромъ Сукуренко, александрійскимъ гусаромъ, начальникомъ пулеметной команды, произошло столкновеніе.

Гиліарди началъ самовластно распоряжаться, желая взять въ свои руки иниціативу наступленія.

— Извольте поставить ваши пулеметы гдѣ я тамъ, приказываю! — бросилъ онъ Сукуренкѣ по французски.

— Я подчиняюсь только моимъ командирамъ, — отвѣтилъ Сукуренко.

— Плевать я хочу на вашихъ командировъ!

— А я на васъ плюю! — и высокій, статный Александріецъ схватился за свой парабеллумъ.

На какія, нибудь полъ секунды движеніемъ этимъ онъ предупредилъ таковое же чернобородаго Гиліарди.

Убѣдившись, что за наглость свою онъ можетъ поплатиться отверстіемъ въ черепѣ, — эти русскіе офицеры великолѣпно стрѣляютъ, — Гиліарди стушевался, затаивъ злобу.

Если-бы русскій отрядъ слѣдовалъ стратегическимъ совѣтамъ полковника Гиліарди, пожалуй, бой подъ Пѣшкопеей, гдѣ противникъ имѣлъ три тысячи регулярныхъ албанцевъ, шесть тысячъ милиціи и баталіонъ берсальеровъ, — былъ бы проигранъ.

Итальянцы въ головныхъ уборахъ съ пѣтушиными перьями, занимали такія выгодныя для себя, и такія убійственныя для наступающихъ высоты, — держись они только, и обстрѣливай все, что покажется, — отъ маленькаго русскаго отряда не осталось бы ни одного человѣка.

Ротмистръ Сукуренко описывалъ потомъ друзьямъ своимъ въ Бѣлградѣ, какъ это было:

„Они засѣли въ такой природной крѣпости, — представить трудно болѣе выгодное что-нибудь. Держись, только держись, и самъ уцѣлѣешь, и врага выкосишь, хотя бы онъ шелъ на тебя цѣлыми дивизіями. Но не успѣли мы выпустить и двухъ снярядовъ изъ нашей горной пушчонки, весь батальонъ берсальеровъ обратился въ бѣгство. Боже, какъ они драпали! Наши трофеи — дюжина пулеметовъ, цѣлая груда винтовокъ и нѣсколько шляпъ съ пѣтушиными перьями.

Но, все это пустяки... Совсѣмъ не такой противникъ, чтобы гордиться дешевой побѣдою... Пустили же сербы, остроумную поговорку: „Имѣетъ перья, — не птица, имѣетъ ружье, — не солдатъ, быстро бѣгаетъ, — не заяцъ. Что это такое? Берсальеръ“.

А вотъ, чего намъ безумно жаль, и чего мы никогда не простимъ Ахмеду-Зогу! Вѣдь, тамъ, въ Тиранѣ была при Фанъ-Нолли совѣтская миссія, или вѣрнѣе Фанъ-Нолли былъ при этой миссіи, располагавшей громадными деньгами.

Ну, какъ водится, конечно, посланникомъ совѣтскимъ былъ еврей Краковецкій. Намъ хотѣлось захватить живьемъ всю миссію... И могли бы захватить, и захватили бы! Для

этого надо было выдѣлить маленькій отрядикъ, человѣкъ въ десять, и съ проводниками бросить усиленнымъ маршемъ впередъ, чтобы онъ перерѣзалъ шоссейный путь изъ Тираны въ Дураццо...

Но, Ахмедъ-Зогу воспротивился этому. Онъ, какъ и всѣ, вообще, на Востокѣ, весьма подозрительный господинъ. Ему казалось... мало-ли что могло показаться?...

Вы можете представить наше нечеловѣческое бѣшенство, когда уже подъ самой Тираной, съ высокой горы мы увидѣли цѣпочку автомобилей, драпавшихъ къ морю. Эта цѣпочка увозила Фанъ-Нолли, все большевистское посольство и громадный ящикъ новенькаго золота. Подумать только — все это могло быть нашей добычею!.. Если бы не упрямство Ахмеда-Зогу! Мы волосы на себѣ рвали. Везетъ же этимъ мерзавцамъ большевикамъ!"...

25. „Вкусы" рыжей „почти" красавицы.

Тотчасъ же послѣ Мамаева побоища въ ресторанномъ залѣ, Ирра Паэнъ потребовала въ номеръ къ себѣ господина Ансельмо Церини.

„Профессоръ", къ величайшему изумленію своему, впервые услышалъ изъ устъ ея русскую фразу:

— Что вся эта значитъ?

— Ой! Такъ вы же говорите по русски! — восторженно умилился Церини, позабывъ на минуту всѣ свои страхи и ужасы отъ встрѣчи съ усатымъ, однимъ видомъ своимъ наводящимъ панику, черкесомъ.

— Да, говорью, хотя съ акцентъ и съ ошибки. Скажите меня, что вся эта значитъ?

— Ясновельможная графиня, я хочу спрашивать васъ, что все это значитъ? Это какой-то чумачечшій, ей Боги, чумачечій! Его надо держать на цѣпи. Его нельзя выпускать на свобода. Я — приличный господинъ, я — профессоръ! А, онъ смѣетъ меня кричать! Онъ меня хватаетъ за плечи. Это хуже всякихъ испанскихъ карабинеровъ! Ей Боги, я совсѣмъ не жалилъ ѣхать въ этотъ дикая государство. Это все вы, графиня! Теперь вы должны меня защищать.

— Церини, опьять больтовнія... Скажите правду?.. Ви знали этотъ господинъ военни?

— Нѣтъ... Хотя, хотя можетъ быть немножко зналъ... Видите, графиня, давно, очень давно, когда я устраивалъ сеансы въ Ильдызъ-кіоскъ, — это дворецъ султанъ Абдулъ-

Гамидъ, — такъ я и этотъ чумачечій ухаживалъ за одна барышня. Такъ я имѣлъ больше успѣхъ, чѣмъ онъ... Такъ вотъ онъ теперь вспоминалъ...

— Вспоминалъ? Скажите, какая хороши у него паміять! — иронически усмѣхнулась Паэнъ, переходя на французскій языкъ. — Бросьте, Церини, изворачиваться!.. Но, это ваше личное дѣло. Жаль одно: неуспѣли мы пріѣхать, какъ вы уже влипли въ грязную исторію. Боюсь, какъ бы это не повредило вамъ...

— Я еще больше боюсь, мадамъ ля контесъ! Я человѣкъ съ большимъ положеніемъ. Да, да... же сюи енъ омъ де валеръ... И онъ меня скомпрометировалъ... Я имѣю лежіонъ донеръ... Я буду телеграфировать президенту французской республики...

— Никому вы не телеграфируйте, а совѣтую вамъ нѣсколько дней, никуда не показываясь, сидѣть у себя въ номерѣ. Такъ будетъ гораздо лучше...

— Хорошо, я буду сидѣть въ номерѣ, но я буду представленъ его свѣтлости? Я получу звѣзду Скандеръ-бега?..

— Получите, получите... Отвяжитесь! Ступайте къ себѣ!

На другой день Ирра Паэнъ мылась, раздѣтая, сидя въ большомъ складномъ гутаперчевомъ тэбѣ. Какъ хорошо, что она захватила съ собою тэбѣ. Во всемъ отелѣ единственная ванна, чистоты весьма сомнительной, да и попасть въ нее можно, пройдя цѣлыхъ два корридора.

Едва успѣла вытерѣть мохнатой простынею до красна порозовѣвшее тѣло, едва накинула легкій утренній халатикъ, — не постучавшись вбѣжала синьора Чинганелли.

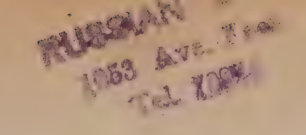
Растрепанныя чувства. Заплаканные глаза. Она видимо жаждала подѣлиться своимъ горемъ, встрѣтить сочувствіе, а можетъ быть и совѣтъ.

Несомнѣнно, такъ и было бы, но синьора Чинганелли увидѣла Ирру Паэнъ почти въ полномъ обнаженіи, — паутинка-халатикъ не въ счетъ, — и тяжелыя мысли рыжей, почти красавицы, приняли другое, болѣе легкое направленіе. Мокрые глаза высохли какъ-то сразу, лицо освѣтилось улыбкою. Иррѣ Паэнъ все это не понравилось, и она запахнулась въ свой халатикъ. Но было уже поздно.

Длинныя руки обхватили ее, жадно скользя, а губы, губы вампира не менѣе жадно прильнули къ губамъ Ирры Паэнъ... Между поцѣлуями синьора Чинганелли бормотала:

— О, какое блаженство... Влюбиться можно... Я васъ боготворю... Не гоните меня... Я буду вашей собакой...

Стиснувъ зубы отъ усилія и отъ гнѣва, сжавъ своими

пальцами, пальцами спортсмэнки, худыя, длинныя руки аттаковавшей ее женщины, Ирра Паэнъ разорвала кольцо вокругъ своей таліи и отпрянула.

— Что съ вами? Какъ вы смѣли? Я этого терпѣть не могу!..

— Но я васъ люблю! Люблю! Полюбила!

Помимо воли Ирра Паэнъ улыбнулась, но тотчасъ же лицо ея стало вновь гнѣвнымъ.

— Чинга, вы не хотите, чтобы я указала вамъ на дверь?..

— Не хочу! Не хочу! — закатывая полубезумные глаза свои, сдавленно повторяла Чинганелли.

— Въ такомъ случаѣ оставьте ваши глупости, и мы опять будемъ друзьями.

— Глупости? Вы называете это глупостями?

— Я этого терпѣть не могу!..

— А, я... Такъ вы не такая?! — вырвалось у Чинганелли съ какимъ-то наивнымъ разочарованіемъ.

Ирра Паэнъ не отвѣтила, ограничившись улыбкою. И опять уже со строгимъ лицомъ сказала, точно убѣждая маленькую дѣвочку:

— Ну, зачѣмъ? Ведите себя хорошо, и не дѣлайте того, что мнѣ совсѣмъ не нравится. Вѣдь, вы же не за этимъ пришли? У васъ на душѣ что-то неладное?

— Вы угадали! Вы такая умная! О, я такъ несчастна,— сразу перемѣнилась Чинганелли, ставъ пришибленнымъ, жалкимъ существомъ. — О, подлецъ! Какой же это подлецъ, если бы вы знали!..

— Кто?

— Вы еще спрашиваете? Натурально же — онъ! Послѣ всего, что я для него сдѣлала, послѣ всего, что было... Да, да, и сейчасъ было... Не хочетъ на мнѣ жениться. Ирра, помогите мнѣ! Вы все можете!..

— Дорогая моя, какъ же я могу вамъ помочь въ такомъ интимномъ дѣлѣ? Будь вы моя младшая сестра, или дочь, обманутая имъ, это было бы совсѣмъ другое... А такъ...

— Вотъ и вы! Какая же я несчастная! — и, плюхнувшись въ кресло всѣмъ своимъ длиннымъ тѣломъ, синьора Чинганелли заплакала... Вотъ, вотъ забьется въ истерикѣ.

Ирра Паэнъ подошла къ ней, провела рукою по густо-рыжимъ волосамъ ея.

— Не надо плакать, не надо... Право-же, они, мужчины, не стоятъ нашихъ слезъ...

Синьора Чинганелли порывисто схватила гладившую ея лицо руку и начала цѣловать.

— Позвольте! Руки! Однѣ только руки, не больше!.. Вы его увидите? Вы ему скажите, что онъ подлецъ?

Убѣдившись, что губы Чинганелли отъ кисти скользятъ все выше и выше, Ирра Паэнъ снова прибѣгнула къ самозащитѣ.

— Вотъ какая нехорошая вы! Я хотѣла васъ приласкать, а вы? Принимаетесь за свое? Вы безъ самолюбія! Безъ всякаго самолюбія!

— Да, я дрянь, дрянь... Бейте меня! Надавайте пощечинъ... А вы скажите ему, что онъ подлецъ?

— Этого я не скажу, но если будетъ удобный случай, какъ женщина, заступлюсь за васъ. Это я обѣщаю.

— О, какая вы добрая! Вы — ангелъ! Вы — божество! Вѣрите, что вы божество?

— Вѣрю, но только безъ этихъ вашихъ... Сказалъ же поэтъ: „Любовь сильна не страстью поцѣлуя“... Возьмите себя въ руки, иначе мы будемъ бесѣдовать черезъ дверь.

— Жестокая! Я не хочу черезъ дверь. Еще одинъ ударъ! Еще однимъ разочарованіемъ больше.

Едва, едва сплавила Ирра Паэнъ госпожу Чинганелли...

26. Аудіенція.

Приблизительно этакъ черезъ часъ раздался стукъ въ дверь.

И, хотя Ирра Паэнъ была уже не въ легкомъ халатикѣ, надѣтомъ прямо на тѣло, а была въ томъ самомъ дорожномъ костюмѣ, въ которомъ, пріѣхавъ, слушала „концертную программу“, но мысль, что это опять вернулась сумасшедшая Чинга, заставила окликнуть черезъ дверь:

— Кто тамъ?

— Тиртцска! Секретарь правителя! Отъ имени его свѣтлости.

Войдя, маленькій вертлявый Тиртцска, съ фескою на головѣ и миндалевидной родинкой на щекѣ, разсыпался мелкимъ бѣсомъ.

— O, madame la contesse, какъ я счастливъ!.. Пріѣздъ вашъ внесетъ, внесетъ... — повторялъ онъ, самъ не зная, что внесетъ пріѣздъ этой женщины, которая ему такъ нравилась, и... должна понравиться его свѣтлости.

Тотчасъ же Тиртцска пояснилъ цѣль своего визита:

— Его Свѣтлость возложилъ на меня лестную миссiю принести вамъ извиненiя, глубокоуважаемая графиня, за то, за тѣ... ну, словомъ, вечеръ, такъ мило начатый вами, былъ такъ безобразно испорченъ!

— Ахъ, вы объ этомъ? Я очень благодарна Его Свѣтлости за вниманiе, но въ наше время это все такъ въ порядкѣ вещей...

— Помилуйте, графиня, хорошiй порядокъ вещей?.. Вѣдь это же Европа! Мы въ двадцати четырехъ часахъ отъ Вѣны, и въ десяти отъ Рима. Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно! Ужасно! — кривлялся и закатывалъ глаза личный секре-тарь.

— Милый, monsieur Тиртцска, смѣю васъ увѣрить, вы драматизируете положенiе...

— Драматизирую? Ничуть! Я вамъ больше скажу, графиня, виновные понесутъ строгое наказанiе. Нѣсколько смертныхъ приговоровъ поступаетъ сегодня къ Его Свѣтфости на подпись... Я сомнѣваюсь въ данномъ случаѣ въ милосердiи Его Свѣтлости.

— О, какой же вы не хорошiй, monsieur Тиртцска!... Я, напримѣръ, гораздо лучшаго мнѣнiя о милосердiи Его Свѣтлости.

— Развѣ, графиня. вы сами попросите о смягченiи участи приговоренныхъ?..

— И попрошу! И не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, — ломала комедiю Ирра Паэнъ, уже знавшая, что скандалистовъ ожидаетъ трехдневная гауптвахта.

— А господинъ профессоръ не очень обиженъ?

— И не подумалъ даже! Онъ все это обратилъ въ шутку. Онъ былъ принятъ за кого-то другого... Маленькiй траги-комическiй фарсъ. Это даже забавно... Monsienr Тиртцска, когда я имѣю аудiенцiю у Его Свѣтлости?

— Когда прикажете! — галантно расшаркался Тиртцска, — двери кабинета Его Свѣтлости всегда открыты для васъ графиня...

— Merci, въ такомъ случаѣ я воспользуюсь этимъ сегодня-же...

Ирра Паэнъ рѣшила играть до конца. Люди Востока, чуть-чуть поднявшись надъ общимъ уровнемъ, падки на самую грубую лесть, и этой лестью можно изъ нихъ верезки вить.

Вотъ почему войдя въ кабинетъ съ пiанино, съ грамофономъ на письменномъ столѣ, и съ оттоманкою

обитую плюшемъ, Ирра Паэнъ сдѣлала глубокій придворный реверансъ, только-только удерживаясь отъ душившаго ее смѣха.

Отвѣчая на каждый вопросъ, или сама о чемъ-нибудь спрашивая, она добавляла: монсиньеръ.

Коснулись оффиціальныхъ причинъ появленія графини въ албанской столицѣ.

— Вы знаете, монсиньеръ, мнѣ такъ надоѣла свѣтская жизнь... Меня теперь увлекаетъ кинематографія.., Можетъ мы разыграемъ какую-нибудь пьесу на фонѣ вашего королевства... Можетъ быть!.. Но сначала я прикажу своему оператору снять васъ въ кругу вашей придворной свиты. Пусть вся Европа увидитъ на экранѣ того, кому суждено вписать новыя блестящія страницы въ исторію героической Албаніи, да и не только одной Албаніи! Съ вашимъ приходомъ къ власти, здѣсь, въ Тиранѣ, будетъ скрещиваться политика Бѣлграда и Рима. Такъ вы позволите васъ снять?

— Съ удовольствіемъ графиня! Только я, попросилъ бы нѣсколько дней терпѣнія. Я, постараюсь, чтобы вы не скучали. Вы любите охоту? Мы устроимъ для васъ охоту на дикихъ кабановъ, устроимъ какіе-пибудь военныя игры. Состязаніе въ стрѣльбѣ... Мои албанцы стрѣляютъ великолѣпно, да и между русскими офицерами есть нѣсколько замѣчательныхъ стрѣлковъ.

— Кстати, монсиньеръ, разъ вы изволили коснуться русскихъ офицеровъ, не будьте жестокими по отношенію, къ этимъ, въ сущности, милымъ буянамъ. Ихъ жизнь и смерть въ вашихъ рукахъ...

— На этомъ письменномъ столѣ! — подхватилъ монсиньеръ, на удачу хвативъ ладонью по какой то бумагѣ.

— Надѣюсь, монсиньеръ пощадитъ ихъ?..

— Только ради васъ. прелестная графиня!.. Только ради васъ...

— Я не знаю, какъ и благодарить.

— О, съ вашей красотою, ничего не можетъ быть легче...

Поймавъ на себѣ его чувственный взглядъ и, какъ-бы не замѣтивъ, даже вѣрнѣе, не понявъ, она съ очаровательной наивностью, наивностью дѣвушки-подростка привела въ трепетъ свои мотыльковыя рѣсницы.

—А почему нельзя приступить къ съемкамъ ну, хотя бы завтра?

— Видите, я не хотѣла бы, чтобы это вышло кое

какъ. Черезъ день уже будетъ готова и для меня, и для моей свиты и для моего конвоя парадная форма по рисункамъ моего придворнаго художника. По красотѣ, это не имѣетъ ничего себѣ равнаго! И, вотъ тогда-то я весь къ вашимъ услугамъ, графиня... Тогда будетъ, что показать Европѣ!.. Надѣюсь, вы никуда не спѣшите? Какая природа, какой воздухъ... Моя Тирана, это лучшая климатическая станція...

Ирра Паэнъ рѣшила: для начала довольно. И хотя самъ Ахмедъ-Зогу начиналъ говорить о политикѣ, она все это переводила на свѣтскую болтовню.

О политикѣ, — завтра. Они вѣдь будутъ встрѣчаться каждый день. Онъ самъ настаиваетъ на этомъ.

Довольная первымъ впечатлѣніемъ, вернулась она къ себѣ.

И только вернувшись, вспомнила!

— Бѣдная Чинга, я такъ и позабыла выступить ея адвокатессой. Хотя, хотя это ни къ чему не привело бы. Онъ безо всякаго сомнѣнія желаетъ отдѣлаться отъ нея. Глупенькая, не слѣдовало пріѣзжать.

Ирру Паэнъ охватило сожалѣніе къ этому одинокому, больному существу. Она кончитъ плохо, эта Чинга. Вѣрнѣе всего — самоубійствомъ...

Явилось желаніе зайти къ ней, приласкать, утѣшить. Удержало одно, — опять броситься со своими поцѣлуями и сразу испортитъ настроеніе.

Ирра Паэнъ, миновавъ дверь Чинганелли, прошла къ себѣ...

27. Влюбленный Ансельмо.

Распахнула окно.

И, такъ хорошо, и такая тяга туда, въ эти синѣющія горы... Какъ безтѣлесны, какъ воздушны ихъ силуэты, и сколько мягкости въ очертаніяхъ!

Хорошо здѣсь... Хорошо...

Чѣмъ не климатическая станція? Декабрь, а тепло, тепло, какъ весною. Если бы не обнаженные скелеты могучихъ платановъ, чѣмъ не май мѣсяцъ?..

Или Ирра Паэнъ была настроена подходяще, или въ самомъ дѣлѣ, на нее такимъ уютомъ пахнуло отъ разметавшейся въ долинѣ Тираны съ ея моремъ черепичныхъ крышъ. Рѣдкій художникъ оставался равнодушнымъ къ

свѣту и рисунку этихъ черепицъ, которыя нигдѣ, кромѣ Ближняго Востока, и не увидѣть.

А вечеромъ будутъ такими желанными тягучіе дискантовые призывы, оттуда, съ этихъ игольчатыхъ минаретовъ. Покажется фигура во всемъ широкомъ и длинномъ. И съ поднятыми руками этотъ муэдзинъ будетъ чудиться исполинской фантастической птицею.

И, какъ всегда, напомнитъ правовѣрнымъ:

— Алла, Алла экберъ...

Напомнитъ, что Аллахъ мудръ, всемогущъ и единъ.

И отъ Дураццо до Калькутты, всѣ муэдзины со всѣхъ минаретовъ, и маленькихъ деревенскихъ и съ высокихъ, мраморной мечтою застывшихъ въ воздухѣ—напоминаютъ объ одномъ и томъ-же въ одно и тоже время.

Какая это сила, — Востокъ! — мелькнуло у Ирры Паэнъ — если его разбудить, подумать страшно, что можетъ произойти!...

Проходившая внизу, у самыхъ оконъ, улица отвлекла вниманіе. Покорно и тупо, нагруженный какой-то кладью. стоялъ оселъ и страннымъ казалось, какъ выдерживаютъ тоненькія ноги его собственный вѣсъ и тяжесть этихъ вьюковъ, изъ подъ которыхъ его совсѣмъ не видно.

Прошелъ, какой-то русскій офицеръ съ нагайкой, аинтересовавшей Ирру Паэнъ. До сихъ поръ не видѣла такихъ нагаекъ. Албанскій жандармъ ведетъ оборванца. А вотъ напѣвая, что-то фланируетъ европеецъ, и не въ колоніальномъ, какъ большинство здѣсь, а въ штатскомъ.

Легкій, но почти ощутительный почти физическій ударъ въ грудь. Маташичъ! Онъ! — такъ и обожгло Ирру Паэнъ.

Мужчина поднялъ голову. Ихъ глаза встрѣтились.

Нѣтъ, не онъ. Совсѣмъ не онъ!...

И, она поймала себя на двухъ разнородныхъ ощущеніяхъ: было пріятно, что это оказался не онъ и въ то же время какая-то неопредѣленная досада, похожая на щемящую весеннюю грусть.

Именно, весеннюю... И это въ декабрѣ. Но развѣ вина ея, что здѣшній декабрь, такъ обманчивъ?..

Вообще, все въ жизни обманъ, то солнечный, манящій, то жуткій и страшный, какъ гримаса діавола...

Кажется, я этимъ Маташичемъ интересуюсь больше, чѣмъ слѣдуетъ,—подумала Ирра Паэнъ. и захлопнула окно съ такой рѣзкостью, какъ если бы могла этимъ сдѣлать Маташичу больно.

Никуда не хотѣлось идти. Никого не хотѣлось видѣть. Постучался операторъ.

Она сказала ему черезъ дверь, что времени еще много. Къ съемкамъ приступлено будетъ черезъ недѣлю, а пока, онъ полный хозяинъ своего времени и своихъ досуговъ.

Вечеромъ не спустилась внизъ, а велѣла подать себѣ ужинъ въ комнату.

Въ десятомъ часу кто-то забарабанилъ въ дверь. На окликъ Ирры отозвался Церини.

— Сэ муа! Это я, профессоръ!..

— Что вамъ угодно?

— Откройте немедленно мадамъ ля контессъ! Откройте же, очень важное дѣло!

Нехотя впустила „профессора.“

— Что случилось?

— Какъ, вы не знаете, что случилось? Синьора Чинганелли исчезла!

— Церини, вы паническій субъектъ! Вы любите все драматизировать! Если ея нѣтъ дома, еще не значитъ — исчезла.

— А я вамъ говорю — исчезла! Я уже за нѣсколько часовъ пять разъ подходилъ и стучалъ.

— Зачѣмъ же вы подходили и стучали?

— Вопросъ? Развѣ я не мужчина, а мадамъ Чинганелли развѣ не женщина? Насъ потянуло другъ къ другу...

— Васъ, Церини, васъ! Parlez pour vous!..

— Нѣтъ, насъ! — упрямствовалъ Церини.

— Пусть такъ... Но я не вижу основаній утверждать, что Чинга исчезла. Когда вы стучали послѣдній разъ?

— Только что!

— И никакого отвѣта?

— Никакого.

— Можетъ вы были слишкомъ назойливы, и она отъ васъ прячется?

— Наоборотъ, я очень деликатенъ въ обхожденіи съ прекраснымъ поломъ! И, наконецъ, я заглянулъ въ замочную скважину. Видна кровать... Она пуста, кровать, и вообще я такъ долго стучалъ, не хватило бы нервовъ сидѣть и молчать... Если мнѣ что западетъ въ голову, или въ другое мѣсто, я бываю весьма настойчивъ! Скажите, что дѣлать? Я ужасно волнуюсь.

— Ничего не дѣлать! Не волноваться и не не ждать. Чинга — существо самыхъ неожиданныхъ возможностей. Она могла увлечься прогулкой, забраться въ горы.

— Благодарю васъ за эти горы! Могутъ ограбить и зарѣзать.

— Запасемся терпѣніемъ. Къ ночи она вернется, я не сомнѣваюсь.

— Уже ночь, уже! Чего вы хотите еще?

— Я хочу быть одна.

Ансельмо былъ противенъ, физически противенъ ей, и поэтому Ирра вышучивала его опасенія и страхи за рыжеволосую Чинга. На самомъ же дѣлѣ Ирра Паэнъ сама была встревожена необъяснимымъ отсутствіемъ синьоры Чинганелли. Необъяснимымъ, ибо куда же исчезнуть ей при всей ея издерганности, при всей ея эксцентричности?..

Во дворецъ ее не только не позовутъ, но и не пустятъ. Новыми знакомствами, конечно, мужскими, не обзавелась еще, да и не до этого ей теперь.

Можетъ быть, нанюхавшись кокаину, ушла въ горы и тамъ покончила съ собою, кинувшись въ бездну? Поскольку Ирра Паэнъ успѣла узнать эту шалую Чинга, такой конецъ вовсе не исключенъ. Отъ нея можно всего, рѣшительно всего ждать, и въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ это „все“ невѣроятнѣй...

Можетъ кто-нибудь изъ актеровъ видѣлъ ее? Ирра Паэнъ позвала къ себѣ одного изъ нихъ, но и актеры не имѣли понятія, какъ и когда оставила гостинницу исчезнувшая.

Ключъ отъ ея номера висѣлъ внизу у портье, а самъ портье ничего не могъ сказать, ибо онъ менѣе всего исполнялъ свои прямыя обязанности.

Уже за полночь, когда Ирра Паэнъ легла спать, ее вспугнулъ стукъ въ двери.

— Это вы, Церини?

— Натурально же, я! Нѣтъ до сихъ поръ! Что же это такое? Вѣдь не иголка же это, а человѣкъ! Я... я не знаю что. Я не буду спать всю ночь...

— Сдѣлайте одолженіе, но только не мѣшайте другимъ... спать.

— Хорошо, я не буду мѣшать... Не буду! Бонъ нюи, контесъ...

— Bonne nuit...

Церини постоялъ, потоптался у двери и ушелъ, то-ли вздохнувъ, то-ли зѣвнувъ, — трудно было опредѣлить...

28. Вокругъ исчезновенія „маленькой“ Чинга.

На слѣдующій день Ирру Паэнъ тотчасъ же приняли во „дворцѣ“.

— Ваша Свѣтлость, я хочу васъ просить о содѣйствіи... Исчезла непонятнымъ образомъ госпожа Чинганелли, пріѣхавшая вмѣстѣ со мною.

— Что вы говорите, графиня?! Можетъ ли это быть?!

— Къ сожалѣнію, это именно такъ. Вотъ уже почти двадцать четыре часа, какъ ея нѣтъ.

— Странно! У васъ имѣются какія-нибудь подозрѣнія?

— Никакихъ, Ваша Свѣтлость... Никакихъ...

— Очень странно... Я подниму на ноги всю свою жандармерію, всю свою полицію... И никто ничего не можетъ сказать?

— Никто ничего пе можетъ сказать...

— Шефъ кабинета моего тоже хорошъ! Былъ по обыкновенію съ утреннимъ докладомъ и, хоть бы звукъ о такомъ важномъ происшествіи... Вотъ я ему сейчасъ же, въ вашемъ присутствіи, сдѣлаю строжайшій выговоръ...

Правитель ударилъ нѣсколько разъ въ ладоши и тотчасъ же, какъ изъ-подъ земли, выросъ передъ нимъ Тиртцска въ своей фескѣ и съ своимъ родимымъ пятномъ величиною съ миндалину.

— Шефа кабинета сюда!

Черезъ минуту явился рыжій, скуластый, широколицый, въ веснушкахъ съ оттопыренными ушами и огромнымъ ртомъ Базиліо Калучи.

Такъ какъ все это дѣлалось для графини, то разговоръ происходилъ по французски:

— Что же это такое, милый вы мой? Вы совсѣмъ не на должной высотѣ! Шефъ моего кабинета обязанъ все видѣть, все знать, обо всемъ докладывать... И вотъ совсѣмъ отъ частныхъ лицъ, — галантный поклонъ по адресу графини, — да, отъ частныхъ лицъ! я узнаю объ исчезновеніи госпожи Чинганелли, которая является нашей гостью. А ужъ одно слово „гость“ священно для всякаго албанца... Я не успокоюсь, пока госпожа Чинганелли не будетъ найдена, если-бъ для этого понадобилось перерыть всю Албанію. Объявите награлу въ сто наполеоновъ тому, кто найдетъ госпожу Чинганелли.

Базиліо Калучи съ улыбкой, — она растянула его ротъ до ушей, — отвѣтилъ:

— Воля Вашей Свѣтлости будетъ исполнена. Я сдѣлаю не только возможное все, но и невозможное!..

— Смотрите же! — погрозилъ пальцемъ правитель. — Вы отвѣчаете мнѣ! Ступайте!..

Оставшись вдвоемъ съ Иррою, онъ спросилъ:

— Ну, что, графиня, довольны-ли вы мной?

— Очень, Ваша Свѣтлость! Изумлена вашей энергичной манерою дѣйствовать... О, теперь я надѣюсь, что моя маленькая Чинга... Кстати, Ваша Свѣтлость, не могу не упрекнуть васъ въ жестокости, чисто мужской... Вся въ слезахъ вернулась отъ васъ бѣдная маленькая Чинга...

— Да? скажите! Нервность, повышенная чувствительность... Вѣдь я же ничего ей не сказалъ такого. Словъ нѣтъ, синьора Чинганелли интересная женщина, классная женщина, а только вы, графиня, вы гораздо больше въ моемъ вкусѣ.

— Ваша Свѣтлость, я такъ польщена!.. — и на минуту Ирра Паэнъ превратилась въ наивную дѣвочку съ такимъ вопросительно-довѣрчивымъ трепетомъ рѣсницъ. Это ее выручало почти всегда, и выручило бы и на этотъ разъ, если-бъ, если-бъ Его Свѣтлость менѣе былъ человѣкомъ Востока. Онъ прямо шелъ къ цѣли.

— Графиня, я вижу васъ урывками, днемъ... Когда же мы проведемъ вмѣстѣ цѣлый вечеръ?.. Поужинали бы... У меня чудесный поваръ... Меню — по вашему заказу. Французское шампанское. Рояль. Вы играете? Если нѣтъ, — заведемъ грамофонъ. Есть новѣйшія пластинки... Даже чарльстонъ! Въ Парижѣ вы видѣли Жозефину Бекеръ? Съ ума сводитъ чарльстономъ своимъ. Такъ, какъ же вы, графиня? Когда? Или вы меня боитесь? — и правитель подходилъ все ближе и ближе...

Всякій другой былъ бы обезоруженъ и этимъ миганіемъ рѣсницъ, и этимъ чистымъ выраженіемъ синихъ глазъ. Но правитель не замѣчалъ ни рѣсницъ, ни глазъ.

Тогда она измѣнила тактику.

— Ваша Свѣтлость, я сама съ большимъ удовольствіемъ провела бы вечерокъ въ вашемъ миломъ обществѣ. Но ваше время, теперь особенно, такъ разобрано по минутамъ все, такъ драгоцѣнно...

— Да, да, конечно... — соглашался польщенный правитель.

— Тѣмъ болѣе, Ваша Свѣтлость, вы наканунѣ подписанія акта величайшей исторической важности, — продолжала, не давая ему говорить, — еще день, два, и вы пойдете рука объ руку съ такимъ титаномъ новой исторіи... Одинъ развѣ только Наполеонъ равенъ ему...

Опять онъ хотѣлъ, порывался что-то вставить, и опять она помѣшала ему.

— Кстати... Сегодня пріѣзжаетъ маркизъ Монте-Ди-

Лавріано. Это одинъ изъ самыхъ близкихъ интимныхъ друзей „самого“. Маркизъ прибудетъ съ полномочіями чрезвычайной, исключительной важности. На вашемъ мѣстѣ я завтра же начала бы новую эру, скрѣпивъ своей подписью... Завтра же.

— Да, да, я самъ объ этомъ думалъ, — озабоченно молвилъ правитель, заканчивая уже менѣе озабоченнымъ тономъ, — а что мнѣ будетъ наградою? Ваша... ваша благосклонность?

— Qui lo sa, monsigneur, qui lo sa? — покачала головою Ирра Паэнъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, могу я разсчитывать на ужинъ съ шампанскимъ, и...

— И съ грамофономъ? — подхватила она смѣясь, — можете!

Послѣ этой бесѣды, Ирра не сомнѣвалась въ двухъ вещахъ: въ томъ, что завтра же онъ поставитъ свою подпись рядомъ съ подписью маркиза въ документѣ, отдающимъ Албанію въ полное подчиненіе Риму, и въ томъ, что нагоняй шефу кабинета — комедія, комедія съ начала и до конца. Ирра Паэнъ сама была слишкомъ искусной комедіанткой, дабы повѣрить, хотя бы на минутку, всей этой фанфаронадѣ.

Исчезновеніе синьоры Чинганелли — ихъ же собственныхъ рукъ дѣло. А, разъ такъ, найти ее будетъ задача нелегкая...

Зогу правъ, это классная женщина. А Церини, этотъ мерзкій Церини, смѣетъ мечтать объ ея взаимности! Какое нахальство!..

Опять номеръ гостинницы... Окно, силуэты горныхъ далей, тамъ, Богъ знаетъ гдѣ, и близко, — желто-коричневая черепица. Минареты. Нагруженные всякой дрянью ослы. Албанцы, жандармы, русскіе. И опять мужчина, почудившійся Маташичемъ... Положительно этотъ человѣкъ преслѣдуетъ ее даже на разстояніи. Онъ, или не онъ, въ концѣ концовъ на этотъ разъ?..

Глаза ихъ встрѣтились...

29. Въ пансіонѣ папы Синютовича.

На третій день послѣ того, какъ ночью въ особнякѣ на улицѣ Четырехъ Фонтановъ онъ обезоружилъ Армфельда, Маташичъ былъ уже въ Бѣлградѣ, спѣшно вызванный условной телеграммою.

Бѣлградъ встрѣтилъ его грязью, дождемъ и туманомъ. Но Маташичъ не замѣчалъ погоды. Не было времени замѣчать, это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, къ его услугамъ была комфортабельная машина съ уютнымъ купэ, сохранявшимъ тепло. Разъѣзжая въ этой машинѣ по всему Бѣлграду, Маташичъ побывалъ въ первый же день, по крайней мѣрѣ, въ десяти мѣстахъ.

За нимъ слѣдили, это не укрылось отъ него, и поэтому, онъ, желая сбить съ толку не въ мѣру любопытныхъ, колесилъ по городу, заметая слѣды, дѣлая лишнія петли. Это имѣло успѣхъ. Онъ нѣсколько разъ оставилъ съ длиннымъ носомъ тѣхъ, кто вздумалъ его преслѣдовать по пятамъ. Его ждутъ на улицѣ Краля Милана возлѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а онъ въ это время — на улицѣ Милоша Великаго.

Онъ давно вошелъ во вкусъ этой игры на нервахъ, этого соревнованія, когда за человѣкомъ охотятся, какъ за дичью. Обыкновенное будничное казалось ему блѣднымъ и скучнымъ.

Второй день уже не былъ такимъ лихорадочнымъ. Маташичъ хотѣлъ повидать кое-кого изъ русскихъ знакомыхъ. А ихъ онъ имѣлъ въ Бѣлградѣ достаточно. Многихъ зналъ еще по Россіи.

Зашелъ поужинать на Дворскую. Оффиціально — это „Mon repos“, неоффиціально же — „Пансіонъ папы Синютовича“.

А вотъ и самъ папа Синютовичъ со своимъ бритымъ лицомъ. Онъ обрадовался нежданному гостю.

— Какими судьбами, откуда ваше сіятельство?

И, зная, что дѣлаетъ Маташичу пріятное, прибавилъ: — Петръ Петровичъ Вараксевичъ здѣсь и, представьте, уже второй мѣсяцъ не пьетъ! Одинъ убытокъ!..

— Гдѣ же онъ?

— Да вонъ сидитъ въ той комнатѣ, въ уголкѣ.

Маташичъ прошелъ мимо стойки съ двадцативосмью сортами водокъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, оттѣнковъ и названій, начиная съ бѣлой очищенной и кончая „Сорока мучениками“. Эти „Сорокъ мучениковъ“ какъ-то особенно приготовлялись и настаивались, но, кто пилъ эту водку, испытывалъ не мученія, а усладу, — такимъ живительнымъ огнемъ наполнялось все „нутро“.

— Точно везувіанской лавы глотнулъ! — такъ аттестовалъ „Сорокъ мучениковъ“ Петръ Петровичъ Вараксе-

вичъ еще недавно, а сейчасъ самымъ добродѣтельнымъ образомъ сидѣлъ надъ стаканомъ чая съ лимономъ.

Маташичъ нашелъ въ немъ разительную перемѣну.

— Вы помолодѣли! Цвѣтъ лица лучше! Морщины сошли.

Вараксевичъ улыбнулся медвѣжьими пытливыми глазками. Лицо его никогда не улыбалось, застывшее, тяжелое, какъ гипсовая маска, выкрашенная въ тѣльный цвѣтъ.

— Не пью, батенька, оттого и помолодѣлъ, — отвѣтилъ Вараксевичъ тихимъ и тоненькимъ голосомъ, такимъ страннымъ для его массивной фигуры. Потомъ добавилъ, глядя поверхъ очковъ: — а за вами слѣдятъ, графъ, и здорово слѣдятъ!..

— Да, но я ускользаю отъ нихъ, какъ дурачащій своихъ педагоговъ школьникъ. Вотъ и сейчасъ...

Къ столику подошла отлично-сложенная высокая барышня съ меню.

— Отвыкъ я отъ русской кухни, — замѣтилъ Маташичъ, глядя въ строгое лицо барышни темными, живыми глазами, — развѣ тамъ, гдѣ я былъ, имѣютъ понятіе, что такое котлета по кіевски? Закажите мнѣ котлету по кіевски.

— А гарниръ?

— Гарниръ я посовѣтую, Зиночка, — нашелъ нужнымъ вмѣшаться Вараксевичъ. — Малость горошку, малость цвѣтной капусты, немножко бобовъ и малость грибочковъ.

— Трюфелей хорошо было бы, — добавилъ Маташичъ.

— Увы! трюфелей нѣтъ..

Хотя у ближайшихъ столиковъ не сидѣлъ никто, — публика насыщалась въ большой главной комнатѣ, — однако, Вараксевичъ понизилъ до шепота свой и безъ того тихій, сдавленный голосъ.

— Ну, что, графъ? Вамъ тамъ было виднѣе... Будетъ война?

— Нѣтъ, — рѣшительно заявилъ Маташичъ. — Онъ слишкомъ уменъ, Муссолини, чтобы всерьезъ сцѣпиться съ нами, сербами. Онъ могъ наступить на горло несчастнымъ грекамъ. Могъ высадить нѣсколько батальоновъ въ колоніяхъ, но не пойдетъ на авантюру, успѣхъ которой не обезпеченъ. Война съ нами была бы серьезной войной. А маломальски серьезная война для Италіи — крушеніе фашизма... Обоюдная катастрофа.

— А если они бросятъ на позиціи милліонъ фаши-

стовъ, фанатиковъ, влюбленныхъ въ своего вождя и въ величіе своей родины?

— Это была бы страшная гаффа. Въ тылу вспыхнула бы революція, а затѣмъ фашисты, быстро воспламѣняющіеся, темпераментные, какъ всѣ итальянцы, хороши на какихъ-нибудь сорокъ восемь часовъ, а не для длительныхъ операцій. Нѣтъ, дальше бряцанія оружіемъ дѣло не двинется... Сами увидите... Максимумъ, на который можно разсчитывать съ ихъ стороны, это оккупація Албаніи.

— Вотъ! Сербы этого не допустятъ! Вотъ вамъ и война!..

— Нисколько! Зачѣмъ воевать, разъ сами албанцы не потерпятъ незванныхъ гостей и сбросятъ ихъ въ море, когда захотятъ, какъ уже сбросили однажды.

— Вы думаете, это легко?..

— Не только думаю, увѣренъ! Отъ какой-нибудь арнаутской банды побѣжитъ цѣлый полкъ, отлично снаряженный, оставивъ и свои пулеметы, и свои танки. Будь я доброжелателемъ итальянцевъ, я далъ бы имъ дружескій совѣтъ: никогда не соваться въ Албанію, въ это осиное гнѣздо, гдѣ они найдутъ себѣ самую безславную могилу... Какъ бы ни былъ силенъ ихъ дессантъ, какъ бы ни поддерживалъ его съ моря военный флотъ, вглубь этого края имъ никогда не проникнуть.

— Однако же, это осиное гнѣздо пересѣкали взадъ и впередъ и вы, сербы, а совсѣмъ на-дняхъ горсточка русскихъ?

— Такъ то сербы и русскіе! Они умѣютъ и могутъ, а итальянцы не умѣютъ и не могутъ. Имъ Албанія можетъ обойтись въ потерю престижа. Да и кромѣ того, самой природѣ албанца, самой психикѣ его итальянецъ безконечно чуждъ. Я, какъ сербъ, отъ всей души хочу, чтобы они, какъ можно основательнѣе увязли въ Албаніи. Я уже говорилъ кому слѣдуетъ, и вамъ съ удовольствіемъ говорю: пусть они туда шлютъ въ большомъ количествѣ боевое снаряженіе и, какъ только договорятся съ Ахмедомъ-Зогу, шлютъ войска. И чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Не только не надо препятствовать этому, а, наоборотъ, надо поощрять! Увѣряю васъ, — подчеркнулъ Маташичъ, замѣтивъ сомнѣніе въ глазахъ Вараксевича, въ глазахъ, такъ какъ лицо хранило неподвижность гипсовой маски.

Проголодавшійся Маташичъ занялся кіевской котлетой, а Вараксевичъ тихо задалъ вопросъ:

— Вы знаете, по моимъ свѣдѣніямъ, туда собирается знаменитая Ирра Паэнъ?..

— Не только собирается, а полагаю, что она уже тамъ.

— Вы когда уѣзжаете?

— Завтра.

— Слѣды заметете?

— А то какъ же? Во всякомъ случаѣ, въ Бѣлградѣ въ поѣздъ не сяду.

— Это самое лучшее.

Они долго еще сидѣли, и долго тоненькимъ дискантикомъ своимъ говорилъ Петръ Петровичъ, и говорилъ видимо очень интересное... ибо графъ слушалъ его съ необычайнымъ интересомъ.

30. Аппетиты римской волчицы.

Пароходъ плылъ вдоль береговъ Далмаціи. Благодатные берега, и климатомъ, и красотою, ничуть не уступающіе обѣимъ Ривьерамъ, — итальянской и французской, а то, пожалуй, и затмѣвающіе ихъ.

Въ зиму, нельзя было не вѣрить, по календарю — зима, но какая это зима, когда лазурь небесъ такъ безоблачно ясна, солнце не грѣетъ, а жжетъ, и темно-зеленые кипарисы божьими свѣчами движутся вмѣстѣ съ гористымъ берегомъ? А между берегомъ и пароходомъ зыблется море, густое, какъ малахитъ. Да, въ этой зыби какая-то каменная упругость.

Пароходъ „Баронъ Брукъ“ — старый знакомый Маташича. Еще до войны ѣздилъ онъ на этомъ „Баронѣ Брукѣ“, такомъ тогда бѣломъ, чистенькомъ, и кормили тогда вкусно, и вдоволь было всего.

Теперь пароходъ уже не бѣлый и не чистенькій, и уже далеко не такъ кормятъ, какъ раньше. Послѣ войны все другое, все значительно хуже.

Но Маташичъ не замѣчалъ указанныхъ недочетовъ, весь поглощенный тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ вокругъ себя.

Нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ не дали бы ему такихъ рельефныхъ и сконцентрированныхъ впечатлѣній, какъ эти нѣсколько часовъ на пароходѣ.

Онъ зналъ, — кому же и знать, какъ не ему? — объ высокомѣрныхъ, имперіалистическихъ и завоевательныхъ аппетитахъ Рима, зналъ, такъ сказать, академически. Наб-

люденное и подслушанное здѣсь это уже не было академизмомъ, это уже было ни чѣмъ не прикрытое, голое хищничество.

Надвинувъ на брови мягкую дорожную каскетку, поднявъ воротникъ пальто, насвистывая маршъ берсальеровъ, Маташичъ съ наибеззаботнѣйшимъ видомъ прогуливался по палубѣ, гдѣ полулежали въ матерчатыхъ шезлонгахъ дамы, а мужчины, кто простымъ глазомъ, кто въ бинокль, обозрѣвали далматинскіе берега.

Въ подавляющемъ большинствѣ — итальянскіе офицеры, одни — въ защитныхъ мундирахъ, другіе — въ черныхъ морскихъ накидкахъ, третьи — въ сѣрыхъ, стальныхъ плащахъ, задрапированные съ такимъ вкусомъ и чувствомъ складокъ, ну, совсѣмъ сенаторскія тоги.

И всѣ они, и защитные мундиры, и морскія накидки, и сѣро-стальные плащи, какъ одинъ, возмущались и негодовали.

— Per bacco! Далмація, эта жемчужина Адріатики — собственность какихъ-то сербовъ!

— Временная, коменданте, временная!

— Пусть временная, но все же возмутительно, — горячился „коменданте“, съ усами цвѣта сигарнаго пепла и съ большимъ носомъ, почти прикрытымъ громаднымъ козырькомъ головного убора. — Честное слово, невольно рука тянется къ саблѣ, когда подумаешь, что они владѣютъ такими городами, какъ Пола, Рагуза, Спалато, и такой міровой гаванью, какъ несравненная Бока-ди-Катаро! Все это было нашимъ, и должно быть наше!..

— И будетъ! — подхватилъ молодой лейтенантъ.

— Вообще, мы твердой ногою должны стать на Балканахъ! Это необходимо, — продолжилъ сѣдоусый коменданте. — Намъ тѣсно, мы задыхаемся! Зачѣмъ забираться въ какія-то дикія африканскія колоніи, когда подъ рукой Балканскій полуостровъ? Я сказалъ — Далмація. Но мы не ограничимся ею, это лишь первый этапъ, удобный трамплинъ для прыжка впередъ. Боснія и Герцеговина должны быть нашими. Если эти двѣ провинціи были австрійскими, то почему же имъ не быть итальянскими? Почему, я васъ спрашиваю?

— Конечно, конечно! — раздались голоса. Но больше всѣхъ старался юный лейтенантъ, вспыхнувшій, порозовѣвшій, съ горячими, влажными глазами, готовый покорить вселенную и положить къ ногамъ обожаемаго „дуче“. Это былъ романтикъ, мечтатель, влюбленный въ самую идею, а

не въ практическіе результаты, каковые можно извлечь изъ нея.

Коменданте, умудренный опытомъ и годами, смотрѣлъ болѣе реально:

— Намъ необходимы дѣвственные лѣса Босніи и Герцеговины. Необходимо все, что таится тамъ, глубоко въ нѣдрахъ земли. Намъ нужна албанская нефть и, хотя Черногорія бѣдна и пустынна, однако и ей надлежитъ быть нашей, ибо мы не можемъ допустить, чтобы врагъ вклинился до самого моря между „нашей“ Албаніей и нашей „Герцеговиной“. Я слышалъ, есть уже планъ создать цѣлый рядъ вассальныхъ королевствъ и княжествъ. Разумѣется, все это будетъ призрачное, но для экспорта, для внѣшней политики — отчего же? Развѣ у насъ мало принцевъ? Одного можно будетъ посадить въ Албаніи, какъ только мы выжмемъ изъ Ахмеда-Зогу все, что намъ надо, и вышвырнемъ его за ненадобностью. Другого можно посадить въ Черногоріи, что же касается Босніи, то и для нея имѣется въ запасѣ нѣкій, — по крайней мѣрѣ; онъ самъ себя такъ называетъ, — prince Selitch, duc de Bosnie. Это уже немолодой, полу-маньякъ, полу-авантюристъ, увѣренный, и увѣряющій другихъ, что онъ прямой потомокъ герцоговъ Боснійскихъ. Онъ жилъ въ Парижѣ въ бѣдности, если даже не въ нищетѣ. Мы имъ заинтересовались, пріодѣли, снабдили карманными деньгами и сейчасъ этотъ duc de Bosnie, кажется, въ Римѣ. Имѣть въ резервѣ такого „претендента“ никогда не мѣшаетъ. Если понадобится, его можно будетъ использовать. А почему бы и нѣтъ? — спросилъ коменданте, хотя ему ни только не возражалъ никто, а, наоборотъ, всѣ слушали, восторженно затаивъ дыханіе. — Развѣ Наполеонъ не раздавалъ королевства и троны, Богъ знаетъ кому, начиная съ трехъ своихъ братьевъ, надѣвшихъ испанскую, голландскую и вестфальскую короны? А Мюратъ? Сынъ кабатчика, усѣвшійся на тронъ выгнанныхъ неаполитанскихъ Бурбоновъ. А Бернадотъ, сынъ провинціальнаго нотаріуса, сдѣлавшійся королемъ Швеціи? И вотъ иронія судьбы! Династія Бернадотовъ царствуетъ и по сей день, а династія Бонапартовъ, — гдѣ она? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же нашъ князь Зеличъ, герцогъ Боснійскій хуже Мюрата и Бернадота?...

— Браво, коменданте, браво! — вмѣшался сухощавый кавалерійскій офицеръ съ моноклемъ и въ такихъ умопомрачительныхъ бриджахъ, какіе на зависть и удивленіе всѣмъ носятъ одни лишь итальянскіе кавалеристы. — Вамъ

угодно возродить эпоху наполеоновскаго цезаризма, когда монархи были на посылкахъ у этого маленькаго капрала?

— На посылкахъ? — изумился молодой лейтенантъ.

Офицеръ съ моноклемъ, не обративъ вниманія на этотъ возгласъ, продолжалъ:

— Вотъ вамъ историческій фактъ... Австрійскимъ посломъ въ Парижъ былъ назначенъ князь Меттернихъ, знаменитый снобъ, говорившій, что человѣкъ начинается только съ барона. Хотя Наполеонъ былъ уже императоромъ, но Меттернихъ снобировалъ и его. Тогда Наполеонъ дѣлаетъ такую штуку. На охотѣ устраиваетъ завтракъ въ лѣсу, въ шатрѣ. Изъ приглашенныхъ къ столу, кромѣ Меттерниха, еще только четверо, — три брата Наполеона, три короля Люсьенъ, Жозефъ и Жеромъ, и еще Мюратъ. Завтракъ долго, подозрительно долго не подаютъ. Наполеонъ обращается къ Мюрату: „Любезный roi de Naple, подите, узнайте, почему насъ морятъ голодомъ?“ — Пулей выскакиваетъ Мюратъ и пулей возвращается. „Ваше Величество, завтракъ сейчасъ будетъ поданъ“. Проходитъ еще нѣсколько минутъ. „Безобразіе“, — возмущается Наполеонъ. „Король испанскій, узнайте, въ чемъ же тамъ дѣло?“ Жеромъ Бонапартъ срывается съ мѣста и бѣжитъ. Возвращается съ тѣмъ же, съ чѣмъ вернулся Мюратъ. „Ваше Величество, сію минуту!“ Но завтрака нѣтъ, какъ нѣтъ. „Чортъ возьми! Они пережарятъ наши бараньи котлетки“,— выходитъ изъ себя Наполеонъ. „Король Голландіи, ступайте и не возвращайтесь до тѣхъ поръ, пока вслѣдъ за вами не будетъ поданъ завтракъ!“...

Снобизмъ Меттерниха былъ сломленъ, и онъ сталъ уважать человѣка, посылающаго за своими котлетами на кухню четырехъ королей. Каково?!..

— Нашъ дуче будетъ то же самое дѣлать! — зажегся юный лейтенантъ.

Офицеры столпились вокругъ сѣдоусаго коменданте и полковника генеральнаго штаба съ моноклемъ. И, по мѣрѣ того, какъ здѣсь на палубѣ аннексировались, одна за другою, Албанія, Черногорія, Далмація, Боснія и Герцеговина, аппетитъ увеличивался. Не даромъ же онъ „приходитъ во время ѣды“. Уже дѣлили югъ Франціи, доказывая, что Римъ долженъ владѣть всѣмъ побережьемъ латинской сестры своей, чуть ли не до Марселя.

Маташичъ слушалъ это, слоняясь мимо взадъ и впередъ и насвистывая маршъ берсальеровъ, а въ душѣ его кипѣла буря. Такъ и хотѣлось бросить въ лицо и горбо-

носому комендантe, и изящнѣйшему полковнику въ умопомрачительныхъ бриджахъ, и вулканическому лейтенанту и всѣмъ остальнымъ офицерамъ:

— Господа, на какомъ основаніи и по какому праву всѣ эти аннексіи? По праву побѣдителей? Какіе же вы побѣдители? Вспомните, какъ воевали вы, благородные синьоры? Вы и такъ получили сверхъ всякой мѣры! Вами захваченъ весь австрійскій флотъ, половина котораго должна быть нашей, сербской! Вамъ желательно отхватить у Франціи Ривьеру, жемчужину ея? За что? Не за то ли, что въ одинъ изъ самыхъ катастрофическихъ моментовъ Франція послала вамъ два вспомогательныхъ корпуса, видя, что вы разваливаетесь и гибните? Да, Франція предотвратила тріумфальное шествіе австро-германцевъ на Миланъ и Венецію, и въ благодарность за это...

Многое хотѣлъ сказать Маташичъ, неудержимо хотѣлъ, но умѣніе владѣть собою, необходимое въ его роли, побѣдило, и онъ продолжалъ безпечно высвистывать зажигающій маршъ....

31. Все помнитъ, ничего не забываетъ.

Онъ зналъ, что встрѣтитъ Ирру Паэнъ. Для нея же это было большей неожиданностью, хотя что-то и подсказывало, что появленіе Маташича здѣсь, — вопросъ дней.

Онъ поклонился, пріостановившись. Она жестомъ позвала его къ себѣ, машинально сказавъ: „поднимитесь ко мнѣ“ и зная, что Маташичъ не услышитъ. Ихъ раздѣляла улица, и, кромѣ того, окно Ирры Паэнъ было во второмъ этажѣ. Но есть жестикуляція, требующая словъ и на большомъ разстояніи.

Пока онъ постучался къ ней, прошло минуты двѣ. Эти двѣ минуты она использовала чисто по женски, — у зеркала. Бѣглый осмотръ. Пудреница, карандашъ для губъ, ударъ гребня по остриженнымъ волосамъ, заготовленная улыбка. И, хотя все это было размѣрено чуть ли не по секундамъ, Ирра Паэнъ ощутила біеніе сердца. Да, оно билось не такъ, какъ всегда. Поймавъ себя на этомъ, она рѣшила быть съ нимъ искусственной, дѣланной, а изнутри поднималась какая-то непріязнь.

Но едва онъ вошелъ, едва она увидѣла его у себя, заготовленныя искусственность и фальшъ, — какъ рукою сняло. Она будетъ играть съ нимъ въ открытую.

И вмѣсто чуть не сорвавшейся свѣтской фразы:

— Какъ вамъ не стыдно исчезнуть, не давъ о себѣ вѣсточки? — она спросила:

— Зачѣмъ вы пріѣхали?

Онъ улыбнулся настолько смѣло и весело, чтобы это не вышло ни нахально, ни дерзко.

— Однако, госпожа Ирра Паэнъ, я не сказалъ бы, что вы встрѣчаете меня съ отмѣнной любезностью? Зачѣмъ я пріѣхалъ? Вы слишкомъ умны, да и я не такъ ужъ глупъ, чтобы продолжать комедію, начатую на ступеняхъ Испанской лѣстницы. Если я буду перекрашиваться въ защитный цвѣтъ, я буду смѣшонъ въ вашихъ же глазахъ. Я пріѣхалъ за тѣмъ же, зачѣмъ и вы. И поэтому я предлагаю тотчасъ же установить, кто мы, — друзья, или враги?

— А вы считаете, что мы можемъ быть друзьями?

— Ни на одинъ мигъ не сомнѣваюсь, и объясню вамъ— почему? Меня привела сюда любовь къ родинѣ, вы же здѣсь — изъ любви къ искусству. Не нравится, — назовемъ это жаждою сильныхъ впечатлѣній. Мы молимся разнымъ богамъ, но это не мѣшаетъ найти общій языкъ.

— Нѣтъ, мѣшаетъ! Мы враги, и никогда не будемъ друзьями!..

Онъ хотѣлъ держаться въ этой маленькой пикировкѣ уже взятаго безпечно-веселаго тона, и сразу почувствовалъ всю его ненужность. Голосъ Ирры Паэнъ былъ сухъ, синій блескъ ея глазъ былъ твердъ, а вѣки съ длинными рѣсницами уже не казались трепещущими мотыльковыми крыльями. Это уже не была игра въ наивную дѣвушку, это была женщина, сильная, твердая, какъ стальная пружина.

Ея настроеніе передалось и ему. Онъ весь замкнулся и сталъ такимъ, или почти такимъ, какимъ былъ, когда Армфельдъ его допрашивалъ въ своемъ кабинетѣ развѣдчика.

— Вы меня пригласили, чтобы бросить мнѣ вызовъ? Я его принимаю. Я, какъ и вы, любитель сильныхъ ощущеній.

— Не сомнѣваюсь. Я уже немного знакома съ вашей біографіей.

— Тѣмъ лучше! Вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло. Уйти мнѣ, или вамъ угодно еще что-нибудь сказать?

— Да, графъ Маташичъ, вамъ остается выбрать одно изъ двухъ: или вы сегодня же покидаете Албанію — изъ Дураццо вечеромъ отплываетъ пароходъ віа Фіумэ, или,—

она сдѣлала паузу, и еще тверже сталъ синій блескъ ея глазъ, — или вы будете сегодня же арестованы, какъ очень опасный и вредный сербскій шпіонъ. Выбирайте?..

— Я уже выбралъ.

— А именно?

— Я остаюсь!

— Не совѣтую. Васъ посадятъ въ клоповникъ, а затѣмъ, затѣмъ албанцы очень искусно рубятъ головы большими кривыми ятаганами. Перспектива не особенно радужная. Особенно для васъ. Вы еще молоды, красивы, еще все впереди. Подумайте, прежде чѣмъ... Взвѣстье?..

— Уже взвѣшено, Я остаюсь.

— Мнѣ все равно. Это ваше дѣло. Теперь... Въ такихъ случаяхъ принято бросить нѣсколько уничтожающихъ, презрительныхъ словъ.

— Я этаго не сдѣлаю.

— Почему?

— Потому, что вы женщина.

— А, рыцарство? Джентльменство?

— Ни то, ни другое... Гораздо проще. На женщинъ нельзя сердиться, негодовать, нельзя! Самыя умныя, самыя порядочныя, могутъ совершить самое не умное, не порядочное, и, наоборотъ, женщина глупая, жестокая можетъ вдругъ блеснуть такой глубиной, можетъ совершить такой прекрасный поступокъ!

— Вотъ какая теорія! Значитъ мы невмѣняемы?

— Въ большинствѣ случаевъ, — да.

— А, меня вы относите къ какой изъ этихъ двухъ категорій? Къ первой? Ко второй?

— Ни къ той, и не къ другой.

— По вашему, какая же я?

— Я васъ не знаю.

— Не знаете? Странно. Съ вашими данными и при вашемъ „метье“ вы должны разбираться въ людяхъ. Странно.

— Ничего страннаго. Вы требуете, чтобы я зналъ васъ, когда вы сами себя не знаете.

— Вы правы,—задумчиво молвила она. — Мы всего менѣе знаемъ самихъ себя.

Она встряхнула головкой, какъ-бы отгоняя что-то и подошла къ нему также вплотную, какъ нѣсколько дней тому назадъ, въ особнякѣ на улицѣ Четырехъ Фонтановъ. Но теперь это не была истома затаившейся вакханки, зна-

ющей цѣну очарованія своего тѣла. Чувство пола отошло, замѣненное другимъ чувствомъ—недобрымъ и темнымъ.

Маташичъ не узналъ ея лица, такъ оно преобразилось. Одинъ изъ тѣхъ оченьрѣдкихъ случаевъ, когда Ирра Паэнъ сбрасывала маску.

Тихо, какъ бы шелестя, но прямо съ металлической отчетливостью она сказала ему на разстояніи полу-шага:

— Вы помните нашу встрѣчу? Помните, какъ вы курили сигару и какъ довѣрчиво блестѣли ваши бѣлые зубы? Меня, меня Ирру Паэнъ, вы сумѣли обмануть и поколебать... Я готова была повѣрить вамъ, что вы скучающій фланеръ, а не тотъ господинъ, который какъ тѣнь, слѣдовалъ за мной изъ Парижа. Сначала, вы обманули меня, какъ развѣдчицу, потомъ, вы пренебрегли мною, какъ женщиной. Помните, когда я подошла къ вамъ, какъ подошла сейчасъ. Графъ Маташичъ, я очень, очень злопамятна. Я отомщу,вамъ уязвленная и въ своемъ профессіональномъ самолюбіи, и въ своемъ самолюбіи женщины...

32. Передъ военными играми.

Вслѣдъ за подписаніемъ договора, появились деньги. И большія деньги. Называли даже сумму, — пятнадцатъ милліоновъ итальянскихъ лиръ.

Во всякомъ случаѣ, звеняшимъ, сверкающимъ потокомъ лилось ослѣпительное золото. Было много новенькихъ, только-только изъ чеканки, монетъ по двадцати лиръ, были и старыя монеты, цѣнившіяся еще больше, съ профилемъ сардинскаго короля Карло Альберто.

Вмѣстѣ съ этимъ кончился и маскарадъ. Въ одинъ день инженеры всѣ превратились вдругъ въ итальянскихъ офицеровъ. Да, да, всѣ эти штатскіе, и полу-штатскіе, и колоніальные франты, облекшись въ мундиры и въ соотвѣтствующіе головные уборы, стали бравыми берсальерами, альпійскими стрѣлками, саперами, пулеметчиками, интендантами и кавалеристами легко-конныхъ полковъ Болоньи, Падуи, Пьяченцы.

Но всѣхъ затмили капитаны карабинеровъ, затмили своими треугольными шляпами, вицмундирами и кованными, серебрянными эполетами. Этимъ молодцеватымъ капитанамъ была дана спеціальная миссія, — организовать албанскую жандармерію.

Но и карабинеровъ, съ ихъ, пусть опереточной даже, но, красивой, эффектной формою, затмилъ, и еще какъ,

Ахмедъ-Зогу! Портной Чапари изъ Будапешта, щедро оплаченный итальянскимъ золотомъ, постарался угодить выгодному заказчику, да и не только заказчику, а и его свитѣ!

Наконецъ-то осуществилось желанiе Ахмеда-Зогу одѣться во все бѣлое, какъ снѣгъ, излучающее сiянiе, такое сiянiе, чтобъ вѣрноподданнымъ албанцамъ онъ былъ подобенъ солнцу.

Но, увлекшись, Ахмедъ-Зогу потерялъ чувство мѣры. Для своего бѣлаго гусарскаго доломана требовалъ тяжелыхъ бахромчатыхъ эполетъ.

Напрасно убѣждали его и самъ Чапари, и тѣ изъ русскихъ офицеровъ, что полъ жизни своей сами были гусарами, — Кiевскими, Ахтырскими, Александрiйскими.

Къ доломану полагается жгутъ, и только жгутъ. Эполеты же въ такихъ случаяхъ — дурной тонъ, дурной тонъ даже въ третьесортной кино-пьесѣ.

Но Ахмедъ-Зогу былъ непреклоненъ. Онъ готовъ былъ поступиться чѣмъ угодно, только не эполетами.

Свиту свою онъ одѣлъ въ темные доломаны, и безъ эполетъ, съ одними жгутами.

Это было „форменное" помѣшательство, помѣшательство „на формѣ". Даже всѣ штатскiе чиновники, окружавшiе Ахмеда-Зогу, поощряемые имъ, добивались, какъ особой милости, гусарскаго мундира, не умѣя его носить, и гусарской сабли, не зная, куда ее дѣвать, что съ нею дѣлать.

Общее помѣшательство не миновало и шефа кабинета, маленькаго, большеголоваго Базилiо Калучи. Въ штатскомъ онъ былъ скорѣе худощавъ, но, какъ только втиснулъ себя въ гусарское, у него сразу выпятился животъ, и весь онъ былъ неимовѣрно смѣшонъ и жалокъ. Особенно когда, стоя рядомъ съ Ахмедомъ-Зогу, позировалъ для фотографа. Ему казалось, что, выпячивая грудь, онъ втягиваетъ животъ, а получалось, какъ разъ обратное. И въ такомъ видѣ Базилiо Калучи обошелъ всѣ европейскiе журналы и газеты, какъ безплатное приложенiе къ своему господину, въ лучахъ славы котораго готовъ былъ купаться до изнеможенiя.

Парижскiй „Excelsior", помѣщая фотографiю, не утерпѣлъ снабдить снимокъ надписью, сверху:

Le président d'Albanie en tenue... d'op rette.

И снизу:

„Ses bottes sont de neige, ce qu'on ne voit pas dans la „Veuve joyeuse".

И пускай себѣ иронизируютъ, не въ этомъ главное, а въ томъ, чтобы Ахмедъ-Зогу былъ „пропечатанъ“ во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ.

Вообще, на рекламу новаго, „почти короля“, съ его новымъ, почти королевскимъ дворомъ, кидалось пригоршнями золото и съ профилемъ Виктора Эммануила, и съ профилемъ Карло Альберто.

Итальянцы старались создать изъ Ахмеда-Зогу свою маріонетку, въ то же время внѣшне обставляя эту маріонетку помпеозно и пышно.

Церемоніалъ врученія Ахмеду-Зогу ввѣрительныхъ грамотъ посланниками сдѣлалъ бы честь и не такому двору, какъ албанскій.

Дипломаты въ раззолоченныхъ мундирахъ ѣхали во дворецъ въ открытыхъ коляскахъ, имѣя, впереди и сзади, почетный конвой изъ всадниковъ, одѣтыхъ съ такой же роскошью, какъ и Базиліо Калучи.

Послѣ церемоніи, послѣ обмѣна дружественными рѣчами, посланникъ отбывалъ во-свояси въ той же самой открытой коляскѣ, съ тѣмъ же самымъ гусарскимъ конвоемъ.

Ахмедъ-Зогу вошелъ во вкусъ... Не ограничиваясь интимными обѣдами и пріемами во дворцѣ, онъ рѣшилъ устроить большое, на открытомъ воздухѣ, празднество — тѣ самыя военныя игры, о которыхъ упомянулъ въ первой же бесѣдѣ съ Иррой Паэнъ.

Почти у самой столицы, на болѣе высокомъ уровнѣ, имѣлось маленькое платто. Нѣсколько сотъ албанцевъ, согнанныхъ изъ окрестностей, въ спѣшномъ порядкѣ подравнивали платто, дабы сообщить ему видъ ипподрома. Итальянскіе солдаты-саперы воздвигли цѣлый амфитеатръ легкихъ деревянныхъ трибунъ съ двумя, обтянутыми краснымъ кумачемъ, ложами, одну — для Ахмеда-Зогу съ его свитою и генералитетомъ, другую — для чиновъ дипломатическаго корпуса.

Отъ маленькаго — къ большому.

Вначалѣ Ахмедъ-Зогу упомянулъ про военныя игры, главнымъ образомъ, для того, чтобы польстить самолюбію Ирры Паэнъ.

Вотъ, молъ, какой я! Какъ рыцарь, въ честь своей дамы...

Военныя игры вначалѣ рисовались ему десяткомъ другихъ мѣткихъ выстрѣловъ.

Но потомъ, когда толчокъ былъ былъ уже данъ, фан-

тазія честолюбиваго Ахмеда-Зогу уже неудовлетворялась десяткомъ другихъ мѣткихъ выстрѣловъ.

Онъ совѣщался съ Улагаемъ.

— Понимаешь, очень хорошо было бы — настоящія военныя игры! Вѣдь вы же всѣ на лошадяхъ выросли. И вамъ пріятно! Пусть и дипломаты, и англичане, а главное итальянцы, — они считаютъ себя знаменитыми кавалеристами, — пускай они полюбуются на гвардію Ахмеда-Зогу, и поучатся у нея! Надо ихъ ошеломить, можно? Какъ ты думаешь?

— Отчего же нельзя? Правда, мы не покажемъ того, что могли бы... Другое совсѣмъ, когда есть казачьи и горскія лошади. Но ничего! Чтобы утереть твоимъ гостямъ носъ, — хватитъ!

— А ты имѣешь лихихъ конниковъ?

— И казаки, и черкесы, и гусары, никто лицомъ въ грязь не ударитъ. Послѣднимъ номеромъ выпущу князя Маршанія.

— Этого маленькаго, сухого старичка? — усумнился правитель, — да ему подъ семьдесятъ!..

— Подъ восемьдесятъ, — поправилъ черкесъ, — но на всемъ Кавказѣ не было, да и теперь, пожалуй, нѣтъ, наѣздника, ему равнаго...

Въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ начали готовиться къ военнымъ играмъ, пришлось болѣе, чѣмъ на-спѣхъ, „работать" маленькихъ, крѣпкихъ, турецкихъ лошадокъ. Въ нѣсколько дней надо было перевоспитать ихъ, пріученныхъ только лишь къ рыси мягкой, не тряской. У албанцевъ и турокъ это считалось самымъ важнымъ.

— Чтобы на рыси можно бы было пить кофе!

По части сѣделъ тоже было весьма слабо. Нашлось нѣсколько азіатскихъ. Остальныя же — англійскія и строевыя венгерскія, на которыхъ по части джигитовки неособенно-то разгуляешься... Но донцы и кубанцы приспособили и эти сѣдла, для чего имъ пришлось вооружиться ремнями, шиломъ и дратвою.

Уже наканунѣ самыхъ игръ спохватился правитель:

— А какъ же со знаменемъ? У моей гвардіи до сихъ поръ еще нѣтъ знамени! Надо, чтобы знаменщикъ преклонилъ его, когда отрядъ будетъ слѣдовать церемоніальнымъ маршемъ мимо моей ложи...

Въ нѣсколько часовъ смастерили какое-то фантастическое знамя на длинномъ флагъ-штокѣ съ буквами А. З. подъ королевской короною...

33. То, чего не увидишь въ Европѣ.

Январь ужъ на что благодатный былъ, а этотъ день выдался на рѣдкость, съ весеннимъ солнцемъ и, на диво, прозрачнымъ воздухомъ.

Въ трибунахъ, — онѣ шестью уступами спускались къ ипподрому эллиптической формы, — все было занято цвѣтной человѣческой гущею.

Ложа Ахмеда-Зогу была ослѣпительна, и ослѣпительнѣе всѣхъ былъ самъ Ахмедъ-Зогу, такой же дѣвственно-бѣлый весь, какъ снѣжныя вершины дальнихъ горъ, чуть-чуть розовѣвшихъ на фонѣ густо-бирюзовыхъ небесъ. И такъ же чуть-чуть розовѣлъ головной уборъ правителя, — нѣчто среднее между папахой и чалмою индійскаго магараджи. Бѣлый, съ кованными эполетами, доломанъ и съ лентою высшаго ордена Святой Аннунціаты. Бѣлые рейтузы, бѣлые замшевые сапоги. Руки въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ съ длинными раструбами опирались на эфесъ кавалерійской сабли.

Рядомъ сидѣла Ирра Паэнъ въ черной, круглой маленькой шляпѣ и въ черномъ шелковомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и пышной мѣховою оторочкою внизу.

И хотя правитель нашептывалъ ей, что все устроено для нея „королевы празднества“, лицо „королевы“ было мрачное и не улыбнулось ни разу. Въ ложѣ сидѣли еще полковникъ Гиліарди, Базиліо Калучи и Тиртцска. Всѣ трое въ гусарской формѣ, но въ темной, подчеркивавшей ослѣпительную „бѣлизну“ Ахмеда-Зогу. На седьмомъ небѣ отъ упоенія находился шефъ кабинета. Казалось, даже огненныя веснушки его, и тѣ принимаютъ участіе въ этомъ упоеніи. И онъ съ видомъ беззавѣтнаго рубаки лихо опирался на эфесъ громадной сабли, неустанно выпячивая грудь и втягивая животъ.

Дипломатическая ложа сверкала золотымъ шитьемъ мундировъ и треуголокъ съ плюмажами. Среди итальянцевъ, частью тоже въ мундирахъ, частью въ сѣро-стальныхъ плащахъ, наиболѣе эффектными были карабинеры во всемъ своемъ опереточномъ великолѣпіи, и моряки въ золотыхъ эполетахъ на черныхъ мундирахъ, съ голубыми лентами, напоминающими Андреевскія.

Скромнѣе всѣхъ и проще одѣты были англійскіе инженеры, эти аргонавты, вмѣсто золотого руна подбирающіеся къ албанской нефти.

Вблизи ложи Ахмеда-Зогу размѣстились знатные беги

со своими женами. Одни были въ штатскомъ и въ фескахъ, другіе — въ живописныхъ національныхъ костюмахъ. Пріѣхавшіе съ южнаго пограничья были увѣшаны оружіемъ, и, вмѣсто прозаическихъ „невыразимыхъ“ — бѣлыя коротенькія юбки съ такими же складками и такія же легкія, воздушныя, какъ тюники балеринъ. Эти балетныя „фустанеллы“ не давали покоя иностранцамъ, — до сихъ поръ они видѣли въ юбкахъ однихъ только мужчинъ, шотландскихъ стрѣлковъ. Но изъ подъ шотландскихъ юбокъ высовывались голыя, волосатыя колѣни, и это было некрасиво, а иногда и противно, беги же были въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ, и это было красиво и благородно...

Бекши, и молодыя и пожилыя, тѣ самыя, что были молодыми во дни княженія Вида, одинаково были густо нагримированы и одинаково кричаще одѣты. И такъ же, какъ тогда во дворцѣ, онѣ были развязны, дымя папиросами, одна за другою и предлагая сосѣдямъ свои маленькіе золотые портсигары.

— Fumez... Comment, vous ne fumez pas?

Игры начались парадомъ, какъ хотѣлъ Ахмедъ-Зогу и, какъ онъ еще больше хотѣлъ, шагавшій впереди маленькаго пѣхотнаго отряда знаменщикъ, бородатый преображенецъ-гигантъ, еще унтеръ-офицеръ Императорской арміи, склонилъ знамя, проходя мимо декорированной краснымъ кумачемъ ложи. Въ отвѣтъ правитель, поднявшись, отдалъ честь знамени, знамени со своими буквами и со своей короной. Для Албаніи это было и ново и внушительно.

Пѣхотная колонна, человѣкъ въ сто двадцать, какъ по ниточкѣ держало равненіе, и что-то мощное было въ томъ, какъ гвардія отбивала тактъ. И хотя это не былъ полкъ, и не былъ баталіонъ, и не была даже рота, гулко дрожала земля, и, помимо желанія, залюбовались итальянцы этими русскими офицерами въ албанской формѣ.

За пѣхотою — кавалерія. За отсутствіемъ лошадей Кучукъ выбралъ десять-двѣнадцать лучшихъ конниковъ, въ томъ числѣ и Абрикосова.

Абрикосовъ преобразился. Это уже не былъ плакатный младенецъ, чаще всего, если не всегда, блаженно-пьяненькій. Уже не бѣгали мышатами глаза, а горѣли мужествомъ и удалью.

Итальянцы, незыблемо считающіе себя лучшими кавалеристами, пожалуй, во всемъ мірѣ, и хотѣли бы раскритиковать эту горсточку всадниковъ, но не могли. Подска-

зывала спортсмэнская жилка, что и молодецки сидятъ они и еще покажутъ себя молодцами.

Сдержаннымъ смѣшкомъ встрѣченъ былъ маленькій сѣдобородый, старый князь Маршанія, всадникъ, еще служившій въ конвоѣ Императора Александра II.

Кончился парадъ. Пѣхота развернулась двумя рядами лицомъ къ трибунамъ, шагахъ въ двухстахъ онъ нихъ.

Началась джигитовка. Все это оказалось обычнымъ, горско-казачьимъ, но впечатлѣніе на зрителей произвело потрясающее. Мужчины смотрѣли во всѣ глаза, дамы взвизгивали. Правитель сіялъ.

Вотъ, молъ, какова моя гвардія!

На карьерѣ поднимали носовой платокъ. Подбросивъ на нѣсколько метровъ пику, ловили ее. Абрикосовъ соскочивъ съ лошади бѣжалъ рядомъ съ ней, одинъ цѣпкій прыжокъ и онъ уже въ сѣдлѣ. Еще одно короткое, упругое движеніе, и онъ мчится стоя.

Пѣшіе казаки и горцы, которымъ не хватило коней, помогали въ инсценировкѣ.

Налету хватали ихъ всадники съ земли, во мгновеніе ока бросая поперекъ сѣдла и унося все дальше и дальше..

Операторъ, выбравшій удобную позицію на самомъ гребнѣ трибунъ, едва успѣвалъ снимать, предвкушая, какой это будетъ интересный матеріалъ для кино.

Князь Маршанія, такой маленькій, на своей маленькой лошадкѣ не принималъ участія въ играхъ. И всѣ думали: „старъ, куда ему!.. Такъ для почета выѣхалъ со всѣми!“ И никто не зналъ, что Кучукъ приберегъ его напослѣдокъ, какъ весьма лакомое блюдо, какъ номеръ самый эффектный и трудный. Настолько трудный, — ни молодежи, ни самимъ Улагаю и Зауръ-Беку не поспорить съ нимъ.

Когда все, что надо продѣлать, было продѣлано, разгоряченные всадники на лоснящихся, потемнѣвшихъ лошадяхъ построились вмѣстѣ съ пѣхотою, успѣвъ сорвать много рукоплесканій и восторженныхъ криковъ, два солдата, албанецъ и русскій, двинулись черезъ ипподромъ. У русскаго былъ на плечахъ молодой барашекъ, у албанца — заступъ. Этимъ заступомъ онъ вырылъ неглубокую яму, шагахъ въ пятидесяти противъ Ахмедъ-Зоговой ложи. Въ эту яму закопали барашка, такъ основательно закопали, надъ поверхностью земли была видна шея, да голова съ откинутыми назадъ рогами. Понимали, въ чемъ дѣло, только свои. Гости же были въ полномъ недоумѣніи. Это еще что такое?

Вотъ тогда-то на сцену и выступилъ князь Маршанія

въ своей коричневой черкескѣ съ четырьмя солдатскими Георгіями и съ погонами корнета, въ каковые произвелъ его въ Крыму генералъ Врангель.

Старикъ оживился. Вспыхнули темные глаза на сухомъ, обтянутомъ пергаментною кожею, лицѣ, и онъ, какъ будто выросъ вмѣстѣ со своимъ конемъ. Шагомъ проѣзжая мимо трибунъ, щеголяя чисто горской повадкою, онъ огрѣлъ коня плеткою, и такъ вздыбилъ его, — вотъ, вотъ запрокинится конь вмѣстѣ съ всадникомъ. Маршанія, какъ на оси, повернулъ коня на заднихъ ногахъ и съ мѣста понесся галопомъ, перешедшимъ въ карьеръ.

Какъ это свершилось, никто не успѣлъ замѣтить. Одно искрометное мгновеніе, и старикъ, перегнувшись всѣмъ своимъ тѣломъ вправо и внизъ, казалось, упадетъ съ лошади. Многіе ахнули. Но еще одинъ искрометный мигъ, и, мчавшійся всадникъ одной рукою держалъ надъ головою что-то большое, оказавшееся бараномъ, котораго онъ на карьерѣ успѣлъ вырвать изъ земли, съумѣвъ преодолѣть и тяжесть животнаго, и тяжесть сопротивленія.

Не сразу, только черезъ нѣсколько секундъ поняла и оцѣнила публика трибунъ всю нечеловѣческую трудность совершеннаго маленькимъ старикомъ.

И тишину точно прорвало неописуемымъ, бѣшеннымъ энтузіазмомъ. Европейцы кричали: браво! Албанцы кричали что-то дикое, гортанное. Албанки визжали, а офицеры стучали саблями.

Правитель горделиво поднялся въ своей ложѣ, какъ-бы принимая на себя часть шумныхъ, неистовыхъ овацій.

За этимъ воспослѣдовалъ королевскій жестъ.

Ахмедъ-Зогу далъ знакъ старому горцу подъѣхать ближе, и когда это было сдѣлано, Ахмедъ-Зогу бросилъ свой золотой портсигаръ, ловко подхваченный княземъ Маршанія.

Послѣ этого поблѣднѣли уже состязанія въ стрѣльбѣ, хотя одинъ албанецъ, на пятьдесятъ шаговъ разбилъ изъ винтовки яйцо, которое держалъ въ рукѣ другой албанецъ. А ротмистръ Сукуренко попалъ на двѣсти метровъ въ бутылку...

34. Зонтикъ даетъ новое направленіе мыслямъ.

Изъ этого окна и сквозь эту рѣшетку Маташичъ видѣлъ передъ собою море. Угадывалась большая высота и и сама по себѣ и по тому необъятному горизонту, Богъ

знаетъ какъ далеко вычерченному съ такой нѣжной мягкостью. что небеса и море почти сливались.

Хотя онъ былъ доставленъ сюда съ завязанными глазами, и не снимали съ него повязки до момента, пока не очутился въ этомъ кругломъ башенномъ помѣщенiи, вся таинственная романтика эта не помѣшала, однако, ему орiентироваться. Онъ не могъ просунуть голову сквозь рѣшетку, но, при всей ограниченности поля зрѣнiя, тотчасъ же узналъ гавань бывшей столицы. Никакого сомнѣнiя, какъ несомнѣнно и то, что его посадили въ одну изъ башенъ одряхлѣвшей, грозящей превратиться въ руины окончательныя, венецiанской крѣпости. Эта крѣпость,—насколько онъ помнитъ,—лежитъ къ сѣверу отъ Дураццо, у самаго города.

Не прошло и двухъ дней, Маташичъ уже могъ свободно просовывать голову сквозь желѣзные прутья оконной рѣшетки. Изъѣденный вѣками гранитъ крошился, вывѣтривался и прутьямъ все свободнѣй и свободнѣй было въ размягченныхъ гнѣздахъ. Немного усилiй, не Богъ вѣсть какихъ титаническихъ—запастись терпѣнiемъ только, и прутья можно было бы и совсѣмъ повытаскивать изъ гнѣздъ.

Бѣглецу,—а какой же плѣнникъ, не бѣглецъ, съ первыхъ же минутъ своей неволи?—это ошеломляющее открытiе не дало особенной радости.

Допустимъ, рѣшетки не существуетъ больше, а дальше что? Дальше? Отвѣсная стѣна и отъ окна до основанiя не менѣе двадцати метровъ. Будь это не въ жизни, а въ кино, у бѣглеца нашлось бы нѣсколько простынь, и связавъ ихъ вмѣстѣ, онъ спустился бы внизъ, блеснувъ обезьяньей акробатикой своею.

Но у Маташича не было даже и одной единственной простыни. Онъ спалъ на стоптанномъ тюфякѣ, спалъ, прикрываясь своимъ легкимъ англiйскимъ пальто, черезчуръ легкимъ для одѣяла. Изъ пальто не нарѣжешь спасительныхъ веревокъ, да и рѣзать нечѣмъ. При обыскѣ отобрали шведскiй ножикъ, а столоваго ножа не полагалось. И днемъ, и вечеромъ ему приносили густую похлебку съ чеснокомъ и фасолью, и кусокъ прокисшаго хлѣба, — все его дневное меню.

Не столько бѣсило лишенiе самой свободы, какъ невозможность, безпомощность переслать въ Бѣлградъ сообщенiе обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтель.

Этотъ рейдъ. Эти транспорты-великаны подъ итальян-

скимъ флагомъ. День и ночь идетъ разгрузка. Изъ бездонныхъ трюмовъ появляются на свѣтъ Божій патронные ящики, и ящики, побольше и помассивнѣй, съ карабинами и пулеметами. А вотъ и безъ ящиковъ — новыя, совсѣмъ новыя орудія оливковаго цвѣта.

Маташичъ видитъ все это. Видитъ прибывающіе свѣжіе транспорты, уже не только съ пушками, но и съ пушечнымъ мясомъ — альпійскіе стрѣлки, берсальеры, солдаты и офицеры техническихъ войскъ.

Разъ цѣлый день „выгружали" кавалерійскій полкъ. Маташичъ насчиталъ триста сорокъ лошадей, а затѣмъ потерялъ счетъ. Ворвались въ ариѳметику совсѣмъ другія мысли...

Онъ кусалъ губы отъ сознанія, что всѣ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія останутся при немъ теперь, именно теперь, когда итальянское правительство, увѣряя Великія и Малыя державы въ миролюбивой политикѣ своей, клянется, что ни одного патрона, ни одного солдата не послано въ Албанію, и, вообще, Италія не заинтересована ничуть вліяніемъ своимъ въ этой странѣ.

Ахъ, если бы онъ могъ убѣжать!

И, словно въ отвѣтъ, на мучительно страстное желаніе это, послѣ безсонной ночи, увидѣлъ Маташичъ на рейдѣ стоявшую въ километрѣ отъ итальянскихъ судовъ, изящную, бѣлую яхту подъ англійскимъ флагомъ.

И отъ башни, куда заключенъ Маташичъ, яхта немного развѣ болѣе, чѣмъ въ километрѣ. Но, если-бъ даже и болѣе, — онъ превосходный пловецъ. Только бы очутиться на палубѣ. На этомъ клочкѣ англійской территоріи онъ былъ бы спасенъ и получилъ бы свободу дѣйствій.

Рѣшетка уже не могла смущать. Прутья настолько ходуномъ ходили въ своихъ искрошенныхъ гнѣздахъ, — безъ труда можно было вынуть. Но, и только. Прыжокъ въ море невозможенъ. Море такое мелкое у подножья башни, — прыгнувъ, неминуемо разбился бы. Для прыжка съ такой высоты нужна и глубина соотвѣтствующая: не менѣе, во всякомъ случаѣ, трехъ-четырехъ метровъ. А здѣсь дно только-только не просвѣчиваетъ, да еще тамъ и сямъ высовываются большіе, острые, вѣчно-мокрые отъ набѣгающихъ волнъ камни...

Какой ужасъ! И тѣмъ большій ужасъ, что бѣлая яхта всѣмъ видомъ своимъ какъ бы дразнила: и близко спасеніе, близко и безконечно далеко...

Вотъ когда пригодилось бы пять-шесть простынь,

всегда готовыхъ къ услугамъ кино-узниковъ. Въ ближайшую ночь онъ спустился бы и черезъ какіе-нибудь полчаса счастливый, въ одномъ бѣльѣ, съ котораго бѣжала бы ручьями вода, поднимался бы на яхту...

До утра его исчезновеніе осталось бы незамѣченнымъ. Тюремщики, запирая дверь въ башнѣ тяжелымъ, висячимъ замкомъ, увѣрены, что плѣннику не убѣжать ни сушей, ни моремъ.

И они были правы, эти оба тюремщика, молодой и старый. Одинъ приносилъ пищу, другой сопутствовалъ, готовый заколоть кинжаломъ узника при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи.

Да, они были правы, тысячу разъ правы...

Но никто никогда не можетъ предугадать всѣхъ случайностей, всѣхъ возможностей.

Башенное помѣщеніе являло собою кругъ съ діаметромъ шаговъ въ двадцать. Все здѣсь было монументальное, разсчитанное если не на вѣчноссть,то все же на много вѣковъ. Тяжелыя плиты пола, и еще болѣе тяжелые гранитные своды, низко нависшіе. Толша же стѣны превышала метръ. Маташичъ почти во всю длину могъ лежать на покатомъ подоконникѣ, и, вообще, оконная впадина была очень глубокой нишею.

Все убранство башни заключалось въ стоптанномъ, сомнительномъ тюфякѣ, если не считать сваленной безпорядочной кучею у стѣны всякой европейской рухляди. Какъ они попали сюда и эти изогнутыя жестянки изъ подъ печеній, и этотъ старомодный шапоклякъ, и эти два чемодана, одинъ парусиновый, другой кожаный, оба запыленные, — почти сплошные лохмотья. И что-то еще, и еще, до разрозненныхъ французскихъ книгъ включительно.

Трудно объяснить появленіе такого хлама въ старой венеціанской башнѣ. Да Маташичъ и не искалъ объясненій, хотя и рылся въ этомъ хламѣ, соблазненный французскими книгами. Онѣ оказались романомъ Евгенія Сю „Парижскія тайны". Хотя Маташичъ зналъ этотъ романъ, хотя въ разрозненныхъ томикахъ не было ни конца, ни начала, ни середины, все же онъ съ удовольствіемъ человѣка, отрѣзаннаго отъ внѣшняго міра, читалъ эти пожелтѣвшія и отсырѣвшія страницы.

Въ поискахъ дальнѣйшаго чтенія наткнулся на зонтикъ, парусиновый, громадный зонтикъ, съ камышевыми, вмѣсто металлическихъ, „спицами". Онъ вспомнилъ: на югѣ Россіи базарныя торговки, защищаясь такимъ зонтикомъ

отъ солнца, продавали на открытомъ воздухѣ всякую всячину.

Маташичъ, улыбнувшись этимъ воспоминаніямъ, выдернулъ прижатый чемоданами зонтикъ, раскрылъ его... Все въ порядкѣ, механизмъ дѣйствовалъ безъ отказа. Ну и величина! Въ самый проливной дождь четверо смѣло могутъ укрыться.

И мгновенно улыбка сбѣжала съ небритаго нѣсколько дней, заросшаго лица Маташича. Задрожалъ онъ весь, задрожалъ въ рукѣ зонтикъ. Вотъ гдѣ спасеніе, въ этомъ зонтикѣ! Его можно использовать, какъ парашютъ. Держа его раскрытымъ, можно броситься внизъ. На самый худшій конецъ отдѣлаешься какимъ-нибудь незначительнымъ ушибомъ.

Какъ только стемнѣетъ, можно будетъ совершить „полетъ." Маташичъ метнулся къ окну, похолодѣвъ... А, что если яхта ушла? Нѣтъ, бѣлѣетъ на своемъ мѣстѣ, и пока не собирается уходить. Только что отчалила къ берегу шлюпка.

Слава Богу! И хотя отлегло, но Маташичъ еще съ минуту слышалъ учащенное біеніе своего сердца.

О предварительныхъ испытаніяхъ нечего и думать. Какія же испытанія, разъ онъ почти можетъ коснуться рукою свода въ самой высокой точкѣ. Нѣтъ, зонтикъ выдержитъ, долженъ выдержать, потому хотя бы уже, что нѣтъ другого выхода. Лучше рискнуть, чѣмъ не рискуя поплатиться головою. Въ любой моментъ кривой албанскій ятаганъ можетъ отдѣлить ее отъ туловища...

Этимъ, именно этимъ и пригрозили ему во время послѣдняго допроса.

Обдумывая свой „полетъ", онъ вспомнилъ одну техническую подробность. Необходимо въ зонтикѣ продѣлать нѣсколько отверстій, иначе сильнымъ сопротивленіемъ воздуха можетъ вывернуть весь камышевый „скелетъ" и тогда это уже будетъ не парашютъ, а едва ли не палка, и самъ Маташичъ камнемъ свалится въ мелкую прибрежную воду.

Но чѣмъ же продѣлать дырочки, чѣмъ, за отсутствіемъ ножа? Маташичъ пытался использовать жестянки изъ подъ печеній, но при всей своей болѣе, чѣмъ обыкновенной силѣ, не могъ разорвать ни одну изъ этихъ толстыхъ крѣпкихъ жестянокъ, дабы получить хоть какое-нибудь подобіе рѣжущаго орудія. Къ тому же, почти брезентная парусина зонтика была груба, неподатлива.

Какъ же быть? Онъ себя подбадривалъ и убѣждалъ не отчаиваться, но оно все же закрадывалось, — отчаяніе. И гакъ было до тѣхъ поръ, пока не найденъ былъ выходъ. Этотъ выходъ — огонь.

При обыскѣ ему великодушно оставили бензинную зажигалку. Онъ ею почти не пользовался, такъ какъ послѣдняя сигара была выкурена въ первый же день заключенія. Бензину хватитъ, чтобы прожечь нѣсколько отверстій, симетрично расположенныхъ по одному въ каждомъ „секторѣ“.

Этому занятію можно будетъ предаться тотчасъ же послѣ того, какъ тюремщики принесутъ вечернюю похлебку и глиняный кувшинъ съ водою...

35. Арестъ и допросъ.

Готовясь къ побѣгу, прожигая дырочки въ своемъ „парашютѣ“, — а это была совсѣмъ не легкая работа, — приходилось гасить огонь, когда сгорающее отверстіе увеличивалось больше, чѣмъ нужно.

Маташичъ вспоминалъ, какъ выдала его Ирра Паэнъ и все остальное.

Но у него не было ни горечи, ни гнѣва противъ этой женщины. Во первыхъ, потому, что она женщина — Маташичъ вѣренъ остался своей теоріи и здѣсь въ башнѣ, — а, во вторыхъ, почемъ знать, быть можетъ на ея мѣстѣ онъ поступилъ бы такъ же.

Для дѣла, большого, патріотическаго дѣла, которому онъ служитъ, это ужасно, — его вынужденное бездѣйствіе. Теперь, только теперь и сообщать все наблюденное, увидѣнное и услышанное. Для него же лично, Маташича, лучше, пожалуй, что сама Ирра Паэнъ воздвигла между ними преграду.

Перебирая всѣ свои увлеченія и романы, — а и тѣхъ и другихъ было много, — Маташичъ убѣждался, что ни когда еще ни одна женщина не волновала его, какъ эта Ирра Паэнъ и никогда еще не приходилось ему держать себя и свою волю въ такихъ желѣзныхъ тискахъ...

Одинъ, одинъ только мигъ слабости опьяненія дурманомъ и случилось бы такое страшное, такое непоправимое. Если выбирать: лучше, что онъ попалъ въ башню, а не въ спальню Ирры Паэнъ. Связь съ нею, авантюристкой, ничего не принесла бы ему, ничего, кромѣ безчестья и

горя. А такъ, такъ они умерли другъ для друга. Должны умереть...

Прежде, чѣмъ выдать его, она играла, и какъ еще, на нервахъ.

— Гдѣ вамъ угодно быть арестованнымъ? У себя въ комнатѣ, или здѣсь у меня?

Онъ пожалъ плечами.

— Мнѣ все равно...

— Въ такомъ случаѣ, я предпочитаю, чтобы это произошло у меня. Я хочу, хочу наблюдать за вами, какъ будетъ мѣняться ваше лицо, какъ вы будете держать себя? Хочу! — повторила она съ улыбкой холодной, почти жестокой, сдѣлавшей ее такой непохожей на это воплощенiе наивности съ трепетомъ длинныхъ рѣсницъ, съ дѣтскостью линiи рта и всѣмъ тѣмъ, что не вводило въ обманъ только, развѣ, очень-очень немногихъ.

— Экзаменъ? — спросилъ Маташичъ.

— Да, экзаменъ, — отвѣтила она. — И, можетъ быть, послѣ этого экзамена... — хотѣла продолжать, но осѣклась.

Черезъ минуту:

— Одинъ вопросъ: вашу комнату обыщутъ. Есть ли у васъ что-нибудь компрометирующее?

— Ничего.

— Я такъ и знала, вы слишкомъ осторожны. Мнѣ бы поучиться у васъ.

— О, это уже черезчуръ! — поклонился Маташичъ не безъ иронiи. — Ирра Паэнъ, — эта признанная королева-шпiонка, — оказываетъ мнѣ высокую честь...

— Я только воздаю вамъ должное. Не больше!.. Но, дорогой графъ, это дрянной отель дрянной Тираны... Мы же съ вами обмѣниваемся комплиментами, какъ въ Версалѣ... Кончимъ же! Будьте добры присѣсть, а я скажу нѣсколько словъ по телефону. Я даже не запру васъ на ключъ. Вы не унизитесь до бѣгства... Впрочемъ, это было было совсѣмъ безнадежное предпрiятiе...

Потомъ она вернулась. Потомъ десятокъ ногъ застучалъ по корридору. Потомъ вошелъ вертлявый Тиртцска въ фескѣ и въ штатскомъ, — форма еще не была сшита.

На вполнѣ добропорядочномъ сербскомъ языкѣ сказалъ онъ Маташичу, съ экспансивнымъ, обезьяньимъ любопытствомъ разглядывая его:

— Такъ вотъ вы, графъ, какой! Неужели вы дѣйствительно тотъ самый Маташичъ? Мнѣ очень, очень ле-

стно... — и Тиртцска заулыбался, загримасничалъ, а Маташичъ стоялъ передъ нимъ строго и гордо.

Ирра Паэнъ смотрѣла на нихъ съ какой-то невыразимой, неуловимой игрою лица и глазъ.

— Прошу слѣдовать за мною! — молвилъ Тиртцска, уже не гримасничая, а напуская на себя и на свою фигурку невыносимую важность.

Уходя, Маташичъ хотѣлъ поклониться Иррѣ, но она отвернулась, закусивъ губы.

Обыскали комнату Маташича, обыскали его самого. Но и то, и другое — безрезультатно. Никакихъ документовъ, никакихъ уликъ, ничего. Нашли деньги, горсть золота, сотню англійскихъ фунтовъ и около тысячи долларовъ. Тиртцска все это разсовалъ по своимъ карманамъ, давъ дружескій совѣтъ Маташичу уже не на сербскомъ, а на французскомъ языкѣ, ибо находившіеся въ комнатѣ албанцы-жандармы могли понимать по-сербски:

— Васъ будутъ допрашивать полковникъ Гиліарди и шефъ кабинета Калучи. Не поднимайте вопроса о деньгахъ. Это въ вашихъ же интересахъ.

Допросъ длился около двухъ часовъ. Въ сущности допрашивалъ одинъ Гиліарди. Шефъ кабинета и Тиртцска присутствовали больше такъ сказать, для декораціи, и для собственнаго удовольствія. Еще бы не удовольствіе! Кто не слышалъ про неуловимаго графа Маташича? Онъ казался какимъ-то легендарнымъ существомъ, и вотъ онъ живой, реальный сидитъ передъ ними. Сидитъ! Вначалѣ полковникъ Гиліарди хотѣлъ, чтобы Маташичъ отвѣчалъ стоя, но Маташичъ самъ придвинулъ къ себѣ стулъ, и сѣлъ.

Тиртсцка былъ ему смѣшонъ. Калучи смѣшонъ и противенъ, а къ Гиліарди, съ его бандитскимъ видомъ, Маташичъ почувствовалъ ненависть. Онъ зналъ кое-что объ этомъ полковникѣ, и до сихъ поръ еще любовно хранившимъ австрійскіе мундиры свои.

Гиліарди же, въ свою очередь ненавидѣлъ Маташича, не только, серба, вообще, но и бывшаго австрійскаго серба, который вмѣсто того, чтобы идти противъ русскихъ, перешелъ къ нимъ.

Гиліарди допрашивалъ чисто по большевистски. Одинъ револьверъ лежалъ передъ нимъ на столѣ, другимъ онъ размахивалъ. Допросъ сводился больше не къ желанію выпытать, а къ желанію поглумиться надъ

всѣмъ сербскимъ. Развѣдчикъ на второй планъ отошелъ передъ шовинистомъ.

Началъ Гиліарди съ заявленія:

— Хотя я и знаю этотъ вашъ свинскій языкъ, но не хочу на немъ говорить. Я буду спрашивать по французски, и вы...

Вспыхнувшій Маташичъ рванулся впередъ. Наведенный револьверъ остановилъ негодующій порывъ его.

— Потише, потише!—смѣялся Гиліарди, не переставая держать Маташича подъ наведеннымъ револьверомъ.

— Только подлецъ и трусъ можетъ оскорблять, гарантировавъ себя отъ пощечины, какъ это дѣлаете вы, храбрый полковникъ! — бросилъ Маташичъ, садясь и не спуская съ Гиліарди горящихъ, презрительныхъ глазъ. — Когда васъ выгнали отсюда, вы цѣлый годъ пользовались гостепріимствомъ сербовъ и не говорили тогда, что это свинскій языкъ...

— Господа, онъ оскорбляетъ меня, при исполненіи служебныхъ обязанностей, я его застрѣлю! Я имѣю право!—кидался обозленный Гиліарди къ шефу кабинета и къ Тиртцскѣ, ни въ томъ, ни въ другомъ, не встрѣчая, однако, сочувствія.

Первый допросъ этимъ, все же, не кончился. Маташичъ подъ конвоемъ былъ переведенъ въ тюрьму.

Тирцска обратился за дальнѣйшими инструкціями къ Иррѣ Паэнъ.

— Графиня, что намъ дѣлать съ этимъ Маташичемъ? Вы держите въ вашихъ миніатюрныхъ, бѣленькихъ ручкахъ судьбу его. Угодно вамъ, мы его разстрѣляемъ? Угодно выпустимъ? Угодно, основательно упрячемъ куда-нибудь? Намъ онъ, въ сущности говоря, не нуженъ, ни мертвый, ни живой. Онъ врагъ итальянцевъ, а не нашъ. Да, хотите, мы можемъ выдать его итальянской развѣдкѣ?

— Я этого не хочу. А, какъ онъ велъ себя на допросѣ?

— Да такъ, что если-бы Гиліарди не держалъ все время подъ дуломъ своего браунинга, Маташичъ его избилъ-бы...

Довольная улыбка скользнула по чертамъ Ирры, погасла и тотчасъ же лицо ея приняло озабоченное выраженіе.

— Упрячьте его куда-нибудь, но не въ самой Таранѣ, а подальше. И такъ, чтобы онъ не могъ убѣжать!

— Великолѣпная мысль графиня! Великолѣпная! Онъ будетъ отвезенъ въ Дураццо, и заключенъ въ старую Венеціанскую башню. Въ этой башнѣ покойный Эссадъ-паша держалъ своихъ политическихъ противниковъ. Оттуда не убѣжишь! Графиня одобряетъ мой планъ?

— Вполнѣ! Смотрите же, чтобъ этотъ Гиліарди не не застрѣлилъ его...

На слѣдующемъ допросѣ Гиліарди уже скромнѣе держалъ себя. Въ тотъ же день, вечеромъ, Маташича посадили въ автомобиль, и Тиртцска съ четырьмя жандармами отвезъ его въ Дураццо. А на полъ-дорогѣ Маташичу завязали глаза. Для большей таинственности. Такъ хотѣлъ Тиртцска.

И вотъ, на пятый день своего заключенія въ башнѣ, плѣнникъ готовился къ побѣгу.

36. По воздуху и по водѣ.

Хотя окно было открыто, башню наполнилъ терпкій и горькій запахъ жженныхъ тряпокъ.

Но не до запаха было! Была тревога, — а что, если снизу оттуда раздадутся шаги по каменной винтовой лѣстницѣ? Побѣгъ будетъ открытъ, будетъ замѣчено, что желѣзныя прутья вынуты изъ оконной рѣшетки.

Чу, шаги... Неужели шаги? Маташичъ похолодѣлъ, прислушиваясь. Нѣтъ, почудилось... Можетъ быть крыса? Ихъ много въ башнѣ, громадныхъ, сѣдыхъ, размѣромъ съ добраго котенка.

Видимо живутъ и питаются „отхожимъ промысломъ". Въ башнѣ поживиться нечѣмъ. Башня, — для нихъ ночлегъ.

Сосѣдство не изъ пріятныхъ было. Было, а можетъ и еще будетъ... Не дай Богъ! Лучше доплыть до яхты со сломанной ногою, чѣмъ томиться здѣсь въ одиночествѣ, въ неизвѣстности, съ похлебкою изъ фасоли и въ обѣдъ, и въ ужинъ.

Парашютъ готовъ. Очередь за самимъ Маташичемъ.

Онъ раздѣлся, оставшись въ одномъ бѣльѣ и въ носкахъ, — такъ легче будетъ плыть. Англичане же, кое-какъ одѣнутъ его. Яхта, безъ сомнѣнія, принадлежитъ какому-нибудь богатому „развлекающемуся" лорду.

Похудѣвшій за эти дни, но все еще крѣпкій, мускулистый Маташичъ, взявъ свое орудіе спасенія, взобрался

на подоконникъ, чтобы окончательно выяснить обстановку и разобраться въ ней.

Внутренній подоконникъ, — мы сказали уже,— былъ почти во всю толщину стѣны. Внѣшній же былъ и покатъ, и узокъ. И сверху надъ окномъ былъ такой же узкій. А такъ какъ орбита окна была невелика, то полетъ весьма усложнялся и затруднялся.

Если-бъ Маташичъ могъ, ставъ во весь ростъ броситься внизъ, имѣя надъ головою раскрытый зонтикъ, это было бы куда легче и естественнѣе.

А такъ, неизбѣжнымъ являлось слѣдующее: на четвереринькахъ подползти къ окну и, выдвинувъ впередъ сложенный зонтикъ, раскрыть его „по ту сторону", самому еще оставаясь на этой. Затѣмъ осторожно выползти, скрючившись елико возможно, сѣсть на выступѣ внѣшняго подоконника и, оттолкнувшись ногами, ринуться внизъ...

Маташичъ увидѣлъ море, затканное мягкой вуалью сумерокъ, увидѣлъ яхту уже не бѣлую, а мутно-сиреневую. И вотъ тутъ-то началась дѣйствительность, оказавшаяся труднѣе и опаснѣе всѣхъ предположеній.

Лежа всѣмъ тѣломъ внутри и высунувъ наружу локти и голову, Маташичъ распахнулъ зонтикъ, тщательно провѣривъ, закрѣпилась ли пружина.

Держа „парашютъ" лѣвой рукою, правой помогалъ себѣ въ дальнѣйшемъ передвиженіи. И, вотъ тутъ-то овладѣлъ ужасъ. Онъ чувствовалъ, что вѣтерокъ надуваетъ его зонтикъ, какъ парусъ, и этотъ парусъ тянетъ за собою, вцѣпившуюся въ него руку, тянетъ всего Маташича...

И, уже не холодѣя, а леденѣя, Маташичъ напрягалъ не только физическую силу, но и волю, главнымъ образомъ волю, чтобы удерживаться самому, и удерживать зонтикъ, и не стать его игрушкою, его и воздуха.

Каждый дюймъ продвиженья, выросталъ въ километръ, каждая секунда, выростала въ часы.

Спортсмэнъ, гимнастъ, небоявшійся цирковыхъ трюковъ, онъ чувствовалъ, сейчасъ, полную безпомощность свою. -Затѣя казалась безумной и мелькало желаніе вернуться, остаться.

Но, еще болѣе властное желаніе диктовало:

Впередъ, впередъ, хотя бы ты разбился!...

Хотѣлось съ математической точностью, сжато и скупо разсчитать малѣйшее движеніе. Но въ такихъ условіяхъ всего не разсчитаешь, и онъ ударился головою о верхнюю орбиту окна. Такъ сильно ударился, — потемнѣло въ гла-

захъ, едва не померкло сознаніе, и пальцы вотъ-вотъ готовые разжаться, только, только не выпустили рукоятку зонтика.

Съ остановившимся сердцемъ, онъ перевелъ духъ, а пальцы такъ конвульсивно впились въ зонтикъ, — мертвый не выпустилъ бы этой деревянной дужки.

Но все это еще не было самое трудное.

Хотя онъ сложился пополамъ, какъ скадывается лезвіе ножа, входящее въ чернокъ, или какъ складывается на аренѣ „человѣкъ-змѣя", но, и при этомъ напряженіи едва, едва очугился онъ по той сторонѣ, преодолѣвая и сопротивленіе своихъ костей и сопротивленіе площади зонтика, пытавшагося вырвать его изъ каменной ниши.

Особенно пришлось бороться, когда онъ сидѣлъ, уже спустивъ ноги, почти сползая, но еще не будучи готовымъ, ни физически, ни морально готовымъ къ прыжку.

Надо было сначала всѣмъ своимъ существомъ рѣшиться, и всѣмъ своимъ существомъ сказать „да", а затѣмъ тотчасъ же, оттолкнувшись ногами отъ стѣны, „бросить" свое тѣло внизъ.

Это были самыя мучительныя мгновенія.

Такихъ мгновеній еще не зналъ Маташичъ за всю свою мятежную, полную опасныхъ приключеній, жизнь.

Босыми ногами ощущалъ вѣковѣчный, шершавый гранитъ, отвѣсной, круглящейся стѣны... Сейчасъ уже не будетъ никакихъ прикосновеній ни къ чему твердому.

Сейчасъ оставалось еще рѣшить, одной ли рукой держаться за зонтикъ, вцѣпиться ли двумя?.. Двумя и надежнѣе и — болѣе симметричный полетъ придастъ больше равновѣсія...

Еще, еще послѣднее—миновать камни, торчащіе изъ-подъ воды. Но это ужъ развѣ слѣпая случайность поможетъ.

Маташичъ не оттолкнулся, нѣтъ, а однимъ броскомъ спружиненнаго тѣла ринулся въ пространство. Это было невѣроятнымъ физическимъ напряженіемъ. Что же касается волевого, оно было равно летящему снаряду.

И зонтикъ былъ достаточно большой, и отверстія, подобно клапанамъ, регулировали воздухъ, но все же человѣкъ былъ тяжелъ, очень тяжелъ для такого „парашюта."

И въ соотвѣтствіи съ этимъ опускался Маташичъ съ быстротою лишь въ пять какихъ-нибудь разъ слабѣйшей, чѣмъ если бы прыгнулъ безъ парашюта.

Глазами весь ушелъ внизъ. Туда, гдѣ разбросаны предательскіе камни. Желая оставить наивозможно большее пространство между башней и собою, „гребъ“ ногами воздухъ. Это помогаетъ. „И, помогло“...

Онъ опустился за камнями. Хотя вода была много выше колѣнъ, получился ударъ, потрясшій все тѣло, помутившій на нѣсколько минутъ сознаніе. Маташичъ упалъ, выпустивъ зонтикъ. Упалъ, инстинктивно сохраняя сидячее положеніе, чтобы не захлебнуться.

Когда онъ пришелъ въ себя, мелькнула первая мысль: не будь парашюта онъ разбился бы на смерть.

Попробовалъ встать... Ничего, только ноги, какъ чужія и тупая боль и тяжесть, какъ если бы онѣ стали чугунными.

Вѣтеркомъ и зыбью отгоняло прочь зонтикъ, отгоняло въ направленіи слабо-маячащей яхты. Это внушило использовать зонтикъ уже какъ парусъ, и облегчить себѣ плаваніе...

Маташичъ нѣсколькими шагами догналъ зонтикъ, и, схвативъ лѣвою рукою, поплылъ, гребя правою.

Парусъ вмѣстѣ съ человѣкомъ несло съ быстрогою лодки съ двумя сильными гребцами. Все болѣе и болѣе четокъ силуэтъ яхты. „Парусъ“ давалъ учетверенную скорость, противъ обычной.

Вотъ уже совсѣмъ близко, Маташичъ уже видитъ яхту во всѣхъ подробностяхъ. Уже видитъ веревочную лѣстницу, вмѣсто деревяннаго трапа. Видитъ человѣческія фигуры, видитъ ярко освѣщенные иллюминаторы.

Спасенъ... Какая удача! Какъ все безумно счастливо сложилось! Онъ даже не успѣлъ продрогнуть и закоченѣть въ холодной, морской водѣ, — такъ быстро домчалъ его „парусъ“.

Маташичъ настолько увѣровалъ въ себя, такой порывъ бодрости охватилъ его, — силы ничуть не убавились.

Молча, безъ призывныхъ окликовъ подплылъ онъ къ самой яхтѣ, и такъ же молча вскарабкался по веревочной лѣстницѣ на палубу.

Матросы, хотя и свѣтлые и бѣлобрысые, но не похожіе на англичанъ, поспѣшили со всѣхъ сторонъ къ нежданному гостю, заросшему черною щетиною и въ одномъ промокшемъ бѣльѣ.

На чистенькой паркетной палубѣ у ногъ Маташича мигомъ натекла огромная лужа.

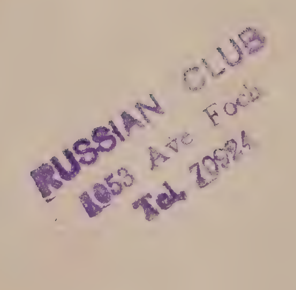
— Wer ist das, was ist das? — недоумѣвали матросы.

Еще не успѣлъ отвѣтить Маташичъ, немного удивленный этимъ нѣмецкимъ восклицаніемъ англійскихъ матросовъ, какъ удивленіе его смѣнилось ужасомъ...

На поднятый шумъ и переполохъ медленно шли два джентльмэна въ смокингахъ и съ послѣобѣденными сигарами въ зубахъ.

Въ одномъ изъ этихъ джентльмэновъ Маташичъ узналъ Армфельда, въ другомъ — сэра Джемса...

Конецъ II-ой части.

ЧАСТЬ III.

37. Волшебные „кирпичники".

Корректный, безцвѣтный, однако, весьма рѣшительнаго вида молодой человѣкъ. И глаза рѣшительные, настолько именно, чтобы не быть разбойничьими.

А лицо, — обыкновеннаго комми-вояжера, или банковскаго клерка. На такомъ лицѣ такіе глаза кажутся чужими, а не своими.

Этотъ молодой человѣкъ, — мы его не назовемъ, такъ какъ врядъ ли встрѣтимъ его еще, — былъ спеціальный курьеръ сэра Джемса, прибывшій къ Иррѣ Паэнъ.

Онъ вошелъ къ ней съ объемистымъ портфелемъ, дѣловито назвавъ себя, дѣловито сѣлъ и такъ же дѣловито положилъ на колѣни портфель, держа его обѣими руками.

— Графиня будетъ настолько любезна... маленькій оправдательный документикъ для моего шефа.

— Нѣтъ, я не буду настолько любезна... Выдать такую расписку? Мало ли что можетъ случиться, и мало ли въ чьи руки можетъ попасть „этотъ документикъ"?...

— О, нѣтъ. графиня, вы не такъ изволили понять меня! Разумѣется, о подлинномъ текстѣ не можетъ быть и рѣчи! Напишите нѣсколько словъ, напримѣръ... напримѣръ... Получила сто катушекъ бѣлыхъ шелковыхъ нитокъ... Мѣсяцъ, число и подпись... графиня К., и больше ничего!

Ирра Паэнъ нехотя, разсѣянно исполнила просьбу молодого человѣка, написавъ нѣсколько словъ на твердомъ листикѣ дорогой почтовой бумаги.

Молодой человѣкъ, прочитавъ, улыбнулся со свойственной ему дѣловитостью.

— Маленькая ошибка... Но это ничего... Вы написали черныхъ, вмѣсто бѣлыхъ... Не откажите зачеркнуть и сверху

написать „бѣлыхъ“. Необходима точность, я не хотѣлъ бы отступать ни на одну букву отъ редакціи сэра Джемса.

Получивъ „документикъ“ въ исправленномъ видѣ, курьеръ вынулъ изъ своего портфеля нѣсколько узенькихъ, твердыхъ, новенькихъ пачекъ, оклеенныхъ бѣлыми „манжетками“.

— Здѣсь ровно сто тысячъ долларовъ, съ точностью до одного цента. Будьте добры пересчитать... Десять пачекъ по десяти тысячъ въ каждой.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же? Я не сомнѣваюсь, — отвѣтила Ирра Паэнъ и не взглянувъ даже на цѣлое богатство, лежавшее у нея на столѣ.

— Все-таки, графиня... Требуетъ порядокъ... Я предложилъ бы налить воды въ блюдечко, а еще лучше, если у васъ есть маленькая губка... Удобство и гигіена...

— Я вѣрю! — уже съ досадою молвила Ирра Паэнъ, и послѣ коротенькой паузы спросила уже безъ досады: — Вы вѣроятно служили въ одномъ изъ отдѣленій „Дейче Банкъ“?...

— А графиня почемъ знаетъ? — удивился молодой человѣкъ.

— Я не знаю, я просто угадала... Итакъ, все, кажется?

— Все! — вставая отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Графиня прикажетъ передать что-нибудь сэру Джемсу?

— Сэру Джемсу? Нѣтъ, я ничего не имѣю ему передать. Самое главное ему извѣстно, иначе я не имѣла бы удовольствія васъ видѣть, а новаго,—нѣтъ ничего.

— Да, да, конечно. Сэръ Джемсъ на-дняхъ собирается совершить морскую прогулку на своей яхтѣ...

На это Ирра Паэнъ ничего не отвѣтила.

Молодой человѣкъ откланялся.

Ирра Паэнъ тотчасъ же позабыла и объ немъ, и объ оставленныхъ имъ деньгахъ, и когда, спустя двадцать четыре часа, явился къ ней, по ея приглашенію, Тиртцска, новые кирпичики долларовъ все еше громоздились въ безпорядкѣ на столѣ.

Видъ этихъ кирпичиковъ гипнотизировалъ личнаго секретаря Его Свѣтлости.

Пытался не замѣчать ихъ, и не могъ отвести глазъ. Онъ былъ увѣренъ, что она ему нарочно устроила эти танталловы муки.

— Какое настроеніе въ высшихъ сферахъ, милый Тиртцска?

— Какое можетъ быть настроеніе? Ликующее! Договоръ подписанъ, и теперь мы будемъ проводить великодержавную политику. Да, да, великодержавную! — повторилъ Тиртцска, жадно скользя бѣгающими глазами по „кирпичикамъ".

— Что Маташичъ?

— Маташичъ сидитъ въ Дураццо, въ башнѣ.

— Въ какихъ условіяхъ?

— Въ чудесныхъ. графиня, это... это почти курортъ. О, если бы всѣ наши узники, были бы на такомъ привиллегированномъ положеніи!

— Дальнѣйшая судьба его рѣшена?

— Не,.... совсѣмъ. Хотя Гиліарди желаетъ его разстрѣлять во чтобы то ни стало! Не сейчасъ, а продержавъ, этакъ недѣльки двѣ. Судя по всему, графиня, противъ этого ничего не имѣетъ?

— Нѣтъ, имѣю!

— Значитъ, Маташичъ не долженъ умереть?

— Ни подъ какимъ видомъ!

— Жаль, я не зналъ раньше, что графиня передумаетъ. Я принялъ бы мѣры!

— А теперь поздно?

— Увы, поздно!

— Разъ голова еще на плечахъ, никогда не поздно, милый Тиртцска. Его надо освободить.

— Но, Гиліарди...

— Устройте побѣгъ! Вы можете... Вы и Калучи, вы вдвоемъ сильнѣе Гиліарди.

— Пожалуй, одинъ я — сильнѣе! — возразилъ Тиртцска, уязвленный такимъ умаленіемъ своей силы.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше... Разъ Гиліарди вамъ не противникъ.

— Что такое Гиліарди? — презрительно пожалъ плечами Тиртцска, — полковникъ! Полковниковъ много, а личный секретарь — одинъ! Тиртцска, — все здѣсь! — входилъ во вкусъ маленькій человѣчекъ съ миндалевиднымъ родимымъ пятномъ. — Madame la contesse, я готовъ вамъ поклясться на Коранѣ, что безъ меня Его Свѣтлость...

— Не клянитесь, милый Тиртцска... Я и такъ вѣрю въ ваше могущество. Потому и обратилась къ вамъ, не желая изъ за такихъ пустяковъ безпокоить Его Свѣтлость. А теперь скажите, сколько все это будетъ стоить?

— Что?

— Освобожденіе Маташича, его бѣгство и все дальнѣйшее?

А, вотъ гдѣ зарыта собака, — подумалъ Тиртцска, — вотъ зачѣмъ съ такой восхитительной небрежностью разбросала ты все это, — подумалъ онъ боясь продешевить.

— Что вы, что вы, madame la contesse... Ваше желаніе — для меня законъ...

— Оставимъ красивыя фразы. Теперь никто ничего не дѣлаетъ ради прекрасныхъ глазъ. Я не хочу просить, я хочу требовать, Требовать за свои деньги, — какъ говорятъ купцы. Итакъ, лично вамъ, Тиртцска, сколько хотѣлось бы получить?

— Графиня, мнѣ право совѣстно...

— Колеблетесь? Я вамъ помогу. Одна изъ этихъ пачекъ? Довольно?

— Графиня, отвѣтственность, рискъ...

— Двѣ пачки?

— Двѣ, — да!..

— Возьмите.

Тиртцска дрожащими пальцами взялъ два кирпичика. О, почему только два?

Ирра Паэнъ угадала его терзанія.

— Можетъ быть еще кому-нибудь надо платить? Калучи?

— Да, Калучи потребуетъ свою долю. Этотъ левантинецъ жаденъ и корыстолюбивъ, какъ десять тысячъ Шейлоковъ.

— Съ него, двѣ пачки довольно?

— Довольно, — согласился Тиртцска, уже мысленно прикарманивъ долю рыжаго, веснущатаго левантинца.

— Возьмите! И наконецъ, пятую, возьмите для самого Маташича. Вѣдь при обыскѣ, у него были отняты всѣ деньги?

— Не знаю, графиня, честное слово, не знаю! Кажется, при немъ были найдены какіе — то пустяки.

— Такъ вотъ, взамѣнъ этихъ пустяковъ, понимаете?

— Понимаю. Графиня, могу я назвать Маташичу имя той, кому онъ будетъ обязанъ своимъ спасеньемъ?

— Ни подъ какимъ видомъ!

— Ваша воля, будетъ исполнена въ точности.

— Куда графиня прикажете доставить Маташича?

— Въ одинъ изъ городовъ, побережья Далмаціи. Самое лучшее въ Рагузу.

— Будетъ исполнено!

— Когда вы устроете побѣгъ?

— Я, думаю, черезъ недѣлю. Послѣ завтра Его Свѣтлость назначилъ военныя игры, а еще дня черезъ два-три, Гиліарди уѣзжаетъ въ Ригу для совѣщанія съ итальянскимъ генеральнымъ штабомъ. Вотъ мы и воспользуемся отсутствіемъ этого кровожаднаго полковника.

— Вы будете меня держать въ курсѣ событій?

— Всенепремѣнно, графиня!

Она уже отпустила его, уже онъ откланялся, вѣрнѣе откланивался безъ конца. Уже взялся за ручку двери, какъ былъ окликнутъ.

— Милый Тиртцска, я внесу кое-какія необходимыя поправки!

Эти поправки заняли минутъ десять.

Опять уходилъ Тиртцска, и опять былъ задержанъ.

— Что вы сдѣлали съ мадамъ Чинганелли?

— Мадамъ Чинганелли?—притворился Тиртцска соображающимъ. — Мадамъ Чинганелли? Ахъ, эта рыжая, высокая, худая? Развѣ она больше не живетъ въ „Континенталѣ“?

— Тиртцска, бросьте наивничать! Куда вы дѣвали это бѣдное существо?

— Графиня, я готовъ поклясться на Коранѣ...

— Нѣтъ, зачѣмъ же тревожить по напрасну такую священную книгу, какъ Коранъ. Мы сдѣлаемъ лучше такъ: Если вы дѣйствительно ничего не знаете о судьбѣ синьоры Чинганелли, вы уйдете отсюда съ пятью пачками, если же вамъ, кое-что извѣстно, и на основаніи этого „кое-что“ вы освободите ее, у васъ, вмѣсто пяти пачекъ, будетъ шесть.

Недолго колебался Тиртцска.

— Графиня, вамъ ни въ чемъ нельзя отказать! Рѣшительно ни въ чемъ! Вы знаете, ради васъ я сейчасъ иду на преступленіе. Да, да, это служебное преступленіе! Вы понимаете, Его Свѣтлость...

— Я это давно поняла. Тиртцска не испытывайте моего терпѣнія. Она жива?

— Еще какъ жива!

— Куда вы ее упрятали?

— Видите, графиня, оффиціально синьора Чинганелли выслана, не оффиціально же — находится подъ надзоромъ въ одной глухой, горной деревушкѣ, отсюда километрахъ въ десяти.

— Вы можете „не оффиціально“ доставить ее ко мнѣ?

— А если Его Свѣтлость узнаетъ?

— Его Свѣтлость ничего не узнаетъ! День,—два, Чинганелли пробудетъ у меня подъ домашнимъ арестомъ, и затѣмъ, затѣмъ Тиртцска, мы ее вышлемъ тоже „не оффиціально“.

— Я согласенъ. Я точный исполнитель всѣхъ вашихъ предначертаній. Однако, войдите въ мое положеніе. Его Свѣтлость увѣренъ, что та особа находится далеко за предѣлами Албаніи, и вдругъ...

— Тиртцска, никакихъ „вдругъ“, никакихъ сюрпризовъ не будетъ... Но, въ концѣ концовъ, чтобы ни случилось, я въ полной мѣрѣ, всю отвѣтственность беру на себя...

— О, въ такомъ случаѣ, я больше ничего не желаю. Завтра ночью она будетъ у васъ...

38. Человѣческое въ двуногомъ животномъ.

Оставшись одна, Ирра Паэнъ нѣсколько минутъ сидѣла неподвижно. Затѣмъ, скорѣе машинально, чѣмъ сознательно подошла къ столу и, думая о чемъ то другомъ, далекомъ, взяла четыре оставшихся „кирпичика“ и подержавъ ихъ, бросила прочь отъ себя.

И отвернулась.

Стукъ въ дверь вспугнулъ ея мысли, какъ стаю бѣлыхъ морскихъ чаекъ.

Церини...

Она встрѣтила его безъ обычной ироніи, немного презрительной, немного брезгливой.

За послѣднее время онъ, шарлатанъ, мелкій честолюбецъ и враль, подкупилъ ее своей влюбленностью въ эту маленькую Чинга. Сейчасъ Ирра Паэнъ убѣдится въ силѣ этого чувства и, либо выгонитъ Церини безъ права показываться, либо оцѣнитъ въ немъ искорку человѣческаго чего—то.

Нѣтъ, положительно профессору не по себѣ. Больше — онъ почти страдаетъ. Одухотворенное, грустное лицо. Онъ такъ въ себѣ самомъ, что даже не обратилъ вниманія на кирпичики долларовъ, хотя столъ съ этими кирпичиками отдѣлялъ его отъ Ирры Паэнъ.

— Э, біенъ, контессъ, па де нувель? Я съ ума сойду! Хотя бы, что-нибудь знать, что-нибудь? Эта неизвѣстность вотъ гдѣ у меня сидитъ! — Но Церини такъ и не показалъ, гдѣ именно?

— Садитесь Церини... Я очень рада вамъ. Скучно мнѣ.

Церини ушамъ не повѣрилъ. Сейчасъ, она говорила съ нимъ не сверху внизъ, какъ всегда, а какъ съ почти себѣ равнымъ.

Онъ былъ польщенъ. Онъ былъ бы вдесятеро больше польщенъ, если-бы, если-бы не исчезновенiе рыжеволосой, худой и высокой женщины.

Глубоко вздохнувъ, онъ молчалъ. Молчалъ, вопреки своей постоянной болтливости.

— Бодрѣй, Церини, бодрѣй! Ваши дѣла не такъ уже плохи! Маленькая Чинга жива, здорова и, можетъ быть, вы ее скоро увидите. Скорѣе, чѣмъ думаете!..

— Можетъ ли это быть? — встрепенулся онъ. — Графиня, это вы серьезно, или вы это шутите. Грѣхъ такими вещами шутить. Что? Серьезно? Такъ я уже съ ума сошелъ отъ радости! Я готовъ танцевать! Готовъ какiя-угодно глупости дѣлать! Я готовъ переломать всю мебель...

— Ну, это, пожалуй, совсѣмъ лишнее, — усмѣхнулась Ирра Паэнъ не только безо всякой иронiи, а сочувственно, — но, погодите радоваться... Вы знаете мѣстные порядки? Здѣсь всѣхъ приходится подкупать и покупать. Освобожденiе маленькой Чинга обойдется вамъ... обойдется... въ десять тысячъ долларовъ! — подчеркнула Паэнъ, испытующе вглядываясь въ Церини.

Цифра ошеломила его.

— Такъ дорого? Мошенники! Бандиты! Можетъ быть, они что-нибудь уступаютъ?

— Ни одного доллара! Послѣдняя цѣна!..

— Позвольте, позвольте... — весь напрягся Церини, обуянный жадностью, съ которой вступило въ борьбу что-то совсѣмъ другое.

Ирра, не спуская глазъ, наблюдала, какое изъ двухъ чувствъ побѣдитъ?

— Позвольте, я въ концѣ концовъ... но почему же такъ дорого? Что это за люди? Это не люди, а я прямо не знаю что! И вы говорите, ничего не уступятъ?

— Я уже сказала!

Низко скошенный лобъ Церини увлажнился росинками пота. Церини какъ-то странно глотнулъ воздухъ, и не менѣе странно взмахнулъ руками, словно передъ тѣмъ, какъ ринуться въ зiяющую у его ногъ бездну.

— Я не говорю,—нѣтъ! Я не говорю,—нѣтъ! Я согласенъ! Но за эти деньги, я ее получу?

— За эти деньги она получитъ свободу.

— Вѣрно, вѣрно, свободу... Я не такъ выразился. Когда же необходимы деньги? У меня всей суммы не наберется. У меня съ собою около трехъ тысячъ. Я сейчасъ же дамъ срочную телеграмму въ Римъ, въ „Банка коммерчіале италіяна“ и мнѣ по телеграфу же переведутъ... Это все займетъ сутки. Эти мошенники могутъ обождать сутки? Я сейчасъ бѣгу на телеграфъ...

— Прямого телеграфнаго сообщенія между Тираной и Римомъ—нѣтъ.

— Нѣтъ? Графиня, что же мнѣ дѣлать? Я несчастный человѣкъ! Я готовъ самъ поѣхать въ Римъ, хоть сейчасъ! Но это займетъ много времени. Я готовъ летѣть. Пускай мнѣ дадутъ аэропланъ. Пускай только дадутъ!.. Графиня, устройте мнѣ аэропланъ, устройте, вы все можете. Я, я буду вамъ такъ...

— Успокойтесь, Церини. Я все это выдумала... Я хотѣла васъ испытать. Вы его выдержали съ честью,—испытаніе. Денегъ никакихъ не надо. Завтра ночью вы увидите маленькую Чинга.

— Я увижу маленькую Чинга!? Я не могу! Я буду танцевать, я буду танцевать!—и профессоръ черной и бѣлой магіи закружился по комнатѣ.

Ирра ему не мѣшала. Пусть онъ вытанцуетъ немного избытокъ своей радости.

А онъ, съ потѣшными ужимками, выбивалъ ногами дробь какого-то эпилептическаго чарльстона, повторяя, какъ маленькій мальчикъ:

— Я ее увижу! Я ее увижу. Я ее увижу...

Угомонившись, наконецъ, онъ упалъ въ кресло.

— Ой, это мнѣ вредно! Я на сердце болѣю...—вырвалось у него по русски.

Ирра Паенъ съ какой то покровительственной мягкостью наблюдала за нимъ.

Здѣсь только, обмахиваясь платкомъ и вытирая вспотѣвшее лицо и лобъ, замѣтилъ Церини четыре пачки долларовъ.

— Ой развѣ это можно? Такія деньги валяются просто себѣ на столѣ! Спрячьте ихъ, мадамъ ля контессъ, спрячьте! Вы знаете, какая здѣсь прислуга? Еще украдутъ!

— Церини, у меня такое отвращеніе къ деньгамъ... Не будемъ говорить объ нихъ. Поговоримте лучше о маленькой Чинга.

— Да, да, о маленькой Чинга!—просіялъ Церини,—

о маленькой Чинга! Графиня, вы такая умная, вы такая женщина! Вы такая добрая стали ко мнѣ... Научите же меня, какъ мнѣ найти дорогу къ взаимности этой маленькой Чинга?

— Къ ея сердцу, вы хотите сказать, больному, издерганному? Окружить ее заботливымъ вниманіемъ и, не приставая съ грубыми ласками, ждать, терпѣливо ждать, пока она успокоится, отойдетъ и привыкнетъ къ вамъ. Увезите ее въ какую-нибудь тихую санаторію, будьте ей нянькою, другомъ, сидѣлкою. Она перестанетъ нюхать кокаинъ, пить вино, и... почемъ знать? Все дальнѣйшее будетъ зависить отъ васъ. Она до того одинока... Если вы ее дѣйствительно любите и готовы осуществить нарисованный мною планъ... Если же нѣтъ...

— Мадамъ ля контессъ, я готовъ на все! Да, да, и сидѣлкой, и другомъ, и нянькой! Если бы она меня только немножечко полюбила.

— Повторяю, зависитъ отъ васъ. Сумѣйте ее завоевать. Завоеватъ душу женщины нелегко, совсѣмъ нелегко... Она легче отдаетъ тѣло, чѣмъ душу.

— Тѣло, чѣмъ душу? Золотыя слова!.. Но, что съ вами, графиня? Почему вы стали такая добрая для меня? Пуркуа ву зетъ си емабль пуръ муа?

— Потому, что увидѣла въ васъ человѣка.

— А раньше чѣмъ же я былъ? Собакой? — полюбопытствовалъ, задѣтый за живое, Церини.

— Увы, гораздо болѣе худшимъ животнымъ. Не сердитесь за мою откровенность. Я и сама себя не щажу. Я, можетъ быть, гораздо хуже васъ.

— Не говорите этого! Вы — ангелъ! Вы — моя фея-благодѣтельница, я... я не нахожу словъ, — съ пафосомъ воскликнулъ Церини.

Что-то вспомнивъ, онъ уже другимъ, озабоченнымъ тономъ спросилъ:

— А Маташичъ? Онъ появился на пять минутъ, какъ метеоръ, и, какъ метеоръ, исчезъ... Вы ничего не слышали? Говорятъ, онъ арестованъ и увезенъ. Я такъ хотѣлъ бы знать правду! Вы навѣрное знаете?

Онъ искалъ отвѣта, и не нашелъ. При послѣднихъ словахъ его Ирра Паэнъ уже стояла спиною къ нему и лицомъ къ окну.

Сначала, сидя съ полуоткрытымъ ртомъ, профессоръ ничего не понялъ, но, вглядѣвшись въ стройный силуэтъ

Ирры Паэнъ и въ дрогнувшую линію ея плечъ, онъ кое-что понялъ, хотя и неясно, и смутно.

Зато, не было для него никакихъ сомнѣній: сейчасъ онъ лишній въ этой комнатѣ.

И, стараясь безшумно подняться, онъ такъ же безшумно, балансируя всѣмъ своимъ крупнымъ, неуклюжимъ тѣломъ, вышелъ на цыпочкахъ...

39. Опоздали.

Тиртцска сдержалъ свое обѣщаніе.

Въ условленное время маленькая Чинга была доставлена въ „Континенталь". Сдавая ее Иррѣ Паэнъ, вертлявый человѣкъ въ фескѣ напомнилъ:

— Графиня, вы обѣщали не выпускать синьору Чинганелли... Даже въ корридоръ. Только при этихъ условіяхъ... Вы понимаете, какъ и чѣмъ я рискую? Успокойте же меня!..

Ирра Паэнъ успокоила его.

Чинганелли плакала на груди у нея.

— Ахъ, дорогая, что это былъ за ужасъ! Меня впихнули къ какимъ-то дикарямъ. Представьте, воды не было! Я могла только умыть лицо и руки, а объ остальномъ нечего было и думать... Ужасно! Я, вѣдь, такая же, какъ вы, чистеха. И потомъ, эти насѣкомыя! Не могла спать ночью. И тутъ же, въ сѣняхъ, телята, бараны... Вонь!.. Мнѣ кажется, я вся пропиталась этимъ запахомъ... Вѣрите, милая, уже я мысленно попрощалась и съ вами, и со всѣми! Тѣмъ болѣе, старый албанецъ все время точилъ какіе-то ножи. Но, какъ я счастлива, какъ я безумно счастлива! Вотъ когда я брошу ему въ лицо всю правду! И какъ этотъ разбойникъ Тиртцска предательски выманилъ меня, дѣйствуя его именемъ, и все, все... Съ великолѣпнымъ презрѣніемъ я брошу ему негодяя и под...

Маленькая Чинга не успѣла кончить, Ирра Паэнъ коснулась ея губъ своимъ пальцемъ.

— Тише вы, безумная! Никакихъ демонстрацій! Одно изъ двухъ, сидѣть смирно, повиноваться, или—назадъ къ телятамъ и насѣкомымъ.

— Я не хочу телятъ, не хочу насѣкомыхъ! Не хочу! — страдальчески закатила глаза Чинганелли, — я буду такая послушная, кроткая! Вы меня освободили, вы! О, какъ я вамъ признательна!

— Милая, это не по адресу.

— А кто? Кому я нужна?

— Церини.

— Какъ? Этотъ, этотъ... — не находила словъ маленькая Чинга.

— Да, этотъ безгранично преданный вамъ человѣкъ. Ему, и только ему, обязаны вы свободой.

— Вотъ онъ какой? — изумилась Чинганелли, съ особеннымъ выраженіемъ глазъ, смотрѣвшихъ въ одну точку.

Ирра Паэнъ боялась, что появленіемъ и безтактной экспансивностью своею, Церини испортитъ все дѣло. Но, Церини былъ уступчивъ, мягокъ, заранѣе обрекшій себя на какія угодно жертвы. Такимъ онъ не былъ противенъ маленькой Чинга, и само по себѣ, это было уже большимъ завоеваніемъ.

На слѣдующій день вечеромъ, она дала ему увезти себя изъ Албаніи.

Одна осталась Ирра Паэнъ, и никогда еще такъ не тяготило ее одиночество. Въ другое время, имѣя такой внѣшній успѣхъ, она сумѣла бы его использовать. Какъ-никакъ ею ускорено заключеніе договора, договора большой политической важности.

Для итальянскаго посольства и военной миссіи не было секретомъ, кому обязанъ Римъ этимъ, болѣе чѣмъ выгоднымъ соглашеніемъ... Блестящіе дипломаты, и не менѣе блестящіе полковники и генералы, забрасывали свои карточки интересной, венгерской графинѣ. Увы, дѣло ограничивалось карточками. Графиня никого не принимала. Никого не хотѣлось видѣть.

Цѣною большихъ усилій поддерживала хорошія отношенія съ Ахмедомъ-Зогу. До поры до времени. Такъ было надо. Тщетно заманивалъ ее правитель въ свой кабинетъ съ плюшевой оттоманкою, соблазняя ужиномъ, шампанскимъ и новыми грамофонными пластинками...

Подъ разными предлогами она ускользала отъ этихъ свиданій. Ей и присутствовать на военныхъ играхъ не хотѣлось, но въ этомъ она не могла отказать Ахмеду-Зогу. Онъ такъ мучительно жаждалъ показаться ей во всемъ очарованіи и великолѣпіи своего феерическаго мундира, да и не только мундира... А свита? А дипломатическій корпусъ? А лихіе конвойцы? А склоненное знамя? Можетъ быть, весь этотъ умопомрачительный блескъ смягчитъ ея неприступность и холодность? Такъ, по крайней мѣрѣ, надѣялся онъ. Но, мы уже знаемъ, какой безстрастный, ску-

ающій видъ былъ у нея, когда она сидѣла рядомъ съ
го Свѣтлостью, въ обтянутой краснымъ кумачемъ ложѣ.

Тиртцска не внушалъ ей довѣрія. И то, что онъ, освободивъ, доставилъ синьору Чинганелли, не послужило собенно въ его пользу. Чинганелли одно, Маташичъ, — овсѣмъ другое. Съ Маташичемъ запутаннѣе, сложнѣе и паснѣе. Сколь не кичился Тиртцска своимъ значеніемъ, а се-таки Гиліарди—сила.

Вотъ почему сейчасъ будетъ умѣстно и кстати вспомить бесѣду Ирры Паэнъ съ Тиртцской. Онъ уже уходилъ, она вернула его.

— Вотъ что, милый Тиртцска, когда вы отправитесь свобождать Маташича, я пойду вмѣстѣ съ вами.

— Зачѣмъ? — непріятно былъ удивленъ Тиртцска.

— Madame la contesse, не довѣряетъ мнѣ?

— Что вы, можетъ ли это быть?! Вѣрю, тысячу разъ рю! Но мнѣ хотѣлось бы... вы меня поймете. Я люблю ортъ, люблю сильныя ощущенія. А здѣсь такая скука, кое однообразіе.

— Но, позвольте, я не совсѣмъ васъ понимаю, графиня, нѣсколько минутъ назадъ вы изволили сами сказть, что ваша роль въ освобожденіи Маташича... что вы олжны остаться въ тѣни...

— Я и останусь въ тѣни! И въ прямомъ и въ переносомъ значеніи слова. Я буду все наблюдать, но буду находиться поодаль.

— А если онъ васъ узнаетъ?

— Не узнаетъ! Мужской костюмъ, надвинутая на іза шляпа, широкій плащъ...

— Странная... фантазія, — хотѣлъ сказать Тиртцска поправился, — странное желаніе...

— Да, бываютъ еще болѣе странныя! Вы мало знаете нщинъ. Итакъ, вы берете меня съ собою?

— Могу ли я отказать вамъ въ чемъ-нибудь? — вызилъ Тиртцска на своемъ подвижномъ лицѣ улыбку.

Черезъ нѣсколько дней, сумерками, личный секретарь Свѣтлости мчался на дворцовомъ автомобилѣ по единенному во всей Албаніи шоссе. Рядомъ съ Тиртцской мужскомъ плащѣ и въ широкополой шляпѣ сидѣла ра Паэнъ. Чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ больше охватыю ее волненіе. Особенное волненіе, такое далекое отъ профессіональной азартности. Никогда еще не пережиіа Ирра ничего подобнаго. Безконечными казались петли, орѣзывающей горы желѣзной дороги.

Не желая выдать себя, Ирра молчала, закутавшись въ плащъ и отвернувшись.

Молчалъ и Тиртцска, одѣтый въ гусарскую форму и стѣсняемый тяжелой, длинной саблею. И этой обремени тельной саблей и Иррой — она была еще обременительнѣе- Не будь этой безпокойной женщины, онъ прикарманилъ бы ассигнованные Матацичу десять тысячъ долларовъ, ткнувъ ему какую-нибудь безделицу.

А теперь, теперь придется отдать все полностью.

Горы смѣнились плоской равниною. Уже совсѣмъ близко Дураццо. Уже автомобиль, замедляя ходъ, катился по извилистой улицѣ. Уже и улица осталась позади, и на окраинѣ угрюмымъ силуэтомъ намѣчаются мрачныя руины венеціанской крѣпости.

Къ самымъ руинамъ не подъѣхать. Тиртцска путаясь ногами въ саблѣ, кое-какъ вылѣзъ, и желая быть галантнымъ кавалеромъ, сунулся высаживать свою спутницу. Но Ирра Паэнъ успѣла войти въ роль.

— Оставьте, я сама! Вы забыли, что я мужчина...

По сосѣдству съ башней, гдѣ былъ заключенъ Матацичъ, въ массивѣ уцѣлѣвшей крѣпостной стѣны, пріютилось нѣчто вродѣ хибарки. Это и было жилище тюремщиковъ, молодого и стараго. Оба успѣли выскочить на шумъ автомобиля, бывшаго здѣсь рѣдкостью.

— Что плѣнникъ?,—спросилъ Тиртцска.

— Ничего эфенди, — отвѣтилъ старикъ. Часъ назадъ а можетъ и больше, кто его знаетъ, у насъ часовъ нѣтъ —мы снесли ему ужинъ.

— Ступайте и доставьте его сюда, внизъ.

Старикъ, сбѣгавъ въ хибарку за ключомъ, открылъ башенную дверь и скрылся въ глубинѣ, вмѣстѣ со своимъ молодымъ помощникомъ.

Ирра Паэнъ приблизилась къ Тиртцскѣ.

— У васъ... уже все готово? Спросила она, слегка дрожащимъ голосомъ.

— Все! У пристани ждетъ моторная лодка, нанятая мною. Черезъ пять часовъ онъ будетъ въ Рагузѣ. Не стойте рядомъ со мною, графиня, его сейчасъ выведутъ.

Нехотя отдалилась Ирра на нѣсколько шаговъ.

Еще не появился никто въ зіявшей впадинѣ открытой двери, а уже донеслись тревожные, гортанные крики тюремщиковъ... Все ближе, все громче, и, наконецъ, они подбѣжали къ Тиртцскѣ и, жестикулируя, что-то горячо стали объяснять.

Онъ бросился на нихъ съ поднятыми кулаками. Албанцы смиренно отступали, продолжая оправдываться.

— Что такое? Что случилось? Что они говорятъ? Гдѣ Маташичъ? — допытывалась Ирра.

— Убѣжалъ, вынулъ оконныя рѣшетки и выбросился въ море! Проклятый сербъ! Я буду за него... — въ отвѣтѣ, — собирался прибавить Тиртцска, но тотчасъ же смягчился, вспомнивъ, что бѣгствомъ своимъ Маташичъ подарилъ ему десять тысячъ долларовъ. Они останутся въ карманѣ у личнаго секретаря Его Свѣтлости. Не потребуетъ же ихъ назадъ эта венгерская графиня...

40. Поиски.

Когда выбѣжали тюремщики, и произошла описанная уже сцена, Иррѣ Паэнъ почудилось, что Маташичъ погибъ: или покончивъ самоубійствомъ, или прикonченный этими албанцами.

Ужасъ охватилъ ее! Тиртцска своимъ объясненіемъ, если и развѣялъ этотъ ужасъ, то лишь на одно мгновеніе.

Слова Тиртцски: „выбросился въ море“ — были зловѣщи. Это похоже не на бѣгство, а на жестъ отчаянія. И налетѣвшій хаосъ ощущеніе мыслей пронзались однимъ желаніемъ: узнать, узнать сейчасъ же все, что только можно узнать!

— Скорѣй въ башню! У васъ есть электрическій фонарикъ?

— Зачѣмъ въ башню? — запротестовалъ Тиртцска.

— Затѣмъ, что я этого желаю и требую. Огня и — впередъ!

Тиртцска протестовать не посмѣлъ. Онъ бросилъ нѣсколько словъ албанцамъ. Они сбѣгали въ хибарку свою и вернулись съ двумя зажженными факелами.

Руины, чуть ли не средневѣковой крѣпости, пылающіе факелы, трепетные отблески пламени, чѣмъ-то горячимъ и красноватымъ дрожавшаго на лицахъ, выхватывавшаго ихъ изъ мрака, все это было романтично до крайности.

Но Иррѣ Паэнъ было не до романтики.

Албанцы съ факелами составляли авангардъ. За ними слѣдовали по крутой, каменной лѣстницѣ Ирра Паэнъ и Тиртцска. Сабля гремѣла, подвертывалась подъ ноги, и Тиртцска не зналъ, что ему дѣлать съ нею.

Это раздражало Паэнъ. Сейчасъ ее все раздражало

— Да отцѣпите вы, наконецъ, саблю!

— Хорошо, хорошо, отцѣплю,—бормоталъ Тиртцска, терроризированный своей спутницей.

Чѣмъ выше подымались, тѣмъ больше охватывалъ его страхъ.

— А, что если онъ спрятался гдѣ-нибудь, и бросится на меня?

— Кто?

— Кто-же, какъ ни Маташичъ!

— Вы съ ума сошли?

Вотъ они въ самой башнѣ. Отъ смоляныхъ трещащихъ факеловъ свѣтло, какъ въ солнечный день.

Промелькнуло что — то большое, показавшееся Тиртцскѣ большимъ. Это была сѣдая крыса.

Вздрогнувъ, Тиртцска отпрянулъ.

Ирра Паэнъ увидѣла сваленную вдоль стѣны рухлядь, увидѣла брошенное на каменныя плиты платье Маташича, увидѣла глиняный кувшинъ съ водою и оловянную чашку съ нетронутой похлебкой. Нѣсколько дней онъ жилъ въ этихъ условіяхъ. Сердце ее сжалось, накипалъ гнѣвъ на самое себя и на весь міръ.

Зіяла оконная впадина, въ глубинѣ каменной толщи стѣны. Ирру потянуло туда. Сбросивъ плащъ, она однимъ движеніемъ очутилась на подоконникѣ, и работая колѣнями и руками, поползла впередъ, высунулась... Холодной жутью обвѣяло всю.

Оттуда, снизу, каждый камень ей мерещился тѣломъ разбившагося на смерть Маташича.

Въ башнѣ больше нечего дѣлать. Скорѣй туда, внизъ. Лучше убѣдиться въ самомъ страшномъ, чѣмъ — неизвѣстность.

Въ поискахъ, на берегу, Тиртцска не принималъ участія. Довольно съ него этихъ безумствъ. Ни за это онъ получилъ деньги, чтобъ по каменистой кручѣ спускаться къ морю, — того и гляди оборвешься. Ей это нравится,— пусть! Ему же это совсѣмъ не нравится... И онъ остался, и закуривъ папиросу, велѣлъ албанцамъ сопровождать „ханумъ".

Гдѣ по колѣно въ водѣ, а гдѣ и выше, Ирра Паэнъ осмотрѣла весь берегъ, прилегающій къ башнѣ. Тюремщики освѣщали ей путь. При ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ камни, оказались только камнями и ни одинъ изъ нихъ не оказался тѣломъ Маташича.

Хотя поиски не дали никакихъ результатовъ, но

именно эта безрезультатность вселяла надежду. Ирра Паэнъ мучительно цѣплялась за нее: Маташичъ могъ спастись, могъ имѣть сообщниковъ. Какъ?—это было для нея загадкою. Броситься изъ окна, и не разбиться, при этихъ камняхъ и при этой водѣ, было бы прямо чудомъ. Другое дѣло — спуститься съ помощью веревки. Но ея нѣтъ, веревки, видимо, не было.

Ирра Паэнъ замучила албанцевъ, подобно ей, промокшихъ и продрогшихъ.

Наконецъ, убѣжденная въ тщетности дальнѣйшихъ поисковъ, разбитая, погасшая, медленно поднималась туда, гдѣ чернѣлъ силуэтъ Тиртцски, и вспыхивалъ уголекъ его папиросы. Онъ успѣлъ выкурить пять папиросъ. Это была шестая.

— Ничего не нашли, графиня?

Не отвѣтивъ, она молвила, послѣ нѣкоторой паузы:

— Ѣдемъ!..

Ваши сапоги, ваши ноги промокли... Что вы надѣлали? Вы схватите воспаленіе легкихъ!

— Ѣдемъ!

— Да, но сначала я долженъ заглянуть на пристань и уплатить за моторную лодку...

И тутъ съэкономилъ Тиртсцка. Онъ заплатилъ пятую часть всей обусловленной суммы.

41. Два банкира въ одномъ лицѣ.

Хотя заботливый и акуратный Гансъ поддерживалъ все время тепличную атмосферу, — шесть каминовъ пылали горячо и ярко,—но даже и это не могло скрасить для избалованнаго сэра Джемса римской зимы.

А зима дѣйствительно была препоганая — дождливая, сырая, какъ — то пронизывающе колюче холодная. Гриппъ свирѣпствовалъ во всю. Даже каменная циклопическая громада Колизея, чудилась простуженной и кашляющей сквозь сизо-молочную, едва-ли не осязаемую на ощупь туманную мглу.

Эта липкая, цѣпляющаяся мгла казалась дыханіемъ всѣхъ болотистыхъ равнинъ Кампаньи. Дыханіемъ, направленнымъ въ сторону Вѣчнаго Города, чтобы сдѣлать невыносимымъ существованіе милліону его жителей.

Сэръ Джемсъ, никуда нѣсколько дней не выѣзжавшій, кочевавшій отъ камина къ камину, заявилъ Армфельду:

— Еще немного и у меня начнется сплинъ. Эта римская зима не уступитъ лондонской. Я хочу солнца! Хотя я и не собираюсь въ Ниццу, но и тамъ дожди и холодъ. А, вотъ что, отчего бы не соединить пріятное съ полезнымъ? Я, словно предчувствуя, вызвалъ свою „Діану" поближе. Она стоитъ въ Бриндизи. Тамъ благодать, на Адріатикѣ! Можемъ совершить прогулку, остановиться на нѣсколько дней возлѣ Дураццо и слегка проинспектировать нашу Ирру, но такъ, чтобы она объ этомъ не знала, вѣрнѣе узнала попозже. Какъ вы находите мою мысль?

— Нахожу ее чудесной,—отозвался Армфельдъ, хотя и съ обычной своей безстностью, но не безъ удовольствія. И ему захотѣлось солнца, и ему надоѣлъ Римъ, кашляющій, простуженный, терроризированный гриппомъ.

Этимъ гриппомъ Армфельдъ шантажировалъ мнительнаго, влюбленнаго въ свое здоровье, и въ свою особу, патрона.

— Единственное спасеніе, единственное противоядіе, —алкоголь, алкоголь и алкоголь!... Только человѣкъ, влившій въ себя въ день самое меньшее, рюмокъ, семь-восемь коньяку, застрахованъ отъ гриппа!

Сэръ Джемсъ безпрекословно слѣдовалъ совѣту. И Армфельдъ, пившій до сихъ поръ въ одиночку, пріобрѣлъ собутыльника. Но, не взирая на это, все продолжалъ запугивать сэра Джемса, каждое утро дѣлая докладъ, сколько человѣкъ умерло отъ гриппа за истекшія сутки въ столицѣ. Не церемонясь съ цифрами, личный секретарь весьма охотно приумножалъ число покойниковъ. Чего ихъ жалѣть?...

Сэръ Джемсъ блѣднѣлъ, то-есть, дѣлался еще болѣе сине-зеленымъ, и съ каждымъ днемъ уже добровольно на одну рюмку увеличивалъ порцію противоядія.

Уже укладывались чемоданы, уже съ часу на часъ сэръ Джемсъ готовился отбыть въ Бриндизи со своимъ секретаремъ и двумя лакеями.

На Via Sistina у палаццо Альбици остановился роскошный, сверкающій Фіатъ, какъ бы выплюнувшій изъ своего шестимѣстнаго купэ, что-то маленькое, плюгавое, почти каррикатурное.

Это маленькое, плюгавенькое ни на одномъ языкѣ не говорившее прилично — всесильный, всемогущій, до воцаренія Муссолини, по крайней мѣрѣ, Іосифъ Терлицъ.

Онъ ссужалъ Италію и другія страны деньгами. Онъ покрылъ сѣтью своихъ банковъ весь полуостровъ, и цѣлая

фаланга премьеръ-министровъ — Нитти, Дефакта, Саландра, Скансеръ — всѣ они были ничѣмъ инымъ, какъ ставленниками Іосифа Терлица и вѣрными исполнителями его предначертаній.

Вотъ какую силу имѣлъ этотъ выходецъ изъ варшавскаго гетто!

Терлицъ если и не могъ тягаться съ Ротшильдами, то все же дистанція между нимъ и Ротшильдами была вовсе не такъ ужъ велика.

Хотя сэръ Джемсъ годился, пожалуй, въ сыновья Терлицу, но были они въ тѣсной дружбѣ. Что связывало сэра Джемса съ этимъ архимилліонеромъ, съ такой подчеркнутой банкирской внѣшностью, какую, чаще встрѣтишь на каррикатурахъ, чѣмъ въ жизни?...

Что ихъ связывало? Многое.

Бесѣдовали всегда съ глазу на-глазъ. Даже Армфельдъ не допускался.

Маленькій, плюгавый банкиръ, казался еще меньше въ громадномъ, съ высокой спинкою креслѣ, куда усадилъ его сэръ Джемсъ, помѣстивши себя рядомъ. Онъ предложилъ гостю сигару, но Терлицъ, съ улыбкою, обнажившей верхнюю челюсть вставныхъ зубовъ, отрицательно покачлаъ головою.

— Ахъ, я и забылъ, вы курите только свои!..

Да, только свои!—и Терлицъ изъ жилетнаго кармана вынулъ очень большую, черную сигару. Эти сигары изготовляли для него на Кубѣ. Только для него. Онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что такихъ сигаръ, кромѣ него, Іосифа Терлица, никто не куритъ.

Когда она задымилась, зажатая вставными зубами, комната наполнилась, пряннымъ и крѣпкимъ ароматомъ.

Терлицъ кое-какъ объяснялся по итальянски.

Сэръ Джемсъ на этомъ языкѣ совсѣмъ не говорилъ. Терлицъ, ни слова не знавшій по-англійски, волей не волей прибѣгалъ къ французской рѣчи, которой владѣлъ нисколько не лучше, а можетъ быть даже и хуже профессора Церини.

— Et bien, mon cher Terlitz, nous aurons la guerre? — началъ сэръ Джемсъ.

Терлицъ развелъ маленькими, сухими, сморщенными руками, похожими и формою и цвѣтомъ на куриныя лапки.

— Какъ вамъ сказать... Онъ смертельно хочетъ и смертельно боится! О, какая же это хитрая бестія! Онъ

учитываетъ всѣ послѣдствія. Онъ понимаетъ, что Франція... Кто же не понимаетъ? Франція останется равнодушной зрительницей? Что? Никогда на свѣтѣ! А флотъ? Развѣ флотъ можетъ равняться? Я не говорю — техника! Я говорю — люди! Французскій флотъ это же, я вамъ говорю, сила! Онъ въ нѣсколько часовъ можетъ пустить ко дну всѣ итальянскіе военные корабли. А безъ флота — они пропали!.. На сушѣ эти сербскіе мужики ихъ побьютъ... — Послѣ нѣкоторой паузы Терлицъ, со вздохомъ, произнесъ:
— Жаль...

— Что жаль?

— Если не будетъ войны. Муа мемъ, же ве ла гер! Вуй же ве! Война всегда хорошее дѣло. На войнѣ всегда можно отлично заработать. Я только тогда спокоенъ, когда кругомъ неспокойно. Что, развѣ нѣтъ?

И банкиръ улыбнулся кривой улыбкой, обнажившей только часть зубовъ, и хотя это были прекрасно сдѣланные зубы, видно было, что они мертвые.

Хотя сэръ Джемсъ и самъ былъ богатъ, и зналъ всю силу и все обаяніе денегъ, но не могъ удержаться отъ мысли:

Ему подъ семьдесятъ лѣтъ. У него около милліарда итальянскихъ лиръ золотомъ. А онъ хочетъ еще „заработать“. Что же это, жадность или азартъ, или — ни то, ни другое?

Помолчавъ, Терлицъ молвилъ какъ бы отвѣчая самому себѣ:

Если онъ не захочетъ, я захочу! Мы ее спровоцируемъ, — войну!

Въ этомъ Іосифѣ Терлицѣ было два Терлица, Одинъ банкиръ, многомилліонеръ, дѣйствительно, при желаніи могущій спровоцировать Италію на войну съ Югославіей. Другой Терлицъ, далекой варшавской эпохи, когда лѣтъ тридцать пять назадъ, въ потемкахъ своего гетто онъ скупалъ у лодзинскихъ воровъ и воришекъ, краденое золото и краденные брилліанты.

И эти два Терлица уживались вмѣстѣ. Одинъ во всеоружіи своихъ финансовъ, большихъ финансовъ, дѣлалъ большую политику, обогащавшую его. Другой продолжалъ оперировать, если не краденнымъ, въ прямомъ смыслѣ, то все же темнымъ золотомъ. Эти операціи были очень крупны для того дальняго варшавскаго Терлица и незначительны для Терлица нынѣшняго, римскаго. Но, — такова уже сила привычки.

Въ связи съ этими операціями золотомъ, или — съ одинаковымъ успѣхомъ,—золотыми операціями, и случилось что-то такое, о чемъ хотѣлъ повѣдать Іосифъ Терлицъ молодому другу своему сэру Джемсу...

42. Терзанія Іосифа Терлица.

Только что маленькій невзрачный старикъ хотѣлъ начать, сэръ Джемсъ пошелъ самъ навстрѣчу:

— Дорогой Терлицъ у васъ есть что-то на душѣ... Вы не въ своей тарелкѣ.

— Вы угадали. Маленькія непріятности... Но, вы понимаете, иногда эти маленькія непріятности бываютъ хуже большихъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ сэръ Джемсъ, желая выдавить на своемъ блѣдномъ бритомъ лицѣ возможно больше доброжелательнаго сочувствія, но изъ этой попытки ровно ничего не вышло.

Терлицъ, сдѣлавъ гримасу, какъ бы морщась отъ боли, скорѣе докучливой, чѣмъ острой, заговорилъ, не вынимая изо рта сигары:

— Вы знаете... нѣтъ вы не знаете... Ну, однимъ словомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, я скупалъ въ Сербіи золото, черезъ цѣлую группу банковъ, находящихся въ моемъ жилетномъ карманѣ... Это довольно таки выгодная комбинація. За монеты, какія угодно: французскіе наполеоны, наши же итальянскія лиры, англійскіе фунты, турецкіе и египетскіе фунты, за все это я плачу тамъ на мѣстѣ, гораздо дешевле, и дороже, много дороже продаю здѣсь. Вы понимаете?

Сэръ Джемсъ сочувственно кивнувъ, спросилъ:

— Да, но вѣдь это же нельзя переправлять легально?

— О! — И, какъ бы иллюстрируя это восклицаніе, Терлицъ, вынувъ изъ разжатыхъ зубовъ сигару, сдѣлалъ ею колющее движеніе,—вотъ тутъ-то молодой другъ и зарыта собака! Даже не собака, а, если хотите, цѣлый крокодилъ! Натурально, у меня есть цѣлая армія агентовъ, скупающихъ золото. Есть опытные, вѣрные люди... Контрабандисты, конечно, это самое золото переносятъ черезъ границу...

— Много ли можно перенести? — усумнился сэръ Джемсъ.

Въ отвѣтъ снисходительная улыбка.

— Есть молодцы, проносящіе на себѣ около пятидесяти килограмовъ. Каждый такой контрабандистъ, будь онъ самый послѣдній изъ негодяевъ, въ моментъ перехода границы стоитъ два милліона, и не бумажками, а чистѣйшимъ золотомъ. Они одѣваютъ подъ платье особый брезентовый жилетъ. Въ этомъ жилетѣ снизу до верху насыпается золото. Онъ одѣваетъ сверху широкое, очень широкое пальто, и тихонько пробирается себѣ на итальянскую территорію. До сихъ поръ имъ везло, но сербскія власти какъ-то узнали про эти комбинаціи, и всполошились... Ничего нѣтъ удивительнаго. На ихъ мѣстѣ я тоже самое всполошился бы. Если изъ Сербіи выкачивается золото, динаръ понижается, а что мнѣ такое сербскій динаръ? Я съ удовольствіемъ готовъ уронить его елико возможно, помимо собственной своей выгоды, еще и по мотивамъ, чисто политическимъ.

— Кого-нибудь уже схватили? — поинтересовался сэръ Джемсъ.

— Пока еще нѣтъ. Но развѣ непремѣнно необходимо, чтобы схватили? Не схватили сегодня, могутъ схватить завтра. Важно, что сербы уже болѣе тщательно охраняютъ итальянскую границу... Важно, что нѣкоторые ихъ агенты и въ ихъ числѣ опытные русскіе агенты проникли въ Тріестъ, Фіуме и оттуда уже ведутъ свою развѣдку. Это мнѣ уже не нравится! Если они поведуть ее успѣшно, —а почему бы и не такъ? Въ ихъ руки попадутъ... попадутъ нити. Точка, гдѣ сходятся всѣ нити — это я, вашъ покорный слуга Іосифъ Терлицъ. И тогда, когда сербская пресса начнетъ... можете себѣ представить, какая это будетъ радость для нихъ? Начнетъ нахально трепать мое имя...

— Дорогой Терлицъ не все ли равно вамъ, что будутъ писать о васъ какія-то сербскія газеты? — пожалъ плечами сэръ Джемсъ, знавшій, что и не только сербскія газеты, а и польскія и другія уже шельмовали банкира не разъ на чемъ свѣтъ стоитъ за его весьма рискованныя операціи.

— Да, конечно!—поспѣшилъ съ презрительной улыбкой согласиться банкиръ,—плевать мнѣ на газеты всего міра! Пускай пишутъ, только пускай не задѣваютъ интересовъ моихъ, а въ данномъ случаѣ... Итакъ, я уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не могу получить оттуда ни одной партіи золота. Контрабандисты, самые отчаянные и тѣ боятся!.. И переходить опасно, и не переходить опасно. Идутъ обыски, сербы ищутъ золото, слѣдятъ за банками...

Не хорошо, очень не хорошо. И, желая сорвать накипѣвшее противъ сербовъ, Терлицъ откусивъ кончикъ сигары, выплюнулъ его на коверъ.

Опять подумалъ сэръ Джемсъ:

Чудакъ! И охота ему компрометировать себя, пускаться въ авантюру, дающую въ концѣ-концовъ гроши. Буквально гроши сравнительно съ его чудовищными оборотами.

И сэръ Джемсъ попытался утѣшить старую обезьяну, —такъ, мысленно окрестилъ онъ этого архимилліонера:

— Полноте, дорогой Терлицъ! Немного выдержки, немного терпѣнія. Я знаю сербовъ. Они также быстро воспламеняются, какъ и погасаютъ. Еще немного времени, и все пойдетъ по старому...

— Нѣтъ, нѣтъ, — твердилъ банкиръ, — выйдетъ гадость! Инстинктъ подсказываетъ мнѣ. Я вамъ сейчасъ покажу донесенія моихъ агентовъ изъ Тріеста и Фіуме.

— Агентамъ не всегда можно вѣрить.

— Этимъ — можно! — возразилъ Терлицъ, — эти люди работаютъ у меня много лѣтъ... Они даже указываютъ имена.

Терлицъ вынулъ бумажникъ, порылся, и вытащилъ письмо. Потомъ осѣдлалъ свою переносицу черепаховымъ пенснэ.

— Вотъ... Вотъ... Сейчасъ... Занялся этимъ дѣломъ шефъ полиціи, зовутъ его... зовутъ Божа Матовичъ, а его помощникъ русскій... да русскій, Порфиріо Самолевскій. Я съ удовольствіемъ далъ бы тысячу долларовъ, двѣ тысячи за ликвидацію этихъ господъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Ни въ чемъ! Люди мои уже получили соотвѣтствующія директивы, но, но все же у меня тамъ, гдѣ-то, шевелится червь сомнѣнія. Я же вамъ сказалъ,—инстинктъ!..

Ближайшее будущее показало, что инстинктъ не обманывалъ Іосифа Терлица.

Его „вѣрнымъ" людямъ не удалось ликвидировать ни Божу Матовича, ни „Порфиріо" Самолевскаго. И Божа Матовичъ и Порфиріо Самолевскій не только остались живы, здравы и невредимы, а и кромѣ того...

Но не будемъ забѣгать впередъ...

43. Маташичъ и Армфельдъ.

Въ самые тяжелые моменты не овладѣвало Маташичемъ такое безпросвѣтное холодное отчаяніе, какъ въ этотъ, когда онъ увидѣлъ передъ собою Армфельда.

Вотъ ужъ дѣйствительно судьба надсмѣялась.

Бѣжать, бѣжать при изумительно благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, бѣжать для того, чтобы самому себѣ выбрать западню и очутиться во власти такого злѣйшаго врага своего, какъ маіоръ Отто фонъ-Армфельдъ.

Армфельдъ не сразу, а черезъ нѣсколько секундъ распозналъ въ этомъ заросшемъ колючею щетиною человѣкѣ въ одномъ бѣльѣ того, съ кѣмъ онъ давно хотѣлъ раздѣлаться и свести старые счеты. Ироническій поклонъ.

— Графъ Маташичъ? Вотъ сюрпризъ! Какимъ счастливымъ вѣтромъ, какой волной закинуло васъ на бортъ „Діаны?"

— Уловивъ на лицѣ сэра Джемса удивленіе, Армфельдъ пояснилъ:

— Сэръ Джемсъ, передъ вами тотъ самый графъ Маташичъ, о которомъ вы такъ много слышали!

— Польщенъ, — отозвался владѣлецъ яхты, съ ироническимъ поклономъ, какъ и у его секретаря.

Маташичъ молчалъ, ослабѣвшій и физически и духовно. Нѣсколько минутъ назадъ, плывшій такъ бодро съ такой надеждою, теперь онъ едва, едва держался на ногахъ.

Бѣлобрысые, крѣпкіе матросы, нѣмцы смотрѣли на него во всѣ глаза, ожидая распоряженія начальства.

Армфельдъ вопросительно взглянулъ на сэра Джемса.

— Отвести ему каюту, — сказалъ сэръ Джемсъ, — дать свѣжее бѣлье, костюмъ, бритвенный приборъ, и если пожелаетъ, — накормить.

Маташича пришлось не отвести, а унести. У него потемнѣло въ глазахъ, палуба вмѣстѣ съ людьми пошла ходуномъ, и подхваченный матросами, онъ потерялъ сознаніе.

Его унесли.

Глубокій обморокъ смѣнился такимъ же глубокимъ сномъ. Маташичъ уснулъ, какъ былъ, въ мокромъ бѣльѣ въ матроской каютѣ, на узкой и жесткой, привинченной къ стѣнѣ, койкѣ.

Только утромъ использовалъ онъ и сухое бѣлье, и платье — пантолоны и куртку африканскаго полотна — и бритвенный приборъ. Сдѣлавъ свой туалетъ, онъ почувствовалъ бодрость, попросилъ ѣсть. Ему дали кофе съ молокомъ, ветчину, хлѣбъ, масло, варенье. Одинъ изъ матросовъ „отъ себя" угостилъ его сигарой. Маташичъ съ удовольствіемъ закурилъ ее.

Вчерашняя бодрость если не вернулась къ нему въ своемъ полномъ объемѣ, то, во всякомъ случаѣ, не было уже безпросвѣтнаго унынія. Маташичъ ничего хорошаго не ждалъ отъ Армфельда, но, кто знаетъ, оставайся онъ въ башнѣ, кончилось бы не лучше, если не хуже.

Онъ подошелъ къ иллюминатору, окованному сверкающей мѣдью, увидѣлъ солнечную зыбь моря, увидѣлъ оживленный судами рейдъ, увидѣлъ башню, изъ которой убѣжалъ, вѣрнѣе улетѣлъ.

Это созерцаніе было прервано вошедшимъ матросомъ.

— Herr Maior bittet Sie zu sich, kommen Sie.

Армфельдъ занималъ двойную каюту изъ салона и спальни. Онъ сидѣлъ за маленькимъ бюро и что то писалъ, когда матросъ ввелъ Маташича.

Армфельдъ указалъ плѣннику на стулъ,

— Садитесь, побесѣдуемъ! Отвѣчайте на мои вопросы, на всѣ! Слышите?

— Нѣтъ, маіоръ, я буду отвѣчать только на тѣ вопросы, на которые пожелаю.

— Вотъ какъ! — взглянулъ на него Армфельдъ, и маленькіе, прижатые къ черепу, уши „майскаго жука“ задвигались.

— Я могъ бы васъ заставить. Могъ бы подвергнуть пыткамъ. Вы въ моей власти. Но я этого не сдѣлаю изъ уваженія къ вамъ, какъ къ противнику сильному... смѣлому... Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что я, вообще, пощажу васъ, — прибавилъ Армфельдъ съ холодной, жесткой усмѣшкой. — Итакъ, вы бѣжали, думая спастись на яхтѣ, подъ англійскимъ флагомъ?

— Да.

— Ваше мѣсто заключенія?

— Венеціанская башня.

— Венеціанская башня? А, теперь я понимаю! Вскорѣ послѣ того, какъ вы были унесены внизъ, тамъ, у подножья башни, у самой воды, замелькали горящіе факелы... Несомнѣнно, это искали вашихъ слѣдовъ?

— Возможно, — согласился Маташичъ.

— Какъ вы осуществили технически вашъ полетъ? Это... не будетъ нескромностью?

— Ничуть! Я выбросился изъ окна.

— Съ такой высоты? Да, вѣдь, тамъ же внизу камни?

— Среди хлама сваленнаго въ башнѣ былъ очень большой зонтикъ. Я его использовалъ, какъ парашютъ.

— Вотъ находчивость. Браво. Оригинально, очень оригинально! Побѣгъ вполнѣ кинематографическій. И что же, благополучно? Не ушиблись?

— Слегка.

— Кто же упряталъ васъ въ эту башню?

Кто васъ разоблачилъ? Ужъ не Ирра-ли Паэнъ?—испытующе взглянулъ Армфельдъ.

— Не знаю, не думаю. Я былъ схваченъ людьми Ахмеда Зогу.

— Таакъ,—протянулъ Армфельдъ. — А зачѣмъ вы пожаловали въ Тирану? Слѣдить за высадкой итальянцевъ?

— На это я вамъ ничего не скажу.

— Какъ хотите. Да и нѣтъ никакой нужды. Я и безъ васъ знаю, какъ и зачѣмъ вы очутились въ Албаніи... Я кончилъ. Угодно васъ просить меня о чемъ-нибудь?

— Просить—нѣтъ! Спросить! Что вы со мною сдѣлаете?

— Откровенно скажу, еще самъ не знаю. Во всякомъ случаѣ, свободу вы не получите.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Помолчали оба.

— Это наша четвертая встрѣча,—молвилъ Армфельдъ. Дважды вы ускользнули отъ меня, въ третій разъ посмѣялись надо мной, но смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ... Четвертая встрѣча оказалась для васъ фатальной. Не повезло вамъ. Обманулъ англійскій флагъ. Имѣете ли вы какую-нибудь просьбу? Довольны обращеніемъ?

— Просьбъ не имѣю никакихъ. Обращеніемъ доволенъ.

— Нѣтъ-ли у васъ желаній написать кому-нибудь нѣсколько словъ? Ну, хотя бы госпожѣ Иррѣ Паэнъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, на этотъ разъ довольно.

— Herein! крикнулъ Армфельдъ, и приказалъ вошедшему матросу:

Furen Sie den Herrn fort.

Матросъ увелъ Маташича въ его каюту, и закрылъ за нимъ дверь на ключъ.

44. Клубокъ воспоминаній.

Черезъ нѣсколько часовъ „Діана“ снялась съ якоря и поплыла въ неизвѣстномъ направленіи. Неизвѣстномъ —для Маташича. Изъ круглаго, какъ пушечная амбразура

иллюминатора онъ видѣлъ открытое море незатушеванные на горизонтѣ полоскою берега. Съ наступленіемъ сумерекъ, горизонтъ все приближался и приближался, пока совсѣмъ не растаялъ во мглѣ.

Корректность и вѣжливость Армфельда не обманули Маташича. Въ этой корректности и вѣжливости, кроется обдуманный планъ безжалостной холодной мести.

Мысль о новомъ побѣгѣ охватила Маташича. О побѣгѣ съ палубы,—нечего и думать. Онъ сидитъ подъ замкомъ, а дежурный матросъ шагаетъ взадъ и впередъ мимо каюты. Въ каютѣ, какъ то дразняще висѣлъ на стѣнѣ обшитый брезентомъ пробковый, спасательный поясъ. Съ пояса Маташичъ перевелъ взглядъ на иллюминаторъ. Увы! Въ этотъ мѣдный сіяющій кругъ можно просунуть лишь голову. Надо быть карликомъ, или обезьяной, а не съ его широкими плечами, чтобы если и не проскользнуть, то хотя бы продраться сквозь иллюминаторъ.

Вечеромъ принесли ужинъ и двѣ сигары.

— Das ist von Herrn Major, — пояснилъ матросъ.

Велико было желаніе курить, но Маташичъ въ бѣшенствѣ такъ скомкалъ обѣ сигары, что онѣ захрустѣли въ его пальцахъ.

Безъ часовъ онъ не могъ точно опредѣлить время но была уже ночь.

Яхта замедлила ходъ, остановилась. Черезъ двѣ-три минуты послышался топотъ ногъ, открылась дверь въ каюту, и вошли два матроса. Одинъ протягивалъ желѣзные наручники, другой сказалъ:

— Gehen Sie nach uns!

— Куда? — спросилъ Маташичъ, понимая всю ненужность, всю безцѣльность вопроса.

Двое, не отвѣчая, бросились къ нему, чтобы надѣть наручники. Маташичъ не давался. Матросы пытались его схватить, но одинъ, получивъ ударъ кулакомъ въ подбородокъ, упалъ вмѣстѣ съ наручниками, другой, защищаясь, успѣлъ свистнуть. Прибѣжало еще двое, и началась свалка въ тѣсной каютѣ, гдѣ не пропадалъ зря ни одинъ ударъ. Обозленные отчаяннымъ сопротивлеіемъ и фризической болью матросы начали избивать Маташича. Ударъ по головѣ желѣзными наручниками лишилъ его сознанія. Матросы туго скрутили веревками всою окровавленную жертву.

Когда онъ очнулся, былъ уже сизо-молочный разсвѣтъ, скупо и робко вливавшійся въ маленкія оконца,

съ неровными шероховатыми, подернутыми радугою, радугой времени стеклами.

Маташичъ лежалъ на каменномъ полу. Какъ чужое было одервенѣвшее тѣло, и какъ свое ныло отъ веревокъ, хотя онѣ были уже сняты. Но все же, онъ могъ только съ трудомъ пошевельнуться. Онъ услышалъ гортанный говоръ нѣсколькихъ албанцевъ. Сидя у стола они пили вино. Это было итальянское кіанти, въ узкогорлой шарообразной бутылкѣ, обтянутой блѣдно-желтымъ тростникомъ.

Маташичъ узналъ сѣверныхъ албанцевъ, по ихъ одеждѣ—бѣлые балканскія штаны и короткія мѣховыя безрукавки бараньей шерстью наружу. Дикія, ястребиныя лица, —у кого чистыя, у кого со шрамомъ, у кого съ бѣльмомъ на глазу. У каждаго за поясомъ револьверъ и кинжалъ, а между колѣнями еще и винтовка. На головахъ бѣлыя, засаленныя войлочныя шапочки.

Продолжая свои наблюденія, Маташичъ увидѣлъ себя въ грязной кафанѣ, съ задымленнымъ очагомъ для изготовленія кофе. Да и сейчасъ булькалъ и кипѣлъ на угольяхъ мѣдный, въ видѣ груши, кофейникъ. Пахло немытымъ человѣческимъ тѣломъ и телячьимъ навозомъ. Тутъ же, въ кафанѣ, въ отгороженномъ углу, помѣщалось нѣсколько молодыхъ телятъ, неуклюжихъ, съ худыми, пѣгими спинами.

То, что плѣнникъ успѣлъ очнуться, не укрылось отъ албанцевъ. Высокій, худой, съ разсѣкавшимъ верхнюю губу, шрамомъ, волоча за собою винтовку, подошелъ къ Маташичу и ткнулъ его ногою въ бокъ. Маташичъ смотрѣлъ на него съ низу. Албанецъ повторилъ ударъ и бросивъ сверху какое то ругательство, весьма выразительно схватился за кинжалъ. Это было продѣлано больше для эффекта. Албанецъ вернулся къ столу и продолжалъ бесѣду и возліяніе.

Маташичъ угадывалъ что-то знакомое въ этой глубокой закопченной кафанѣ. Да, знакомое. Онъ былъ здѣсь, былъ нѣсколько лѣтъ назадъ. И поддернутыя радугой стекла, и этотъ отгороженный для телятъ уголъ, и этотъ очагъ съ грушевиднымъ кофейникомъ, и этотъ переплетъ почернѣвшихъ балокъ надъ головою, все это знакомо. Все это было уже.

Да, было. И вспышкою магнія озарилась память Маташича. Неотразимо ярокъ былъ отголосокъ воспоминаній. Десять лѣтъ; десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ... Это въ Санъ-Джованни Ди Медуа. Прибрежная албанская дере-

вушка изъ нѣсколькихъ домовъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, по скатамъ ложбины, спускавшейся къ морю.

И эти скаты, и дальнія горы, все это было усѣяно тысячами сербскихъ солдатъ, свершившихъ героическое отступленіе своё черезъ Албанію.

А въ этой самой кафанѣ, гдѣ сейчасъ лежитъ на полу избитый Маташичъ, помѣщался Престолонаслѣдникъ Александръ со своимъ штабомъ.

Разматывался клубокъ воспоминаній.

А это?

На землѣ расположилась кучка сербскихъ солдатъ... Сквозь лохмотья просвѣчиваетъ исхудавшее, изможденное тѣло. Страдальческія, обтянутыя изсохшей кожей лица. Ни силы, ни воли приподняться...

Къ этой кучкѣ подошелъ съ иголочки одѣтый, чисто выбритый, выхоленный, браваго вида итальянскій офицеръ. Въ одной рукѣ у него былъ чудесный бѣлый хлѣбъ, въ другой ножичекъ. Онъ медленно, аккуратно маленькими ломтиками отрѣзалъ хлѣбъ, и также медленно, аккуратно ѣлъ, поглядывая съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ на лежавшихъ передъ нимъ, „союзниковъ". Въ глазахъ гордаго римлянина, это были какіе то звѣри, а не люди. И, когда итальянецъ наѣлся вдоволь и остался небольшой кусокъ въ четверть кило, онъ его швырнулъ сербамъ, какъ швыряютъ подачку обезьянамъ, сидящимъ въ клѣткѣ.

Маташичъ, наблюдавшій эту картину, готовъ былъ ударить италіанца. И ударилъ бы, находясь онъ, Маташичъ, въ другихъ условіяхъ. Но то, что онъ увидѣлъ дальше, наполнило его восторгомъ.

Какъ ни были голодны сербы, ничья прозрачная, блѣдная рука не потянулась за хлѣбомъ. Ничья!.. Маташичъ готовъ былъ расцѣловать эти человѣческія тѣни за ихъ самолюбіе, за ихъ нежеланіе, чтобы чужестранецъ нагло посмѣялся надъ ними.

Но вотъ, одинъ сербъ взялъ горбушку. Остальные смотрѣли на него съ укоромъ. У Маташича сжалось сердце. Духу не хватитъ осудить человѣка, неимѣвшаго въ теченіи двухъ недѣль и крошки хлѣба во рту, но все-таки сжалось сердце...

А, итальянскій офицеръ съ самодовольствомъ въ глазахъ приготовился наблюдать, какъ этотъ несчастный будетъ уничтожать его хлѣбъ...

Рука съ хлѣбомъ оперлась на локоть, сербъ пытался встать. Физическое боролось съ духомъ. Слабое тѣло

трудно было оторвать отъ земли, а духъ послѣдовалъ: встань!

И духъ побѣдилъ. Сербу стоило невѣроятныхъ усилій подняться. Руки помогали ногамъ, ноги помогали рукамъ и, наконецъ, онъ выпрямился. Его колебало, какъ вѣтромъ, былинку. И только почувствовавъ себя на ногахъ болѣе или менѣе твердо, онъ, размахнувшись, и едва не упавъ, при этомъ, запустилъ горбушкою хлѣба въ физіономію итальянскаго офицера...

45. Соблазнитель и соблазняемый.

Въ Фіуме зима не была такой благодатной, какъ въ Тиранѣ. То падалъ мелкій снѣгъ, съ, съ моря, дулъ вѣтеръ. съ воемъ и ревомъ взбѣсившагося морского чудовища.

А въ итальянской тратторіи,—такихъ много въ Фіуме,—было душно, было накурено. Въ облакахъ табачнаго дыма говорили, спорили, напѣвали не совсѣмъ трезвыми голосами, уплетая горячія сосиски, опрокидывая въ себя кружки съ портеромъ и пивомъ. Входили все новые и новые гости, привлекаемые тепломъ, алкоголемъ и аппетитной глыбою ноздреватаго сыра.

Публика—самая разнообразная: пограничные хищники, промышляющіе контрабандой, фашисты въ черныхъ блузахъ, татуированные матросы и темныя личности, которымъ мѣсто въ тюрьмѣ, и которыя попадутъ въ нее, рано или поздно,—весь вопросъ во времени.

Вся эта компанія говорила на пяти языкахъ: итальянскомъ, сербскомъ, венгерскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ.

Одиноко сидѣлъ брюнетъ въ земляничнаго цвѣта костюмѣ, съ широкими, сходившимися на переносицѣ, бровями, и въ кэпкѣ, съѣхавшей на затылокъ. Онъ притворялся пьянымъ, расплескивая на грязный, липкій столъ, пиво, опуская голову на грудь, и дѣлая какія-то нелѣпыя движенія руками... На самомъ же дѣлѣ онъ чутко прислушивался къ тому, что съ оглядкою и опаскою въ полголоса говорили за сосѣднимъ столомъ. Говорили по-сербски, переходя и на итальянскій языкъ.

Маленькій, плохо выбритый, съ гнилыми зубами, старикъ въ чемъ-то убѣждалъ тучнаго здоровяка лѣтъ сорока пяти, съ большими свѣтлыми усами и внѣшно-

стью атлета, атлета на покоѣ, ибо, у этого блондина, не въ мѣру отяжелѣвшаго, мускулы давнымъ давно выровнялись въ нѣчто мягкое, жировое...

Господинъ въ земляничномъ пиджакѣ зналъ, кто эти двое. Гнилозубый старикъ—итальянецъ Маріо Фальконе,—одинъ изъ несмѣтныхъ агентовъ Іосифа Терлица. Тучный и крѣпкій контрабандистъ, хорватъ по происхожденію, зовущійся Алоизомъ Кноръ.

Заодно раскроемъ инкогнито, земляничнаго пиджака. Это— Самолевскій, тотъ самый Самолевскій, чье имя записанное у Терлица стояло рядомъ съ именемъ Божи Матовича.

Фальконе покосился на Самолевскаго—больше некого было остерегаться, всѣ остальные, занятые собою сидѣли на значительномъ разстояніи. Да и всѣ остальные, кромѣ горсточки матросовъ, были такъ или иначе свои люди.

Самолевскій казался уже совсѣмъ невмѣняемымъ. Онъ клевалъ носомъ, тщетно пробуя поднести къ губамъ пустую кружку. И, когда наконецъ, убѣдился, что уже нѣтъ ни капли на днѣ, онъ такъ ударилъ ею по столу, что къ нему пулею бросился черномазый камерьере въ черномъ пиджачкѣ и передникѣ, весьма сомнительной бѣлизны.

— Команди синьоре, команди.

— Анке унъ кіе бикіере!..

— Субито синьоре, субито!..

Фальконе подмигнулъ своему собесѣднику, вѣрнѣе сообщнику.

— Готовъ... Готовъ. Вотъ насвистался каналья!..

Фальконе раскуривъ погасшую, вонючую тоскану, и зажимая ее гнилыми зубами, зашепталъ хриплымъ голосомъ:

— Ну, что тебѣ стоитъ? Послѣдній разъ... Понимаешь ли ты это слово,—послѣдній?..

— Боюсь.

— А ты не бойся! Не будь дуракомъ!..

— Тебѣ хорошо,—не бойся! Теперь эти проклятые сербскіе „финансы“ такъ слѣдятъ за всей границей, — честное слово, заяцъ не перебѣжитъ!..

— На то онъ и заяцъ! А ты—человѣкъ! Развѣ у тебя заячьи мозги? Нѣтъ Кноръ, слушай меня... Брось. Стыдно, братъ... Первый, можно сказать, контрабандіер и вдругъ боишься?.. Это послѣдняя партія, и самая бол

шая,.. Пятьдесятъ кило... Два съ половиною милліона лиръ... Твоихъ пять процентовъ! Сумма-то какая, старина! Опомнись!..

Громадный блондинъ вздохнулъ, точно мѣхъ кузнечный и словно вѣтеръ всколыхнулъ его усы...

— Ну такъ и быть! Въ послѣдній, говоришь?

— Клянусь Мадонной, въ послѣдній! Вотъ молодецъ! Я всегда говорилъ; этотъ Кноръ, жемчужина! Король всѣхъ контрабандистовъ! И я не ошибся. Теперь, къ дѣлу, старина, къ дѣлу! Сегодня, что у насъ. пятница? Завтра, въ обычномъ мѣстѣ получишь товаръ, а въ ночь, съ субботы на воскресенье, — въ путь — дорогу! Утромъ, когда всѣ колокола будутъ звать вѣрующихъ къ мессѣ, мы встрѣтимся съ тобою..... валяй прямо ко мнѣ на квартиру, да надѣнь плащъ, чтобы незамѣтно было, какъ ты въ одну иочь пополнѣлъ... Ха, ха, чертъ возьми, — разсмѣялся, хриплымъ смѣшкомъ, собзланитель съ гнилыми зубами....

Кноръ молча смотрѣлъ на него, тупымъ, водянистымъ взглядомъ.

— Теперь доволенъ? спросилъ Фальконе.

— Доволенъ, какъ - то нехотя отвѣтилъ Кноръ.

— Какія перспективы! Домъ купишь и заживешь, не хуже графа Чаконича, и будешь вспоминать, какъ ты былъ жандармомъ Его Апостолическаго Величества. Ну мнѣ пора, будемъ платить.

46. Золотая „кираса“

Бывшій цесарскій жандармъ Алоисъ Кноръ и не подозрѣвалъ, что человѣкъ съ черными широкими бровями не выпускаетъ его изъ виду съ момента, когда онъ, Алоисъ Кноръ вышелъ изъ траторіи и, самъ по себѣ тяжелый и еще отяжелѣвшій отъ съѣденнаго и выпитаго.

Да, Самолевскій рѣшилъ вцѣпиться въ него мертвой хваткою.

Если Кноръ соблазнился пятью процентами всей золотой ноши, которую потащитъ на себѣ въ брезентовомъ „жилетѣ“ черезъ границу, — перспективы Самолевскаго были куда соблазнительнѣй. По закону, человѣкъ этотъ въ земляничнаго цвѣта пиджакѣ долженъ получить едва-ли не треть всей добычи.

Это уже не домикъ, гдѣ нибудь на окраинѣ Загреба, —предметъ мечтаній Кнора, это уже цѣлое богатство!..

Только бы не сорвалось! А, уже Самолевскій сумѣетъ распорядиться деньгами. Онъ построитъ въ Топчиде-

рѣ легкую двухъэтажную виллу и введетъ туда хозяйкой, царицею, царицей своего чувствительнаго сердца, высокую, смуглую барышню, институтку съ чудеснымъ упругимъ тѣломъ, одну изъ кельнершъ „папы“ Синютовича.

Ахъ, это очаровательное существо!

Едва Самолевскій начиналъ думать о ней, пересыхало во рту, и онъ проводилъ языкомъ по воспаленнымъ губамъ.

Ради нея онъ готовъ атаковать десять такихъ здоровенныхъ буйволовъ, какъ Алоисъ Кноръ. Вообще ради нея онъ готовъ свершать самые невѣроятные подвиги.

Ночь казалась глубокой, безъ конца края. Темная, безлунная и беззвѣздная, и какая то колючая, подобно тѣмъ горнымъ кустарникамъ, сквозь которые медленно продирался Алоисъ Кноръ. Медленно — и потому, что дорога, вѣрнѣе бездорожье поднималось вверхъ и потому, что золотая „кираса“ увеличивала его вѣсъ на пятьдесятъ кило.

Онъ шелъ такимъ же черепашьимъ шагомъ, какъ ходили спѣшенные, средневѣковые рыцари, закованные въ желѣзо.

Это не было комплиментомъ, когда Фальконе его назвалъ королемъ контрабандистовъ.

Въ окрестностяхъ Фіуме и Сушака, Алоисъ Кноръ зналъ каждую тропинку, ведущую къ границѣ и черезъ границу. Больше, онъ зналъ такія укромныя мѣстечки, гдѣ не только не было никакихъ тропинокъ, а и не было даже постовъ сербской пограничной стражи.

Онъ шелъ навѣрняка, шелъ не боясь, что его схватятъ. Шелъ не боясь обнаружить себя трескомъ сухого валежника подъ ногами и шелестомъ раздвигаемыхъ низкорослыхъ деревьевъ. Онъ пробирался сквозь лѣсную чащу, какъ пробирается большое животное. Да и развѣ не былъ онъ большимъ животнымъ, вѣсившимъ въ полтора раза противъ обыкновеннаго?

Еще какихъ-нибудь восемсотъ шаговъ и онъ уже на итальянской территоріи, какъ свой, встрѣченный маленькими альпійскими стрѣлками, въ шляпахъ съ торчащимъ сзади перомъ. Это уже „свои“. Алоисъ Кноръ знаетъ ихъ. Они знаютъ Алоиса Кнора.

Онъ вспомнилъ свою послѣднюю бесѣду съ Фалькони, вспомнилъ свои страхи и опасенія, и готовъ былъ самъ надъ собою смѣяться. Фалькони его назвалъ дуракомъ. И въ самомъ дѣлѣ, дурень!.. Въ дѣйствительности вышло

все такъ удобно и просто. Еще немного и... уже осталось шаговъ пятьсотъ.

Почудилось Кнору,—сзади крадется кто-то. Чепуха! Это собственные шаги. Это хрустъ вѣтвей, которыя онъ самъ раздвигаетъ. Ночью всегда такое чудится, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Онъ успокаивалъ себя, но эти уже послѣдніе пятьсотъ шаговъ казались самыми тяжелыми, самыми трудными. Такъ всегда, когда цѣль близка.

Передохнуть бы... Сырому человѣку и безъ клади не легко подниматься въ гору, а тутъ пятьдесятъ кило эти давятъ его... Необходимо отдышаться...

Кноръ остановился. Мозгъ такой-же неповоротливый, какъ и самъ Кноръ, пустился фантазировать. Но, прежде чѣмъ начать фантазировать, онъ замѣтилъ, что ночь уже переливается въ разсвѣтъ. Уже поблѣднѣли и воздухъ, и небеса и начали проступать силуэты маленькихъ деревьевъ, — еще недавно черными пятнами сливались съ густой мглою. Пока онъ дотащится до альпійскихъ стрѣлковъ, будетъ сизый разсвѣтъ. Еще добрыхъ минутъ двадцать дороги... И уже послѣ этихъ соображеній началъ фантазировать Алоисъ Кноръ. О, если бы эти пятьдесятъ кило сверкающихъ, новенькихъ монетъ принадлежали ему, только ему! Скрыться куда-нибудь со своимъ сокровищемъ, бѣжать! Ну, хотя бы въ Америку... Выписать туда жену и дѣтей... Вотъ было бы хорошо!

Дальнѣйшій полетъ фантазіи, цесарскаго жандарма прерванъ былъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Какъ изъ подъ земли выросъ человѣкъ съ наведеннымъ револьверомъ.

— Пикни только, — на мѣстѣ уложу!

Всякіе видалъ въ своей жизни виды Алоисъ Кноръ, этотъ сначала жандармъ, потомъ контрабандистъ. Если-бъ не проклятое золото, стѣснявшее движенія, пригнетавшее къ землѣ, онъ сумѣлъ бы расправиться съ этимъ человѣкомъ. Выхвативъ у него револьверъ, такъ подмялъ бы подъ себя, всю душу вытрясъ бы.

Но это, видимо, парень бывалый. Онъ хватилъ Кнора по головѣ рукояткою своего браунинга. У Кнора подогнулись колѣни и онъ грузно опустился на землю...

А когда пришелъ въ себя, руки его были связаны. Человѣкъ держалъ другой конецъ веревки.

— Вставай и маршъ за мной! Да смотри у меня тихо, а не то...—и человѣкъ погрозилъ браунингомъ.

Медленное шествіе, печальное для одного, тріумфальное для другого. Одинъ оплакивалъ свои разбитыя иллюзіи, а другой уже видѣлъ двухъэтажную виллу и въ ней свою прелестную Зиночку...

Черезъ день, закованный въ кандалы Кноръ доставленъ былъ въ Бѣлградъ, конвоируемый Самолевскимъ и двумя жандармами. Наполненный золотомъ брезентовый жилетъ съ кожаннымъ мѣшкомъ прибылъ въ Бѣлградъ, какъ трофей.

Начальникъ Самолевскаго, плотный, черноусый Божа Матовичъ не любилъ и не умѣлъ выражать своихъ чувствъ. Онъ пожалъ Самолевскому руку, хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Я тобою доволенъ! Чисто сдѣлано! Тысячъ шестьсотъ на твою долю придется... Богатымъ человѣкомъ будешь!

Сіяющій, на седьмомъ небѣ очутившійся, обладатель земляничнаго костюма уже было раскрылъ ротъ, чтобы просить двухнедѣльный отпускъ, но Матовичъ не далъ ему и слова сказать.

— А теперь вотъ что, голубчикъ... Ты знаешь Маташича?

— Кто же не знаетъ Маташича?

— Уже десять дней, какъ нѣтъ ни объ немъ, ни отъ него никакихъ извѣстій. Поѣхалъ въ Тирану, и слѣдъ простылъ. Этого нельзя такъ оставить. Мы очень многимъ обязаны Маташичу... Вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ заграничный паспортъ! Черезъ двое сутокъ ты долженъ быть въ Тиранѣ, разузнать все, напасть на его слѣды, и отыскать его живымъ, или мертвымъ. Понялъ?

— Понялъ!

— Богъ въ помощь!

— Самолевскій только-только успѣлъ забѣжать въ „Mon repos“ на Дворскую проститься съ Зиночкой...

47. Ошеломляющая новость.

Ирра Паэнъ была спортсменкою и закаляла себя, но все же нѣсколько минутъ въ холодной водѣ и возвращеніе съ оледенѣвшими ногами не прошли для нея безнаказанно, И, хотя вернувшись, она вытерла все тѣло крѣпкимъ одеколономъ и легла въ постель, укрытая двумя одѣялами, однако овладѣла слабость. Отяжелѣла голова и начался жаръ.

Моментами чудилось, что какая-то волна, подхвативъ ее вмѣстѣ съ кроватью, то поднимаетъ на чудовищной высоты гребень свой, то вдругъ стремительно бросаетъ на дно зіяющей бездны. И замирало сердце, замирало дыханіе. То вдругъ Ирра начинала учащенно дышать, а сердце также учащенно биться...

Какія-то хари, высовывая языкъ, дразнили ее. Эти хари сливались въ одну громадную, величиною съ пятиэтажный домъ... И она узнавала Тиртцску въ огненной раскаленной фескѣ и съ крысою на щекѣ, размѣромъ съ буйвола...

И сквозь этотъ горячій хаосъ Ирра Паэнъ сознавала: еще немного и начнется бредъ, и она будетъ уже безъ сознанія. Когда къ ней на звонокъ явилась горничная—тиролька въ бѣломъ чепцѣ, больная смутно увидѣла ее мутнымъ взглядомъ, И свой собственный голосъ зазвучалъ какъ-то глухо, и какъ то-чуждо, а голосъ горничной совсѣмъ никакъ не звучалъ. Ирра не слышала его...

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ докторъ - итальянецъ, старый военный врачъ, служившій въ колоніяхъ. Ирра, уже ничего не видѣла и не слышала. А, когда очнулась впервые, она изумилась и себѣ самой, лежащей въ кровати и сухому старику въ военной формѣ у своего изголовья. Кто онъ? Съ такимъ выдавшимся подбородкомъ и копною сѣдыхъ волосъ?

Она такъ и спросила:..

Старикъ, лукаво прищурившись, подмигнулъ: Браво, синьора, браво! И сильный же у васъ организмъ! Другая схватила бы воспаленіе легкихъ, а вы... только простудились. Осложненіе самое пустячное. Черезъ три дня вы будете уже на ногахъ.

— Сколько дней, я лежу?

— Четыре! Всего четыре! Итого въ общемъ семь, вмѣстѣ съ выздоровленіемъ... Tout compris,—и онъ засмѣялся своей шуткѣ, и еще больше выдвинулся бритый подбородокъ, обтянутый кожею.

Потомъ спросилъ:

— Какъ вы себя чувствываете?

— Слабость... Подушка оттягиваетъ голову...

— Это ничего... Пройдетъ... А, ну, покажите-ка мнѣ язычекъ?

Ирра повиновалась, думая, какой долженъ быть, при этомъ у всякаго человѣка глупый, неэстетическій видъ.

— Гле... сѣренькій налетъ еще есть. Я вамъ пропишу

одну микстурку. Вотъ что синьора, я могу забѣгать къ вамъ только, урывками, но если вамъ скучно, если вамъ нужна сидѣлка, я могу къ вамъ прислать сестру монахиню... и для большей убѣдительности, старикъ прибавилъ: elle est tres, tres charitable...

Сказано было съ такою уморительной наивностью. Ирра не могла не улыбнуться. Покачавъ головою, она отвѣтиала:

— Нѣтъ, милый докторъ, благодарю васъ... Это стѣснило бы меня. Я хочу быть одна, одна со своими мыслями.

Только, только ушелъ докторъ, горничная подала ей карточку Тиртцски.

Первымъ движеніемъ было не принять его, но Ирра Паэнъ тотчасъ же передумала. А если онъ знаетъ, что нибудь новое о Маташичѣ?

Личный секретарь Его Свѣтлости попробовалъ начать съ нравоученій, правда, весьма вѣжливыхъ и учтивыхъ.

— Вотъ видите, графиня, какая досада, что я допустилъ это хожденіе по водѣ. Я зналъ, что вы заболѣете... Такъ и случилось.

— Тиртцска, оставимъ это! Скажите лучше, что новаго?

— Его Свѣтлость ежедневно справлялся о состояніи вашего здоровья...

— Я очень признательна Его Свѣтлости за такое трогательное вниманіе къ моей особѣ... А еще?...

— Еще? Да вы ничего не знаете? Впрочемъ, я самъ узналъ только уже потомъ. Оказывается, въ Дураццо, два, или три дня стояла на рейдѣ яхта. Пріѣзжалъ этотъ англичанинъ изъ Рима, сэръ Джемсъ Муррей, со своимъ секретаремъ. Но ни тотъ, ни другой не были въ Тиранѣ. Не знаю, зачѣмъ имъ это надо было? Они хотѣли соблюсти самое строгое инкогнито. Словомъ, не болѣе, какъ partie de plaisir. Но хорошсе partie de plaisir, когда они посылали своихъ людей, и въ Дураццо и въ Тирану. Шефу кабинета все было извѣстно. О, этотъ Калучи, съумѣлъ организовать тайную полицію! Онъ зналъ все, что дѣлается на яхтѣ, и узналъ еще, что они спасли какого-то человѣка и увезли его вмѣстѣ съ собою... — Тиртцска хотѣлъ продолжать, но боязливо умолкъ, увидя, какъ глаза Ирры Паэнъ стали вдругъ большими, большими на блѣдномъ лицѣ и она даже сдѣлала попытку приподняться, но, тотчасъ же откинулась съ неяснымъ звукомъ похожимъ на стонъ...

— Что съ вами, графиня? Вамъ хуже?

Нѣтъ, нѣтъ, ничего! Скажите Тиртцска, яхта сэра Джемса когда покинула Дураццо?

—Когда? Я вамъ сейчасъ скажу.Помните, мы вечеромъ поѣхали освобождать Маташича?Ну, такъ на утро она уже исчезла, яхта.

— Вмѣстѣ съ Маташичемъ? — волнуясь подхватила Ирра.

— Почему же вмѣстѣ съ Маташичемъ? — искренно удивился Тиртцска.

— Какой вы... неужели для васъ теперь не ясна вся картина? Подъ какимъ флагомъ была яхта? Подъ англійскимъ?

— Да, подъ англійскимъ.

— Вы говорите, они спасли какого-то человѣка?

— Да. спасли.

— Никакихъ сомнѣній, это былъ Маташичъ!

Днемъ онъ увидѣлъ изъ окна башни яхту и задумалъ добраться вплавь. И это ему удалось.

— Позвольте, какимъ же образомъ? Вы сами на мѣстѣ убѣдились, что прыжокъ въ море былъ немыслимъ по причинѣ мелководія и камней.

— Но мы также убѣдились, что, во-первыхъ Маташичъ исчезъ черезъ окно,—другихъ путей не было, — и что во-вторыхъ, если бы онъ разбился, мы нашли бы его или мертвымъ, или же искалѣченнымъ. Море такъ мелко у берега, и такъ загромождено камнями, что тѣло осталось бы на мѣстѣ. Вы согласны?

— Не могу не согласиться, а только за такой прыжокъ онъ долженъ былъ заплатить жизнью.

— И какъ видите, не заплатилъ.

— Слѣдовательно, что же это такое, madame la comtesse? Произошло чудо?

— Произошло что-то такое, чего мы пока не знаемъ. Какъ отнеслись къ исчезновенію Маташича Гиліарди и Калучи?

— Калучи смѣется, Гиліарди взбѣшенъ.

Ирра Паэнъ хотѣла еще задать какой-то вопросъ, но только шевельнула губами, какъ бы глотая воздухъ. Потемнѣвшіе глаза устало закрылись. Вообще, разговоръ утомилъ ее, а открытіе, что Маташичъ, вмѣсто спасенія, очутился во власти злѣйшаго врага своего, наполнили ее тревогою и терзаніемъ...

Если онъ только живъ еще, она вырветъ его изъ когтей Армфельда какой угодно цѣною! Если же его нѣтъ?—

она ощутила ознобъ во всемъ тѣлѣ, даже въ кончикахъ пальцевъ.

Она была такъ блѣдна, и такъ неподвижна, если-бы не легкое, чуть примѣтное дрожаніе согнувшихся рѣсницъ, личный секретарь Его Свѣтлости подумалъ бы, что Ирра Паэнъ тутъ же, на его глазахъ, умерла, умерла едва-ли ни на полусловѣ.

Ему стало не по себѣ, и онъ вышелъ, пятясь спиною къ дверямъ и, по привычкѣ, кланяясь...

48. Сильная женщина.

На третій день итальянецъ-врачъ зашелъ къ своей паціенткѣ объявить, что она можетъ пройтись по комнатѣ. Но Ирры Паэнъ не было не только въ комнатѣ, не было даже въ Тиранѣ. Она оставила ему благодарственное письмо со вложеніемъ пятидесяти долларовъ. Такихъ высокихъ гонораровъ онъ за всю свою жизнь не получалъ никогда. Въ переводѣ на итальянскія лиры—сумма довольно внушительная.

И старикъ улыбался, и подбородокъ, обтянутый кожею, еще больше вылѣзалъ впередъ..

Въ особнякѣ на улицѣ Четырехъ Фонтановъ, измѣнивъ своему зловѣще безстрастному виду, Марія всплеснула руками, — такъ поразила ее своею блѣдностью похудѣвшая Ирра Паэнъ.

— Санта Анна! Что съ вами, дорогая моя сеньора? Вы вся, какъ воскъ, прозрачная!..

— Это тебѣ показалось, — отвѣтила госпожа съ подобіемъ улыбки, сама себя спрашивая: неужели такъ плохо выгляжу?

Надо взять себя въ руки! Вдвойнѣ боленъ тотъ, кто внушаетъ себѣ, что онъ боленъ.

И она взяла себя въ руки.

Позвонила въ палаццо на Via-Sistina.

У телефона оказался сэръ Джемсъ.

— Какъ, вы уже здѣсь?! — удивился онъ, въ предѣлахъ своихъ способностей удивляться, — такъ скоро? — И тотчасъ же, самъ себя опровергъ: — Впрочемъ, вамъ больше уже нечего дѣлать среди этихъ дикарей. Миссія выполнена блестяще, вамъ надлежитъ получить слѣдующія сто тысячъ долларовъ. Прислать вамъ, или вы сами заѣдете?

— Какъ вамъ угодно, — былъ небрежный отвѣтъ — Сэръ Джемсъ, что вы сдѣлали съ Маташичемъ?

— Я? Ничего ровно! Лично меня Маташичъ менѣе всего интересуетъ. Это дѣло Армфельда. У нихъ тамъ свои старые счеты... А затѣмъ поднакопились и новые. Армфельдъ его приревновалъ къ одной дамѣ.

— Гдѣ онъ?

— Кто, Армфельдъ? Уѣхалъ на нѣсколько часовъ по моему порученію во Флоренцію. Мы только вчера вернулись послѣ маленькой морской прогулки.

— Я спрашиваю о Маташичѣ! — перебила Паэнъ съ раздраженіемъ.

— Ахъ, о Маташичѣ? Откровенно говоря, не знаю, гдѣ онъ. Да признаться, и не интересуюсь.

— Онъ живъ?

— Думаю, что живъ. Во время нашего плаванія Армфельдъ гдѣ-то ссадилъ его. Гдѣ, честное слово, не знаю! Во-первыхъ, это было ночью и я спалъ, а во-вторыхъ, я такъ слабъ въ географіи всѣхъ этихъ береговъ... Смѣю васъ увѣрить, больше ничего не знаю.., Армфельдъ, если только захочетъ, гораздо лучше васъ проинформируетъ. Когда онъ вернется, я прикажу ему доставить вамъ деньги и вы сами возьмете его въ оборотъ. А вами я очень, очень доволенъ...

Ирра молча и рѣзко повѣсила трубку. Ей до такой степени все равно, доволенъ или недоволенъ ею этотъ господинъ, съ лицомъ утопленника и съ острыми ушами. Совсѣмъ недавно еще она была бы польщена такой похвалою профессіональному искусству своему. Да, была бы польщена внутри, не показавъ этого, и отвѣтивъ чѣмъ-нибудь насмѣшливо-ироническимъ. А сейчасъ, сейчасъ ей было не до ироніи. Она сдержалась, чтобы не наговорить сэру Джемсу Муррей самыхъ оскорбительныхъ рѣзкостей. Какъ онъ смѣлъ контролировать ее, сидя на яхтѣ и думая, что она не узнаетъ объ этомъ? Какой это глупый фарсъ! Какое мальчишество! И, подумать, этотъ человѣкъ сильнѣе многихъ великодержавныхъ министровъ, вмѣстѣ взятыхъ и считается однимъ изъ дѣятелей чуть-ли не міровой политики!

Ирра Паэнъ возненавидѣла Сэра Джемса, возненавидѣла всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось имѣть дѣло. И въ этой ненависти не щадила и самое себя...

Физическая слабость еще не покинула ее. Тянуло не

ко сну, нѣтъ,—сонъ ускользалъ отъ нея,—а лежать, лежать, лежать безъ конца...

И сквозь прозрачную дрему, слухъ чуткій, изощренный ловилъ, такъ мучительно желалъ поймать разсыпчатую сухую, дробь звонка, звонка, вслѣдъ за которымъ ей доложила бы Марія, что пришелъ Армфельдъ. И такъ и было на слѣдующій день, но только звонокъ вспугнулъ Ирру Паэнъ, разбудивъ ее. Она все-таки забылась, уснувъ, какъ слѣдуетъ.

Но тревога была впустую. Заходилъ какой то господинъ справиться, нѣтъ ли вѣстей, о владѣлицѣ особняка княгини Долгорукой?

Часа черезъ два, новый звонокъ, и уже на этотъ разъ, — это былъ Армфельдъ.

Ирра Паэнъ вышла къ нему не сразу, при всемъ страшномъ желаніи поскорѣе узнать о Маташичѣ. Увидя ее слабой, этотъ хищникъ подумаетъ, что увидѣлъ ее сломленной, а этого не должно быть.

И, вотъ, гдѣ сказалась въ ней безподобная актриса, актриса жизни. Посидѣвъ нѣсколько минутъ у зеркала, наведя тонко и искусно румянецъ, усиліемъ воли заставивъ исчезнуть томное и мягкое выраженіе глазъ, еще не совсѣмъ выздоровѣвшая, она вышла къ нему энергичная, бодрая, подтянутая вся, съ гордо, почти надменно поднятой головою.

Онъ всталъ, держа въ лѣвой рукѣ туго набитый портфель.

— Я принесъ деньги... Сейчасъ...—и онъ уже хотѣлъ открыть портфель, но она остановила его.

— Потомъ, успѣете!

— Я слышалъ, вы себя плохо чувствуете? Слышамъ... Но вашъ видъ... я очень радъ...

— Садитесь Армфельдъ, и отвѣчайте мнѣ, безо всякой лжи, и безо всякихъ увертокъ: Вы похитили Маташича?

Онъ колебался сначала. Его бритое лицо стало напряженнымъ, шевельнулись, прижатые къ черепу уши, и онъ: помимо воли: не совсѣмъ твердо произнесъ:

— Да...

— Гдѣ онъ?

— Я его упряталъ въ надежное мѣсто...

— Онъ живъ?

— Живъ... пока... Я искалъ случая отомстить ему. Долго мнѣ это не удавалось, а теперь, теперь мой часъ пробилъ!

— Мстить? За что? Въ сущности, Маташичъ вашимъ личнымъ врагомъ никогда не былъ, и лично вамъ ничего дурного не сдѣлалъ. Я поняла бы еще, если бы онъ отнялъ отъ васъ любимую женщину...

— Онъ именно это и сдѣлалъ. И вы знаете о комъ идетъ рѣчь.

— Полноте, Армфельдъ! Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ вамъ захотѣлось тогда обладать мною... И только...

— Это совсѣмъ не такъ, я... я влюбленъ въ васъ...

— Ну, вотъ что, изъ области невѣсомыхъ чувствъ перейдемъ къ тому, что дается на ощупь,—къ реальному! Давайте торговаться, какъ двое честныхъ купцовъ. Я готова пойти на всѣ ваши условія за его свободу.

— А, если я буду непреклоненъ, и вамъ ничѣмъ не удастся меня купить? Что тогда?

— Тогда, Армфельдъ! — молвила она раздѣльно, твердо и съ упругимъ, синеватымъ блескомъ въ глазахъ,— тогда вы сами себѣ создадите такого врага въ моемъ лицѣ, какого у васъ не было, да и не будетъ! Вы поплатитесь, жестоко поплатитесь за ваше упрямство! Это будетъ уже настоящая месть!

Армфельдъ хотѣлъ вызывающе улыбнуться, но, вмѣсто вызова, получилось, что-то вымученное. Онъ спросилъ, далеко не твердо:

— Что же это? Угроза физически расправиться со мною?

— Я не остановилась-бы ни передъ чѣмъ... Зная меня, вы не сомнѣваетесь въ этомъ...

Онъ пожалъ плечами.

— Что-же, если такъ, давайте будемъ торговаться... Вы сказали, что готовы принять какія угодно условія... Понимаете, какія угодно? — подчеркнулъ онъ.

— Я никогда не беру своихъ словъ назадъ...

— Значитъ, если бы за голову Маташича я потребовалъ того, зачѣмъ пріѣхалъ тогда въ ту памятную ночь?

— Вы получили бы желаемое, получили бы, несмотря на все мое отвращеніе къ вамъ... Но, только будемъ откровенны, Армфельдъ... Зачѣмъ вамъ это? Удовольствія вы не получите. Есть много женщинъ, куда болѣе интересныхъ чѣмъ я, готовыхъ броситься въ ваши объятія. Зачѣмъ вамъ это?

— Зачѣмъ? Чтобы видѣть васъ, сильную, гордую — униженной. растоптанной. Вотъ зачѣмъ!..

— Ахъ, такъ!—вырвалось у нея,—ошибаетесь Армфельдъ, ни униженной, ни растоптанной не увидѣли бы вы меня! Этого удовольствія я не доставила бы вамъ... Значитъ отпадаетъ и этотъ дешевый, дурного тона демонизмъ. Что же еще остается? Будь вы большевистскій комиссаръ изъ плебеевъ, желающій хоть на мигъ имѣть любовницей женщину голубой крови, въ тонкомъ бѣльѣ, надушенную, изящную, я бы васъ поняла, но, вѣдь, вы не комиссаръ, и не плебей, въ вашихъ собственныхъ жилахъ течетъ голубая кровь и такимъ любовницамъ вы навѣрное сами потеряли счетъ... Слѣдовательно, Армфельдъ, начнемъ торговаться въ другой плоскости. Это будетъ выгоднѣе для насъ обоихъ.

— Кто знаетъ, кто знаетъ?—молвилъ онъ съ оттѣнкомъ вызова.—А если я потребую такую сумму... Если я разорю васъ?

— Меня этимъ не испугаете...

— Однако, однако, если я поставлю вамъ, ну, хотя бы такія условія... Эти, находящіеся въ портфелѣ, сто тысячъ долларовъ, — мои... Въ видѣ задатка... Я немедленно начинаю дѣйствовать, а въ моментъ, когда я изъ рукъ въ руки передамъ вамъ графа Маташича, вы передадите мнѣ еще такую же сумму плюсъ половину вашихъ брилліантовъ? Имѣйте въ виду, я кое-что понимаю въ камняхъ и потребую лучшіе. Лучшіе, Ирра Паэнъ, слышите! — и онъ смотрѣлъ на нее, желая насладиться ея смятеніемъ и растерянностью, и еще чѣмъ-то, — вѣдь для женщины ея брилліанты — все! Но Ирра Паэнъ была непроницаема. Онъ поразился ея великолѣпнымъ спокойствіемъ. Онъ позавидовалъ Маташичу. Какъ она его любитъ!.. И не удержался и высказалъ это вслухъ:

— Я хотѣлъ бы очутится на его мѣстѣ... Но стоитъ-ли онъ такого сильнаго чувства?

Послѣднія слова остались безъ отвѣта.

Паэнъ ограничилась двумя словами:

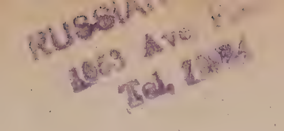
— Я согласна.

— И вы дадите мнѣ полную свободу? Я могу выбрать, что захочу? Напримѣръ, напримѣръ это колье, изъ голубыхъ брилліантовъ, въ тончайшей платиновой оправѣ?

— Оно будетъ ваше.

— Скажите, правда, что это колье было подарено знаменитымъ брилліантовымъ королемъ Сесилемъ Родсомъ княгинѣ Радзивиллъ? Это вѣрно?

— Да, оно было собственностью княгини Радзивиллъ.

Армфельдъ, всегда такой холодный, корректный, измѣнилъ себѣ на этотъ разъ. Алчнымъ блескомъ вспыхнули безцвѣтные глаза, и онъ дрожалъ, весь дрожалъ мелкой дрожью. Такъ дрожатъ въ моменты подлаго страха и грубой низменной похоти...

Армфельдъ съ минуту не могъ вымолвить ни звука. Потомъ сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Такъ оно будетъ моимъ, это самое колье?

Получая Маташича, вы мнѣ его передадите изъ рукъ въ руки?

— Да!

— И тотъ браслетъ съ большимъ индійскимъ изумрудомъ?

— Къ чему эти перечисленія? Вы возьмете все, что пожелаете...

— Въ такомъ случаѣ мы договорились. Я вамъ вѣрю, черезъ два-три дня я пріѣду къ вамъ вмѣстѣ съ Маташичемъ! Черезъ два часа я покидаю Римъ. До скораго свиданія.

49. Самолевскій не теряетъ времени.

Едва Порфиріо Самолевскій успѣлъ пріѣхать въ столицу Албаніи, едва успѣлъ занять номеръ въ „Континенталѣ“, къ нему безъ стука вошелъ жандармъ, въ новенькой гусарской формѣ, и на какомъ—то невозможномъ смѣшеніи сербскаго съ итальянскимъ и своего родного языковъ, потребовалъ паспортъ.

Хотя у Самолевскаго паспортъ былъ въ полной исправности и нечего было бояться, онъ предпочелъ, однако, вмѣсто паспорта, показать жандарму узенькій долларъ.

При этомъ Самолевскій подмигнулъ и глазомъ и широкой черной бровью.

И жандармъ въ отвѣтъ подмигнулъ, только болѣе почтительно.

Паспортъ пріѣзжаго остался у него въ карманѣ, а узенькій долларъ остался въ карманѣ жандарма.

За первымъ визитомъ воспослѣдовалъ второй.

Это уже не былъ жандармъ, въ гусарской формѣ, а какой-то агентъ политической полиціи въ штатскомъ. Онъ оказался культурнѣе своего предшественника. Во первыхъ, онъ прежде, чѣмъ войти, постучалъ, во вторыхъ, былъ почти галантенъ, а, въ третьихъ, заговорилъ на такомъ французскомъ языкѣ, которому позавидовалъ бы самъ

профессоръ Церини. Правда, это не было Богъ вѣсть что, но понять было можно.

Агентъ, придавъ своей черномазой и не совсѣмъ опрятной особѣ таинственный видъ, заговорилъ почти шепотомъ:

— Же ву демандъ, пардонъ, мосье. Но, вы понимаете, время не спокойное... Да, да, неспокойное, и поэтому, ву компренэ, мало ли что... Я вижу, что вы грансеньеръ... О, не безпокойтесь, у меня вѣрный глазъ, но, все-же, анъ ту ка, мало-ли что.

— Отъ него долларомъ не отдѣлаешься,—дамъ два! —рѣшилъ Самолевскій, Къ тому же, онъ былъ весьма проьщенъ. До сихъ поръ еще никто не называлъ его грансеньеромъ...

И, не успѣлъ онъ протянуть, два узенькихъ доллара, агентъ ловко подхватилъ ихъ, какъ на лету.

— Конечно, я не ошибся! Ву зетъ енъ веритабль гран сеньеръ! Вашъ паспортъ? Я не хочу знать, кто вы такой. Но, если вы офицеръ, это вамъ, обойдется еще въ двѣ такихъ бумажки, И только. И больше ничего! И я знать ничего не знаю.

— Чортъ съ нимъ, прибавлю еще, эта каналья можетъ пригодится,—подумалъ Самолевскій, и не ошибся.

Агенту не хотѣлось уходить. Онъ закурилъ предложенную папиросу и, сѣвъ на предложенный стулъ, показалъ желтые, давно не чищенные ботинки и далеко не свѣжіе носки. Четыре доллара возымѣли свое дѣйствіе, развязавъ и безъ того словоохотливый языкъ.

— Ле танъ сонъ мове, монъ колонель! Я боюсь, что этотъ альянсъ съ нашими сосѣдями итальянцами, окажется фатальнымъ для Его Свѣтлости... Уже въ провинціи начались волненія... Уже тамъ кричатъ: „Ахмедъ-Зогу продалъ насъ Риму“! Ву компронэ, сэ не па бонъ! Открытъ заговоръ. Въ наши руки попали имена конспираторовъ. Его Свѣтлость приказалъ схватить заговорщиковъ. А заговорщики, все знантые беги. Двоихъ повѣсили. Они и сейчасъ висятъ на базарной площади. Совѣтую взглянуть. Очень интересно!..

— Терроръ?—полюбопытствовалъ Самолевскій.

— Терроръ,—кивнулъ агентъ.—У его свѣтлости желѣзная рука. Но почемъ знать, что будетъ дальше?..

Итальянцы уже перетрусили, ихъ офицеры не ходятъ въ одиночку. Ихъ отряды боятся даже высунуть носъ за предѣлы столицы.

Учитывая обстановку, Самолевскій довольный, самъ себя похвалилъ. Молодецъ Порфирій! Въ самое веселенькое время попалъ сюда! Будетъ чѣмъ порадовать Божу Матовича! Держись, Порфирій! Только бы во время унести отсюда свою голову и все будетъ хорошо! Кстати, навѣрное этотъ самый типчикъ знаетъ кое-что про Маташича.

Онъ предложилъ гостю новую папироску.

— Скажите, не знаете ли вы... По долгу службы вы обязаны все знать. Меня интересуетъ нѣкій графъ Маташичъ. Говорятъ, онъ былъ у васъ, здѣсь въ Тиранѣ. И вдругъ исчезъ...

Агентъ, прищуривъ одинъ глазъ, усмѣхнулся.

— Графъ Маташичъ? О. это цѣлая исторія, и, какъ всегда, замѣшана женщина. Тужуръ шерше ля фамъ! Тужуръ!

И агентъ разсказалъ все, что ему было извѣстно. А извѣстно было ему то же, что и намъ, включительно до момента, когда бѣжавшій Маташичъ очутился на палубѣ яхты „Діана“.

Самолевскій что-то соображалъ, сдвинувъ широкія брови свои.

— Этимъ ваши свѣдѣнія о графѣ Маташичѣ заканчиваются.

— Заканчиваются, монъ колонель. Больше я ничего не могу прибавить. Но, я, пожалуй, прибавлю одно: я думаю, рѣдко чье-нибудь бѣгство завершалось такъ благополучно. Не правда-ли господинъ полковникъ?

— Во первыхъ, не называйте меня полковникомъ...

— Какъ. развѣ...

— Да, я не полковникъ! А, во вторыхъ, я не согласенъ съ вами, и считаю это бѣгствомъ, совсѣмъ не благополучнымъ.

— Но, вѣдь графъ попалъ на англійскую яхту! Подъ защиту Британскаго флага! Я... отказываюсь понимать...

— Сейчасъ, можетъ быть поймете! — наставительно молвилъ Самолевскій. — Вотъ уже недѣля, какъ онъ исчезъ. Если бы графъ Маташичъ не былъ лишенъ свободы, и могъ сноситься съ внѣшнимъ міромъ, отъ тотчасъ же далъ бы вѣсточку о себѣ...

— Кому?

— Ну, хотя бы прежде всего своей семьѣ—безъ малѣйшей запинки, съимпровизировалъ Самолевскій.

— А, у него семья?

— И даже очень большая. Жена и пятеро дѣтей.

— Ахъ, вотъ какъ! Да, это разумѣется странно хотя, вѣдь это же яхта какого-то англійскаго лорда. Нельзя же допустить, чтобы англійскій лордъ оказался пиратомъ? Нельзя, монъ ко.. нельзя мосье! Вы сами этаго не допускаете.

— Не допускаю—въ теоріи! Практически же мы видимъ, что по тѣмъ, или другимъ причинамъ яхта „Діана" явилась для графа Маташича продолженіемъ его плѣна. И, наконецъ, почему вы увѣрены, что это долженъ быть непремѣнно лордъ?

— Я не увѣренъ, мосье, но кто же можетъ разгуливать по морямъ на своей собственной яхтѣ, кромѣ англійскаго лорда, если, если это не американскій милліардеръ?

На это Самолевскій ничего не отвѣтилъ. Онъ опять сдвинулъ брови, что-то соображая. Агентъ нарушилъ теченіе его мыслей.

— Мосье, я сдѣлаю все возможное, чтобы сегодня-же... Нѣтъ, не успѣю сегодня... Чтобы завтра информировать васъ болѣе обстоятельно. Можетъ быть, я кое-что узнаю. Я пользуюсь довѣріемъ самаго Тиртцски. Это — секретарь Его Свѣтлости. Одна изъ вліятельнѣйшихъ персонъ во всемъ королевствѣ. Даже больше... У меня есть ходъ къ самому Калучи, шефу кабинета. Ме, ву компренэ, иль фо келькъ шозъ буаръ е манже, а у меня семья еще болѣе многочисленная, чѣмъ у графа Маташича...

Самолевскій не могъ удержаться отъ улыбки.

— Сколько же у васъ дѣтей?

— Шестеро, мосье, шестеро! Жена седьмая!

— Хорошо! Если завтрашняя информація прольетъ какой-нибудь свѣтъ, вы получите еще восемь долларовъ, по одному, на каждаго изъ вашихъ дѣтей, и на вашу почтенную супругу, Я вижу, вамъ нравятся мои папиросы? Возьмите сразу нѣсколько... На дорогу! Да, вотъ что еще постарайтесь узнать гдѣ и въ какомъ порту находится яхта „Діана?"

50. Не все благополучно въ Албанскомъ государствѣ.

Второй визитеръ оказался послѣднимъ.

Очевидно этотъ жандармъ и этотъ агентъ облюбовали себѣ эту гостинницу для полученія безгрѣшныхъ доходовъ съ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ нельзя было при-

числить къ „знатнымъ“, а слѣдовательно, могущимъ постоять за себя и отстоять свои комнаты и паспорта свои отъ азіатскихъ пріемовъ мѣстной жандармеріи и полиціи.

Самолевскій не удивился нисколько. Профессія русскаго бѣженца,—а это за десять лѣтъ обратилось уже въ профессію,—научила его не удивляться никому и ничему.

Поэтому не удивился онъ и двумъ повѣшеннымъ на базарной площади. Какой пустякъ по сравненію съ краснымъ терроромъ большевиковъ, когда въ одномъ городѣ и въ одну ночь разстрѣливались сотни бѣлогвардейцевъ, и не за мятежъ противъ совѣтской власти, а единственно, за свое буржуазное происхожденіе. За бѣлыя, немозолистыя руки.

Но, все же Самолевскаго потянуло взглянуть на повѣшенныхъ. Въ мертвомъ человѣкѣ всегда больше жутко притягивающей тайны, чѣмъ въ живомъ. Въ особенности, если этотъ мертвый человѣкъ находится не въ горизонтальномъ положеніи въ своемъ гробу, а виситъ вертикально, между двумя столбами.

Вечеръ былъ холодный. Благословенное декабрьское лѣто прошло, и безо всякихъ переходовъ наступила зима, безснѣжная, съ морозомъ въ три- -четыре градуса.

Словомъ, въ Тиранѣ — Бенъ Зогу называлъ ее Флоренціей по мѣсту положенія, показывая этимъ, что онъ былъ во Флоренціи,—наступили холода.

На улицѣ Самолевскій поднялъ воротникъ своего осенняго пальто. Самолевскій убѣдился, что агентъ не-навралъ ему, и дѣйствительно, въ столицѣ настроеніе не только приподнятое, а и близкое къ военному положенію. Италіанскіе офицеры, кто попарно, кто группами, и у каждаго карабинъ. Патрули изъ албанцевъ, италіянцевъ и изъ русскихъ офицеровъ, назадъ тому недѣль пять, шесть завоевавшихъ Тирану.

Въ этихъ патруляхъ, и въ италіянскихъ офицерахъ—они двигались и перекликались въ вечернихъ сумеркахъ—было что-то воинственное и живописное. Но Самолевскому было не до живописности. Онъ видѣлъ, какъ эти вооруженные силуэты останавливали прохожихъ, требуя удостовѣреніе личности. Сербскій паспортъ можетъ повлечь непріятности, особенно, если это будетъ италіянскій патруль.

Такъ и есть! Два карабинера. И слѣва и справа изъ подъ треуголокъ, смотрѣли на него смуглыя, усатыя лица! То ли карабинеры были не въ духѣ, то ли они озябли въ своихъ легенькихъ вицмундирахъ, то ли имъ пока-

зался, подозрительнымъ Самолевскій, но во всякомъ случаѣ, они осыпали его такой гвѣвной скороговоркою, онъ при всемъ своемъ желаніи уразумѣть что-нибудь, — ничего не понялъ.

Онъ разобралъ только одно слово — „маскальцоне“, нѣсколько разъ повторенное. Самолевскій зналъ, что „маскальцоне“ означаетъ мошенникъ и въ данномъ случаѣ, обращено къ нему, Самолевскому.

Онъ хотѣлъ вынуть и показать свой паспортъ, но ему не дали этого сдѣлать. Карабинеры схватили съ обѣихъ сторонъ, увлекая за собою. Онъ понялъ одно, если его приволокутъ на „постъ“ и обнаружится, что у него сербскій паспортъ,—его изобьютъ. А затѣмъ, затѣмъ могутъ выслать на лучшій конецъ. Но и этотъ „лучшій конецъ“ нисколько не прельщалъ Самолевскаго.

Божа Матовичъ далъ ему порученіе, и онъ, Самолевскій, долженъ его исполнить. какой угодно цѣною. А кромѣ того,—полумилліонная премія и вилла въ Топчидерѣ.

Самолевскій попробовалъ вырваться. Увы, сильными парнями оказались усачи въ треуголкахъ. Но, и помимо этого, они знали особенные пріемы, нѣчто вродѣ японской джіу-джитцу: искусство держать человѣка за руки,—малѣйшее движеніе и рука сломана.

И все-таки Самолевскjй пытался освободить свои крѣпко зажатыя руки.

Одинъ изъ усачей хватилъ его по спинѣ прикладомъ коротенькаго карабина.

Этотъ ударъ высѣкъ изъ глазъ Самолевскаго, пожалуй, столько же искръ, сколько было звѣздъ въ этихъ вечернихъ небесахъ. Еще одинъ такой ударъ и не увидишь уже даже искръ, ничего не увидишь...

Такъ прослѣдовали шаговъ около двухсотъ. Навстрѣчу маленькій домъ съ вывѣской: „Карабиньери реали.“

Прочитавъ эти два слова, человѣкъ съ широким бровями сначала погасъ, но тотчасъ же воспрянулъ духомъ. Онъ долженъ вырваться во что бы то ни стало! Долженъ!

Но избавленіе пришло, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, неожиданно. У самаго дома, гдѣ помѣщался постъ королевскихъ карабинеровъ, оба усача съ арестованнымъ Самолевскимъ грудь съ грудью столкнулись съ офицерскимъ русскимъ патрулемъ. Его велъ Зауръ-Бекъ.

Глаза встрѣтились. Тотчасъ же узнали другъ друга.

Еще бы, сколько самой крѣпкой сливовицы, сколько лучшаго далматинскаго вина было выпито въ Бѣлградѣ, за однимъ столомъ, въ одной компаніи!

— Это, что такое?—воскликнулъ Зауръ-Бекъ.

— Господинъ ротмистръ, освободите меня!—взывалъ Самолевскій.—Эти разбойники схватили меня и тащутъ.—Самолевскій хотѣлъ еще что-то прибавить, но Зауръ-Бекъ уже не слушалъ.

— Какъ вы смѣли арестовать человѣка безо всякаго повода? Какъ вы смѣли? — по французски накинулся Зауръ-Бекъ, на молодцеватыхъ карабинеровъ, мигомъ утратившихъ всю свою молодцеватость. Зауръ-Бекъ вогналъ ихъ въ трепетъ и своей черкеской, и своей папахой и всѣмъ своимъ янычарско-свирѣпымъ видомъ. Да и, кромѣ того, страшный человѣкъ этотъ съ кинжаломъ, револьверомъ, винтовкою и шашкой былъ не одинъ.

Но, страхъ—страхомъ, а сдавать свои позиціи не очень-то хотѣлось королевскимъ карабинерамъ.

Одинъ, постарше съ угломъ на рукавѣ спросилъ, хотя и далеко неувѣренно:

— Собственно говоря, по какому праву... Собственно говоря, мы отдаемъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только нашему капитану.

— Вотъ, я вамъ покажу,—отчетъ!—вскипѣлъ Зауръ-Бекъ, уже на чисто русскомъ языкѣ, по сколько у этого кавказца онъ могъ быть чистымъ. — Господа, уберите мнѣ этихъ опереточныхъ щеголей!

Патруль оттиснулъ карабинеровъ такъ энергично, оба стушевались уже безо всякихъ протестовъ. И, когда Зауръ-Бекъ, подъ руку взявшій Самолевскаго, вмѣстѣ съ патрулемъ исчезъ во мракѣ, карабинеры долго еще повторяли:

— Козако! Козако!...

Въ глазахъ итальянцевъ, каждый русскій, фантастически, по ихъ мнѣнію фантастически одѣтый, долженъ быть непремѣнно козакъ.

Самолевскій довольный, что такъ дешево отдѣлался, — подъ защитою Зауръ-Бека ему не страшны никакіе карабинеры, — предложилъ:

— А хорошо бы намъ поужинать вмѣстѣ, господинъ ротмистръ?..

— Мысль не плохая! — отозвался ингушъ. — Къ тому же цѣлый букетъ удовольствій! И со свѣжимъ человѣкомъ изъ Бѣлграда перекинуться новостями, и согрѣться коньякомъ съ холода, и, наконецъ, я, вообще люблю, посидѣть въ кабакѣ,

— Кто же васъ смѣнитъ?

— Кто? — округлилъ Зауръ-Бекъ свои и безъ того круглые птичьи глаза горца, — я самъ себя смѣню! Довольно балагана! Вы думаете въ этомъ самомъ патрулированіи есть какой-нибудь толкъ? Чепуха! За ужиномъ я вамъ объясню, отчего это, по моему мнѣнію, чепуха...

И минутъ черезъ двадцать, когда въ „Континенталѣ“, сидя только вдвоемъ, они пили коньякъ, не отставая другъ отъ друга, Зауръ-Бекъ объяснилъ:

— Мы всѣ вмѣстѣ съ итальянцами и, самое главное, вмѣстѣ съ этимъ Ахмедъ-Зогу, сидимъ на вулканѣ. Виноватъ Ахмедъ-Зогу! Онъ перекрутилъ веревку. Еще не укрѣпившись самъ, началъ довольно усердно и даже весьма, расправляться со своими политическими противниками...

— Ну, да для васъ это пара пустяковъ! — подмигнулъ Самолевскій. — Вы посадили его вы его и удержите.

— Я не сказалъ бы... Посадить легче, чѣмъ удержать. Особенно, если тотъ, кого надо удержать, полонъ маніей величія и дѣлаетъ глупость за глупостью, совсѣмъ, однако, не будучи глупымъ... Итальянцы плохіе совѣтчики, а онъ слушаетъ ихъ... Они совсѣмъ не колонизаторы. Имъ чужда психологія Востока. И здѣсь, — то же самое!.. Вотъ они какое количество нагнали войска, а проникнуть вглубь страны не могутъ и не смѣютъ... Далеко имъ въ этомъ отношеніи до французовъ!.. Вотъ вамъ примѣръ:

Одинъ видный инженеръ долженъ былъ поѣхать на изысканія чуть ли не до самой греческой границы. Просятъ командира всего оккупаціоннаго корпуса дать ему конвой. Тотъ говоритъ: „Я вамъ, ничего не могу дать! Одной роты будетъ съ васъ мало, а ослабить гарнизонъ на цѣлый полкъ я не могу, да и въ смыслѣ продовольствія невозможно. Чѣмъ они будутъ питаться на полудикой греческой границѣ?“ Соображаете? Похоже на анекдотъ, а между тѣмъ, фактъ.

— Да, оно дѣйствительно не того,—согласился Порфиріо.—Ну, и не поѣхалъ инженеръ?

— Нѣтъ, поѣхалъ! Я его выручилъ. Позвалъ къ себѣ пять мѣстныхъ албанцевъ, выбралъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, потолковалъ съ ними. Сговорились въ нѣсколько минутъ. Первое дѣло—бакшишъ! Они получаютъ двадцать наполеоновъ сейчасъ и сорокъ по возвращеніи вмѣстѣ съ инженеромъ. Должны его, какъ зѣницу ока, беречь, и сберегутъ, и сумѣютъ столковаться съ племенами, черезъ землю которыхъ будутъ проходить. Милый другъ, вотъ, какъ дѣлаются подобныя дѣла. А то цѣлый батальі-

онъ посылать? Клянусь Аллахомъ, этотъ самый баталіонъ не вернулся бы ни за что! Вырѣзали бы до послѣдняго человѣка, и всего за какихъ-нибудь тридцать километровъ отсюда. Дали бы втянуться въ горы, обстрѣлъ, паника и пошли бы работать ножи. Командованіе увѣрено въ этомъ не хуже меня, и дальше топтанія между Тираной и Дураццо не пойдетъ у нихъ. Это бы еще ничего, но въ одинъ прекрасный день возставшія племена могутъ сбросить ихъ въ море, какъ уже сбрасывали. Мы можемъ, русскіе, держать албанцевъ въ страхѣ. Могутъ сербы, а итальянцы не могутъ! Лично я, посмотрю, посмотрю и по всей вѣроятности, уѣду. Не нравится мнѣ эта лавочка...

Длительный ужинъ, длительная бесѣда. Порфиріо, какъ губка, напитывался интересными свѣдѣніями.

Напослѣдокъ, Зауръ далъ ему цѣнный совѣтъ: сидѣть у себя въ номерѣ и благоразумно уѣхать, какъ можно скорѣе.

Утромъ онъ былъ еще въ постели, пришелъ вчерашній агентъ.

— Бонъ журъ, мосье ле колонель. Я узналъ все, все, что вамъ угодно было знать...

— А, именно?

— Сейчасъ скажу, сейчасъ... Но, только вы знаете, мой младшій сынъ заболѣлъ... докторъ... аптека...

— Но, вѣдь, это же меня не касается, и къ дѣлу не относится!

— Же ву демандъ, пардонъ, касается! Касается нашихъ взаимоотношеній... Я человѣкъ бѣдный, болѣзнь сына, словомъ, информаціи мои будутъ стоить дороже всего только на два доллара.

— Чортъ съ вами! Я вамъ прибавлю, только говорите! Говорите же!

— Интересующая васъ яхта „Діана“ стоитъ на якорѣ въ Венеціи.

— И долго еще будетъ стоять?

— Этого я не знаю. Чего не знаю, того не знаю!

— Это я узнаю и безъ вашего содѣйствія. Мой русскій пріятель черезъ итальянское командованіе запроситъ Венецію либо по радіо, либо по прямому проводу. Вотъ вамъ, ваши деньги и желаю, чтобы вашъ младшій сынъ былъ всю жизнь здоровъ и силенъ, какъ Геркулесъ.

— Мерси, мерси миль фуа! О, ву зетъ енъ вэритабль гранъ сеньоръ!

А Порфиріо вскочилъ съ постели. Ни одной минуты нельзя терять...

51. Человѣкъ съ бѣлой яхты.

Въ Венеціи Порфиріо Самолевскій очутился впервые.

Онъ кое-что слышалъ, кое-что успѣлъ прочесть о Венеціи. Видѣлъ кино-съемки и Дворца дожей и площади Санъ-Марка и моста Ріальто.

Но, дѣйствительность опрокинула всѣ эти чтенія, разсказы, фильмы.

И Порфиріо былъ изумленъ, когда, не успѣвъ выйти изъ-подъ сводовъ закопченнаго вокзала, очутился у самой воды, и въ гостинницу пришлось не ѣхать, а плыть. Удивляли его настоящія гондолы и настоящіе гондольеры. Удивилъ его отель Бауэръ съ мраморною лѣстницею—на половину въ мутной водѣ Большого канала. Вообще, онъ удивлялся безъ конца, какъ удивляются всѣ, впервые очутившись въ этомъ городѣ, прекрасномъ, какъ восточный миражъ.

Липкій, нахальный гидъ содралъ съ него пятьдесятъ лиръ, за то, что показалъ Дворецъ дожей и пустой прямоугольникъ, гдѣ висѣлъ портретъ Марино Фальери, измѣнившаго республикѣ.

Порфиріо только тогда позволилъ себѣ знакомиться съ достопримѣчательностями Венеціи—а она вся сплошная достопримѣчательность,—когда убѣдился, что стройная, бѣлая „Діана“ легкимъ силуэтомъ своимъ намѣчается у островка Санъ-Джоржіо, и узналъ, что быть можетъ, „Діана“ останется здѣсь на весну.

Планъ его былъ простъ: Познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ экипажа: „Діаны“, и вывѣдать о судьбѣ Маташича.

Но, и самые простые планы отодвигаются сплошь да рядомъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Нѣсколько дней, по нѣсколько часовъ бродилъ Самолевскій по Піацттѣ въ надеждѣ перехватить какого-нибудь матроса съ „Діаны“, и какъ на грѣхъ — ни одного! Можно подумать, нѣмцы сидятъ у себя тамъ, закупорившись и никогда не бываютъ въ городѣ.

Отъ скуки и бездѣлья Порфиріо изучалъ сухопутныя сообщенія Венеціи, всѣ эти лабиринты узенькихъ улицъ, тупиковъ, изогнутыхъ аркою мостиковъ.

Поразилъ его мощностью своею конный монументъ

кондотьера Калеоне. Не зналъ Самолевскій, что это кондотьеръ Калеоне, и что безсмертный Вероккіо создалъ этотъ дивный памятникъ... Но, былъ восхищенъ силою желѣзнаго закованнаго въ желѣзо человѣка.

— Такого бы намъ. въ Россію! — подумалъ Самолевскій. — Да и не только въ Россіи, а и во всей Европѣ навелъ бы порядокъ.

Только на пятый день повезло...

Передъ соборомъ Санъ-Марко, онъ стоялъ у мачты, глядя, какъ женщины и дѣти кормятъ голубей, и дымя крѣпчайшей тосканой.

О, счастье! Въ двухъ шагахъ отъ себя онъ увидѣлъ матроса съ открытой шеей, грудастаго, съ бѣлыми бровями. Онъ тоже созерцалъ кормленіе голубей, а на черномъ околышѣ, его круглой шапочки, было написано, золотомъ „Діана".

Молодъ и глупъ, глупъ и молодъ—было первое впечатлѣніе. И оно обострилось, когда Самолевскій замѣтилъ, какъ смѣется этотъ бѣлобровый и бѣлозубый крѣпышъ.

Съ нимъ особенную дипломатію разводить нечего.

Раскрывъ свой кожанный портсигаръ, Самолевскій предложилъ ему тоскану.

— Раухенъ зи?

— Данке зеръ, мейнъ геръ.

— Неменъ зи нохъ!

Матросъ взялъ еще одну тоскану.

— Нохъ ейне!

Матросъ съ удовольствіемъ взялъ третью тоскану.

Знакомство сдѣлано. Остается его углубить.

Порфиріо подмигнулъ широкой бровью и щелкнулъ себя двумя пальцами по горлу.

— Вюншенъ зи коньякъ?

— Митъ гросенъ фергнюгенъ, мейнъ геръ!

Окончилось это, вѣрнѣе началось въ чешскомъ ресторанѣ „Пильзенъ". Близился полдень. Самолевскій предложилъ пообѣдать.

Имъ дали роскошную лангусту и такой же роскошный провансаль. Лангуста усердно запивалась коньякомъ. Самолевскому это было нипочемъ, а матросъ замѣтно хмѣлѣлъ. Самолевскій рѣшилъ доканать его пивомъ. И доканалъ.

Матросъ, желая похвастать, какіе они молодцы тамъ, на „Діанѣ", самъ заговорилъ о Маташичѣ.

Этотъ бѣлобровый былъ однимъ, изъ тѣхъ двоихъ,

что первыми аттаковали узника въ его каютѣ. Но, бѣлобровый умолчалъ про сильный ударъ, полученный въ подбородокъ.

Умолчавъ объ этомъ, онъ довольно пространно, хотя не совсѣмъ связно, описывалъ свое участіе въ избіеніи Маташича.

Порфиріо и бровью не повелъ, а внутри него, все бушевало. Такъ и хватилъ бы по черепу бутылкою эту самодовольную скотину!

Но, Боже сохрани, вспугнуть „самодовольную скотину"! Пусть до конца выскажется.

И, она высказалась. Уже расплескивая пильзенское пиво попаламъ съ пильзенскимъ портеромъ:

— О, этотъ маіоръ фонъ-Армфельдъ! По одному его слову, мы всѣ... Я самъ служилъ во флотѣ Его Величества кайзера... А маіоръ... маіоръ служилъ въ кайзерлихе гардкирасиренъ. Вы понимаете? Понимаете? — настаивалъ бѣлобровый, съ упрямствомъ пьянаго.

— Понимаю.

— Ну, вы понимаете. что эта славянская свинья, однимъ словомъ, мы ее, эту свинью такъ скрутили веревками... всѣ кости трещали... Я уже особенно тогда постарался.

— А потомъ...

— Потомъ маіоръ фонъ-Армфельдъ приказалъ его ссадить и самъ сопровождалъ шлюпку, и самъ говорилъ съ этими дикарями, и хорошо заплатилъ...

— Гдѣ же ссадили, эту свинью?

— Гдѣ? Я вамъ сейчасъ скажу... Сейчасъ... У меня языкъ заплетается, когда я произношу, эти... эти италіянскія имена.

— Онъ у тебя и такъ заплетается, — подумалъ Порфиріо.

— Сейчасъ, сейчасъ вамъ скажу... Цѣлыхъ четыре слова, да, да, четыре. Первое... первое... Санъ... а остальное — убейте меня на мѣстѣ, не вспомню!

— Санъ-Джованни-ди-Медуа? — подсказалъ Самолевскій.

— Вотъ, вотъ! Откуда вы знаете? Зи висенъ аллесъ, мейнъ геръ. Да, да, Санъ-Джо... Санъ-Джо... — дальше, матросъ уже не могъ выговорить.

Но, съ Порфиріо было довольно. Теперь одинъ только вопросъ:

— И что же приказалъ маіоръ фонъ-Армфельдъ?

Что должны были сдѣлать албанцы, съ этой свиньей?

— Что? Держать! Вотъ какъ держать!.. И матросъ сжалъ свой покрытый бѣлой шерстью кулакъ.

— А дальше?

— Дальше, дальше, когда маіоръ фонъ-Армфельдъ дастъ сигналъ, славянской свиньѣ будетъ капутъ!..

Самолевскій потребовалъ счетъ, заплатилъ. И, оставивъ человѣка съ „Діаны" допивать пиво и портеръ, ушелъ.

52. Потомки своихъ предковъ.

У Отто фонъ-Армфельда, этого „кайзерлихенъ гардъ кирасиренъ", какъ назвалъ его матросъ съ „Діаны", боролись два чувства.

Никогда до сихъ поръ ничего подобнаго не было. Принявъ однажды какое-нибудь рѣшеніе „майскій жукъ" Его Величества, не вступалъ въ борьбу ни со своимъ разумомъ, ни со своими страстями, ни со своей совѣстью. Это послѣднее,—конечно, менѣе всего, ибо Отто фонъ-Армфельдъ врядъ ли понималъ, что такое совѣсть, а если даже и понималъ, то, безъ всякаго сомнѣнія считалъ ее, чѣмъ-то не вѣсомымъ, не реальнымъ, приносящимъ скорѣе вредъ, вмѣсто пользы.

А, на этотъ разъ вступили въ поединокъ между собой, съ одной стороны жадность, съ другой, что-то близкое къ ненависти.

Отто фонъ-Армфельдъ происходилъ изъ знатной семьи, но богатымъ никогда не былъ. Онъ и въ кирасирскомъ полку держался, живя займами у товарищей—этимъ онъ никогда не отдавалъ,—и у берлинскихъ ростовщиковъ,—этимъ онъ переплачивалъ безумный процентъ.

Его служба у сэра Джемса, служба, которой такъ многіе завидовали,—ничего особеннаго! Пятьдесятъ фунтовъ въ мѣсяцъ на всемъ, или почти на всемъ готовомъ. Изъ такого жалованья на черный день не отложишь. А, хотѣлось бы, хотѣлось бы когда-нибудь съ независимымъ видомъ покинуть сэра Джемса, и зажить по своему.

И вотъ подвернулся случай. Совсѣмъ, какъ въ романѣ. Совсѣмъ!...

Вѣрить не хотѣлось, но нельзя было не вѣрить, когда сто тысячъ долларовъ, этотъ задатокъ, это — само по себѣ уже богатство, жгли ему руки, жгли мозгъ, жгли все его существо...

Но это лишь первая ступенька обогащенія. Дальше,

еще такая же сумма, дальше—царственное колье, которому нѣтъ цѣны.

А съ другой стороны, съ другой, фамильный девизъ: „Армфельды знаютъ упоеніе местью"! Да, они умѣли мстить, Армфельды! Такъ, неужели, онъ, гвардіи маіоръ Отто фонъ-Армфельдъ упуститъ возможность, и какую? Нанести двойной ударъ: одинъ Маташичу, другой Иррѣ Паэнъ, отвергшей его, Армфельда.

Они боролись между собою: жадность и голосъ предковъ. И долго метался Армфельдъ, не зная за кѣмъ пойти, предъ чѣмъ склониться: передъ богатствомъ, или властными зовами предковъ?..

И въ этомъ музейномъ палаццо онъ переживалъ то, чего никогда не переживалъ ни въ своемъ гвардейскомъ полку, ни въ далекихъ колоніяхъ, ни въ развѣдкѣ, ни на фронтѣ Великой войны.

Отъ напряженія сухая линія губъ стискивалась. Блѣдный лобъ увлажнялса росинками пота и шевелились хищныя, прижатыя къ черепу уши...

Замогильные голоса закованныхъ въ желѣзные доспѣхи рыцарей, какъ и слѣдовало ожидать, въ конечномъ итогѣ, не были услышаны. Вѣрнѣе, услышаны были весьма слабо...

Армфельдъ кощунственно обратился къ нимъ даже съ попыткою защищать себя:

— Чего же вы хотите, чего? Чтобы я вернулъ эти сто тысячъ? Вернулъ? А, вы, славные Армфельды, вы возвращали купцамъ ихъ товары, ихъ золото—отнятое въ долинахъ, когда грозной лавиной вы обрушивались сверху на медленно змѣящійся внизу, караванъ?

Словомъ, побѣдилъ не разбойничій девизъ дѣдовъ, а разбойничій инстинктъ потомка ихъ. Онъ утѣшалъ себя.

— Какъ хорошо, что я не приказалъ умертвить Маташича! Его „ликвидація" тѣшила бы меня нѣсколько дней, а потомъ, потомъ я бы забылъ. Этихъ же двухсотъ тысячъ долларовъ и этого колье, я никогда не забуду, ибо каждый день, каждый часъ, они дадутъ мнѣ все новыя и новыя наслажденія.

Сэръ Джемсъ не былъ, педантиченъ и мелоченъ, и не отказалъ секретарю своему въ трехдневномъ отпускѣ.

Армфельдъ, съ первыхъ же шаговъ почувствовалъ обаяніе и власть, денегъ. Помчался на автомобилѣ въ Бари, а тамъ нанялъ гидропланъ и спустился въ дикой бухточкѣ Санъ-Джовани-ди-Медуа. Сердце его билось... Онъ

все ближе и ближе къ сокровищамъ Ирры Паэнъ.

Черезъ часъ, усадивъ Матешича на гидропланъ, онъ улетитъ съ нимъ, назадъ въ Бари. Тамъ онъ одѣнетъ его съ ногъ до головы, и доставитъ на улицу Четырехъ Фонтановъ щеголемъ съ иголочки, вымытымъ, выбритымъ, выхоленнымъ...

И, когда послѣ гидроплана, Армфельдъ ощутилъ подъ ногами твердую почву, онъ, одѣтый спортсмэномъ, и тепло одѣтый, почувствовалъ себя плантаторомъ, какимъ-то, рабовладѣльцемъ. И улыбнулся при мысли, что врядъ-ли, когда-нибудь, кому-нибудь платили за раба столько, сколько онъ получитъ отъ Ирры Паэнъ?

Нѣтъ, онъ отличное выбралъ мѣсто: и у самаго моря, и такая дичь и глушь. Европейцамъ здѣсь нечего дѣлать. Мало привлекательнаго въ этихъ домикахъ съ черепичными крышами, и въ нѣсколькихъ десяткахъ живущихъ здѣсь албанцевъ, которымъ звѣрскій хищническій видъ придаютъ мѣховыя куртки шерстью наружу.

Пять-шесть куртокъ, завидя Армфельда, поспѣшили къ нему. Между ними — два нашихъ старыхъ знакомца, одинъ съ бѣльмомъ, другой съ разсѣченной губою. На ихъ отвѣтъ и присмотръ сданъ былъ Маташичъ.

У албанца съ бѣльмомъ забинтована голова, у албанца съ разсѣченной губой, — на перевязи правая рука, и онъ еще къ тому же прихрамываетъ.

— Что это съ вами? — спросилъ Армфельдъ по-сербски. Эти албанцы, разбойничавшіе въ арнаутскихъ бандахъ Иссы Болетинаца на Косовомъ Полѣ, говорили по-сербски.

Начался восточный, гортанный галдежъ. Они перебивали другъ друга, перебивали пытавшагося вставить слово Армфельда, перебивали самихъ себя...

И Армфельдъ, холодѣя, узналъ, что Маташичъ похищенъ. Вчера высадилась группа какихъ-то штатскихъ людей, говорившихъ между собою на языкѣ, имѣющемъ сходство съ сербскимъ. Эти невооруженные люди ни въ комъ не возбудили подозрѣнія. Тѣмъ болѣе, по ихъ словамъ, совершая морскую прогулку, они захотѣли отдохнуть и подкрѣпиться кислымъ молокомъ, и при этомъ одинъ изъ нихъ подбросилъ на рукѣ два новенькихъ наполеона...

И дѣйствительно, ѣли баранину, кислое молоко и пили вино. И къ двумъ наполеонамъ прибавили еще одинъ.

А потомъ всѣ, какъ по сигналу выхватили револьве-

ры, въ тотъ самый моментъ, когда албанцы, усыпленные ихъ миролюбіемъ и щедростью, менѣе всего готовы были къ сопротивленію.

Въ результатѣ: двое убитыхъ, нѣсколько раненыхъ. А, самое главное, похитивъ плѣнника, они умчались вмѣстѣ съ нимъ на моторной лодкѣ.

Дальше охваченный бѣшенствомъ Армфельдъ не слушалъ. Онъ принялся избивать и одного съ бѣльмомъ и другого—съ разсѣченной губою.

— Негодяи, подлецы! —- руаался онъ уже по-нѣмецки. — Какъ вы смѣли скоты, довѣриться чужимъ людямъ?

Побоями Армфельдъ отвелъ душу, но фактъ остался фактомъ. Маташичъ исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли вторые сто тысячъ долларовъ, исчезло колье изъ голубыхъ бриллiантовъ, исчезъ браслетъ съ индійскимъ изумрудомъ.

Да, и первые сто тысячъ придется, пожалуй, вернуть, а возвращать ихъ что-то не хотѣлось.

Обратный путь, Армфельдъ совершалъ на гидропланѣ, въ едиственномъ числѣ, безъ своего „раба". Какъ мгновенно и безжалостно разбиты всѣ плантаторскія мечты!

Во время печальнаго полета, онъ тщетно ломалъ голову, надъ вопросомъ: кто были эти, обокравшіе его негодяи, и какъ они могли узнать, о мѣстѣ нахожденія Маташича? Онъ дѣлалъ самыя невѣроятныя предположенія, и,—какъ это всегда въ такихъ случаяхъ, далекія отъ дѣйствительности.

Отъ Бари онъ ѣхалъ скромно во второмъ классѣ, а не въ автомобилѣ, стоившемъ вдесятеро больше. Необходимая экономія, особенно, если Ирра Паэнъ потребуетъ авансъ.

Вопросъ этотъ смущалъ его,но его еще болѣе смущала первая встрѣча. Онъ даже мысль о встрѣчѣ гналъ отъ себя, съ отвагою отчаянія рѣшивъ: будь, что будетъ!

И онъ, Отто фонъ Армфельдъ, безусловно храбрый офицеръ, съ крѣпкими нервами, развлекавшійся въ колоніяхъ стрѣльбою по чернокожимъ туземцамъ, онъ, какъ школьникъ, явившійся къ строгому учителю на переэкзаменовку, звонилъ у дверей на улицѣ Четырехъ Фонтановъ.

Еще издали, еще не видя Армфельда и его лица, Паэнъ спросила:

— Вы одинъ? Почему вы одинъ?

Но, взглянувъ на него, она убѣдилась, насколько былъ этотъ ея вопросъ излишнимъ.

Ирра Паэнъ вышла къ нему въ тепломъ, оторочен-номъ мѣхомъ и подпоясанномъ шнуромъ, капотикѣ.

Нѣчто вродѣ домашней шубы, съ длинными рукавами. Всѣ эти дни такого томительнаго, напряженнаго ожиданія ей было холодно, хотя Марія поддерживала въ особнякѣ, если и не тепличную атмосферу, какая была на Via-Sistina у сэра Джемса, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ пріемлемую.

— Армфельдъ, слышите? Правду, только одну правду! За голову Маташича вы отвѣчаете своей головою!

— Я... я опоздалъ... меня предупредили. Онъ похи-щенъ кѣмъ-то... его увезли какіе-то люди... Но вѣдь это же хорошо... Въ концѣ концовъ, онъ живъ... живъ... похи-щенный. Безъ всякаго сомнѣнія, это были друзья, и я... я... очень радъ, — хотѣлъ добавить Армфельдъ, но слова за-стыли на губахъ. Такимъ взглядомъ, полнымъ накопивша-гося гнѣва, и въ синихъ молніяхъ глазъ и во всемъ лицѣ, смотрѣла на него Ирра Паэнъ.

— Вы лжете! Онъ убитъ! Убитъ вами!

— Онъ живъ! Похищенъ! Клянусь вамъ! Поймите же меня, Ирра Паэнъ, вѣдь это было бы не въ моихъ инте-ресахъ... это меня раззоряетъ... я большія деньги теряю... Браслетъ, колье.., Вы же понимаете сами...

Но, ослѣпленная гнѣвомъ, Ирра Паэнъ не хотѣла, не могла повѣрить.

— Армфельдъ, я хочу, чтобы вы помнили это всю жизнь, я только потому, не убиваю васъ... Но... — продол-женіемъ фразы былъ слабый, какъ треснувшая подъ нога-ми сухая вѣточка, выстрѣлъ...

Армфельдъ схватился за плечо...

53. Въ Бѣлградѣ.

Съ раздробленной плечевой костью, Армфельдъ от-везенъ былъ въ госпиталь.

Какъ ни старались затушевать и скрыть этотъ слу-чай, и сэръ Джемсъ и самъ потерпѣвшій, однако римскія газеты набросились на очередную сенсацію. Впрочемъ, не только однѣ газеты, а и полиція проявила интересъ къ загадочному выстрѣлу, происхожденіе котораго Армфельдъ отказывался объяснить.

Вѣрнѣе онъ объяснялъ, но это объясненіе вызывало вѣжливую улыбку.

За кого онъ считаетъ полицейскихъ агентовъ? въ дураковъ? Кто-же повѣритъ, что человѣкъ, желавшій вса-

дить себѣ пулю въ високъ, или въ сердце, всадилъ ее въ плечо? Къ тому же этотъ человѣкъ, бывшій офицеръ, боевой офицеръ, опытный въ умѣніи владѣть оружіемъ.

Но, если ему уже такъ хочется выдавать подобныя сказки для дѣтей младшаго возраста за дѣйствительность, пускай! Это его личное дѣло.

И полиція умыла руки.

Газеты же, газеты начали трепать имена Армфельда и Паэнъ. Правда, имена ихъ обозначались первыми буквами, маіоръ фонъ — А. и графиня К., но эти начальныя буквы были секретомъ Полишинеля.

Редакціи требовали отъ сотрудниковъ своихъ освѣщенія всего связаннаго съ этой попыткою самоубійства. Сотрудники лѣзли изъ кожи, чтобы угодить начальству. Попытались прорваться въ особнякъ на улицѣ Четырехъ Фонтановъ, и въ госпиталь, гдѣ лежалъ Армфельдъ послѣ операціи извлеченія пули. Но Ирра Паэнъ не пускала къ себѣ никого, Армфельдъ же приказалъ гнать репортеровъ.

Когда ему врачи сказали, что онъ будетъ владѣть рукою, онъ повеселѣлъ, рѣшивъ, что сто тысячъ долларовъ ему достались неособенно высокою цѣною, гораздо было бы хуже, если бы Паэнъ, не стрѣляя въ него, потребовала бы назадъ свои деньги.

А Паэнъ рѣшила другое. Оставаться въ Римѣ ей неудобно послѣ всей этой газетной шумихи, да и незачѣмъ оставаться. Единственное желаніе, овладѣвшее всѣмъ ея существомъ, это броситься на поиски Маташича. А, разъ такъ, необходимо начинать съ Бѣлграда.

И она приказала своей вѣрной испанкѣ:

— Марія, укладывай чемоданы! Ѣдемъ!..

Управляющаго особнякомъ княгини Долгоруковой несказанно удивило легкомысліе этой венгерской графини, видимо, незнающей счета деньгамъ. За полгода уплатила впередъ, а по истеченіи мѣсяца уѣзжаетъ, заявляя, что домъ свободенъ и управляющій можетъ сдать его хотя на другой же день...

Наканунѣ отъѣзда Ирра Паэнъ получила письмо. На конвертѣ стоялъ штемпель одного изъ лучшихъ отелей въ Санъ-Ремо. Безпорядокъ въ почеркѣ. Безпорядокъ въ мысляхъ. Это открывала свою душу маленькая Чинга.

Профессоръ Церини увезъ ее въ Санъ-Ремо. Тамъ такъ тихо, такъ успокаивающе тихо. Изъ ихъ оконъ, — маленькая Чинга спѣшила оговориться, что комнаты у нихъ разныя, — видны пальмы вдоль берега. Видно море.

Какъ хорошо! Никакихъ волненій! Полнѣйшій отдыхъ. Какъ въ санаторіи. А главное самъ Церини,—словно подмѣнили его,—такъ неузнаваемъ, деликатенъ, трогательно заботливъ? А давно-ли въ Тиранѣ. это было двуногое животное. И тогда онъ былъ отвратителенъ и смѣшонъ, а теперь то и другое уступаетъ мѣсто, чему-то новому. И компаніонъ, и сидѣлка, и мать и сестра, все вмѣстѣ! Право же, это подкупаетъ, не можетъ не подкупать. И, если онъ всегда будетъ такимъ, почемъ знать?..—Здѣсь цѣлая строка являла собою рядъ точекъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было прочесть. Видимо рыжей „почти“ красавицѣ съ непривычки надоѣло писать, и буквы уже превращались въ каракули.

Но, что нужно было понять, — Ирра поняла... Поняла и улыбнулась...

Видимо, этотъ Церини въ точности слѣдуетъ ея совѣтамъ. Что-жъ, дай имъ Богъ счастья!.. Трудно допустить, чтобы маленькая Чинга воспылала къ ему страстью. Церини это не Ахмедъ-Зогу, красивый лицомъ и фигурою восточный хищникъ. Церини надо брать такимъ, какимъ онъ есть, и за все, что онъ для нея сдѣлалъ, она можетъ привязаться къ нему спокойнымъ хорошимъ чувствомъ.

Нѣсколькими часами позже новое письмо,— на этотъ разъ отъ самаго Церини.

Единственный языкъ, на которомъ онъ могъ изъясняться письменно—былъ русскій. Но, что это былъ за русскій языкъ, подъ перомъ профессора черной и бѣлой магіи!

„Дорогая, глубокоуважаемая мадамъ! — Слово мадамъ было зачеркнуто, и сверху написано было, графиня.

Вы—ангелъ, вы благотворительница, вы... вы, я не знаю что!! Ой, какъ вы понимаете женскую душу! Вы же читаете въ ней, какъ въ дѣтской книгѣ съ большими буквами. Я не вѣрю въ Бога, я „либръ - пансаторъ“, но если бы вѣрилъ, то ей Богу молился бы за васъ, каждый день, утромъ и вечеромъ! Все же идетъ, ну, совсѣмъ, какъ вы говорили!

Вначалѣ не хотѣла она даже на меня смотрѣть... Увѣряю васъ, не хотѣла! Я для нее былъ хуже паршивой собаки. Но, я помнилъ, что мнѣ говорила моя благотворительница, и я самъ себѣ говорилъ: „Церини, будь терпѣливъ, будь терпѣливъ Церини! Я себѣ думалъ: хорошо посмотримъ, что дальше будетъ? Ну, и теперь, совсѣмъ другое! Уже я не паршивая собака... Боже упаси, между

нами еще ничего нѣтъ, но уже мы гуляемъ, говоримъ, сидимъ, уже я не такъ ей противенъ!

И долго еще, въ такомъ же духѣ, изливался на шести страницахъ влюбленный Ансельмо.

И, хотя слова и фразы были смѣшныя, но все письмо какъ таковое, не было смѣшнымъ, потому что было продиктовано искреннимъ чувствомъ,

Ирра Паэнъ въ Бѣлградѣ до сихъ поръ бывала только мимолетно, проѣзжая черезъ него, вѣрнѣе проносясь мимо него Восточнымъ экспрессомъ — Константинополь—Парижъ, или Парижъ—Константинополь. Теперь она очутилась въ самомъ городѣ, въ этой не по днямъ, а по часамъ растущей столицѣ Сербіи.

Бѣлградъ встрѣтилъ ее слякотью и мокрымъ снѣгомъ, но ни то ни другое не было замѣчено, такъ тепло и сухо было въ кабинкѣ громадной машины, въ четыре минуты домчавшей ее съ вокзала до „Excelsior"“а. Она заняла аппартаментъ изъ двухъ комнатъ, а Марія получила небольшую комнатку на самомъ верху.

Едва обосновалась Ирра Паэнъ въ своемъ аппартаментѣ, едва успѣла Марія заняться распаковкою чемодановъ, а уже по телефону, въ какихъ—нибудь полъ часа Ирра Паэнъ мобилизовала всѣхъ своихъ знакомыхъ, главнымъ образомъ дипломатовъ иностранныхъ миссій. Дипломаты, въ свою очередь, мобилизовали своихъ агентовъ, неизбѣжныхъ при каждомъ посольствѣ. Но никто не могъ ничего опредѣленнаго сказать объ исчезнувшемъ графѣ Маташичѣ. Про самый фактъ исчезновенія слышали, но что было дальше и гдѣ находится въ данный моментъ графъ Маташичъ,—этого никто не могъ сказать.

Иррѣ посовѣтовали съѣздить къ Божѣ Матовичу.

Божа Матовичъ любезно принялъ въ служебномъ кабинетѣ своемъ интересную блондинку, одѣтую со вкусомъ и съ очень дорого стоющей скромностью.

Больше, чѣмъ любезно. Съ отмѣнной любезностью. Предложилъ крохотную чашечку густого, ароматнаго кофе. Предложилъ египетскихъ папиросъ, прянно-пахучихъ, съ золотыми ободками.

Но, когда посѣтительница съ наивнымъ лицомъ и трепетомъ „мотыльковыхъ“ рѣсницъ, спросила его о Маташичѣ, галантный Божа Матовичъ, изобразилъ собою одно сплошное недоумѣніе.

— Маташичъ? Маташичъ? Не скрою, мадамъ, это имя небезизвѣстно мнѣ... Но гдѣ онъ, что съ нимъ — право не

малѣйшаго понятія не имѣю! Надѣюсь, мадамъ вѣритъ моей глубокой искренности?

— Да, да, конечно, конечно, — молвила Ирра, на самомъ дѣлѣ не вѣря ни одному его слову...

Что же, онъ правъ. На его мѣстѣ она поступила бы такъ же. Почемъ онъ знаетъ, съ какими цѣлями ведутся всѣ эти разспросы?

Она ушла, а Божа Матовичъ вызвалъ къ себѣ Порфиріо Самолевскаго.

— Поручаю ее, вашему наблюденію!..

Но, при всѣхъ пинкертоновскихъ талантахъ Самолевскаго, Ирра Паэнъ не давала ему рѣшительно никакого матеріала. Она почти всѣ дни безвыходно проводила въ своемъ аппартаментѣ. Что же касается корреспонденціи, то она и сама никому не писала, и ей никто не писалъ.

Но, Порфиріо ходилъ въ „Exelsior" — отель, какъ на службу. Тамъ онъ обѣдалъ и ужиналъ, находя кухню вполнѣ европейской. Это было единственнымъ завоеваніемъ, для такого любителя поѣсть, какъ Порфиріо Самолевскій.

54. Давно проснувшееся...

Прошла недѣля.

— Ну, что? — спросилъ Божа Матовичъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Самолевскій.

— Ничего? — переспросилъ Божа Матовичъ.

— Ничего, — повторилъ Самолевскій.

Пауза. Божа Матовичъ „комбинировалъ" что-то. Самолевскій наблюдалъ его, прищуривъ глазъ подъ широкой бровью.

— Ты долженъ познакомиться съ ней!

— Есть!

— Ты можешь дать ей свѣдѣнія о Маташичѣ.

— Есть!

— Но, взамѣнъ, пусть она тебя информируетъ... Получи отъ нея то, чего самъ не могъ получить на мѣстѣ. Эта женщина знаетъ больше, пожалуй, чѣмъ всѣ итальянскіе и наши агенты, вмѣстѣ взятые.

Иногда Ирра Паэнъ обѣдала у себя, иногда спускалась въ ресторанъ. За укромнымъ столикомъ, быстро, минутъ въ двадцать, ни на кого не глядя, но замѣчая всѣхъ и все, покончивъ съ обѣдомъ, если это былъ обѣдъ, съ ужиномъ, если это былъ ужинъ, спѣшила подняться къ

себѣ. Одинокая, интересная женщина не можетъ иначе себя держать. Иначе ее примутъ за искательницу приключеній.

Однажды, — это было въ обѣденный часъ, — нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Ирра Паэнъ поднялась къ себѣ, вслѣдъ за нею поднялся Самолевскій и постучалъ въ дверь ея аппартамента.

Онъ увидѣлъ траурную, всю въ черномъ, съ ногъ до головы, испанку.

— Вѣдьма!—подумалъ Самолевскій, глядя въ это блѣдное, костистое, съ крупными чертами и злыми глазами лицо.

Марія уже хотѣла захлопнуть дверь, но, предусмотрительный Самолевскій, упершись ногою въ полъ, попридержалъ дверь колѣномъ. Это ему настолько надо было, чтобы сказать:

— Же ве козе авекъ мадамъ, апропо ле контъ Маташичъ...

Дѣйствіе этихъ словъ было магическое... Какое-то подобіе привѣтливой улыбки, и въ этой улыбкѣ обнажились длинные, какъ старые клавиши, зубы.

Но, все же Марія не уступила своей позиціи. Продолжая улыбаться, и смотрѣть на Самолевскаго, она громко бросила, нѣсколько испанскихъ словъ, не относившихся къ нему лично.

Изъ глубины аппартамента данъ былъ отвѣтъ по испански же, и тогда только Марія перестала быть живымъ препятствіемъ.

— Entrez, monsieur!

Положительно, эта вѣдьма умѣетъ быть любезной...

Что-то изысканное, пахнущее тонкими духами, закутанное въ дорогой мѣхъ, грѣлось у камина. Маленькая, бѣленькая ручка держала дымящуюся папироску. И то, что она маленькая и бѣлая — удивило Самолевскаго. Онъ вспомнилъ, какъ эта самая ручка раздробила плечо Армфельда. Вѣдь, это не было же, въ концѣ-концовъ секретомъ, особенно для такихъ „профессіоналовъ“, какъ Божа Матовичъ и Самолевскій.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію мѣха, дымящейся папиросы и съ поклономъ остановился. Почудилось, что ему измѣнилъ слухъ:

— Садитесь, пожалуйста...

Да, это она сказала, сказала по-русски,

И сейчасъ же, не давъ ему опомниться:

— Вы русски? А поэтому, конешно, вамъ будетъ лутчи говорить на ваши родной язикъ?

— Но откуда же знаетъ мадамъ, что я русскій?

— Мнѣ это сказаль ваши глаза и вашъ костюмъ,— молвила Ирра Паэнъ, переходя на французскую рѣчь.— Такое выраженіе глазъ бываетъ только у русскихъ. Я затрудняюсь выразить словами, но это именно такъ. Что-же касается костюма, только русскіе одѣваются зимою въ такіе свѣтлые цвѣта, если, если это не спортивное платье. Но все это пустяки,—ободряюще улыбнулась она, увидѣвъ что Самолевскій, какъ бы сконфузился за свой земляничный пиджакъ. — Все это пустяки! Итакъ, вы были добры навѣстить меня съ цѣлью дать свѣдѣнія о графѣ Маташичѣ?..

— Совершенно вѣрно, мадамъ... Я имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія,

— И давно?

— Около двухъ недѣль.

— И только теперь вы мнѣ говорите объ этомъ? Теперь, когда уже больше недѣли мы встрѣчаемся съ вами внизу, въ ресторанѣ? О, какой же вы злой!

Самолевскій не переставалъ изумляться. На этотъ разъ--ея выдержкѣ. Спеціально пріѣхать въ Бѣлградъ,чтобы напасть на слѣды человѣка, дорогого ей, и въ моментъ, когда эти слѣды вотъ, вотъ какъ близко, она, вмѣсто того, чтобы отъ радости обезумѣть, бронируетъ свои чувства этимъ свѣтскимъ: „О какой же вы злой!“

И, кромѣ того, она прозрачно ему намекнула, вѣрнѣе дала понять, что его слѣжка за нею совсѣмъ не секретъ для нея.

Самолевскій впервые видѣлъ одну изъ тѣхъ шикарныхъ и свѣтскихъ, высокаго полета развѣдчицъ, о которыхъ до сихъ поръ ему приходилось только читать и которыя мелькали передъ нимъ до сихъ поръ только на „шпіонскихъ“ фильмахъ. Онъ почувствовалъ какое-то особенное уваженіе къ этой Иррѣ Паэнъ, знаменитости въ томъ самомъ дѣлѣ, которому служитъ и онъ — Самолевскій.

Съ той же самой манерой и той же интонаціей, какими были произнесены: „о, какой же вы злой“, она спросила:

— Итакъ, что же вы знаете о графѣ?

— Многое, и прежде всего то, чѣмъ заинтересована мадамъ. Знаю, гдѣ находится въ данное время графъ Маташичъ.

— О, какой же вы милый. Monsieur... monsieur Самолевскій, если не измѣняетъ мнѣ память?

— Мадамъ, у васъ необыкновенная память!

Она пропустила мимо этотъ двусмысленный комплиментъ.

— Итакъ, мосье Самолевскій открыть мѣстопребываніе графа, это цѣль вашего любезнаго посѣщенія?—пустила Ирра Паэнъ въ ходъ свою наивность и дѣтскость съ такой безпомощной линіей губъ и съ такимъ довѣрчивымъ трепетомъ длинныхъ рѣсницъ...

Но, Самолевскій зналъ, зачѣмъ пришелъ, да и наконецъ всѣ эти ухищренія были слишкомъ тонки для него, прямолинейнаго, твердаго, напроломъ идущаго къ своей цѣли.

Онъ такъ и пошелъ „напроломъ“.

— Мадамъ васъ интересуютъ одни свѣдѣнія, насъ интересуютъ другія. Я предлагаю полюбовный обмѣнъ. Въ нашей... нашей спеціальности ничего даромъ не дѣлается.

— Другими словами?—спросила она уже не безъ маленькой тревоги...

— Другими словами, насъ интересуетъ всѣ, рѣшительно всѣ ваши албанскія впечатлѣнія. Вы въ курсѣ событій и знаете многое такое, чего не знаетъ никто. Если вы дадите слово, что не утаите отъ насъ ничего, я вамъ не только открою мѣстопребываніе графа, но и самъ черезъ какіе—нибудь два дня доставлю васъ къ нему. Это я обѣщаю своимъ честнымъ словомъ!..

Ирра Паэнъ смотрѣла на Самолевскаго. Но, это уже не былъ наивный неудомѣвающій взглядъ.

— Я принимаю ваши условія! Обѣщаю разсказать вамъ все, что касается албанской политики и не утаить ничего. Вы можете мнѣ вѣрить. Этотъ человѣкъ дороже мнѣ Албаніи и Италіи, дороже всего на свѣтѣ!

И умѣвшая безподобно владѣть собою и своими чувствами Ирра Паэнъ, быть можетъ впервые за много лѣтъ, вспыхнувъ, умолкла...

И, въ этомъ румянцѣ и въ дрогнувшемъ голосѣ было что-то, казалось бы такъ несвойственное Паэнъ, стыдливо-цѣломудренное. Такъ конфузится чистая дѣвушка, невольно проговорившись передъ чужимъ человѣкомъ о своей первой любви.

Самолевскій сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого и, глядя куда-то вбокъ, заговорилъ:

— Моимъ шефомъ Божа Матовичемъ я командиро-

ванъ былъ отыскать безслѣдно исчезнувшаго графа... Какъ я напалъ на его слѣды, это долго разсказывать, да и не это важно, а важно, что съ помощью Божіей и человѣческой мнѣ удалось освободить его...

Онъ здоровъ, скажите? — перебила Паэнъ.

— Н... не совсѣмъ — протянулъ Самолевскій, желая выиграть время и смягчить дѣйствительность. — Вы понимаете, послѣ такихъ потрясеній... Ну, и затѣмъ обращеніе этихъ дикарей не было, какъ бы вамъ сказать, особенно хорошимъ. Держали его въ условіяхъ, если и не въ ужасныхъ, то, во всякомъ случаѣ... Одно могу сказать, все хорошо, что хорошо кончается.

— Мосье Самолевскій, вы чего-то не договариваете, что-то скрываете?

— А что мнѣ скрывать? И не думаю даже! Вотъ сами увидите. Боже упаси, я не говорю, что онъ свѣжъ и здоровъ... Такія потрясенія, сами понимаете... Но ничего особеннаго... Другой на его мѣстѣ... Но съ его исключительнымъ организмомъ, съ такимъ, какъ у графа, въ концѣ концовъ, все нипочемъ... Еще нѣсколько дней въ постели, и...

— Въ постели?

— А то, какъ же вы думали? Натурально, въ постели! Я же не сказалъ вамъ, что графъ бѣгаетъ и рѣзвится, какъ юноша...

— Гдѣ же онъ? Когда мы пойдемъ къ нему?

— Въ русской санаторіи въ Катарро. А выѣхать можно, хотя бы, сегодня вечеромъ даже...

55. Самолевскій въ роли дипломата.

Щадя Ирру Паэнъ, утаилъ Самолевскій отъ нея многое. Положеніе Маташича, его физическое и моральное состояніе все это было гораздо мрачнѣе тѣхъ беззаботныхъ красокъ, почти беззаботныхъ, какими онъ живописалъ у камина, женщинѣ, кутавшейся въ мѣхъ.

Когда онъ, вмѣстѣ съ сообщниками своими по безумно смѣлому предпріятію, отбилъ Маташича у албанцевъ, онъ увезъ его если и не полуживымъ, то, все же крайне надломленнымъ, истощеннымъ.

Въ плѣну Маташичъ жилъ впроголодь, жилъ въ тѣснотѣ и грязи, если только можно было назвать жизнью эти страшные дни безъ свѣта и воздуха, дни человѣка,

заѣдавшагося клопами. Да, эти условія были условіемъ азіатскаго клоповника, съ тою, лишь разницею, что Маташичъ брошенъ былъ не въ яму, а въ какой-то чуланъ при той же самой кафанѣ, гдѣ онъ очутился впервые послѣ избіенія въ каютѣ бѣлой яхты.

И здѣсь не обошлось безъ побоевъ. Вообще, съ нимъ обращались хуже, чѣмъ съ собакой. Но, пока дѣло ограничивалось бранью, руганью, швыряньемъ кислыхъ хлѣбцевъ—одинъ маленькій, плоскій хлѣбецъ на весь день—Маташичъ сдерживалъ себя. Но, вотъ, однажды, наканунѣ лихого налета, положившаго конецъ всѣмъ его страданіямъ, албанецъ съ разсѣченной губою осмѣлился ткнуть Маташича кулакомъ въ лицо. Разыгралась такая же сцена, какъ и на „Діанѣ". У Маташича хватило опрокинуть албанца сильнымъ ударомъ въ челюсть. Дикарь поднялъ неистовый крикъ. Сбѣжалось ихъ пять—шесть и скопомъ набросившись на Маташича, они выволокли его изъ чулана, для большей свободы дѣйствій и били, били ногами и рукоятками кинжаловъ, послѣ чего, окровавленный и обезпамятѣвшій, онъ былъ водворенъ опять въ свой чуланъ-клоповникъ.

Вотъ когда овладѣли имъ и безпросвѣтное уныніе и такое же безпросвѣтное отчаяніе. Гасли, пока не угасли совсѣмъ, огоньки, манящіе огоньки жизни, и вмѣстѣ съ ними угасла надежда на спасеніе. Ему казалось, что этотъ чуланъ будетъ его могилою. Правда, пока онъ еще не физическій мертвецъ, онъ еще думаетъ, чувствуетъ, но и это — вопросъ времени. Вопросъ дней какихъ-нибудь. Армфельдъ не сегодня, завтра дастъ приказъ и эти разбойники съ удовольствіемъ, не спѣша зарѣжутъ его... Какой идіотскій безславный конецъ...

А такъ хотѣлось жить, и такъ хотѣлось еще многое, многое сдѣлать...

Въ минуты размышленій, такихъ мучительныхъ, терзающихъ, онъ уже не прощалъ ее, Ирру Паэнъ, какъ прощалъ, томясь въ каменной венеціанской башнѣ.

О, теперь удушливымъ клубкомъ, какъ спазмы, подкатывалась къ горлу и огнемъ палила мозгъ ненависть къ этой женщинѣ.

Да, ненависть, вопреки его собственной теоріи, высказанной ей же Иррѣ Паэнъ, за нѣсколько минутъ до того, какъ онъ былъ арестованъ.

И, вотъ теорія разбилась о дѣйствительность, какъ

разбивается о прибрежный камень прозрачная, словно жидкій изумрудъ—волна съ бѣлою пѣною у гребня.

Но до мести не унизился бы.., Хотя увидѣть Ирру Паэнъ передъ смертью весьма и весьма желалъ бы. Высказавъ ей все, что у него на душѣ, онъ легче примирился бы со своей обреченностью, въ которой съ каждымъ днемъ сомнѣвался все меньше и меньше.

А когда эти сомнѣнія въ послѣдней, слабой, судорожной такой борьбѣ, растаяли совершенно, тогда внезапно вдругъ свалилось спасеніе...

Нѣсколько выстрѣловъ, отчаянные крики, а потомъ сбитъ былъ съ чуланной двери тяжелымъ чѣмъто замокъ, и къ нему ворвались какіе-то люди, свои—друзья... А потомъ, потомъ его опьянилъ воздухъ и ослѣпилъ свѣтъ...

Маташичъ былъ такъ слабъ,—везти его въ Бѣлградъ, везти по желѣзной дорогѣ Самолевскій считалъ небезопаснымъ. Бѣлградъ не уйдетъ. А сейчасъ необходимы и покой и тщательный уходъ. И Самолевскій рѣшилъ положить Маташича въ русскій госпиталь на самомъ берегу волшебной Которской бухты—и сама по себѣ завороженная со своимъ малахитовымъ зеркаломъ водъ и, стиснута завороженными скалами.

А, климатическая станція? Другой такой, пожалуй, нигдѣ и не сыскать въ Европѣ. Плюсъ ко всему — самый ближайшій культурный пунктъ на сербской территоріи.

И, въ этотъ же самый день изъ окна, окна своей чистенькой, маленькой, точно монастырская келья, палаты, Маташичъ могъ, не подымаясь съ постели — окно было какъ разъ противъ него,—любоваться однимъ изъ красивѣйшихъ въ мірѣ ландшафтовъ, гдѣ море и скалы давали глазамъ прямо таки музыкальное наслажденіе.

Ванная, брадобрѣй, чистое бѣлье, опытный врачъ, нѣжно-заботливыя сестры, все это не могло не отразиться на больномъ, къ тому же обладавшимъ такимъ сокровищемъ, какъ богатырскій организмъ. Да и побои, хотя и жестокіе, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, никакимъ членовредительствомъ не сопровождались.

Все это главный врачъ высказалъ Самолевскому, прибавивъ, однако:

— Моральную встряску онъ получилъ здоровую! Физически мы его живо поставимъ на ноги. Исцѣленіе же духовное—предоставимъ времени...

Дней черезъ десять Самолевскій постучался и вошелъ къ Маташичу. Больной въ туфляхъ и въ синей, грубой

американской пижамѣ, измѣрялъ по діагонали свою палату-келью. Это былъ уже почти прежній Маташичъ красивый, холеный, бритый, съ густой шапкою недлинныхъ, слегка вьющихся волосъ. Но въ этихъ волосахъ появилась за послѣднее время сѣдина, да самъ Маташичъ былъ по больничному блѣденъ и до нормальнаго вѣса не хватало ему еще добрыхъ 5—6 кило.

Съ улыбкой, озарившей его лицо оскаломъ бѣлыхъ зубовъ, встрѣтилъ онъ Самолевскаго.

— Откуда? Какъ я радъ! Если бы не вы, вмѣсто всей этой благодати...

— Будетъ вамъ, графъ! Есть о чемъ говорить? И вы на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы тоже самое. Охота вспоминать...

— Позвольте...

— Ничего я не позволю,—усмѣхнулся Самолевскій. Вотъ вы, лучше скажите, какъ ваше самочувствіе?

— Не могу пожаловаться! Все идетъ хорошо. Я окруженъ такимъ предупредительнымъ вниманіемъ, совѣстно даже... А вотъ у меня тоска. Боюсь, не перешло бы это въ меланхолію... постоянную...

— Не перейдетъ,—весело подмигнулъ Самолевскій, и тотчасъ же, какъ-бы вспомнивъ, что-то, внезапно смутился и покраснѣлъ.—Вотъ, что графъ... васъ... васъ очень желаетъ видѣть одна особа, то есть дама... очень...

— Меня? изумился Маташичъ,—какая дама? Я здѣсь никого не знаю...

— Не здѣшняя... — и не смотря въ глаза Маташичу, Порфиріо Самолевскій потупился. Онъ проклиналъ въ душѣ эту щекотливую миссію.

— Не здѣшняя?—переспросилъ Маташичъ, —- тѣмъ болѣе странно, тѣмъ болѣе... И замѣтивъ, что съ Самолевскимъ творится что-то неладное, онъ весь, какъ электрическимъ токомъ пронзился тотчасъ же перешедшимъ въ увѣренность подозрѣніемъ. — А, теперь я догадываюсь кто эта дама, догадываюсь... — И окрѣпъ его голосъ и глаза томные, попритухшіе, какъ у всѣхъ выздоравливающихъ,—блеснули.—Я не хочу ее видѣть! Не хочу объ ней слышать! — Эта особа умерла для меня! Умерла!..

— Позвольте, графъ...

— На этотъ разъ, — я не позволю! Кончено, я сказалъ, и...

— Да выслушать-то меня можете? Не перебивая? Двѣ-три минутки всего? Можете?

— Могу... Могу... — нехотя и съ раздраженіемъ повторилъ Маташичъ, — но, вѣдь, это все равно ни къ чему не приведетъ. Лично для васъ я готовъ сдѣлать что-угодно, вы меня спасли, я вашъ неоплатный должникъ...

— Но вы все-таки меня выслушайте! Я ничего больше не желаю...

Маташичъ пожалъ плечами:

— Извольте.

— Напередъ скажу, вы правы, тысячу разъ правы... Это лицо... эта особа причинила вамъ такъ много непріятностей и горя, и... ну, однимъ словомъ я же сказалъ!.. Вы правы! Правы, но не знаете всего...

— И не хочу знать! Не желаю!..

— А кто обѣщалъ не перебивать? Кто? Слушайте: Сдѣлавъ нехорошій поступокъ эта особа... имѣйте въ виду, это я узналъ не отъ нея и то, что вы услышите, тоже не отъ нея... Все узналъ стороной... Такъ вотъ, когда вы сидѣли въ этой башнѣ, она истратила пятьдесятъ тысячъ долларовъ на подкупъ, чтобы только вамъ дали бѣжать... И сама пріѣхала въ Дураццо вмѣстѣ съ Тиртцской, и уже все было готово, но только, они опоздали немного... На какой-нибудь часъ. Вы уже были плѣнникомъ на яхтѣ „Діана“.

Говоря это, Самолевскій наблюдалъ Маташича. И хотя Маташичъ изъ мужского самолюбія своего хотѣлъ казаться непроницаемымъ, холоднымъ, но отъ Самолевскаго не укрылась какая-то судорога волненія, пробѣжавшая по чертамъ его собесѣдника. Это длилось мгновеніе. Маташичъ вновь замкнулся въ себѣ.

— Слушайте дальше, — продолжалъ Самолевскій. — Узнавъ, что похитителемъ вашимъ былъ Армфельдъ, она бросаетъ все и мчится въ Римъ. Вызываетъ къ себѣ Армфельда и за вашу свободу обѣщаетъ цѣлое состояніе, а въ видѣ задатка швыряетъ ему сто тысячъ долларовъ. Армфельдъ ѣдетъ за вами въ Санъ-Джованни-ди-Медуа, но уже поздно. Мы предупредили его. Она не повѣрила Армфельду, считая его вашимъ убійцей, и стрѣляетъ въ этого шваба, ранитъ его въ плечо. Этого не довольно? Какихъ еще доказательствъ? Это ли не самое горячее желаніе искупить свой поступокъ, причинившій ей такъ много страданій? Но и это еще не все. Она срывается и спѣшитъ въ Бѣлградъ въ надеждѣ тамъ отыскать васъ. И вотъ, она здѣсь. Мы пріѣхали вмѣстѣ!... — и, умолкнувъ Самолевскій глядѣлъ на Маташича, уповая, что наконецъ то правдивымъ повѣствованіемъ своимъ смягчилъ его сердце.

И, дѣйствительно, въ Маташичѣ происходила борьба. То, что онъ услышалъ,—это уже не капризъ, не легкое раскаяніе въ женщинѣ, не чувствующей никогда глубоко, это уже подвигъ, жертвенный подвигъ! Да, жертвенный ибо, поступая такъ, она одинъ за другимъ, сжигала всѣ свои корабли.

И, торжествуя побѣду, Самолевскій спросилъ:

— Теперь вы возьмете назадъ свое рѣшеніе? Теперь я могу пойти за ней и привести сюда?

— Нѣтъ! Я убѣдительно прошу васъ не дѣлать этого! — молвилъ Маташичъ, успѣвшій овладѣть собою.

— Но, какъ же такъ? Послѣ всего, что вы узнали?

— Да! Я очень тронутъ благороднымъ порывомъ госпожи Ирры Паэнъ. Она искупила свою вину передо мною, словъ нѣтъ, но... видѣть ее не хочу... не хочу и не могу!

— Я васъ понимаю. Рана такъ еще свѣжа... Но черезъ нѣсколько дней, черезъ мѣсяцъ? Когда все уляжется?

— Никогда. Слышите? Никогда! Я васъ прошу, дайте мнѣ слово, больше не возвращаться къ этому...

56. Ирра Паэнъ будетъ бороться.

Порфиріо Самолевскій былъ прекрасный агентъ, но совсѣмъ не дипломатъ въ сердечныхъ дѣлахъ. Да и, вообще, это посредничество между Маташичемъ и Паэнъ было въ тягость ему. Онъ весьма предпочелъ бы охотиться за дюжиной самыхъ опасныхъ контрабандистовъ и большевиковъ, чѣмъ принимать участіе въ переговорахъ, подобнымъ собесѣдованію съ Маташичемъ. Нѣтъ, положительно въ Главноуговаривающіе, онъ совсѣмъ не годится. Для этого нужно быть тѣмъ, „который получаетъ пощечины“, то—есть Керенскимъ.

Мучительны были минуты, проведенныя въ палатѣ—кельѣ, но самое мучительное было впереди. Это,—объясненіе, съ ожидавшей его Иррой Паэнъ. Сказать все, сказать правду, была бы черезмѣрная жестокость. А, что-то сказать—надо. Вотъ положеніе, прости Господи!

Ирра Паэнъ занимала комнату въ небольшомъ, итальянскомъ альберго съ каменнымъ поломъ, стариной обстановкою и вѣтхими стѣнами. Надъ входомъ въ альберго красовался барельфъ съ изображеніемъ льва Св. Марка.

Послѣ шумныхъ отелей съ послѣднимъ словомъ окомь-

форта, съ международной толпою, лифтами, барама, джазъ-бандомъ, Ирра Паэнъ чувствовала бы себя хорошо и спокойно въ этомъ альберго съ видомъ на завороженную бухту, если бы въ душѣ ея были миръ и покой. О счастливой, раздѣляемой любви—нечего и говорить! Это было ло бы такое чарующее, живописное гнѣздышко для влюбленныхъ!,...

Самолевскій еще на полпути старался сдѣлать соотвѣтствующее лицо. Надо быть веселымъ и безпечнымъ, какъ если бы все обстояло благополучно,

Но, при всѣхъ талантахъ великолѣпнаго Порфиріо, онъ былъ плохимъ актеромъ. Едва онъ вошелъ, едва Ирра увидѣла его, у нея вырвалось:

— Ему очень плохо? Не томите меня! Вы ему сказали, что я здѣсь? Онъ не желаетъ меня видѣть? Да?! Говорите же!

Она быстро подошла къ Самолевскому, засматривая въ глаза съ невыразимой тоскою.

— Честное слово, мадамъ, вы ошиблись... И выглядитъ онъ молодцомъ, и съ чего вы наконецъ, взяли. что графъ не желаетъ васъ видѣть? Когда это вовсе не такъ! Наоборотъ, я сказалъ бы даже, что...—и запутавшись, проклиная себя и свою миссію, онъ умолкъ. Ахъ, зачѣмъ эта изящная дама не контрабандистъ Алоисъ Кноръ и не большевистскій комиссаръ Чайкинъ? Съ ними было бы гораздо легче...

— Значитъ, я могу пойти къ нему сейчасъ? Да? Когда онъ узнаетъ все, онъ... пойдемъ вмѣстѣ сейчасъ же...

Куда дѣвалась прежняя Паэнъ, выдержкой своей изумлявшая самыхъ сильныхъ, самыхъ волевыхъ мужчинъ? О, тогда она была неуязвима тѣмъ, что никого не любила, а теперь, теперь передъ Самолевскимъ стояла женщина растерянная, любящая, попавшая въ плѣнъ къ своему чувству и поэтому—слабая.

Она торопила его, а онъ... онъ мучительно хотѣлъ провалиться сквозь землю.

— Видите, мадамъ, собственно говоря... Я васъ не совсѣмъ понялъ... Или, нѣтъ!.. Вы не совсѣмъ меня поняли... Конечно, графу значительно лучше, но знаете, этотъ главный врачъ...

— Но вы говорили ему, что я здѣсь и хочу его видѣть? — перебила Паэнъ. — Говорили? Отвѣчайте прямо!

— Да я и такъ отвѣчаю прямо...

— Нѣтъ, нѣтъ... Самолевскій, вы что-то скрываете,

лучше самая жестокая правда, чѣмъ ложь. — Голосъ ея окрѣпъ, и она уже почти владѣла собою.

Онъ молчалъ.

— Самолевскій! — послѣдовалъ властный окрикъ.

— Мадамъ, я долженъ сказать правду. У него нервы такъ, понимаете ли, расшатаны, что если онъ васъ увидитъ, я не ручаюсь за него, т. е. онъ за себя не ручается...

— Кто же, наконецъ, изъ васъ двоихъ не ручается? Вы, или онъ? — вышла изъ терпѣнія Паэнъ, уже окончательно овладѣвшая собою, и, какъ всегда, такая властная.

Убѣдившись, что увертками ничего не достигнешь, Самолевскій рѣшилъ, — будь, что будетъ, — идти на проломъ.

— Ну, ладно! Только вы уже не сердитесь на меня... Видитъ Богъ, я старался и такъ и этакъ... Я ему все разсказалъ... И какъ вы платили Тиртцскѣ, и что было съ Армфельдомъ, и про Бѣлградъ, все. А онъ...

— Что же онъ, что? Не тяните!

— Оръ страшно вамъ признателенъ за всѣ эти хлопоты. Сказалъ, что не забудетъ до самой смерти. Но сейчасъ, вотъ именно сейчасъ, ему было бы тяжело встрѣтиться съ вами...

Пожалуй, самому Порфирію тяжелѣе было довести до конца отчетъ въ своей дипломатической миссіи. Но, слава Богу, самое главное позади. Онъ очутился въ положеніи тонувшаго, который уже нащупывалъ подъ ногами твердое дно.

И, отдышавшись, онъ вытеръ платкомъ вспотѣвшее лицо.

Ирра Паэнъ все еще стояла передъ нимъ замкнутая, неподвижная, и только синія молніи глазъ, устремленныхъ куда-то, да тонкіе пальцы, комкавшіе батистовый платочекъ, да пожалуй еще не совсѣмъ спокойная линія губъ, говорили о глубинѣ переживаній. И, кромѣ этого, угадывалась еще рѣшимость. Она не уступить. Она будетъ бороться за свое счастье...

Она только спросила:

— Скажите мнѣ честно и прямо,—физически онъ поправляется?

— Честнымъ словомъ своимъ, увѣряю васъ, что графъ, почти здоровъ. Ну, конечно похудѣлъ, конечно блѣдность, силы еще не вернулись, а только, это вопросъ, ну, ска-

жемъ недѣли еще, не больше!.. Я вамъ больше не нуженъ, мадамъ?

— Пока нѣтъ. Очень, очень вамъ благодарна!

— Я сдѣлалъ все что могъ...

— Увѣрена! За это и благодарю. Въ свою очередь всегда очень рада быть вамъ полезной.

Выйдя изъ альберго, Самолевскій остановился, и вдыхая густой, насыщенный моремъ, воздухъ, съ минуту обмахивался шляпой, хотя, подъ уже весеннимъ, далматинскимъ небомъ,—въ февралѣ здѣсь весна, — было менѣе всего жарко. Слава тебѣ Господи, гора съ плечъ свалилась!

Уфъ!—и у него такъ естественно вышло это „уфъ". Съ одной стороны лестно, что онъ является, какъ-бы участникомъ тайны между Маташичемъ и Иррой Паэнъ. Какъ бы посредникомъ въ сердечныхъ дѣлахъ, этой женщины, такой шикарной, такой знаменитой, обвѣянной жуткой, притягивающей легендою!

Все это, словъ нѣтъ, весьма щекочетъ самолюбіе и, многимъ желательно было бы очутиться на мѣстѣ его, Порфиріо...

А, съ другой стороны, ему пришлось пережить нѣсколько непріятныхъ моментовъ и въ русскомъ госпиталѣ, и въ итальянскомъ альберго съ барельефомъ льва Св. Марка надъ фронтономъ.

Еще немного, и Самолевскій съ эгоизмомъ любящаго и любимаго позабылъ обо всемъ этомъ.

Да и окружающее помогло забыть, такъ величественна, прекрасна была богатая природа этого живописнаго уголка, единственнаго, пожалуй, во всей Европѣ. Единственнаго, ибо гдѣ еще глядится съ такой страшной высоты въ зеркало тихихъ, недвижимыхъ водъ, снѣговыми вершинами своими, Ловченъ, этотъ сначала Синай южныхъ славянъ, а потомъ ихъ Голгофа, когда неприступный, гордый Ловченъ былъ проданъ австрійцамъ за десять милліоновъ кронъ, и швабскіе солдаты овладѣли недосягаемой твердыней...

57. Зауръ-Бекъ разочарованъ.

Самолевскій прошелъ къ набережной съ ея гранитнымъ моломъ. Здѣсь было оживленіе: звонко раздавались голоса, и такими же звонкими перекликами замирали и въ крутыхъ прибрежныхъ скалахъ и тамъ, гдѣ раскинулось кладбище съ темными иголчатыми кипарисами.

Причина оживленія, какъ всегда, событіе для этой „подковы“ прибрежныхъ домиковъ, — только что пришвартовавшійся пароходъ. Онъ шелъ изъ Дураццо съ остановками во всѣхъ Далматинскихъ портахъ. Едва палуба сходнями соединилась съ берегомъ, высыпала на гранитныя плиты группа нашихъ старыхъ знакомцевъ съ Зауръ-Бекомъ во главѣ. Этотъ янычаро-подобный „черкесъ“ былъ радъ Самолевскому, и шумно заключилъ его въ свои объятія.

— Порфиріо! Ты здѣсь? Какими судьбами?

— А ты какими?—вопросомъ же отвѣтилъ Самолевскій.

— Довольно съ насъ! Послужили и будетъ! Мы, свободные кондотьеры и насъ ни чѣмъ не удержишь, если мы сказали—баста! Кто хотѣлъ, тотъ остался, полная свобода, дѣйствій, а мы возвращаемся въ Бѣлградъ. Пароходъ стоитъ два часа, пойдемъ пить вино. Говорятъ, здѣсь такія далматинскія вина, что твой напитокъ боговъ!...

Въ старой, какъ все старое здѣсь, итальянской траттоіи усѣлись подъ низкими сводами. Бѣлое далматинское вино дѣйствительно оказалось, если и не напиткомъ боговъ, то, во всякомъ случаѣ, превосходнымъ, легкимъ на вкусъ, а на самомъ дѣлѣ пріятно-туманящимъ голову.

Послѣ двухъ, трехъ стакановъ забѣгали „мышата“ Абрикосова, самъ онъ разрумянился и былъ похожъ на младенца, сбѣжавшаго съ мыльнаго плаката „Cadum“. Константиновъ пилъ съ грустными, какъ всегда, глазами, и, какъ всегда, былъ меланхоличенъ высокій и длинный Цѣшковскій.

Всѣ, за исключеніемъ Зауръ-Бека, одѣтаго по горски—папаха, кинжалъ, черкеска—были въ штатскомъ. Опереточная гусарская форма личной гвардіи Ахмеда-Зогу, осталась въ далекой,—теперь она уже далекая,—Тиранѣ.

Штатскій Самолевскій не отставалъ отъ военныхъ, воздавая должное предательски легкому вину, жидкимъ, блѣднымъ золотомъ, наполнявшему стаканы.

Но далматинское—далматинскимъ, а дѣло—дѣломъ. Порфиріо никогда не забывавшій, кто онъ по профессіи, жаждалъ узнать, что же такое случилось? Отчего Зауръ-Бекъ со своею группою оставилъ Албанію?

Самъ Зауръ-Бекъ охотно утолялъ жажду любознательнаго Порфиріо.

Жестикулируя, шевеля янычарскими усами, вращая

глазами—чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ горячѣе становился ихъ блескъ,—Зауръ-Бекъ, словоохотливый, какъ всѣ кавказцы, началъ издалека:

— Что насъ потянуло впутаться въ албанскую авантюру? Ни деньги же, чертъ возьми, въ концѣ концовъ! Не эти же наполеоны, которыми Ахмедъ-Зогу сорилъ? Авантюра, авантюрой, жажда сильныхъ впечатлѣній, это само собою. Но это не все, дружище! Была, такъ сказать, еще идея, да, да, идея! Ты не смотри такъ! — сдѣлалъ Зауръ-Бекъ свирѣпое лицо, замѣтивъ, что Самолевскій, прищурившись, подмигивалъ.—Мы опредѣленно знали, понимаешь, опредѣленно, что этотъ совѣтскій сукинъ сынъ и прохвостъ Краковецкій рѣшилъ сдѣлать Албанію своей базою для пропаганды на Балканахъ. Можешь себѣ представить, что это было бы? Ахъ, такъ! Мерзавецъ и сволочь, мы тебѣ покажемъ базу! И у насъ былъ планъ захватить Краковецкаго, повѣсить его, этакъ на полъ часика, а все его золото и всю его валюту использовать для борьбы съ этимъ краснымъ демономъ, борьбы настоящей, въ широкомъ масштабѣ! Ну, ничего не подѣлаешь! Кисметъ. Судилъ иначе Аллахъ. Мы опоздали, и Краковецкій успѣлъ унести свою каторжную голову и свои награбленные милліоны. Затѣмъ въ наши планы входило руководство внѣшней политикой, а не то, по крайней мѣрѣ, давленіе на таковую. Мы пріѣхали изъ Сербіи думали насаждать въ Албаніи сербскую оріентацію...

— Мало ли чего мы не думали? — кротко, меланхолически вздохнулъ Цѣшковскій.

Абрикосовъ съ досадою ударилъ кулакомъ по столу, крѣпко выругался и, спохватившись, что въ тратторіи понимаютъ по сербски, а слѣдовательно понимаютъ его забористое словцо, сконфузился. Этотъ милый, симпатичный скандалистъ и буянъ, по натурѣ своей, былъ весьма чувствительнымъ и деликатнымъ человѣкоаъ.

— Ну, такъ вотъ, — продолжалъ Зауръ, — вначалѣ Ахмедъ-Зогу вполнѣ раздѣлялъ наши упованія... Парень далеко не глупый, понималъ же онъ, что мы шли сажать его не ради прекрасныхъ глазъ господъ итальянцевъ, а во имя нашихъ сербско-славянскихъ симпатій... Но съ первыхъ же шаговъ итальянцы его опутали. Признаться, я и не особенно виню Зогу. Трудно было устоять. Желаешь денегъ, золота — вотъ тебѣ, бери сколько угодно! Почетъ — изволь! А еще больше — самыхъ заманчивыхъ обѣщаній. Но, все это еще ничего бы. Кое-какъ мы помирились

бы съ этимъ, если бы... Видишь, вначалѣ предполагалось, что мы, русскіе, займемся реорганизаціей арміи. Но, вотъ этого-то именно итальянцы и не хотѣли, и боялись, боялись подпустить насъ къ арміи. А тутъ еще конфузъ для нихъ получился, когда полковникъ Барбовичъ, — это надо тебѣ знать, не артиллеристъ, а конфетка! — попадалъ, какъ хотѣлъ, съ закрытыхъ позицій. Не стрѣльба, а ювелирное искусство! Въ батареѣ же итальянскихъ офицеровъ не было ни одного попаданія. Разозлило это ихъ страшно! Возненавидѣли Барбовича, а за компанію и всѣхъ насъ! А какое самомнѣніе при этомъ! Словомъ, атмосфера оказалась насыщенная электричествомъ. Бѣдный Зогу очутился межь двухъ огней. Сердцемъ, конечно, онъ былъ и остался съ нами. Разсудокъ же, разсудокъ диктовалъ держаться италіянцевъ. Мы, часть насъ, рѣшили: дѣлать намъ больше нечего! Да и тоска, въ концѣ концовъ, смертельная. Тирана эта самая—растетъ, обстраивается, но, какъ-никакъ, это же дыра! Охота, правда чудесная. Но, нельзя же охотиться всю жизнь, — усмѣхнулся Зауръ-Бекъ и всѣ кругомъ улыбнулись.

— Вотъ и вся наша эпопея. Но, конечно, я увѣренъ, долго безработными не останемся. Большевики уже на ущербѣ, собачьи дѣти, и скоро по всей Европѣ такой тарарамъ пойдетъ... Скоро и объ насъ вспомнятъ. И заколышатся освобожденныя отъ чехловъ, старыя боевыя знамена.

Держа свой стаканъ, Зауръ-Бекъ поднялся вдругъ, словно распружиненный какой-то посторонней силою.

— Господа, я предлагаю тостъ за наше скорѣйшее возвращеніе въ Россію! Побѣдное съ оружіемъ въ рукахъ и съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и генераломъ Врангелемъ во главѣ! Ура имъ! Ура!

И всѣ повскакивали съ мѣстъ и въ одно эхо слилось:

— Ура! Ура! Ура!

Зауръ-бекъ бросивъ черезъ плечо свой выпитый до дна стаканъ, разбилъ его о каменныя плиты пола. Его примѣру послѣдовали и остальные. Съ особеннымъ удовольствіемъ продѣлалъ это штатскій Порфиріо. Ему льстила дружба съ такими отважными офицерами. Далматинское шумѣло въ головѣ. Захваченный общимъ подъемомъ, густо и горячо покраснѣвшій до бровей, онъ и самъ вообразилъ себя, идущимъ подъ славными знаменами освобождать Россію отъ ея палачей и насильниковъ...

И хозяева и слуги тратторіи были въ смятеніи. Никогда ничего подобнаго имъ еще не приходилось видѣть. А главное, сколько перебито зря стакановъ!

И, словно угадавъ эту мысль, Зауръ-бекъ швырнулъ золотой наполеонъ, подхваченный на лету маленькимъ, высохшимъ, старымъ хозяиномъ.

Эта щедрость страшнаго человѣка, въ невиданной диковинной формѣ, такъ изумила хозяина, что онъ даже попробовалъ золотой на корешкахъ своихъ желтыхъ зубовъ,—не фальшивый-ли?..

58. Двѣ встрѣчи.

На слѣдующій день Самолевскій зашелъ провѣдать Маташича. И не только провѣдать, а еще и лелѣя тайную мысль уговорить его встрѣтиться съ Иррой Паэнъ.

Но, вмѣсто графа, выбѣжалъ къ нему главный врачъ.

— Это безуміе! Да онъ сумасшедшій! Положительно сумасшедшій!

— Кто? — опѣшилъ Порфиріо.

— Да кто же, какъ не этотъ вашъ Маташичъ? Уѣхалъ! Какъ съ цѣпи сорвался! Уѣхалъ!..

— Куда?

— А, почемъ я знаю, — куда? Кажется, въ Бѣлградъ.

— Онъ еще не совсѣмъ здоровъ?

— Онъ совсѣмъ еще не здоровъ! — поправилъ докторъ.

— Какъ же вы его выпустили?

— А, вы попробовали его не выпустить! Будь это сумасшедшій домъ, — совсѣмъ другое! Смирительная рубаха, — и кончено! И никакихъ! А у насъ — не сумасшедшій домъ, а госпиталь, — съ сожалѣніемъ подчеркнулъ главный врачъ.

— Съ чего же это онъ такъ? — спросилъ Самолевскій.

— Говоритъ. — дѣла исключительной важности. Но, такъ ли это? Вообще, я ничего не понимаю!..

— И я тоже, — сознался Порфиріо.

Хотя кое-что онъ понималъ. Понималъ, что Маташичъ бѣжитъ отъ нея, Ирры Паэнъ, вѣрнѣе отъ самого себя.

Такъ поняла и она, Ирра Паэнъ, когда Самолевскій доложилъ ей объ исчезновеніи Маташича.

Какъ женщина чуткая, и женщина, прежде всего, она не могла не торжествовать, сознавая себя побѣдительницею. Пусть условно даже, но — побѣдительницей.

Если бы Маташичъ не колебался, если бы его не одолѣвали сомнѣнія, — такъ стремительно не уѣхалъ бы. Это хорошо, очень хорошо!..

Одно только безпокоило Паэнъ, какъ бы онъ не почувствовалъ себя хуже въ дорогѣ. Слабый, еще не успѣвшій поправиться...

Она высказала это. Самолевскій только плечами повелъ.

— Ничего ему не будетъ! Другому—да! Ему—нѣтъ. Во какой организмъ! И для большей выразительности этого „во", Порфиріо потрясъ сжатымъ кулакомъ.

Спустя два дня, Маташичъ былъ уже далеко отъ живописнѣйшей въ мірѣ Катаррской бухты.

Онъ „обѣдалъ въ пансіонѣ папы Сенютовича." Вѣрнѣе, уже пообѣдалъ, сидя надъ выпитой чашкою кофе и дымя сигарой. Не хотѣлось ни о чемъ думать, не хотѣлось воспринимать ничего, кромѣ чисто зрительныхъ впечатлѣній, мельканія фигуръ, и тѣхъ, кто уходилъ и приходилъ, и тѣхъ, кто сидѣлъ за столиками, и тѣхъ, кто служилъ и подавалъ этимъ сидящимъ.

Всѣ они, и приходившіе и уходившіе, и сидѣвшіе и служившіе были свои, не чужіе. Всѣхъ ихъ онъ зналъ.

Послѣ Армфельда съ его матросами, послѣ дикихъ, свирѣпыхъ албанцевъ, послѣ всѣхъ испытанныхъ ужасовъ, они, эти здѣшніе, были такіе свои, родные...

Вотъ бывшій русскій дипломатъ Чекмаревъ, извѣстный своей начитаноостью, своимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и своимъ исключительнымъ, потрясающимъ аппетитомъ.

Вотъ грузинъ, полковникъ Думбадзе, перевѣшавшій, перестрѣлявшій нѣсколько сотъ коммунистовъ за годы гражданской войны, а сейчасъ—это лихой шофферъ неоднократно оштрафованный за свою бѣшенную ѣзду въ предѣлахъ столицы.

Вотъ адвокатъ Вольпянъ, всегда въ обществѣ интересныхъ женщинъ и самъ интересный мужчина.

Вотъ кельнерша Ася, волоокая греческая богиня. Маташичъ мысленно одѣлъ ее въ бальное платье, закрылъ обнаженное плечо ниспадающимъ горностаевыхъ мѣхомъ и вообразилъ Асю на широкой мраморной лѣстницѣ...

Вотъ другая, болѣе миніатюрная „итальянистая" Елизавета Петровна, съ маленькимъ ртомъ и съ лицомъ Мадонны. Глаза этой Мадонны искрятся бѣсенятами.

А вотъ единственный кельнеръ, въ этомъ женскомъ царствѣ, какъ молодой падишахъ въ гаремѣ,—маленькій, изящный, смуглый, экзотическій Рубенъ, или, какъ всѣ его называютъ, Рубенсъ. Этотъ Рубенсъ обслуживаетъ гостей съ проворствомъ и ловкостью опытнаго итальянскаго камерьере. А, ужъ съ итальянцами слугами никто не можетъ сравниться! Маленькій Рубенсъ любитъ пиво въ большихъ стаканахъ и любитъ украдкою ущипнуть одну изъ одалисокъ своего гарема, за что ему отечески влетаетъ отъ папы Сенютовича, насаждающаго въ своемъ пансіонѣ весьма строгіе нравы...

Черезъ минуту Маташичъ, далеко унесшійся въ своихъ мысляхъ, не видѣлъ уже ни горбоносаго Думбадзе, ни волоокой Аси, ии вертляваго Рубенса.

Сигара погасла и растаяли нѣжныя, голубоватыя струйки дыма...

Ресторанный шумъ и говоръ ничуть не препятствовали самоуглубленію, но Маташичъ, никого не видѣвшій и ничего не слышавшій, возвращенъ былъ къ дѣйствительности самымъ неожиданнымъ образомъ.

Передъ нимъ встала чья-то фигура, заслонившая свѣтъ. Фигура оказалась брюнетомъ, въ земляничномъ костюмѣ. Брюнетъ улыбался, подмигивая однимъ глазомъ.

— Самолевскій!

Маташичъ вздрогнулъ. Кого-кого, Самолевскаго никакъ не ожидалъ.

— Вы?! Какъ вы успѣли?

— Это мой секретъ! А впрочемъ,—никакого секрета! Поѣхалъ за вами первымъ поѣздомъ.

— Вы меня преслѣдуете?—И въ прекрасныхъ, темныхъ глазахъ Маташича зажглись гнѣвныя искорки, тотчасъ же, впрочемъ, погасшія.

— Боже меня сохрани! Я только оберегаю васъ!

— Отъ кого?

— На этотъ разъ—отъ самихъ себя! Ваши нервы еще не въ порядкѣ, и одиночество вамъ, безусловно вредно. Пока!

— Можетъ быть... можетъ быть вы и правы, Самолевскій,—и, сдавивъ рукою лобъ, какъ бы вытѣсняя гнетущія мысли, Маташичъ этой же рукою провелъ по лицу. Потомъ, спросилъ, не совсѣмъ твердо:

— А... эта особа?

— Здѣсь!—Съ вызовомъ отвѣтилъ Самолевскій.

Вновь въ глазахъ Маташича вспыхнули гнѣвныя искры...

— Послушайте, это... это... мнѣ совсѣмъ не нравится! Плохія, очень плохія шутки. Или я опять долженъ куда-то мчаться? А, я хочу покоя, слышите, покоя! Что это въ самомъ дѣлѣ?

— Это,—громко произнесъ Самолевскій, и наклонившись къ Маташичу, тихо, значительно молвилъ, это, ваша судьба, графъ!

— Вздоръ!

— А я вамъ говорю—судьба!..

— А я вамъ говорю—вздоръ!.. И никогда, слышите никогда...

Вмѣстѣ покинувъ ресторанъ, двинулись по направленію къ „Москвѣ".

Былъ ясный, весенній день, хотя еще въ достаточной мѣрѣ, холодный. Но, въ этомъ холодѣ, быть можетъ, послѣднемъ, было что-то упругое, бодрое, обѣщающее тепло и радость. И какъ-то особенно четко звенѣли шаги по асфальту. И такъ же четко мелькали силуэты прохожихъ, и такъ же четко и даже рѣзко пронизывался ясный воздухъ сиренами автомобилей.

— Растетъ Бѣлградъ, и до чего онъ шумный сталъ! А давно ли былъ такой тихій, провинціальный...—замѣтилъ Маташичъ.

Вотъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, знакомая фигура: высокій мужчина, въ кожанной курткѣ и въ мягкой шляпѣ. Хотя и торгуетъ газетами, но газетчикъ случайный. Это Суражевскій, въ прошломъ смоленскій помѣщикъ и офицеръ. Это революція сдѣлала его газетчикомъ, какъ многихъ, подобныхъ ему, сдѣлала шофферами, кельнерами, сапожниками. приказчиками и, кѣмъ и чѣмъ только не сдѣлала?...

Маташичъ, купивъ у Суражевскаго пачку сербскихъ, русскихъ и французскихъ газетъ, вошелъ вмѣстѣ съ Самолевскимъ въ вестибюль „Москвы". Самолевскій хотѣлъ откланяться но, Маташичъ удержалъ его.

— Куда вы? Поднимемся ко мнѣ, я потребую вина. Одиночество мнѣ въ тягость...

Маташичъ взялъ у портье ключъ отъ своего номера, и лифтъ умчалъ его вмѣстѣ съ Порфиріо вверхъ.

Маташичъ открывъ свою дверь, тотчасъ же невольно отпрянулъ. Навстрѣчу поднялась съ кресла Паэнъ, вся въ черномъ, гладкомъ и скромномъ, какъ въ траурѣ.

И, Маташичъ, смѣлый до дерзости человѣкъ, столько игравшей своей головою, почувствовалъ себя такимъ без-

помощнымъ, растеряннымъ. Куда дѣвалась его воля? Какъ хорошо, что онъ взялъ Самолевскаго.

Но Самолевскій сгинулъ, ударившись въ постыдное бѣгство, лишь только увидѣлъ и узналъ Ирру Паэнъ, изъ за плеча Маташича.

А, можетъ это было все предусмотрѣно, и онъ былъ въ заговорѣ съ этой женщиной? Кто знаетъ? Ибо, кто проникнетъ въ душу агента политической полиціи?

Не долго владѣло Маташичемъ малодушіе. Оно смѣнилось тотчасъ же приливомъ рѣшимости и онъ съ окаменѣвшимъ лицомъ твердо вошелъ къ себѣ...

59. Начало исповѣди.

— Какъ вы проникли сюда? — сухо спросилъ Маташичъ.

— Какъ? Не все ли равно? — улыбнулась она странной улыбкой. Было и что-то кроткое и вмѣстѣ рѣшительное. — Не все ли равно? Важно, что я здѣсь, и мы лицомъ къ лицу съ вами...

— Зачѣмъ это? — машинально какъ-то сорвалось съ его губъ.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобъ я могла вамъ высказать все, что хочу, и чего не могу не высказать!

— А затѣмъ? — послѣдовалъ такой же машинальный вопросъ. Маташичъ себя заставлялъ быть такимъ деревяннымъ и безучастнымъ.

— Затѣмъ, затѣмъ Маташичъ—молвила она, съ какой-то накипавшей необыкновенной силой,—затѣмъ, одно изъ двухъ: или мы останемся навсегда вмѣстѣ или такъ же навсегда—разойдемся.

Онъ спросилъ съ дѣланной улыбкой:

— Вы... вы развѣ допускаете возможность перваго?

— Не только допускаю, а и глубоко вѣрю!..

— Это должно быть на чемъ-нибудь основано. Какое же основаніе у васъ? Развѣ то, что я васъ ненавижу! — Трудно было произнести это слово, а потомъ было уже легче повторить. И онъ повторялъ:—ненавижу, ненавижу! — съ такой жестокостью, словно черпалъ въ ней ускользающую твердость.

— Нѣтъ, Маташичъ, вы обманываете сами себя. Вы меня любите. Любите, хотя по отношенію васъ я была дрянной, подлой, отвратительной. Неужели, если бы я не

была въ этомъ убѣждена, я искала бы встрѣчи, преслѣдовала бы васъ? Никогда! У меня хватило бы и гордости и воли уйти, уйти совсѣмъ! Исчезнуть!

Опять онъ улыбнулся, и эта улыбка была еще не искреннѣй.

— Любить? Васъ? За всѣ тѣ страданія?..

— Вотъ, вотъ! За всѣ тѣ страданія, именно!—горячо перебила она.—Это и есть любовь! Она, и только она все прощаетъ!

— Я не могу простить, не могу. Это сильнѣе меня...

— Можете, Маташичъ! Вы уже простили! Въ Катарро я еще сомнѣвалась, но когда вы не захотѣли меня видѣть, я поняла: это не было отвращеніе. Это былъ страхъ. Вы самого себя боялись, и отъ самаго себя поспѣшили бѣжать... Все время происходитъ въ васъ внутренняя борьба. Съ одной стороны васъ неудержимо тянетъ ко мнѣ съ другой—я кажусь вамъ какимъ-то чудовищемъ...

— Чудовищемъ? Это ужъ слишкомъ!

— Ну, если и не совсѣмъ, чѣмъ-то вродѣ...

У всякаго человѣка есть двѣ жизни: показная, которую видятъ всѣ и своя, глубоко запрятанная. Показная Ирры Паэнъ такъ ясна. Ее не надо и расшифровывать. Полуавантюристка, полу-международный политическій агентъ. Холодна, какъ ледъ, безсердечна, неспособна увлечься и если у нея и были романы, то—дѣловые, разсудочные. Сознайтесь, и вы были такого же мнѣнія? А, можетъ быть думаете такъ и теперь? Я не хочу, чтобы меня жалѣли, щадили... Тѣмъ болѣе—вы! Правду Маташичъ! Только правду! Будьте же самимъ собою!

— А, развѣ я...

— Да, да! Вы надѣли на себя маску, фальшивую маску, и она тяготитъ васъ. Сбросьте ее...

— На этотъ разъ ваша проницательность измѣнила вамъ,—неувѣренно молвилъ онъ.

— Посмотрите на свое лицо! Вслушайтесь въ свой голосъ. Они выдаютъ васъ. Но я одного желаю,—удѣлите мнѣ четверть часа и выслушайте, послѣ чего, какъ я уже сказала: или навсегда вмѣстѣ, или навсегда врознь!

— Я весь вниманіе, — произнесъ онъ, уже въ душѣ смягчившись, но внѣшне все еще оффиціальный, и — это казалось ему — забронированный. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно мужчины запасаются терпѣніемъ, чувствуя, угадывая, что женщины будутъ утомлять ихъ біографическими подробностями.

— Видите, меня хватаетъ еще иронизировать надъ собою! — И она опять улыбнулась съ тѣмъ же сочетаніемъ кротости, почти молящей, и рѣшительности. — Не желая быть банальной, я совсѣмъ опустила бы даже краткую мою біографію. но вы должны знать, кто я, и что я? Женщины моего типа таинственно не договариваютъ о своемъ отцѣ,—высочайшей особѣ. Непремѣнно высочайшей! На лучшій конецъ—мезаліансъ, на худшій—романъ съ обыкновенной смертной, и — дитя этой неравной любви... Нѣтъ, мой отецъ былъ самый обыкновенный вѣнецъ, а мать моя была самая обыкновенная вѣнка и полны они были самыхъ обыкновенныхъ добродѣтелей вѣнскихъ бюргеровъ. По воскресеньямъ ѣздили на Пратеръ выпить кружку пива, полакомиться сосиськами съ хрѣномъ и послушать тирольцевъ. Я никогда не любила тирольцевъ. Ихъ пѣсни очень хороши, тамъ у себя, въ горахъ, и невыносимо фальшиво рѣжутъ ухо съ подмостковъ...

Да, что же еще любили мои родители? Мать мечтательно вздыхала при звукахъ Штраусовскаго вальса, а отецъ, глубоко штатскій, приходилъ въ восторгъ, видя марширующіе полки съ оркестромъ и тамбуръ-мажоромъ, подхватывающимъ свою булаву. Въ нашей маленькой гостинной висѣлъ портретъ Франца-Іосифа въ бѣломъ мучнистомъ мундирѣ, осѣняемый двумя Маккартовскими вѣерами. Наша фамилія была Штубель. Это вамъ ничего не напоминаетъ? Вамъ австрійскому сербу?

— Штубель... Штубель... Что-то знакомое...

— Я вамъ подскажу: была маленькая танцовщица въ Бургъ-театрѣ, Штубель. На ней женился морганатическимъ бракомъ Эрцгерцогъ Іоганнъ.

— А, какъ же! Эта исторія нашумѣла въ свое время. Эрцгерцогъ Іоганъ послѣ бурной сцены съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, сорвалъ съ себя ордена, и отрекся отъ всѣхъ своихъ привеллегій. Потомъ уѣхалъ на своей яхтѣ въ Южную Америку, и съ тѣхъ поръ безслѣдно исчезъ... Простите, я васъ перебилъ, итакъ?

— Итакъ, мой отецъ былъ роднымъ братомъ маленькой танцовщицы Штубель. До того, какъ она стала женою эрцгерцога, мой отецъ служилъ небольшимъ чиновникомъ придворнаго вѣдомства. Но, послѣ „скандала“, былъ уволенъ, хотя и съ удвоенной пенсіей.

— Значитъ, вы племянница той знаменитой Штубель? Интересно, очень интересно... — подхватилъ Маташичъ, уже почти совсѣмъ оттаявшій.

— Мнѣ было семнадцать лѣтъ. Я только что окончила пансіонъ, когда въ нашемъ домѣ началъ бывать блестящій капитанъ князь Куза, помощникъ румынскаго военнаго агента. Онъ былъ человѣкомъ другого общества и моимъ родителямъ было весьма лестно принимать такого аристократа... — Ирра Паэнъ не улыбнулась, но ея голосъ звучалъ ироніей.

— Могу себѣ представить, какой вы были очаровательной дѣвушкой?

— Да, я была хорошенькой, — просто согласилась она. — Мужчины уже не давали мнѣ проходу, когда мнѣ было только двѣнадцать лѣтъ. Я сознавала силу своей внѣшности, и это меня портило, дѣлая старше своихъ лѣтъ... Я по цѣлымъ часамъ не отходила отъ зеркала...

Чуть-ли не послѣ второго визита капитанъ Куза сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Онъ былъ больше, чѣмъ вдвое старше меня, и былъ поношенный, пожившій и полысѣвшій, но былъ еще красивъ. Тогда онъ мнѣ казался красавцемъ, и я не замѣчала ни его лысины, ни его поношенности, ни его подкрашенныхъ усовъ. Онъ вскружилъ мнѣ голову, и самъ по себѣ и тѣми перспективами, какія сулило это замужество. Высшій свѣтъ, балы... А мнѣ такъ хотѣлось блистать, и такъ надоѣлъ воскресный Пратеръ съ его тирольцами, и его сосисками на бумажныхъ тарелкахъ. Случилось то, что должно было случиться...

— И вы попали въ большой свѣтъ?

Ирра Паэнъ покачала головой.

— Это было очень не долго. Мой мужъ не былъ богатъ. Онъ добывалъ средства, счастливо играя въ карты. Въ одномъ изъ клубовъ его поймали въ нечистой игрѣ. Ударили по лицу. Онъ долженъ былъ снять мундиръ. Насъ перестали принимать въ хорошихъ домахъ. Онъ опускался, сдѣлавшись уже профессіональнымъ шулеромъ. Я возненавидѣла его и вмѣстѣ съ этимъ возненавидѣла, вообще, всѣхъ мужчинъ, жадно искавшихъ не меня, не моей души, а моего тѣла. А тутъ еще мужъ вздумалъ торговать мною. Это ужъ былъ сплошной адъ...

—... И и... торговалъ?—спросилъ Маташичъ съ пересохшимъ ртомъ.

— Нѣтъ! Онъ встрѣтилъ съ моей стороны неодолимое упрямство. Желая сломить меня, онъ осыпалъ меня бранью, побоями, не давалъ ѣсть, запиралъ одну въ комнатѣ. Ему все казалось, что я имѣю любовника, и потому не желаю торговать собою...

— Негодяй!—воскликнулъ Маташичъ.—И долго длился этотъ кошмаръ?

— Восемь лѣтъ! Цѣлыхъ восемь лѣтъ!

— Какъ же вы могли терпѣть? Вы? Съ вашей энергіей, самостоятельностью?

— Тогда я еще не была ни энергичной, ни самостоятельной. Все это пришло впослѣдствіи, значительно позже...

— Да, но вы могли потребовать разводъ? Уйти, убѣжать?

— Я и пыталась... Но всегда онъ черезъ полицію возвращалъ меня къ себѣ, на законномъ основаніи. Развестись же не хотѣлъ ни за что! Я же, какой угодно цѣною готова была купить свою свободу. Я безумно любила жизнь, но иногда мной овладѣвало отчаяніе—выходъ я видѣла только въ самоубійствѣ. Но вотъ появился на моемъ пути человѣкъ... Эго знакомство дало мнѣ свободу...

— Это былъ вашъ любовникъ?—спросилъ Маташичъ, тяжело дыша и такъ же сухо стало у него во рту, какъ это было только что... Онъ поймалъ на себѣ счастливый, торжествующій взглядъ Ирры.

Этотъ взглядъ сказалъ: ты меня ревнуешь къ прошлому? Значитъ: любишь, любишь?

А, губы ея сказали:

— Нѣтъ. Онъ моимъ любовникомъ никогда не былъ. Это было чисто коммерческое дѣло.

— Не понимаю,—какъ то поежился въ своемъ креслѣ Маташичъ, не довѣряя и все еще ревнуя.

— Сейчасъ поймете!—съ наставительной мягкостью молвила Паэнъ. Моя профессія научила меня лгать, сдѣлала актрисой, но съ вами... Съ вами Маташичъ, я никогда не унизилась бы до лжи. Съ вами я могу и хочу позволить себѣ роскошь быть откровенной. Неужели, вы думаете, я утаила бы отъ васъ, будь у меня даже нѣсколько ихъ, любовниковъ? Ваше чувство безконечно дорого мнѣ, но если-бы мое прошлое, то прошлое, которое вы подразумѣваете, могло поколебать ваше чувство, погасить его—такого чувства, не надо мнѣ! Потому что я усумнилась бы въ васъ...

— Простите меня, я не знаю самъ, что говорю...

60. Окончаніе исповѣди.

— Это былъ военный, германскій агентъ полковникъ, графъ Альвенсебенъ

Онъ имѣлъ большой успѣхъ, этотъ нѣмецъ, скорѣе похожій на англичанина. Брилъ усы, и, какъ никто въ Бухарестѣ, носилъ монокль...

Томимый нетерпѣніемъ, Маташичъ жаждалъ поскорѣе узнать дальнѣйшее и досадовалъ на подробности, хотя и сознавая, что, ужъ такова манера ея описывать, законченно рисуя, и нельзя ее прерывать и торопить.

Паэнъ продолжала:

— Альвенслебенъ искалъ моего общества. Вначалѣ, это ввело меня въ заблужденіе. Я думала, этотъ баловень женщинъ—о его романахъ и въ высшемъ мѣстномъ обществѣ и среди дамъ дипломатическаго корпуса, говорилъ весь Бухарестъ—ищетъ побѣды, легкой побѣды надъ женою деклассированнаго румынскаго офицера. И, я уже не сомнѣвалась въ этомъ, когда Альвенслебенъ назначилъ мнѣ свиданіе въ своей конспиративной квартирѣ. Я еще не успѣла отвѣтить, но, вѣроятно, мое гнѣвное лицо было краснорѣчивѣй всякихъ отвѣтовъ. Онъ съ учтивымъ поклономъ, не спѣша, вынулъ изъ глаза стеклышко.

— О, madame, ваше подозрѣніе... Я такъ далекъ отъ всякихъ двусмысленныхъ... Скажу въ трехъ словахъ: я, какъ старшій братъ хотѣлъ бы содѣйствовать... я знаю, ваша жизнь не легка. Вы умны, даровиты, изящны, и могли бы самостоятельно завоевывать жизнь. Вѣрьте моему слову, дворянина и германскаго офицера, проведя со мною часокъ, съ глазу на глазъ, вы не только не рискуете вашимъ добрымъ именемъ, а, наоборотъ, передъ вами откроется новое будущее,—откроются такіе широкіе горизонты...

Онъ убѣдилъ меня, однако же, на всякій случай, идя на конспиративную квартиру, я взяла съ собою револьверъ.

Альвенслебенъ встрѣтилъ меня подчеркнуто сухо, рѣшивъ съ первыхъ же шаговъ разсѣять мои сомнѣнія и вести все въ дѣловой плоскости. Мое посѣщеніе походило на визитъ къ адвокату, нотаріусу и,—я вскорѣ это узнала,—шефу густой сѣти шпіоновъ, разсыпанныхъ по всему Балканскому полуострову...

Альвенслебенъ предложилъ мнѣ конфектъ, вина, а самъ попросилъ разрѣшенія выкурить сигару, подчеркнувъ этимъ, что видитъ во мнѣ женщину общества, женщину своего круга. Надо признаться, онъ весьма тонко игралъ комедію. Затѣмъ, не щадя красокъ, описалъ всю ботезрадность моего положенія.

— Вы погибнете! Вамъ необходимо уйти отъ этого человѣка.

— Уйти?—спросила я,—онъ вернетъ меня съ полицейскими. О разводѣ же, думать нечего!

— Напрасно! Мы въ сорокъ восемь часовъ разведемъ васъ!

Мнѣ казалось, что Альвенслебенъ издѣвается надо мною. Но онъ былъ такъ сухъ, такъ оффиціально корректенъ.

— Да, да, вашъ почтенный супругъ въ моихъ рукахъ!.. Стоитъ мнѣ протелеграфировать кое-куда и его надолго упрячутъ...

— О, если это такъ, спасите меня полковникъ! — взмолилась я.

— Охотно, сударыня, охотно... Сочту своимъ пріятнымъ долгомъ, но, вы знаете, въ нашъ вѣкъ ничего ради прекрасныхъ глазъ не дѣлаютъ. Даже ради такихъ прекрасныхъ, какъ ваши...

— Чего же вы требуете?—И вновь безпокойство овладѣло мною.

— Живите открыто, переѣзжайте съ мѣста на мѣсто, одѣвайтесь въ лучшихъ парижскихъ домахъ, на все это мы вамъ дадимъ большія деньги! Вы ни въ чемъ не будете нуждаться...

— Но за что же это все, полковникъ? Что я должна дѣлать? Какъ и кому я должна служить?

Онъ улыбнулся, улыбнулся впервые за все это rendez vous съ глазу на глазъ.

— Надо имѣть глаза и уши. Обладать памятью, а то, чего память не удержитъ, записывать шифромъ. Надо имѣть общее понятіе о военномъ дѣлѣ... Но это пустяки... Мѣсяцъ какой-нибудь я позанимаюсь съ вами и вы схватите сущность. Остальное придетъ путемъ любознательности и опыта...

У меня вырвалось:

— Вы хотите изъ меня сдѣлать шпіонку?

— Ничуть! — спокойно отвѣтилъ Альвенслебенъ.

И, вообще, мой вамъ совѣтъ: поменьше рѣзкости и и побольше полу тоновъ. Шпіонъ, шпіонка... Зачѣмъ эти слова? Онѣ вульгарны, онѣ отпугиваютъ! Вы будете чиновникомъ политическаго отдѣла нашего генеральнаго штаба. Но прежде чѣмъ мы съ вами покончимъ, а мы съ вами несомнѣнно покончимъ, вы дадите слово хранить въ глубокой тайнѣ все, рѣшительно все, начиная съ нашей сегодняшней бесѣды?

— И вы дали слово? И поступили на службу къ полковнику Альвенслебенъ? — глухо спросилъ Маташичъ. — Когда это было?

— Въ началѣ 1912 года.

— Какъ разъ наканунѣ первой Балканской войны! Имъ тогда понадобились спѣшныя информаціи о политическихъ и военныхъ настроеніяхъ Сербіи, Болгаріи и Греціи. Они были увѣрены, что турки разнесутъ вдребезги направленную противъ нихъ коалицію. Какъ жестоко ошибся хваленый германскій штабъ... Да, вы что-то хотѣли сказать?

— Отвѣтить на вашъ вопросъ. Дала слово, и поступила на службу. Всякая другая въ моемъ положеніи сдѣлала бы такъ же. Или прозябать всю жизнь съ ненавистнымъ супругомъ-шуллеромъ, терпѣть издѣвательства и побои, баррикадировать на ночь свою спальню, или: независимость, средства, блескъ, смѣна яркихъ, волнующихъ впечатлѣній. Неужели у васъ хватитъ меня осудить? Неужели? — и она съ тоскою ждала отвѣтъ.

— Осудить? Нѣтъ! Хотя... но, нѣтъ, нѣтъ, вы правы! Да и кромѣ того, вы, австріячка, и не должны были измѣнять своей Родинѣ. Имѣйте въ виду—поспѣшилъ Маташичъ, — я не оправдываю васъ, ибо платный агентъ и шпіонъ, если онъ не служитъ только своему отечеству... вы меня понимаете? Но, смягчающія обстоятельства найти можно, и онѣ въ данномъ случаѣ на лицо. Вы правы! Не было иного выхода!.. Дальше? Дальше Ирра Паэнъ! Кто вамъ выбралъ этотъ псевдонимъ? Альвенслебенъ?

— Онъ! Вы спрашиваете — дальше? Но, дальнѣйшее вы сами знаете. И все это такъ тяжело вспоминать, такъ тяжело,—и поникнувъ головою, Ирра Паэнъ затихла.

Молчалъ и Маташичъ.

И ему и ей было о чемъ подумать и помолчать. Какъ быть можетъ никогда еще въ жизни. И они сидѣли неподвижно, обволакиваемые тихими, весенними сумерками. Въ нихъ, въ этихъ сумеркахъ, была щемяще — сладостная тоска, въ отличіе отъ осеннихъ сумерокъ, — безотрадныхъ и скучныхъ.

Маташичъ первымъ вспугнулъ затаившееся безмолвіе, подсѣвъ къ Иррѣ Паэнъ и коснувшись ея руки.

— Не оглядывайтесь на прошлое... Зачѣмъ? Не надо! Живите настоящимъ и будущимъ, вы сами сказали: теперь у васъ есть для кого жить.

— Жить для кого-нибудь, какое это счастье, какое

блаженство! — точно въ забытьѣ молвила Ирра. — Становишься другою, лучшею, перерождаешься, а прежде, прежде?.. Я пыталась обманывать самое себя, даже выработалась какая-то рисовка... Правда, за мною осталась репутація дѣловой женщины, сухой, разсудочной и я сама всѣмъ своимъ поведеніемъ подогрѣвала эту репутацію. Боже, какъ все это холодно и пусто было! Порою такъ сжималось сердце... Но этого никто не зналъ, а всѣ знали меня безстрашной авантюристкой, легендарной развѣдчицей, для которой нѣтъ никакихъ дипломатическахъ и политическихъ секретовъ. И такъ было до встрѣчи съ вами на площадкѣ Испанской лѣстницы. Эта встрѣча опрокинула все, выбила меня изъ колеи, нарушила покой, пусть даже разсудочный, самовнушенный. Я полюбила васъ и за это самое возненавидѣла. Внушала себѣ, что ненавижу. Какое-то безуміе овладѣло мною... Да безуміе! Только этимъ, развѣ, можно объяснить случившееся тогда въ Тиранѣ. Вы были у меня въ комнатѣ. Казалось, что-то незамѣтное, почти неуловимое съ обѣихъ сторонъ, и наши руки, наши губы встрѣтились бы... Но, вмѣсто этого, какой то дьяволъ меня толкнулъ вызвать по телефону Тиртцску съ жандармами, а потомъ... потомъ, я обезумѣла уже по настоящему... Маташичъ, клянусь вамъ, клянусь моимъ чувствомъ—голосъ ея зазвенѣлъ глубокимъ проникновеніемъ—„я не пережила бы вашей гибели! Но, видно, мое желаніе спасти васъ было такъ велико, такъ жгуче, что вы остались жить. Вопреки возможностямъ, вопреки всему... И скажите послѣ этаго, что любовь не способна творить чудеса? А, можетъ быть, такъ и надо было? Можетъ быть, счастье тогда и цѣнно, когда выстрадано съ обѣихъ сторонъ. Какая цѣна была бы ослѣпительнымъ брилліантамъ, если бы ихъ не приходилось добывать изъ нѣдръ земли, а если бы стоило только нагнуться, чтобъ поднимать ихъ, какъ поднимаютъ прибрежные камешки?

Послѣдніе слова были произнесены тихо, и... совсѣмъ замерли. А, въ комнатѣ уже темнѣе и гуще мракъ, и съ трудомъ можно угадывать лица. Силуэты смѣнились неясными формами...

Маташичъ, молча, взялъ Паэнъ за руку, и молча потянулъ къ себѣ. Ирра встала. Онъ обнялъ ее за талію, и медленно подвелъ къ окну. Они оба смотрѣли туда внизъ на узкую площадь, залитую огнемъ электрическихъ фонарей грохочущую трамваями. Сновала толпа, проносились, гудя сиренами, автомобили.

Сіяли огнями кинематографы. Бурлила жизнь...

Тамъ, внизу, было шумно и людно, а здѣсь—такая тишина... И въ этой тишинѣ, средь этихъ блѣдныхъ, синеватыхъ потемокъ, холодныхъ, впадающихъ въ сиреневую голубоватость, Ирра и Маташичъ такъ невыносимо остро ощущали другъ друга сліяніе своихъ мыслей, душъ, прикосновеній...

Да, они завоевали это право, стоять обнявшись и смотрѣть сверху внизъ, и въ прямомъ и въ переносномъ значеніи слова—на это копашащееся тамъ человѣческое мѣсиво, на эти вспыхивающіе и погасающіе рекламные огни.

Страсть накипала днями, недѣлями, мѣсяцами. Ее душили и гнали прочь, но, властная, покоряющая, она лишь разцвѣтала вмѣстѣ съ сопротивленіемъ...

И горячій, какъ въ пустынѣ, вихрь взметнулъ, закружилъ и увлекъ обоихъ...

Хищнымъ движеніемъ — въ такіе моменты мужчина всегда хищникъ — — охвативъ Ирру одною рукою за талію, другою взявъ подбородокъ, Маташичъ впился губами въ сухія, полуоткрытыя губы ея...

И этотъ первый поцѣлуй ихъ былъ нестерпимо блаженный, какъ вѣчность, вѣчный, — какъ блаженство...

И они уже не видѣли огней, не слышали шумовъ улицы, хаотически сливавшихся, ничего не видѣли и не слышали...

61. Зауръ-Бекъ лицомъ въ грязь не ударитъ.

Появился Зауръ-Бекъ на Бѣлградскомъ горизонтѣ. Самолевскій былъ почти неразлученъ съ нимъ. Совмѣстные обѣды и ужины. Много пили, такъ много, что выпили даже на „ты“.

— А знаешь, — сказалъ однажды Порфиріо, — я хотѣлъ бы изучить боксъ!

— Зачѣмъ? Ты и такъ здоровъ, какъ буйволъ.

— Всѣ европейскіе детективы знаютъ боксъ.

— А, такъ тебѣ захотѣлось быть европейскимъ детективомъ? Что жъ, всякое лишнее знаніе только на пользу человѣку,—философски замѣтилъ ингушъ. — А у кого же ты будешь учиться этому академическому мордобитію?

— Въ томъ-то и вопросъ,—у кого?

— Есть! воскликнулъ Зауръ-Бекъ, я уже нашелъ тебѣ профессора! Доволенъ будешь!

— У кого?

— Асѣева.

— Михалъ Михайловича? Да, развѣ онъ...

— А ты не зналъ? Посмотри, одна фигура чего стоитъ! Такой другой въ Бѣлградѣ, пожалуй, не сыщешь. А мускулы? Въ Парижѣ любительскій чемпіонатъ взялъ! И вотъ что значитъ спортсмэнъ: богатѣйшій фабрикантъ былъ, а теперь и лавку держитъ и платье самъ кроитъ. Рыбинскаго, Николай Захаровича, знаешь?

— Грамотный, слава Богу! Суражевскій мнѣ каждый вечеръ „Новое Время“ поставляетъ. На перо этотъ человѣкъ весьма острый!..

— И на языкъ тоже! Такъ вотъ, онъ про Асѣева говоритъ: „На него глядя, въ эмиграцію вѣрю“.

— А я?—ухмыльнулся Порфиріо.

— И ты! И на тебя глядя повѣришь въ эмиграцію.

Самолевскій пошелъ къ Асѣеву, въ магазинъ „Русскій дуканъ“, и такъ какъ боксъ не имѣлъ ничего общаго съ торговлей, Асѣевъ, дѣйствительно великолѣпно сложенный блондинъ, пригласилъ Самолевскаго въ комнату, прилегавшую къ магазину.

Здѣсь на стѣнѣ, висѣло нѣсколько паръ желтыхъ боксерскихъ перчатокъ. Самолевскій покосился на нихъ. Съ непривычки онѣ казались ему чѣмъ-то страшнымъ...

Асѣевъ, опытнымъ, прицѣливающимся взглядомъ осматривалъ съ головы до ногъ, сквозь стекла пенснэ, будущаго ученика своего.

— Вообще, я не даю уроковъ. Но, съ вами заняться два-три раза въ недѣлю могу. Чемпіона изъ васъ не сдѣлаю, поздно, а что однимъ ударомъ свалите средняго человѣка съ ногъ, за это ручаюсь!

— Я только этого и хочу! — выдалъ скромность своихъ желаній Самолевскій,

Черезъ недѣлю онъ ходилъ съ подбитымъ глазомъ. Но, этотъ благородный, полученный въ тренировкѣ синякъ, его не смущалъ нисколько. Порфиріо даже гордился этимъ лиловымъ фонаремъ, какъ если бы это было посвященіемъ въ рыцари.

А еще черезъ недѣлю, когда синякъ уже началъ сходить, Самолевскій получилъ наконецъ свою премію въ пятьсотъ тысячъ динаръ за поимку Алоиса Кнора въ тяжелой кирасѣ изъ чистаго золота.

Самолевскій почувствовалъ себя Фордомъ, Карнеджи,

и Вандербильдомъ, взятыми вмѣстѣ. О такой „мелочи", какъ Ротшильдъ, онъ и слышать не хотѣлъ...

Этотъ шальной полу-милліонъ не давалъ ему покоя. Менѣе всего хотѣлось положить его на текущій счетъ въ одинъ изъ банковъ. Онъ даже отмахивался отъ собственной виллы, о которой мечталъ, когда не было денегъ...

— Зачѣмъ я буду навязывать себѣ на шею недвижимость, когда навѣрное всѣ скоро поѣдемъ въ Россію...

— Надо закатить шикарный обѣдъ! — сказалъ онъ другу своему Зауру.

— По какому поводу? — спросилъ этотъ ингушъ съ лицомъ янычара.

— Безъ всякаго повода! Хотя нѣтъ, постой... Постой —задумался Порфиріо.—Есть поводъ!...

Маташичъ уѣзжаетъ въ Парижъ съ Иррой Паэнъ. Такъ вотъ, въ честь ихъ отъѣзда.

— Мысль неплохая!—одобрилъ Зауръ-Бекъ,—а у нихъ романъ?

— Во всю!—подмигнулъ Самолевскій.

— Что-жъ, лицомъ въ грязь не ударимъ. Ты, братъ, поручи это мнѣ...

— Я такъ и думалъ. Ты, вѣдь, съ Великими Князьями пріятель былъ.

— Ну пріятель не пріятель, но сиживать за однимъ столомъ съ Ихъ Высочествами не разъ случалось... А на сколько персонъ?

— Я думаю, персонъ, этакъ на двадцать...

— Дамы будутъ?

— Нѣтъ! Знаешь, дамъ не хотѣлось бы .. Только одна Ирра Паэнъ будетъ...

— Твое дѣло...

Зауръ-Бекъ засіялъ всѣми цвѣтами радуги.

— Я имъ покажу классъ!—грозился онъ, свирѣпо вращая глазами.

И, дѣйствительно, показалъ...

Время обѣда назначено было не по мѣстному днемъ, а по петербургски въ семь вечера. Столъ былъ убранъ цвѣтами, а передъ приборомъ Паэнъ стояла изящная хрустальная вазочка съ фіалками изъ Ниццы. Какъ добылъ ихъ Зауръ-Бекъ, это его личный секретъ, или, какъ говорилъ онъ, „секретъ изобрѣтателя."

Втеченіи двухъ подготовительныхъ дней Зауръ-Бекъ муштровалъ лакеевъ. Они ходили у него по ниточкѣ, и

каждый зналъ свою роль, свое мѣсто, каждый понималъ мановеніе бровей этого страшнаго офицера въ черкескѣ.

Порфиріо нахвалиться не могъ.

— Вотъ молодчина! Это я понимаю!..

Оборудованъ былъ отдѣльный столъ съ закуской. Въ ледяной глыбѣ, чистой и прозрачной, свѣтившей какъ-то изнутри опаломъ и перламутромъ, влажно блестѣла зернистая икра.

Въ мельхіоровыхъ ведеркахъ, съ мелко нарубленнымъ льдомъ, стыли бутылки различныхъ сортовъ водокъ, включительно до настоящей „Смирновки". И эта Смирновка — „секретъ изобрѣтателя".

Относительно музыки поднятъ былъ вопросъ.

— Цыганъ?—предложилъ Самолевскій.

— Что ты!—возмутился Зауръ-Бекъ, — цыгане пиликаютъ на своихъ скрипкахъ въ каждой кафанѣ... Такой обѣдъ и вдругъ эти черномазые! Это пахнетъ mauvais genre'омъ.

— Тогда, какъ же?

— А, вотъ какъ! Вотъ какъ, дружище!—воскликнулъ осѣненный вдохновеніемъ Зауръ-бекъ — по-кавалерійски, по нашему, по старо-режимному!.. Хоръ трубачей.

— Прекрасно! А, только, гдѣ же ты возьмешь трубачей?

— Гдѣ? Въ конномъ, Его Величества короля Александра, полку!

— Да-ну?—усумнился Порфиріо,—это невозможно!

— Для царскаго ротмистра Зауръ-бека нѣтъ ничего невозможнаго!

Самолевскій убѣдился въ этомъ. За часъ передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, въ ресторанъ вмѣстѣ съ плотнымъ капельмейстеромъ своимъ, стройными рядами вошли королевскіе трубачи въ доломанахъ, расшитыхъ желтыми шнурами и въ красныхъ чакчирахъ. Вошли, сверкая начищенной мѣдью своихъ инструментовъ.

— Видалъ, мигдалъ?—торжествующе спросилъ Зауръбекъ.

Порфиріо лишь руками развелъ. Трубачами, Зауръ-бекъ окончательно покорилъ его сердце...

А, самъ Зауръ-бекъ уже отдавалъ метръ д'отелю послѣднія распоряженія, какъ вождь начальнику штаба своего передъ генеральнымъ боемъ...

62. Прощальный обѣдъ.

Зауръ-Бекъ все помнилъ и не забылъ ничего. Ничего, до билетиковъ изъ твердаго, бристольскаго картона, включительно, съ именами гостей. Каждый билетикъ вкладывался въ широкій бокалъ, стоявшій рядомъ съ приборомъ. Бѣлоснѣжныя салфетки въ видѣ папскихъ тіаръ, возвышаясь на тарелкахъ, двумя стройными рядами уходили въ перспективу. Мало этого. Четыре массивныхъ, бронзовыхъ канделябра съ пирамидами зажженныхъ свѣчей сообщали столу какой-то особый уютъ, какую-то особую пышность.

Самолевскій, въ порывѣ буйнаго восторга, готовъ былъ задушить въ объятіяхъ Зауръ-Бека.

— Нѣтъ, видно, ты дѣйствительно бывалъ въ обществѣ Великихъ Князей!..

— А ты сомнѣвался? Несчастный я поражу тебя еще сильнѣе! Когда Императоръ, великодушно предавъ забвенію всѣ мои старые грѣхи, произвелъ меня въ корнеты, я удостоился обѣдать съ Его Величествомъ. Это было въ Могилевѣ, въ Государевой Ставкѣ...

Обѣдъ прошелъ оживленно. Маташичъ былъ элегантенъ въ смокингѣ, Ирра Паэнъ была очаровательна въ открытомъ платьѣ. Гости, какъ загипнотизированные, не могли оторвать глазъ отъ ея точеныхъ рукъ и покатыхъ плечъ. Ослѣпительными огнями горѣло колье изъ голубыхъ бриллiантовъ, колье, которое Армфельдъ мѣсяцъ назадъ считалъ уже своимъ.

Хоръ трубачей въ сосѣднемъ кабинетѣ игралъ салонные штраусовскіе вальсы, и все это вмѣстѣ съ пышнымъ столомъ, изысканнымъ меню, тонкими винами и голубыми бриллiантами Ирры Паэнъ, создавало настроеніе того далекаго, минувшаго, когда ни войны, ни революціи не было и въ поминѣ.

Къ концу обѣда Зауръ-Бекъ тайкомъ приберегъ сюрпризъ. Еще за нѣсколько дней трубачи успѣли разучить лезгинку и подъ ея темпераментные, задорные звуки, то по восточному бурные, то по восточному тягучіе, выступилъ танцоромъ-лезгинистомъ самъ Зауръ-Бекъ.

Легкость и ловкость соперничали между собою. Онъ то неслышно, невѣсомо скользилъ, съ поднятыми вровень лица руками, то его ноги въ мягкихъ чувякахъ, выбивали такую мощную дробь,—все дрожало кругомъ. Дрожали

расцвѣченныя радугою хрустальныя подвѣски канделябровъ и люстръ. И не вѣрилось, что Зауръ-Беку за пятьдесятъ. Юноша, юноша полный силъ, огня и порыва! Онъ кружился на мѣстѣ, и его стройная фигура, его шашка, полы черкески, все это сливалось въ одинъ сплошной, мелькающій кругъ...

Охваченный экстазомъ, не прерывая своихъ стремительныхъ движеній, онъ вдругъ открылъ пальбу изъ револьвера, сажая пуля за пулею въ паркетъ. И хотя, синіе огоньки вспыхивали и погасали у самыхъ его ногъ, — ни одна пуля не задѣла.

Звуки выстрѣловъ, кисло-приторный, туманящій голову, запахъ пороха опьянили гостей и Зауръ-Бекъ плясалъ уже въ концѣ подъ несмолкаемые бѣшенные апплодисменты гостей.

Восхищена и ошеломлена была Ирра Паэнъ. Никогда, ничего подобнаго не приходилось видѣть! И, она высказала это, подойдя къ Зауръ-Беку еще не пришедшему въ себя, еще съ буйнымъ горячимъ хмѣлемъ въ глазахъ...

Подобравъ шашку, онъ, какъ рыцарь, опустился на одно колѣно, коснувшись губами руки этой единственной дамы, украсившей обѣдъ.

Она сказала:

— Если вы, кавказскіе горцы, такіе же бойцы, какъ и танцоры, въ чемъ я ни на одинъ мигъ не сомнѣваюсь, вы можете смести большевиковъ.

— Madame, воскресите намъ Дикую дивизію, и мы одни положимъ къ ногамъ будущаго Императора Всероссійскаго и Петербургъ и Москву...

Ирра Паэнъ и Маташичъ удалились, провожаемые Самолевскимъ до автомобиля.

Обѣдъ окончился лишь на разсвѣтѣ. Выпито было еще „море“ шампанскаго.

Черезъ два дня Ирра и Маташичъ уѣхали въ Парижъ.

Бѣлградъ былъ слишкомъ провинціаленъ и не такъ для самихъ Ирры и Маташича, какъ для ихъ чувства. Влюбленнымъ надо или полное одиночество, или большой, большой городъ, гдѣ бы они могли затеряться вмѣстѣ со своей любовью. Въ толпѣ,—ей нѣтъ до тебя никакого дѣла,—одиночество ощущается, пожалуй, еще сильнѣе чѣмъ въ пустынѣ.

Послѣдніе проводы, Самолевскій устроилъ съ такой же пышностью, съ какою былъ устроенъ обѣдъ. Онъ опу-

стощилъ едва-ли не половину цвѣточнаго магазина, превративъ купэ Ирры Паэнъ въ оранжерею.

Парижскій экспрессъ, уже плавно двигался, увозя такъ выстрадавшихъ свое счастье Маташича съ Иррой, и оставляя группу провожавшихъ. Зауръ-Беку хотѣлось по-кавказскому обычаю выстрѣлить нѣсколько разъ въ воздухъ, но Самолевскій успѣлъ схватить его за руку.

— Сумасшедшій! Я вовсе не желаю очутиться вмѣстѣ съ тобою въ апсѣ!

Солнечно и тепло встрѣтилъ влюбленныхъ весенній, сверкающій Парижъ.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ, когда они пересѣкали площадь Согласія, Паэнъ воскликнула:

— Какъ дивно хорошо! Онъ мнѣ кажется улыбкою міра, этотъ волшебный Парижъ! Нѣтъ, все, все волшебное...

На слѣдующее утро, за кофе, имъ были поданы свѣжія газеты. Пробѣгая ихъ, Маташичъ хотѣлъ кое-чѣмъ подѣлиться съ Иррой, но она шаловливо отмахивалась.

— Ненавижу политику! Возненавидѣла! Хочу отдохнуть. Не находишь, развѣ, что я стала совсѣмъ другая?

— Нѣтъ, дорогая, послушай. Напримѣръ, это,.. Очень интересно.

— Не хочу, не хочу, не хочу! — повторяла она, смѣясь, и закрывая уши кончиками бѣлыхъ, тонкихъ пальцевъ.

Смѣялся и Маташичъ. Но, вдругъ, лицо его стало серьезнымъ. Онъ весь такъ и пригнулся къ первой страницѣ „Matin“.

— Что такое? Не можетъ быть! Слушай!

И это лицо и этотъ голосъ? Ирра уже не смѣялась и не закрывала ушей.

— Что, дорогой?

— Сэръ Джемсъ найденъ убитымъ у себя въ палаццо. Армфельдъ исчезъ... Вмѣстѣ съ нимъ исчезли чемоданы сэра Джемса, туго набитые иностранной валютой...

Поблѣднѣвшіе, молча смотрѣли другъ на друга.

Послѣ длительной паузы Маташичъ вымолвилъ:

— Это законъ возмездія.

— По отношенію сэра Джемса?...

— Часъ Армфельда еще не пробилъ, но пробьетъ очень скоро... Можетъ, изъ вечернихъ газетъ мы узнаемъ, что полиція уже схватила его.

— Сэръ Джемсъ найденъ застрѣленнымъ?

— Нѣтъ, задушеннымъ... Сопротивлялся... Слѣды борьбы...

— И этотъ человѣкъ былъ моимъ шефомъ? Как... позоръ!

— Не вспоминай! Вычеркнемъ прошлое навсегда... редъ нами — новая жизнь...

И онъ обнялъ ее, и они подошли вмѣстѣ къ о... какъ это было сумерками, недѣлю назадъ въ Бѣлградѣ.

Ирра прижалась къ Маташичу, касаясь лицомъ его лица... Они смотрѣли на залитую солнцемъ площадь съ иглою обелиска и съ Бурбонскимъ дворцомъ на томъ берегу Сены...

Все вычеркнуть, все забыть. Прошлаго нѣтъ, оно умерло. Начинается новое... Новое, сказочно—прекрасное...

КОНЕЦЪ.

